

Антон Тарабриков

ШИЛО_В

16+

Антон Тарабриков

ШИЛО_В

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64131121

SelfPub; 2021

Аннотация

Крайне субъективное восприятие устройства, функционирования и принципов любого государственного аппарата, а также принципов и мотиваций подавляющего большинства госаппаратчиков. Чрезвычайно теоретичное представление о том, как можно взаимодействовать или противостоять госаппарату. Беспредметные рассуждения о роли и влиянии общества и общественности на экономику и государство.

Антон Тарабриков

ШИЛО_В

Вместо предисловия.

Приветствую на страницах второго по счету сборника субъективных умозаключений в моем исполнении, представленного в качестве некой псевдо художественной книги. По сути, данная «книга» является собранием тех тезисов и мыслей, которые не вошли в мое первое псевдо литературное произведение по названию «”0”-сознание». Собственно, тематика данного сочинения продолжает тематику первой «книги», только не в контексте бизнеса, а в контексте государственно-бюрократического аппарата.

Традиционно, обращаю внимание на следующее:

Цель написания – освобождение места в сознании.

Все персонажи являются собирательными и вымышленными. Любые сходства и совпадения являются «притягиванием за уши» или «играми разума».

Все события являются вымышленными. Любые сходства или совпадения – домыслы.

Все, описанное ниже – абсолютно субъективное восприя-

тие. Автор ни сколько не претендует на истину. Он вообще ни на что не претендует.

Представленное сочинение ни к чему не призывает и не побуждает.

Для экономии вашего драгоценного времени и понимая того, стоит ли его тратить на прочтение данного сочинения, перед первой главой приведен список основных тезисов, передающих основное содержание данной «книги».

Основные тезисы.

«Все всегда стремится к паритету. Правда, далеко не всегда этот паритет достигается.»

«Смысл жизни в том, чтобы найти смысл жизни и сделать ее осмысленной.»

«Для природы мы все равно всего лишь питательная среда – корм.»

«Первично «какой ты»».

«Критерии для делегирования: если не можешь сделать сам; если можешь, но плохо; если справится кто-угодно.»

«Главная забота, при постановке задач – сделать так, чтобы исполнители сделали ровно то, что предписано. И ни на что во время выполнения не отвлекались.»

«Перекосы вредны любые, так как они влияют на надежность, стройность и целостность конструкции.»

«Культура – это база для восприятия.»

«Если нет очевидного решения, которое можно найти за два-три часа, максимум, значит задача сформулирована некорректно, или вообще – нет такой задачи.» (задача для исполнения).

«Не надо реагировать на то, что не стоит реакции.»

«Берем только тех, кто ножками потопал, ручками похлопал и может пальчиком показать, что получилось.»

«Политика это такая топка, что в ней может сгореть все, без остатка. История тому свидетель, как в политике сгорали целые государства.»

«Праздное шатание по различным сходкам и сборищам, не может считаться деятельностью, но многие об этом забывают.»

«Решенная задача должна либо применяться, либо отправляться на поиск лучшего решения. Все остальное бессмысленно, так как, в лучшем случае, речь идет о другой задаче.»

«Все достижения, которые мы имеем – это, всего лишь, чье-то субъективное желание того или иного достижения, а никакая не необходимость.»

«Если постоянно лицемерить, то обязательно запутаешься в том, какой ты по отношению к тому или иному. Прямолинейным быть и проще и понятнее, как для самого себя, так и для других.»

«Чтобы получить, плюс-минус, реальное представление о

конечном результате, нужно ожидания поделить на три и вычесть из этого бестолковость.»

«Культура экономики, прямо определяется и зависит от культуры общества. Да, у экономики есть культура.»

«Если у вас прорыв ради прорыва, то вы рискуете вообще не заметить этого прорыва или достижения.»

«Не надо бороться с тем, что человек от природы эгоцентричен, надо лишь создать условия, при которых столкновения эго не будут фатальными. А еще лучше, чтобы эгоцентризм проявлялся, как можно реже.»

«Массовое сознание формирует среду. Среда формирует частное сознание. Из частных сознаний состоит массовое сознание. Вопрос, где точка отсчета?»

«Человеческий мозг ничто и никогда не заменит. Иногда полезно и субъективное восприятие.»

«При совместном однонаправленном решении задач достигается максимальная продуктивность.»

«Усилия, всегда усилия, интеллектуальные, физические, моральные, материальные, не важно, так как прикладывая одни, ты неизбежно прикладываешь остальные, в противном случае ничего в результате этих усилий не произойдет.»

Глава 1.

Рад, что у нас наконец-то получилось собраться на это большое интервью. Может и не случайно, что удалось это сразу же после исчезновения Авдея Наумовича? Очень ве-

роятно, что к его личности и к его биографии будет дополнительный интерес в связи с этим...

А Вы уже определились в каком формате, или даже, в каком виде будет представлена биография Авдея Наумовича? Очень бы хотелось, чтобы формат и форма соответствовали его масштабу и подчеркивали его нестандартность.

Елена Федоровна, я слышу в Ваших формулировках некие нотки сомнений или даже опасений. Или мне кажется?

Я всего лишь к тому, что очень бы не хотелось, чтобы его продолжали считать тем, кем его выставляют СМИ. Это категорически не так...

Извините, здесь я Вас перебыю, именно в этом и заключается одно из главных назначений книги. А точнее, каким я и многие, хотят видеть чиновника высшего государственно-го уровня. Точнее, если говорить прямо, высшего государственника.

Но договоренность о предварительном прочтении нами, это не отменяет?

Матвей Сергеевич, разумеется. Ведь хочется, чтобы услышали именно вас, тех, кто знал его лично и трудился с ним бок о бок.

Так в том-то и дело, что итоги нашей совместной деятельности, наши слова постоянно перевирали, интерпретировали и вырывали из контекста. В целом, такое положение дел для нас привычно, и даже в чем-то мы понимаем тех, кто это делает. Но в отношении Авдея Наумовича, хотелось бы, чтоб

было все очень щепетильно и корректно.

И это я, по прежнему, вам гарантирую. Написанием и редактированием материала никто, кроме меня, заниматься не будет. Более того, на время написания, никто, кроме меня, не будет иметь даже доступа к любым материалам по этой теме.

Мда, хотелось бы, чтобы так оно и было...

И все же, предлагаю приступить. Тем более, встреча эта наша с вами далеко не единственная. Да и по времени, встречи предполагают быть долгими...

Да, Юрий давайте начнем, с нюансами разберемся по ходу.

Вот Вас, Вадим Максимович я и попрошу начать. Вы, на сколько я знаю, первый, из здесь присутствующих, познакомились с Авдеем Наумовичем?

Да, это так. Только прежде чем начать, еще раз подтверждаю, точнее мы подтверждаем, свою заинтересованность в биографии господина Шилова, а также всестороннюю поддержку всеми доступными, пока еще, нам ресурсами.

За что я вам безмерно благодарен и признателен. И ваши опасения относительно того, что мне будет оказываться серьезное противодействие, как в сборе материалов, так и в самом написании, оказались очень верными. Признаться, я не ожидал, что оно будет таковым, да еще и на всех уровнях. Но это, в свою очередь, также подтверждает правильность наших намерений в написании и публикации его жизнеописания.

сания.

А я, признаться, до сих пор в большом удивлении от того, что Вам удалось дойти до стадии наших интервью. После смены верхов и, как следствие, после координальной смены всех курсов и подходов, должны были задвинуть нас так, чтобы вообще никто не вспомнил. Но, видать, не опасаются они...

Мить, а чего нас опасаться? Мы уже отработанный материал. И вообще, давай вернемся к теме встречи. Кстати, сколько подобных встреч планируется всего?

Вадим Максимович, думаю, не менее десятка, если вас это не затруднит?

О чем Вы, кого ж затруднит вспоминать про его лучшие годы?

Вот и давайте вернемся к этому, а то уже почти полчаса начать не можем. Все около, да около.

Да, Лен, согласен, что-то мы все отклоняемся и отклоняемся...

Ага, скорее уклоняемся...

Юрий, Вы с чего просили начать? С первой встречи и первого впечатления? Давайте все же, начнем чуть шире – с обстановки тогда, чтобы задать нужный контекст и сформировать более полное понимание и представление. Я ни сколько не умоляю Вашего публицистического таланта, просто у меня тоже есть некоторый опыт в написании тех же докладов, поэтому я считаю, что это будет уместным.

Пожалуйста-пожалуйста, тем более у меня это есть в планах.

Тогда про то «как было» начнет Матвей Сергеевич. Мить, давай жги своей «коронкой» – исчерпывающей аналитикой по-существу.

Да чего там, собственно, жечь, это уже история. Сорок лет назад, в две тысячи двести десятых, все было пропитано духом начала нового столетия, а сейчас уже начало конца этого столетия...

Эка, тебя на старости на лирику потянуло. И все же, хотелось бы ближе к конкретике.

Вадим, перехожу, перехожу. Итак, после окончательного перехода на новый уклад – когда отдельный человек, по сути, стал представлять из себя микро-государство, с соответствующими возможностями, вслед за этим начали меняться и институты, как традиционные так и не очень. Но главное – начали появляться новые институты, образования, объекты и субъекты такие, как: самоуправляемые виртуальные клоны, сверхадаптивное образование, супер персонализированная религия, и многое другое. Уже сейчас этот период называют «периодом гиперадаптивности». Но, лично для меня, самым существенным в то время было то, что впервые за всю историю нашего государства не произошло того циклического провала, который предсказывали, прогнозировали и готовились все, в том числе и я. Сейчас-то мы понимаем, почему этого не произошло, просто иссякла база для него.

Но тогда, об этом никто даже не заикался, и все посчитали это очень позитивным моментом, многие даже считали это каким-то прорывом...

Ничего себе прорывчик, если бы не Авдей Наумович, то мы бы сползли в такую ямищу, что все предыдущие циклические провалы показались бы небольшими спадами. Извините, что перебила!

Ничего, Лен. Я к этому выводу и вел. Поэтому так важно, в повествовании о Шилове, начать с положения дел, так сказать. И я продолжу, на волне этого синтетического оптимизма, как водится, начали «надуваться» огромное количество различных «пузырей», но, как я уже отметил, главный «пузырь» был связан именно с тем самым модным концептом «человек – микро-государство». Подавалось это все под «соусом» – наконец-то главный постулат конституции выполняется не на словах, а на деле. И все в этом роде, и все в таком духе. Только вот была одна очень существенная проблема – сознание-то у людей не поменялось. Да, мы достаточно далеко убежали от животных в технологиях, и даже можем подстраивать среду под себя, но в социальном отношении нас отличает только умение разговаривать, а этого маловато, чтобы грамотно распорядится возможностями того самого «концепта». И, во что это вылилось, мы прекрасно видим. Забегая вперед, Авдей Наумович об этом предупреждал, с завидным постоянством.

Не могу не попросить, Матвей Сергеевич, поясните, по-

жалуёйста, во что же это вылилось. А-то знаете, интерпретации, инсинуации... Госсовет считает, что мы «в шоколаде», как никогда.

Без проблем, поясняю. Если коротко, то сформировались три, фактически изолированные друг от друга, социальные макрогруппы: группа «повелителей», группа-масса, группа альтернатив. Это все, конечно, очень условно. Суть в том, что этим группам невозможно ужиться в рамках одной модели, причем неважно какой. Это привело к тому, что «повелители», воспользовавшись пофигизмом масс, заэксплуатировали эти самые массы сверх всякой меры. А альтернативные группы насоздавали отдельные изолированные «островки иной действительности».

А в чем же опасность подобного положения? Вроде все довольны, конфликтов практически нет, каждый сам по себе, у всех есть все, что каждый считает нужным...

Юрий, извините, перебыю. Давайте такой вопрос задам, сколько Вам известно людей, которые могут писать, читать и формулировать многослойные мысли?

Включая вас троих, человек пять-семь.

Вот, а во времена моей молодости, практически все умели читать и писать самостоятельно. К чему же я? Да к тому, что мы в обезьян превращаемся. Ничего не имею против приматов, но, все же, это отдельный биологический вид. Но если говорить чисто о прикладном моменте, все, что сделано, написано и так далее, в общем, действующую модель надо под-

держивать и развивать, раз она устраивает. А кто это делать будет? Машина далеко не все может сделать.

Мить, давай без этих философствований. Юра, еще более наглядный и конкретный пример, пагубности сложившейся действительности – при всех технических и технологических средствах, при обилии информации и материалов со всех сторон, да в конце концов, двадцать третий век на дворе, но мы все-таки встречаемся лично. На какие выводы это наталкивает?

Так, все же зарегулировано, заредактировано так, что до первоисточника никогда не докопаешься. Да и кто из этих самых «повелителей» заинтересован в изложении правдивой информации о деятельности Авдея Наумовича.? Скорее наоборот. Уже говорили об этом...

Была пара-тройка человек, но они, к сожалению, уже отошедшие, во всех смыслах.

Вот именно Лен, уже скоро не останется людей, которые знают, что такое «принадлежать самому себе». На примере Шилова, мы это и зафиксируем, может хоть кто-то очнется.

Вадим, да прекрасно я понимаю для чего все это. Только вот, не уверена я что еще возможно появление людей подобных ему.

А почему нет? Вот и проверим.

Коллеги и друзья, считаю, что мы несколько отклонились, пусть и в рамках общего контекста...

Да-да, Мить, согласен. На чем мы остановились, Юрий?

А, на погружении в две тысячи двести десятые...

Точно, вспомнил... Если коротко, то у верхушки власти и крупного капитала, что единое целое, снесло остатки здравого смысла и реальности на волне того, что в очередную яму не ухнулись. И, как следствие, началось швыряние деньгами с последующим их забором. Проще говоря, прокручивание всех известных схем, как из ничьих денег сделать свои. А поскольку денежные потоки генерировались отовсюду, то все эти бесконечные схемы превратились в одну сплошную вакханалию.

Матвей Сергеевич, не могли бы Вы уточнить, раз уж речь об этом зашла, на чем тогда делались основные деньги, самые существенные капиталы?

На память все не скажу, но самые яркие примеры: производство и использование гелия-3, квантовая техника, все-сторонний человеческий апгрейд и апдейт. Это, пожалуй, самые существенные генераторы денег того времени. Все эти, и им подобные сферы, контролировались государством чуть ли не в монопольном режиме. Почему у Вас такой удивленный вид, Юрий?

Просто сложно сейчас поверить, что антропо-инженерия или гелий-три-технологии были когда-то одним их основных источников дохода целого государства.

А нынешняя энергетика на базе фермионов и кварков, Вас не удивляет?

Так это привычное дело?

А тогда был привычен гелий-3. Топливо – оно всегда топливо.

Давайте я закончу с погружениями в атмосферу начала века...

Да-да, Вадим, пожалуйста.

В общем, главная суть в том, что тогдашние верхи и те, кто был рядом с ними совсем ошалели от объема денег и легкости их получения. На этом фоне и началась публичная история Шилова. Лен, есть что добавить по этой тематике?

Собственно, все исчерпывающе изложено. Один существенный момент, как всегда были те, кто не вписался или не вписывался, по различным причинам, и таковых было не мало. Я бы даже сказала, что таких было существенно больше, чем в среднем по историческим замерам. Я это к чему? К тому, что изменение этого показателя один из самых наглядных способов отражения результатов деятельности Авдея Наумовича.

Да-да, Елена Федоровна, я тоже обратил на это внимание сразу же, и в Ваших аналитических отчетах, и в исходниках, которые выдавали и выдают машины, да даже государственные данные не могут это скрыть.

Вот давайте это и возьмем за отправную точку нашего повествования о Шилове.

Отлично, принимается, с этого и начнем книгу.

И хорошо бы еще, тогдашнюю конфигурацию спайки «власть-экономика-люди» проиллюстрировать, с точки зре-

ния Авдея Наумовича, а нет так, как ее сейчас описывают.

А Вы можете воспроизвести мнение Шилова?

В общих и существенных чертах, да...

Так это же отлично, внимательно слушаю...

А мы, если что, дополним тебя, Мить, я тоже кое-что из его высказывай по этому поводу помню.

Одной из его ключевых мыслей, или даже принципов, было следующее выражение – «Все всегда стремится к паритету». И, при этом всегда добавлял – «Правда, далеко не всегда этот паритет достигается. И вообще, кто знает, в чем выражается этот самый паритет?» А то, что он всегда утверждал и из чего исходил, так это из того, что мы имеем ровно то государство, ту экономику, то окружение, которые заслуживаем. Исходя из этого, как определить положение дел внутри государства? Он делал это достаточно просто: генерация добавленной стоимости по отраслям, количество занятых по отраслям, распределение денег в бюджете, процент частной собственности, распределение денег в личных бюджетах. На основании только этих пяти показателей, он мог дать сверх исчерпывающую характеристику положения дел.

И как же он характеризовал тот период?

Цитирую его, практически дословно: «Когда практически все функционирует по принципу – идем по пути сиюминутной выгоды, пусть даже завтра эта выгода будеткратно больше, сложно ожидать каких-то качественных изменений». Проще говоря, была ситуация всестороннего эксплуа-

тарторства, переходящего в паразитизм, пусть и в цивилизованных формах...

А чем же это отличается от других исторических периодов?

А тем, Юрий, что до этого как-то все ограничивались потребительством и потребительским отношением. А тогда, и, тем более, сейчас это стало эксплуататорством в таких формах, при которых из тебя выжимают вообще все, даже остатки сознательности и самоидентификации. Разве ты это на себе не ощущаешь?

Ощущаю, еще как, просто не думал, что критичным это стало именно тогда.

Не знаю, когда это стало критичным, но заметным это стало именно тогда. Я продолжу...

Мить, погоди, пара ремарок, а-то ты прям жути нагнал, как-будто жить невозможно и вокруг полная безысходность.

Вадим, ну извини, профессиональная привычка – занижать ожидания и омрачать исходные.

Ну так, мы ж уже в отставке...

Не возражаю, добавляй уже, что желаешь.

Ну, во-первых: профессиональные возможности наших сограждан были действительно впечатляющими, как в качестве так и в количестве. Собственно, как и сейчас. Другой вопрос, что тратится и расходуется это все исключительно на низкоуровневое потребление, проще говоря, на бирюльки. Во-вторых: не могу не отметить, что виртуальная или ком-

пьютерная часть у нас была отлажена очень хорошо, особенно, что касалось аналитики, прогнозирования и сценариев.

Вадим, так я это и не оспариваю, с этим у нас всегда было все, более менее, в порядке. Только вот виртуальная часть никогда не сможет полностью заменить реальную, а в реальности рулят люди с уже давно известным набором качеств. В большинстве своем, разумеется. Если бы в верхах были только они, то уже давно бы узаконили рабовладение, как реальное так и виртуальное.

Ладно, ладно, разошелся...

Обидно, просто...

Лен, что-то ты притихла, есть, что добавить?

Могу только резюмировать, что группе тех самых «правителей», как их назвал Матвей Сергеевич, остальные группы интересны только в качестве ресурса. Собственно, так было испокон веков, менялись только формы. Но, тот период был действительно одним из самых тучных, если не самым тучным, за всю историю. Только вот, как правильно ты заметил, Мить, расходовалось это все в пыль, об инвестициях и накоплениях мало кто задумывался.

Кстати, извини, что перебиваю, Лен, подавляющее большинство групп альтернатив сформировано именно из людей, которые создали накопления и хорошую личную финансовую базу. И что не мало важно, самостоятельно, а не на «освоении».

Это хорошее замечание. Я думаю, то как раз они и будут

основными читателями нашего труда.

Юр, скорее всего. И еще один немаловажный аспект – длился, этот самый, «тучный» период достаточно недолго в абсолютном выражении, хоть и стал самым долгим периодом сверхпотребления, в истории. Лен, во сколько ты его длительность оцениваешь, напомни?

Году в две тысячи двести тридцать восьмом он закончился, иными словами, длился он лет восемнадцать-двадцать.

То есть до две тысячи двести сорок седьмого-девятого была инерция?

Юрий, а вот это заслуга в том числе и прежде всего, Авдея Наумовича. По ходу нашего рассказа, все сами поймете. Сейчас скажу только, что где-то в две тысячи двести сорок первом нас могло так накрыть «медным тазом», что последствия я боюсь предполагать и прогнозировать.

Глава 2.

Давайте же уже перейдем к воспоминаниям об Авдее Наумовиче, а-то мы что-то долго приступаем. Но, все сказанное выше, было необходимо проговорить, чтоб был исчерпывающий контекст.

Более чем согласен с Вами, Вадим Максимович, несколько гигабайт нейро-текста для лучшего понимания и восприятия, лишними не будут.

Главное, чтобы этот самый нейро-текст был нормально

воспринят, а не искажен виртуальной редактурой... Собственно, что я тебе рассказываю? Раз ты гарантируешь доведение исходного материала без искажений до мозгов заинтересованных, значит знаешь что делаешь.

Разумеется, поэтому можем смело переходить к главному герою, так сказать.

Перехожу! С чего бы начать? А вот с чего... Когда мы говорим об Авдее Наумовиче Шилове, всегда надо помнить, что никогда, ни в какие моменты у него не было политических амбиций. И вообще, все его амбиции ограничивались реализацией очень конкретных специальных задач в рамках его реальности. Я как-то спросил его: «Авдей Наумович, при Ваших достоинствах, может Вы еще и знаете в чем смысл жизни?» Он усмехнулся, и ответил: «Так ты и сам это знаешь – у каждого он свой. А для себя я его формулирую таким образом – смысл жизни в том, чтобы найти смысл жизни и сделать ее осмысленной. Для природы мы все равно всего лишь питательная среда – корм, со смыслом или нет.»

Глубоко!

Вот так он и подходил к реализации всех задач – очень основательно. Ты в начале встречи просил меня вспомнить момент моего первого знакомства с ним?

Да-да, если можно, подробнее...

Ну, началось все с обыкновенной заштатной задачки. Я тогда был, если говорить упрощенно, главным снабженцем разработок какого-то центрального ведомства, сейчас

не вспомню, да и не важно это. В общем, задачка состояла в том, чтобы найти и закупить определенного рода полиморфный нано-полимер, причем отечественного производства. Такое предприятия, как это часто бывало, оказалось только одно на всю страну. Причем находилось где-то совсем в глубинке, даже можно сказать, в дали от цивилизации. Я быстренько сделал запрос и техзадание, отправил все это, минут через пятнадцать получаю ответ, как сейчас помню: «Не можем удовлетворить Ваш запрос. Благодарим за проявленный интерес!» У меня сначала легкий ступор, потом раздражение, пустыми амбициями я тогда был накачан под самую завязку. Но, задачу решать надо, тем более альтернативы нет. Пишу гневное письмо, пытаюсь наехать, дескать: «Это государственные нужды. Как вы можете отказывать?» На что получаю еще более дерзкий ответ, что-то в духе: «В интересах государства мы в полном объеме и в срок оплачиваем все налоги и сборы. На возможность удовлетворения вашего запроса это никак не влияет. Мы по прежнему не можем его удовлетворить.» Следующий шаг мой был абсолютно стандартным для подавляющего большинства чиновников – начал искать меры воздействия: все оплачено в полном объеме, все проверки пройдены, отчетность регулярная. Короче, не верю своим глазам, докопаться не до чего. К кому-то еще обратиться для решения подобного вопроса я не мог, засмеяли бы, и это очень негативно бы сказалось на моем карьерном продвижении. Оставалось одно, ехать и лично

пытаться «надавить админресурсом», так сказать. Благо, находилось предприятие хоть и в глубинке, но не так уж далеко, пару тысяч километров, пять-шесть часов на поезде и я там.

Надо добавить, что и я еще раньше, обращалась к предприятию Шилова, с тем же результатом. Но, поскольку для меня это было совершенно не критично, я оставила это без внимания. Как оказалось впоследствии, не только мы с Вадимом получили от Авдея Наумовича подобный ответ при обращении, просто никто не хотел об этом говорить, по тем же причинам, что и Вадим.

Да, так оно и было. Но это выяснилось потом. А я на следующий день отправился к этому дерзкому оборзевшему коммерсантишке, как я тогда думал. График у меня тогда был очень свободный, и решать все свои задачки я мог удаленно. Когда приехал на станцию назначения понял, что как добираться до самого предприятия, кроме как на коптер-капсуле, я и не знаю. А это уже проблема, потому что у меня с собой был рабочий правительственный терминал, а с ним запрещено в частном транспорте передвигаться, чтобы данные удаленно не тиснули. Ну вы это прекрасно знаете. Короче, пришлось связываться с местными властями, плести что-то про внезапную проверку и так далее. А чинуш на местах хлебом не корми, дай на кого-нибудь понаезжать, вот и собралась к Шилову тогда фактически целая делегация, я и еще человека три-четыре. И всей это «весе-

лой» компанией прибываем мы на искомое предприятие, и что мы видим? Чистое поле, а посреди него несколько аккуратненьких производственных блоков с автономным снабжением, и никого, только робо-фуры и различные производственные боты шныряют. Куда идти? Кого искать? Представьте себе картинку – портфельная делегация среди роботов в чистом поле. Весело? Вот и мне сейчас весело, а тогда мы закипели. Я набрал по указанному контакту, мне ответили без изображения и сказали, что никого не ждут, но чтоб не вызывать ненужных реакций и последствий, сейчас вышлют проводника. Прилетел микро-коптер и сопроводил нас до места первого знакомства. Уже о его кабинете можно было сформировать первое впечатление: небольшое, метров пятнадцать-двадцать, помещение, очень светлое, стул, стол, главный смарт-топ, и все стены в мониторах...

Потом оказалось, что он еще и жил фактически на территории предприятия в очень небольшом доме, для его возможностей. Вадим, извини, что перебил, но это я считаю существенным дополнением.

Ничего, Мить, это действительно так. Возвращаюсь к нашей с ним первой встрече. Про кабинет я сказал, только вот он был пустой, и никакой другой мебели, кроме этих самых стола и стула, не было. И стояли мы этой нестройной кучкой минут пять, может десять, в полном молчании, не зная как реагировать. Пока в кабинет не зашел стройный, атлетичный, высокий мужчина примерно моего возраста, то есть

где-то лет тридцати. Но, на что я сразу обратил внимание, так это на то, что уже в том возрасте у него была достаточно заметная седина на русых волосах...

Здесь также дополню, по женской линии, всегда подкупала его идеальная осанка и плавные, но очень четкие движения.

Ха, интересное дополнение, Лен, тебе видней. Ближе к делу, Авдей Наумович и нарушил наше немое стояние, фразой типа: «Добрый день! Таких гостей сегодня не ждал, собственно никаких не ждал. Чем обязан? Чем пугать будете?». Разумеется, от таких слов эффект неожиданности только усилился, поэтому мы просто какое-то время стояли и смотрели, как он дошел до стола, присел, и даже успел начать что-то делать, за все это время не взглянув в нашу сторону, пока я не вышел из ступора. Что конкретно я сказал, уже не помню, но помню, что высказался я достаточно резко, что-то типа: «Какого черта Вы себе позволяете? Почему игнорируете просьбы со стороны центральных властей?», и все в таком духе. Потом подключились местные, и вот этим веселым хором мы устраивали ему словесные интервенции на протяжении минут пяти-семи, а он, все это время, что-то делал у себя за столом, и складывалось полное ощущение, что он на нас нисколько не воспринимает, от чего раздражение у нас только возрастало. После этих, скольких-то там, минут, он на несколько секунд включил звук сирены, мы замолкли, а он обратился к нам с вопросом: «Что-то конкретное есть? Если

да, то пусть старший перечисляет по пунктам. Если нет, то прошу освободить частную территорию предприятия. Идите у себя думайте, как мне мстить будете.»

Вадим, перед тем, как продолжишь. Я тут обратил внимание, что ты слова, ну или формулировки, Шилова помнишь лучше, чем свои. К чему бы это?

Да, это действительно так. А это к тому, Мить, что до начала совместной работы с ним я изъяснялся исключительно штампами и клише, и мыслил так же, а его и речь и мышление разительно отличаются от массового, поэтому и застряло это все в моих мозгах. Более того, его мировоззрение вообще что-то отдельное, не случайно я начал с его формулирования смысла жизни. Но это все дальше еще раскроется. Я возвращаюсь к истокам. Так вот, тогда все эти его манеры, мной были восприняты не иначе, как актом крайней агрессии, с соответствующей реакцией в вид ответа вроде: «Знаете что, уважаемый? Вы уже наговорили на несколько правонарушений. Хотите продолжить в том же духе?». На что получил моментальную противореакцию: «Не хочу, поэтому и прошу Вас либо удалиться, либо перейти уже к предмету визита. Вы же ко мне пришли. А хлебом-солью вас встречать я никак не обязан, тем более без предупреждения.» После этих слов я немного подостыл, и, наконец, перешел к сути. Иными словами, пересказал ему содержание, оправленного ранее письма, но изрядно сдобрив его угрозами, наездами и уговорами. Он помолчал минуты две-три, после чего спо-

койно произнес простой вопрос: «А с чего Вы решили, что Ваш личный визит как-то повлияет на мое, уже принятое, решение?» После чего я осознал, что дальнейшие разговоры бессмысленны, и, с дежурными словами – «Вас ждут очень серьезные последствия», поспешил удалиться, прихватив с собой местную «группу поддержки». Вот так и состоялась моя первая встреча с Авдеем Наумовичем, результатом которой стало обрушение моего первого, но далеко не последнего, стереотипа – «если ты чиновник «в верхах», то тебе автоматически все либо боятся, либо уважают».

Да, Вадим, не только тебе он, впоследствии, кучу этих самых стереотипов порушил.

Лен, и поделом.

А эта история с угрозами, наездами и так далее, имела продолжение?

Юр, а как же? С этого и начался его выход на «главную сцену», так сказать.

А можно этот момент подробнее? Завязка, сами понимаете.

Да-да, к этому и хотел перейти. После возвращения с предприятия Шилова, у меня обрисовалась следующая ситуация: задача не решена; «отбрит» в присутствии «местных», то есть с оглаской; ресурсы и время потратил безрезультатно. Как вы понимаете, никак это не шло на пользу моему резюме, мягко говоря. Что делать? Как минимум, обратиться к моему ближайшему товарищу по службе, к Лене.

Елена Федоровна, а Вы давно знакомы с Вадимом Максимовичем?

Со спецакадемии и знакомы. Кое-что реализовывали в рамках подготовки, и неоднократно. Справедливости ради надо сказать, что я-то как раз не воспринимала тогда Вадима, как ближайшего товарища по службе. У меня скорее была установка – «все конкуренты и недоброжелатели», но общалась со всеми от своего тогдашнего уровня и выше, информация – главная ценность чиновничьей возни, и не только чиновничьей.

Вадим Максимович, может позволить Елене Федоровне рассказать момент Вашего обращения к ней?

Пожалуйста, с удовольствием...

Елена Федоровна, тогда прошу Вас продолжить.

А что продолжать? Вадим со мной связался, назначили встречу. Сейчас уже не помню где, это и не важно, но в неформальном месте, точно. На встрече он мне пересказал ситуацию. Я немного поподкалывала его. После чего сверилась по своей базе отправлений и запросов, и обнаружила, что также у Шилова что-то запрашивала, по-моему тоже какой-то навороченный полимер. Правда по другому поводу я его запрашивала, я была тогда заместителем главы центра экспертизы и контроля гостехмониторинга. Но это так, мелкая деталь. Так вот, ответ от Шилова был такой же, как и у Вадима. Исходя из этого, решили пойти по самому простому пути, который заключался в том, чтобы притянуть «за уши»

статью «за злонамеренное препятствование осуществлению государственных функций». Насколько я помню, она как-то так называлась. Но, запуск подобных процессов, пусть и с целью «надавить», должен был согласовываться в специальной структуре. Как же она официально называлась?

Главный координационный центр юридической защиты при генпрокуратуре и минюстиции.

Точно, спасибо, Мить! Все время забываю, что ты там тогда был главным аналитиком.

А я, Лен, помню хорошо, ведь я по этому поводу с тобой и Вадимом познакомился.

Сейчас до этого дойдем. Ну и вот, сделали мы с Вадимом совместный запрос по, указанному выше, поводу. На следующий же день нам назначили виар-совещание, на котором попросили подробно изложить всю ситуацию. После чего, глава комиссии, которая решала давать делу ход или нет, попросил нас приехать к нему лично, на следующий день. Нас это, мягко говоря, не очень обрадовало, так как возглавлял эту комиссию руководитель аппарата правительства, он же директор исполнительного департамента госадминистрации, господин Лобов. Выводы делайте сами. В общем, на следующий день мы были там, где было сказано. После пятнадцати минут ожидания вошел Лобов по пять секунд посмотрел на каждого из нас и выдал: «Собираетесь, едете к этому Шилову. Ваша задача одна единственная – чтобы он встретился со мной в самое ближайшее время. А поскольку»

ку он каждого из вас уже послал, вот вам поддержка...» После этого он представил нам Матвея, который действительно, в тот момент был главным аналитиком одного из бесконечных госцентров. Сам же Лобов, после представления Матвея Сергеевича, ушел. И вот, стоим мы втроем, в полных непонятках. Точнее, в непонятках были только мы с Вадимом, немой вопрос был направлен, как раз-таки, на Матвея. И тут наступает его черед вступить...

На самом деле, все просто. О конечной цели встречи Шилова и Лобова мне было известно не многим больше, чем Лене и Вадиму. За исключением того, что мне были переданы материалы и предложения для Шилова для того, чтобы до встречи с ним, мы совместно подготовили аргументы для встречи. Да, и еще мне строго-настрого было поручено следить за тем, чтобы никто из нас на него не наезжал. Дальше, до встречи с ним, ничего интересного: встретились, накидали аргументы, накидали план встречи. Прибыли на предприятие Шилова, заранее предупредив его, и на этот раз не привлекая местных. Он нас встретил, проводил в конференц-кабинет, даже предложил легкий полдник. Попросил нас подождать его, пока мы полдничали. Надо сказать, что мои первые впечатления об Авдее Наумовиче были достаточно положительными. Вообще, надо сказать, что спокойные, уравновешенные, рассудительные люди всегда меня располагали.

Раз уж все поделились своим первым впечатлением о Шилове, давайте и я вставлю свои пару слов...

Конечно-конечно, Елена Федоровна, можно и не пару.

Нет, все-таки пару. Авдей Наумович, моим тогдашним «стандартам» и типажам, ну никак не соответствовал, поэтому первое отношение мое к нему было что-то вроде – очередной предприниматель средней руки, пусть и строптивый. Короче, для меня тридцатилетней, можно сформулировать следующий принцип: «нет дорогих потнов, нет интереса». А у Наумовича не то, что никогда не было понтов, понты других о него так ломались, что у самой со временем это принцип ушел безвозвратно. И еще, очень редко, буквально считанные разы, он проявлял в поведении или отношении какие-то гендерные стереотипы. Проще говоря, и к мужчинам и к женщинам он относился одинаково, и воспринимал их равными. Но, если кто-то позволял себе лишнего в отношении женщин, всегда ставил на место, хотя, как он сам говорил, никогда себя джентльменом не считал. Ну это так, маленькие детальки.

Из маленьких деталек и складывается большой образ, так что это все несколько не лишнее. А вообще, получается, что позитивное первое впечатление он произвел только на Матвея Сергеевича?

Да, Юрий, видимо так и получается. Вообще, надо сказать, он редко на кого производил первое позитивное впечатление. Объяснял он это фразой: «Пусть я буду изначально неприятен, и переломлю это делами, чем как большинство.»

А как же – «У вас никогда не будет второго шанса произ-

вести первое впечатление» и все в этом духе?

Ха, Юрий, на этот и этому подобные вопросы, у всех сложился стандартный ответ – «Это же Шилов!»

Поясните...

Очень просто, практически во всем он шел своим собственным путем, руководствуясь своим совершенно не похожим на других мировоззрением. Ему очень многие говорили, что это наисложнейший путь, что он себе все до предела усложняет и так далее. На что отвечал: «За-то это моя среда и мое поле деятельности, а нам нем меня никто не превзойдет.»

И правда, очень нестандартный подход. Ну, давайте вернемся к Вашему второму визиту на его предприятие.

Возвращаемся... Он загрузил все материалы, что мы для него подготовили, в свою систему, молча посмотрел на них минут пять, потом произвел какие-то манипуляции, посмотрел еще пять минут, так же молча. После чего спросил, кто из нас отвечает за цифры. Мы указали на Матвея. Он вывел на один из экранов анализ непроизводственных рисков и издержек, и сказал, что если все считать этими методами и алгоритмами, то получается, что все и вся работают только на то, чтобы платить государству. Было что-то еще, сейчас не вспомню. В общем, суть в том, что привезенные нами материалы, его не устраивают, и никаких аргументов «за» он по-прежнему не видит. Потом спросил для чего мы приехали, и попросил ответить прямо, на сколько это возможно. После

чего у нас состоялся разговор, который я достаточно хорошо запомнил. Вот его примерное содержание: «

Шилов: Отвечайте уже! Что переглядываетесь? Опасаетесь? Давайте тогда, я начну. Вы приехали сюда, целой делегацией, чтобы я встретился лично с этим вашим Лобовым? Так? Если этого не будет, то вас всех троих поснимают с должностей? Верно излагаю?

Я: Это Вы поняли из материалов?

Шилов: А что там не понять? Там прямая угроза, точнее предупреждение о «гарантированных проблемах». Но это не ответ на вопрос.

Елена Федоровна: Да, Вы все правильно поняли.

Шилов: А понимаете ли вы, что теперь в одной упряжке со мной?

Матвей Сергеевич: Видимо, так оно и есть.

Шилов: Да не видимо, а так оно и есть. У меня только один вопрос, я могу себе позволить бодания с этим самым Лобовым, вас то мне зачем выручать? Особенно Вас. (Указывает на меня.)

Я: Никто из нас об этом и не просит.

Шилов: Это разумеется, вас ведь только повелевать и приказывать натаскивают. Много говорим. Два варианта. Первый – мне в любом случае в скором времени ехать в столицу, поэтому встретится не проблема, но с условием, что каждый из вас меня перестанет доставать. Второй вариант – мы ориентируемся на это ваше «никто Вас и не просит» и расхо-

димся, а дальше, последствия разгребает каждый сам. Какой вариант выбираете?

Я: А почему вы ставите это в зависимость... (Он меня перебил.)

Шилов: Я хочу услышать ответ на заданный мною вопрос, а не новый вопрос, заданный не мной.

Елена Федоровна: Согласна на первый вариант.

Матвей Сергеевич: Аналогично.

Я: Да и..., не принципиально, пойдем по первому варианту.

Шилов: По встрече Вы со мной свяжетесь. (Указывает на Матвея).»

Как-то так все это произошло. После чего, он нас сопроводил к выходу, молча уставившись в tablet. Добравшись до столицы, мы сразу же направились к Лобову. Сообщили ему о том, что Шилов с ним встретится, разумеется, опустив детали разговора. Лобов сказал нам, что о встрече он сообщит дополнительного. И мы забыли об Авдее Наумовиче почти на три месяца, до той самой встречи с Лобовым.

А почему на целых три месяца? Нужна была какая-то особая подготовка?

Как оказалось впоследствии, да. Но мы тогда подумали, что такую «мелкую птицу», как Шилов, примут так, между прочим. Подумали мы не верно, сейчас все узнаете.

Только, прежде чем к этому перейти, коротко отметьте, чем каждый из вас занимался те три месяца.

У меня ничего особенного или запоминающегося. Так, обычная рутина, да карьерные драчки. Лена, Митя?

Меня завалили расчетами. Как потом оказалось, в большей степени как раз по вопросу Авдея Наумовича. Все три месяца с ними и провозился. Лена?

А я, по-моему в тот период, в очередной раз поменяла ведомство. Точно, я тогда перешла в аппарат правительства. Но вот не помню, что конкретно делала. Вообще, по сравнению с задачами, которые мы решали при Шилове, все остальное не то, что меркнет, вообще на горизонте не маячит.

Да уж, это был настоящий марафон результативности.

Кстати, никто из вас не жалеет, что ваши самые продуктивные, во всех смыслах, годы прошли исключительно в рабочем режиме?

Юрий, Вы про семью, альтернативный образ жизни и все, что с этим связано?

В целом, да.

За себя отвечаю. Не вижу предмета для сожалений. Видите ли, у меня был простой выбор «либо то, либо это», я его с легкостью сделал, и больше об этом не задумывался. Для меня всегда на первом месте было «кто я», а потом все остальное и все остальные. Правда, Шилов доходчиво мне объяснил, что первично «какой ты», но об этом позже. Так-то, не знаю, как остальные, но о подобном я точно не сожалею.

Да Вадим, у меня все плюс-минус аналогично. Когда ты свое сознание встраиваешь в «бюрократический аппарат», о

другом образе жизни ты больше не задумываешься.

А я на этот вопрос уже ответила ранее. Слишком «высокие запросы и требования», поэтому изначально было нереально рассчитывать на «спутника по жизни».

Надо же, теперь я понимаю почему большинство высокопоставленных чиновников без семей. Шилов по этой же причине одиночка?

Юрий, не забывайте «Это же Шилов!». Нет, у него своя причина, только вот точно не помню какая.

Вадим, за-то я прекрасно помню, он как-то это очень четко сформулировал: «Дети должны рождаться от людей, и воспитываться в среде людей, а я механизм, пусть и биологического происхождения...», что-то в таком духе.

При этом он разработал и провел несколько программ по развитию института семьи и детей?

Верно, Юрий, но до этого еще дойдем.

Согласен, все по порядку. Давайте перейдем уже к разговору с Лобовым.

Глава 3.

Я сейчас не вспомню, какую точно должность, точнее должности, занимал тогда Лобов, и никто не вспомнит, дело все в том, что тогда было модно накручивать по несколько должностей в параллельных ведомствах, типа оптимизация управленческих функций и все в таком духе. Очередная по-

казуха, в общем. Точно скажу только, что он имел выход на самые-самые верхи, как внутри страны, так и за ее пределами. Также он оказывал достаточно серьезное влияние на кадровую политику, в частности, два или три исполнительных министра были его креатурами.

Также надо добавить, что ни в каких группировках он прямо не состоял, был равноудален, но чаще всего якшался с госбизнесменами и медийщиками.

Да, спасибо за уточнение, Мить! Собственно, добавить по Лобову нечего, да и понятно все станет дальше, из содержания разговора. К нему и переходим. Когда мы пришли в офис Лобова, Авдей Наумович был уже там. С нами он не поздоровался, только сделал замечание Матвею на предмет того, что тот его слишком поздно предупредил о встрече...

Надо сказать, что он был прав. Я его предупредил накануне вечером, а надо было ну хотя бы дня за три. Мне ему нечего было ответить, я и не стал.

Извините, только я не уловил, а для чего вы все нужны были?

Не спеши Юр, сейчас узнаешь. Мы сами тогда не знали, сказали явиться – мы я вились. Когда такой человек, как Лобов, приказывает, ты вопросов не задаешь. Ну, а когда он пришел и пригласил нас в свой кабинет, состоялся разговор примерно следующего содержания: «

Лобов: Всем добрый день! Прошу, рассаживайтесь!

Шилов: Прошу прощения, а сие мероприятие надолго?

Лобов: Авдей Наумович, позвольте мне хотя бы представиться, для начала. Лобов Евгений Генрихович, заместитель...

Шилов: Рад знакомству! Должности Ваши меня не трогают. Мне, я так понимаю, представляться не нужно, поэтому давайте к сути.

Лобов: Да уж, а Вы и вправду, человек с интересным подходом и поведением. Ну, давайте к сути. Только, Авдей Наумович, ответьте, Вы как воспринимаете данный визит сюда?

Шилов: Я его, пока, никак не воспринимаю, потому что никак от Вас предмета этого самого визита добиться не могу...

Лобов: Уяснил, сразу к делу. Мое ведомство собрало достаточно большую коллекцию Ваших отказов от сотрудничества. Сразу оговорюсь, мотивированность этих отказов никто не оспаривает и оспаривать не собирается. Но в чем, все-таки, основная причина этих отказов?

Шилов: С моей точки зрения, я достаточно четко дал ее понять, но сформулирую еще раз, мне не сложно. Я не желаю напрямую сотрудничать с государством или госсектором никак, кроме как субъект юрисдикции. Проще говоря, я готов платить налоги, выполнять требования или предписания, но не более того.

Лобов: Авдей Наумович, все предельно ясно. А вот с чем связано это Ваше нежелание, да и позиция в целом?

Шилов: Очень просто, практика показывает, что связь с

государственными финансами, есть прямой путь лишиться либо предприятия либо самостоятельности, что для меня одно и то же.

Лобов: Считаете государство деструктивным?

Шилов: Если хотите меня обвинить в чем-то антигосударственном, сделайте это как положено...

Лобов: Что Вы, хотели бы обвинить, Вами бы уже давно занимались другие структуры. Это не праздное любопытство, и не запугивание, для меня правда очень важно понять Ваше мировоззрение.

Шилов: Мировоззрение очень простое – я принадлежу исключительно самому себе, на сколько это возможно, и буду придерживаться этого всеми силами.

Лобов: Емко и понятно...

Шилов: Послушайте, при всем возможном уважении, мы будем философствовать?

Лобов: Отнюдь, у меня к Вам предложение конкретнее некуда, мы же готовились. Да, Елена, Вадим, Матвей?

Шилов: Хотелось бы его уже услышать, без лишних подводов.

Лобов: Она на этом таблетке. Мы его Вам, конечно, могли и переслать, но мне сейчас нужно Ваше предварительное решение...

Шилов: А Вы меня еще спрашиваете, почему я не хочу никаких дел иметь с государством...

Лобов: Вы все же посмотрите, там все предельно понятно

составлено и расписано.

Шилов: Десять минут мне дайте...»

После этого Авдей Наумович ушел в изучение материалов на планшете. Минут десять стояла абсолютная тишина, только Лобов возил пальцами по интерактивному столу. Ознакомившись с материалами, разговор продолжился, точнее диалог Шилова и Лобова: «

Шилов: Все действительно ясно. И что, других кандидатов нет?

Лобов: Что Вы, куча. Только в этих задачах важен результат, точнее реализация, а не назначения и ведомственные батальоны.

Шилов: Допустим, а почему именно я?

Лобов: Как это не печально, но Вы чуть ли не единственный, кто сможет это все решить, не являясь при этом, извините за выражение, законченным бюджетососом.

Шилов: Нетипичная мотивация, но принимается. Вам нужен мой принципиальный ответ? Я согласен, только договор на исполнение готовлю я.

Лобов: Это само собой. Для меня это даже лучший вариант.

Шилов: И еще, эти-то зачем нужны были?

Лобов: А это, собственно, Ваши ближайшие подчиненные от государства. И тут, извините, без вариантов. Но главный, исключительно Вы. Кстати, Вам же их и в курс вводить, специально этого не сделал.

Шилов: До момента подписания договора они мне ни к чему. Договор у Вас будет через три дня. Дальше, связь дистанционно, лично – только при крайней необходимости.»

Сказав это, Шилов ушел молча, ни с кем не попрощавшись. Лобов и нас попросил удалиться, жестом. Мы втроем вышли, в полных непонятках...

И прибывали мы в этом неведении почти неделю. Как потом оказалось, Шилов это время утрясал и подписывал договор с дополнениями. А вот пребывание в «подвешенном» состоянии далеко не самое приятное ощущение, мягко говоря, особенно в государственных ведомствах.

Чуть подробней остановиться, пожалуйста, на «подвешенном» состоянии во власти. В чем его особенность?

Лен, позволь, я отвечу?

Пожалуйста-пожалуйста, Матвей, тем более я не хочу даже вспоминать о своих «подвесах».

Юрий, ответ на этот вопрос достаточно банальный. Исходов из подобного рода состояний, принципиально, может быть два. Либо благоприятный, либо нет. Сценариев неблагоприятного исхода может быть несколько: могут задвинуть на зады номенклатуры, надолго или навсегда; могут перевести в вечные исполнители нижних уровней; просто уволить. Если уволили то либо создавать собственное предприятие, либо низкоквалифицированный труд. Не принимает у нас ни бизнес, ни общество бывших чиновников и им приравненных, и заслуженно не принимает...

Но об этом, пока, дискутировать не будем. К слову, возвращаясь к результатам разговора Шилова и Лобова, нам казалось, что нас ожидает либо первый, либо второй сценарий неблагоприятного исхода, но оказалось все как раз наоборот. Это я уже вперед забегаю, давайте по порядку.

Да-да, так будет проще, и мне и вам.

Так вот, через неделю после разговора у Лобова, нам троем приходит уведомление о встрече на следующий день, с персональными задачами для этой встречи. Моим заданием было, как сейчас помню, выяснить сумму негосударственных и непрямых государственных инвестиций в сферу производства базовых и универсальных материалов, а также подробности этого. Причем, было подробнейшим образом описано что и как надо делать, мне оставалось лишь выполнить эти указания. Никогда раньше не видел столь подробной и последовательной инструкции. Как оказалось, эти инструкции составил сам Шилов. Умение разрабатывать инструкции, процедуры и так далее – одна из его многочисленных достоинств. Ну это так, очередное лирическое отступление. В общем, присланное задание я, разумеется, выполнил. На следующий день явился в указанное место, там уже ожидали Матвей и Елена...

Прошу прощения, а что за место? И почему было не провести встречу удаленно?

Лен, ответь, пожалуйста, ты лучше всего ответ донесешь...

Без проблем. Место – одно из многочисленных строений министерства делового климата. Собственно, тогда у любого ведомства было куча недвижки – государственные таблетки, терминалы и прочую технику можно было использовать только в государственных зданиях, а штаты были раздуты до безразмерности, вот и строили все ведомства нереальное количество этих муравейников. Такая вот была борьба с потерей государственных данных. А почему не удаленно? Это было решение Шилова, чтобы не использовали никаких ухищрений, доступных при удаленной конференции. Про ухищрения уточнять не надо?

Не надо, Лен, спасибо. Дальше я опять продолжу. Стоим мы у дверей какого-то конференц-кабинета, обсуждаем происходящее, открывается дверь этого самого кабинета, и Авдей Наумович выдает что-то вроде: «Вы чего еще здесь? Мне какими словами надо было написать, чтобы вы сразу заходили?» Тут надо пояснить, что в госсекторе вообще не принято заходить, пока не пригласят. Так-что, ни у кого из нас даже мысли не было, чтобы зайти без дополнительного приглашения. Я к чему? К тому, что нам до совещания было не очень комфортно, а после этого так и подавно. После того, как мы вошли и расселись, состоялся разговор примерно такого содержания: «

Шилов: Значит так, быстро ввожу в курс дела. Подписался я на развертывание нескольких производств непродовольственных полуфабрикатов. Почему принял это реше-

ние, рассказывать не буду, вас это не касается, да и не интересно оно вам. Скажу только, что вы к этому причастны. Поэтому вы будете сореализаторами этих задач, в качестве моих ближайших подчиненных. Приказ по каждому из вас уже в профилях. Решение это не мое, а этого вашего Лобова. Если хотите, с ним бодайтесь. Задачи на сегодня: место, сроки, финансирование, технологии, поставщики.

Матвей: Приказ увидел, принимаю. Только позвольте, разве реально успеть принять решения по такой повестке за день?

Шилов: Во-первых: никто не спрашивал вас принимаются приказы или нет, на то они и приказы. Во-вторых: никто не говорил про день, на все повестку у нас четыре, максимум пять, часов. В-третьих: если каждый из вас выполнил то, что ему было поручено для этой встречи, то все реально.

Я: В таком случае, стесняюсь спросить, сколько же Вы планируете времени на реализацию всего контракта?

Шилов: Резонный вопрос, причем тут стеснения? Стесняться надо бестолковости и неуместности. Отвечаю, с настоящего момента до выхода на плановые мощности – 4 месяца, при идеальном сценарии, пять месяцев при препонах, то есть за четыре месяца должны со всем разделаться.

Лена: Вы же в курсе, что ни один из госконцернов не сможет справиться с этим меньше, чем за семь-восемь месяцев?..

Шилов: Мне глубоко наплевать с чем могут или не могут

справиться госцистерны. Я знаю, что я могу. Мы много рассуждаем о постороннем, отступления больше не допускают-ся. Если надо будет, связывайтесь по оставленным мной контактам. Посчитаю нужным – отвечу. Все, к сути дела.»

Дальше разговор пошел непосредственно о запуске тех самых производств. Большинству читателей это будет не интересно, очень много специальных терминов, в общем, сплошной «птичий» язык.

От чего же, Вадим Максимович? Если коротко и по сути, то будет не лишним.

Об этом Матвей Сергеевич расскажет лучше. Мить, припомнишь?

Да, кое-что могу припомнить. А именно, что для нас было необычно. Необычного было достаточно много, как Вадим правильно отметил, начиная со сроков реализации. Но самыми необычными были следующие принципы. Первый – если можно обойтись без государственных денег, надо обходиться без государственных денег. Парадоксально, да? Но он нам наглядно продемонстрировал, что госденьги в краткосрочной перспективе – самые дорогие. Второй принцип – если чего-то не может человек, то машина и подавно не сможет. Речь конечно же идет об интеллекте. Кстати, к вопросу о сроках реализации со стороны госсектора, они в два раза дольше именно потому, что на машины перекидывается вообще все. А машины, в свою очередь, плодят бесконечное количество багов, кривочтений, расхождений и так да-

лее, это все устраняется, и так продолжается по долгу. Но, не буду вдаваться в излишние подробности. Третий принцип – подавляющее большинство заказчиков не знает, что и зачем они хотят, за-то прекрасно знают ответы на остальные вопросы, типа: сколько, по чем, где, когда и так далее. К чему этот принцип? А к тому, что исходя из вопросов, на которые ответы известны, нужно найти ответы на первые два вопроса. И еще раз напомним, это все мы узнали на первой же рабочей встрече.

Верно, Мить, говоришь У меня после этой встречи сознание менялось и вставало на место еще года два-три. Благо, было оно еще не совсем закорженелым и отбитым чиновничьим цинизмом и логикой. Да и сама я всегда позитивно воспринимала действенные методы.

У вас потом, среди вас троих, было обсуждение этого совещания?

А как же? И не только этого. Вообще, мы практически после каждого совещания еще раз все для себя резюмировали, так как на рабочих встречах главным было – восприятие Шилова, а говорил он всегда очень емко и выдавал очень большое количество информации. А конкретно, после той встречи, мы все были в состоянии «Что это было?». После стандартных нудняков в ведомствах, это был сверх динамизм. Более того, уже на следующий день мы должны были ехать по выбранным местам, которые находились в разных концах страны, так-что у нас было очень мало времени, чтобы все

уложить и распределить задачи между собой. Забегая вперед скажу, что принципиально у нас сложилось следующее распределение: я отвечал за всю организационную часть, Елена Федоровна – за все расчеты и методологию, Матвей Сергеевич – за всю юридическую часть. Собственно, как-то так мы тогда все задачки и распределили.

А на Авдее Наумовиче было, соответственно, координация и руководство?

Э не, Юр. Тут я, без преувеличения, могу сказать, что на Наумовиче было все.

Можно чуть по-конкретнее.

Пожалуйста. Он исходил из подхода – все поставленные задачи должны быть реализованы не смотря ни на что. Как это реализовывалось на практике – если что-то случалось из незапланированного: он либо быстро находил замену, либо, что бывало чаще, делал сам, с помощью технических средств и технологий, разумеется.

И что, у него были такие возможности?

Тебе, Юра, наверное это странно, при нынешней-то образовательной модели, когда специальности заужены до такой степени, что «шаг влево, шаг вправо» вызывает профессиональный коллапс? Когда мы учились, у нас хоть какой-то кругозор был. Но вот Шилова, я считаю самым универсальным профессионалом высочайшего уровня.

Да, тут Вадим Максимович, в очередной раз, прав. Шилов мог с одинаковой эффективностью и на равных решать во-

просы с учеными, экономистами, предпринимателями, рабочими и так далее.

А чем это объясняется?

Сам Шилов говорил так: «Мое главное и единственное хобби – исследование, изучение и применение всего и вся в самом широком смысле и спектре.» Этим он и объяснял свой универсализм. Он, и правда, перерабатывал какое-то дикое количество информации, причем отборной и концентрированной, которую можно использовать. Причем делал он это всеми доступными способами, и через нейро-интерфэйс, и посредством виар-образования, и по-старинке – чтением.

Чрезвычайно интересно, но давайте вернемся к хронологической логике повествования. К итогам первого совещания. Я правильно понял, что именно тогда и сформировалась ваша команда?

Не совсем так. Если говорить о нас троих, то скорее она сформировалась после поездки и начала запусков. А что касается самого Шилова, лично у меня не повернется язык назвать его частью чего бы то ни было.

Точно, даже при максимальной вовлеченности, он был сам по себе, в своей реальности. Но надо сказать, что для тех кто с ним был знаком достаточно долго, дискомфорта он никакого не создавал. А-то знаете бывают такие «себе на уме», которые считают необходимым распространять это свое «себячетво» на других. Проще говоря, Шилов мог уничтожить кого-угодно, но исключительно в рамках дозво-

ленного, и только при необходимости.

Емкое дополнение. А как же, если коротко, прошла ваша поездка по выбранным местам?

Да там и рассказывать особо не о чем, настолько было все четко и технологично. Упрощенно, процедура выглядела следующим образом:

1. Приезжаем на место. Раскидываем моделирующие маяки.
2. Делаем виртуальный макет.
3. Макетируем внешнюю инфраструктуру.
4. Макетируем внутреннюю инфраструктуру.
5. Кидаем полученное в обработку. Контролируем обработку
6. После, уже в своем офисе, обсчитываем результаты.
7. Принимаем окончательное решение.

Таким образом, было исследовано и изучено девятнадцать мест и выбрано пять. Причем все пять мест, расписанных до составной части запятой, то есть бери и тупо следуй. И все это за три недели. Тогда, такой эффективности и результативности я и представить не мог.

И не только ты, Вадим. Мы с Леной были тоже, мягко говоря, удивлены, что изначально заложенные сроки и впрямь, реальные. И тут опять надо сказать, что большую часть задач взял на себя сам Шилов, нам только и оставалось, что запрашивать, запускать считалки и сверять.

Так было всегда или только на первых этапах?

На этот вопрос можно ответить опять же, словами самого Шилова: «Для делегирования у меня следующие критерии: если не могу сделать сам; если могу, но плохо; если справится кто-угодно.» Вообще, Авдей Наумович все распределения расписывал сразу же, как правило за долго до реализации чего-либо. Причем он делал этот настолько подробно, что задачи невозможно было интерпретировать никак иначе, кроме как было написано.

Я здесь также дополню. Шилов – один из лучших постановщиков задач, известных мне. Сам он про это говорил так: «Главная моя забота, при постановке задач – сделать так, чтобы исполнители сделали ровно то, что предписано. И ни на что во время выполнения не отвлекались.»

И ему такое удавалось в государственном секторе?

Юрий, понятное дело, на сто процентов гладко не проходит ничего. Но финальный результат, в его исполнении, всегда был максимально близок к заявленному. При этом он не допускал отклонений ни в меньшую, но также и не в большую сторону. «Перекосы вредны любые, так как они влияют на надежность, стройность и целостность конструкции.», так он говорил.

Сильно! Возвращаясь к основной линии повествования, у вас есть, что добавить по вашему первому совместному мероприятию?

Ха, осталось самое интересное, по крайней мере для меня. Юр, как думаешь, сколько было потрачено государственным

ных денег на реализацию этой первой совместной с ним задачи? Помимо, разумеется, расходов на нас и наши пока тушки. Можешь не отвечать, в жизни не догадаешься. Ровно ноль! Конечно, земельные участки достали бесплатно, но они и так бесплатно стояли ни кому не нужные. Но только вдумайся – пять производств регионального уровня, созданных для нужд государства, обошлись ему, фактически, бесплатно! Когда об этом узнали другие ведомства, а, самое главное, потом и правительство, это был даже не шок, это было полное не понимание как такое возможно, зачем это нужно и как теперь быть.

Вадим, если позволишь, я вернусь к главной причине встречи Шилова и Лобова. Лобова как раз, во многом, и подкупил подход Наумовича к государственным деньгам, а точнее всяческое избегания связываться с ними. Это стало понятно из их многочисленных последующих контактов.

Иными словами, Лобов стал покровителем Авдея Наумовича?

Сложно ответить однозначно. Во-первых: Шилов в покровителях никогда не нуждался. Во-вторых: скажем так, он был покровителем его решений, пока это ничего не стоило бюджету. Даже не просто не стоило, а приносило значительное пополнение. Еще раз подчеркну – Шилов всегда оставался сам по себе и отдельно от всего.

Так, и после достижений подобного рода все понеслось ввысь?

Юрий, не уловили Вы суть. Ничего никуда не понеслось. Вадим Максимович же сказал, что по всему госаппарату наступил ступор от того, что такое вообще возможно.

А с чем конкретно был связан этот ступор?

Все очень просто. Во-первых: как мы уже отмечали, подавляющее большинство чиновничества работало исключительно на себя и решало свои личные конъюнктурные и аппаратные задачи. Для них было просто не понятно, зачем следовать в таком ключе. Во-вторых: Вам же известна сила прецедента? Так вот, с них, с того момента, стали требовать таких же результатов. Ну или, по крайней мере, приближенных к этому. Если коротко, то ступор был связан с боязнью за свою шкуру и нежеланием что-либо менять. Кстати, продлился этот чиновничий «столбняк» месяца три-четыре. Аппаратное шевеление было очень масштабным. Нас троих буквально затаскали, как виртуально, так и реально. Ни один из нас, ни до ни после, не посещал больше такого количества ведомств.

А что Шилов?

А что Шилов? У него был срочный контракт. Он же его выполнил. А как только выполнил, молча уехал к себе. А у нас, у всех троих, был бессрочный договор с аппаратом правительства. Вот мы и остались, как единственные участники этой «специальной рабочей группы». Но, надо сказать, что с его стороны ни то, что не было никакой подствы, он подстраховал нас со всех сторон. Да так, что мы ни при каких обсто-

ательствах не становились крайними. И отвечали на все мы примерно одинаково: «Все материалы доступны. Все операции прозрачны. Все данные у вас на руках.» и так далее.

Так-так, и как же разрешился этот, как вы выражаетесь, «ступор»? А еще точнее, когда вы вновь встретились с Авдеем Наумовичем?

Глава 4.

Для начала отмечу, что все время на протяжении этого «ступора», велась достаточно активная возня в верхах. Это было очевидно, хоть ничего конкретного или подробного не утекало. Что на это указывало? Очень просто, как только либо замедляется, либо резко останавливается так называемая «проектная» деятельность в ведомствах государственного уровня, значит идет серьезный пересмотр чего-либо. Проще говоря, самые-самые крутые боссы о чем-то договариваются. А на тот момент никаких других причин для подобного рода ситуации не было, кроме нашей исполненной задачки.

И о чем же они договаривались, с вашей точки зрения?

На самом деле, не так уж сложно это предположить, особенно после нескольких лет работы в госаппарате. Думаю, речь шла о трех базовых вопросах в отношении Шилова: чем привлечь, что поручить и кто будет курировать? И как это не странно, мне кажется основная битва была именно по тре-

тъяму вопросу, поэтому на столько и затянулось это все. Видите ли, все «плюшки», позитивы и все, что к ним прилагается, автоматически доставались и куратору. А как себя показал Авдей Наумович, мы уже рассказали, не буду к этому возвращаться.

Да, Лен, полностью с тобой солидарны на счет причин и следствий. И забегая вперед скажу, что Лобов, который и стал долгосрочным куратором Шилова, получил очень большое количество этих самых «плюшек» от деятельности Наумовича. Да и нашей тоже, что тут скромничать-то...

Вадим, только не надо и забывать о том, что Шилов Лобова и «скинул», точнее «задвинул». Но это я уже сильно вперед забежал, еще дойдем до этого.

Конечно-конечно, как об этом забудешь. Но, все по порядку. Как только верхи все между собой согласовали, Шилов опять был вызван «в гости» к Лобову. Реакция на это, у Авдея Наумовича, была, как всегда, нестандартная. Во-первых: хоть он практически не выражал эмоций, было видно, что он крайне недоволен этим обращением. Во-вторых: он переназначил встречу на другую дату в региональном управлении правительства. Чем этот факт примечателен? Такого в отношении Лобова себе не позволяли даже люди наивысшего ранга и статуса. А Шилов, не вдаваясь в подробности, сказал что-то вроде: «Вам надо? Подстраивайтесь.» Но Лобов, как опытный номенклатурщик, быстро смекнул, что потенциальная выгода от деятельности Шилова в его интересах,

гораздо важнее и нужнее препирательств в статусах, поэтому сразу же принял эти условия, взял нас с собой в приказном порядке, и мы отправились в назначенное время в назначенное место. Когда прибыли на место, Шилова не обнаружили. Оказалось, что местные бюрократы его просто не пустили. За это Лобов, на глазах у Шилова, устроил всем форменный разнос сверху донизу. Таким образом он решил показать свою лояльность к Наумовичу, и подчеркнул его важность. Думаю, Шилов об этом догадался, но вида не подал. А содержание встречи было, примерно, следующим: «

Шилов: В связи с чем вы меня достаете? Я считал, что наши договоренности предельно прозрачны и конкретны. Решаю задачу – занимаюсь своими вопросами, как и занимался раньше.

Лобов: Авдей Наумович, ну зачем Вы гневаетесь? Выслушайте, пожалуйста, предложение, мотивы и перспективы.

Шилов: В двадцать третьем веке нельзя сделать это дистанционно?

Лобов: Все можно, но не в этом случае. Уж больно деликатное и конфиденциальное предложение у меня к Вам...

Шилов: Ясно-ясно, прошу, не разъясняйте. Переходите к сути, пожалуйста!

Лобов: К сути, так к сути. Нынешний состав госсовета ставит перед собой очень амбициозные задачи, но признает, что уровень эффективности реализации этих задач недостаточен высок. А людей, способных эффективно и продуктивно

реализовать эти самые задачи, чрезвычайно мало. Вы же, в свою очередь, показали совершенно феерические результаты по Вашему предыдущему контракту. Поэтому, мы предлагаем Вам стать главным координатором реализации программ госсовета. Вот такое предложение. Вопросы?

Шилов: Для начала – вот, что я услышал, точнее, как я это услышал: «Мы – группа, нацеленная на реализацию исключительно и сугубо личных амбиций, большинство из которой ни разу в жизни не произвела ни толики добавленной стоимости, просим тебя, разгребь всю грязюку за нас. А если нет, будешь до конца жизни отбиваться от проверок, запросов и так далее. В общем, житья тебе не будет ни здесь ни где-либо еще.» Правильно услышал?

Лобов (ошарашенно): Авдей Наумович, это крайне неприятная и, я считаю, несправедливая риторика с Вашей стороны? Я Вам предлагаю широчайшие перспективы и возможности, а Вы меня называете амбициозным никчемным ничтожеством, фактически. Разочарован...

Шилов: Для того, чтобы не быть разочарованным, не надо очаровываться. Но это так, никому не нужная философия. А что касается моего восприятия, Вы также вольны относиться к этому, как считаете нужным, или не относится вовсе. Я же ориентируюсь исключительно на факты, действия и свой опыт, в выводах, которые я Вам озвучивал на нашей первой встрече. Вот свидетели. Хотя, они все будут свидетельствовать в Вашу пользу.

Лобов: Хорошо, представим, что этой части разговора не было. Как Вы предлагаете выстроить переговоры?

Шилов: Меня-то все устраивает. И амбиций у меня никаких нет.

Лобов: И что, без вариантов?

Шилов: Скажем так, меня совершенно не трогают ваши нужды. Ваши – это госсвета.

Лобов: Только в одном Вы правы абсолютно – я не могу принять отказ. Так-что у нас с Вами патовая ситуация.

Шилов: Никакой патовой ситуации я не вижу. Вы просто меня не слышите, да и не умеете Вы никого слышать.

Лобов: Мда, признаюсь, сложнее у меня собеседника еще никогда не было. Ну раз Вы такой всемогущий, значит Вам не составит труда донести Вашу позицию и подход до любого, в том числе и до меня.

Шилов: Устал я в свое время доносить каждый раз все до людей, вот и выстроил предприятие исключительно на компьютерах, роботах и машинах. Лучше скажите, на что у Вас добро, если я буду настаивать на «нет»?

Лобов: Не скрою, такое добро есть. Заключается оно в отъеме у Вас предприятия и всей собственности, включая финансы, но мне бы очень не хотелось к этому прибегать.

Шилов: Вот оно, вот с этого надо было начинать. По крайней мере появился предмет для обсуждения и размышления. Понятно, ожидаемо. Мне, если честно, было понятно, что я не отверчусь и при исполнении первого контракта.

Лобов: Это понимание приближает нас как-то к Вашему решению?

Шилов: А к чему тут приближаться? Я сразу был готов его озвучить, надо было только поменять контекст и предмет. Решение следующее – я подписываюсь при условии того, что буду реализовывать все сам. Ничьей шавкой я быть не собираюсь.

Лобов: Отрадно слышать Ваше согласие. А условия может в соглашении описать?

Шилов: Разумеется. Только, что вам мешает его нарушить?

Лобов: Авдей Наумович, Вы госаппарат считаете прямо монстрами какими-то...

Шилов: Так Вы меня и не слышали. Ни кем я вас не считаю. Достаточно об этом. На соглашение, как обычно, надо три-четыре дня. Эти кадры ко мне навсегда приписаны?..»

Да, как показало дальнейшее развитие событий, мы были приписаны к Шилову до конца. Надо сказать, что и от формы и от содержания этого разговора мы были, я даже не опишу, в каком состоянии и под каким впечатлением. Лобов, под страхом всего, что только можно, приказал нам не распространяться об этом разговоре. Да мы и сами понимали, что распространяться бессмысленно и вредно.

Вадим, у меня, по результатам этого разговора, возникло одно единственное желание – научиться также.

Мить, и научился же.

Не, Лен, куда мне! Чтобы делать это также емко и точно, как Шилов, нужен талант. Но, давайте не будем отвлекаться. Вадим, я продолжу, передохни. На счет его соглашения с госсоветом, сильно углубляться не буду. Разумеется, Лобов пошел на все условия Наумовича. Но, стоит отметить три чрезвычайно примечательных момента: первый – соглашение, во всем, в чем только можно, было публичным и общедоступным; второе – юридически, его нанимателями были не сам госсовет, а общественные организации, входившие в госсовет; третье – за деятельность по данному соглашению он получал не деньги, а широкую неприкосновенность и полное содействие властей всех уровней, на сколько это было возможно по закону.

Да, я очень внимательно ознакомился с содержанием этого соглашения. Странно, что его не засекретили. Видимо, посчитали, что ничего существенного в нем нет, хотя оно, как ни крути, прецедент. И все же, почему Вы заострили внимание именно на этих моментах в соглашении?

По порядку. Что касается публичности и общедоступности, то это самая лучшая защита от манипуляций и инсинуаций, как с текстом, так и в отношении него. Как Шилов сказал однажды: «Если кто-то захочет наехать, пусть наезжает исходя из текста и в публичном поле.» Относительно его нанимателей, тут все просто – юридически, он не подотчетен государственным структурам, напрямую. Собственно, и третий пункт об этом же. Плюс не забываем – «связываться с

государственными деньгами – вредно.» Если говорить в целом, то впоследствии это самое соглашение стало для Шилова хорошим подспорьем во многих вопросах. Самое главное – он оставался автономным, насколько это было вообще возможно. Лично я, так и не научился этому, а очень хотелось.

Мить, и не только тебе. Как минимум половина низового госаппарата хотела этому научиться. Только вот, чтобы так уметь нужны изначально другие мировоззрение, кругозор и характер. Вот, в том числе, на это мы и хотим указать, в своих воспоминаниях об Авдее Наумовиче. К сожалению, научиться этому ни один из нас не может.

У меня остался один маленький вопрос по шиловскому соглашению, почему его пропустили, утвердили и подписали?

Хэ, ответ чрезвычайно простой – гордыня. Это к вопросу о мировоззрении. Каждый, из принимавших решение по Шиллову, считал себя всемогущим, все воспринимали его не иначе, как обычного исполнителя, пусть и на высочайшем уровне. По крайней мере, для меня других объяснений нет.

Тогда давайте считать эту версию, как основную. Вернемся к событиям?

Да-да, соглашение-соглашением, но результаты его деятельности важнее. Собственно, после подписания всего необходимого, на него тут же начали накидывать кучу всякой всячины, а проще говоря, хотели повесить на него реализацию вообще всего, что они напридумали. На что он аб-

солютно спокойно возразил: «Моя группа состоит из меня, и вот эти троих, навязанных мне, поэтому я сам выберу то, что посчитаю возможным.» Ему конечно же в ответ полетели чуть ли не угрозы...

Прошу прощения, что перебиваю. А это все происходило на госсовете?

Нет-нет, до госсвета мы еще дойдем. Я же сказал, что Шилова ни кем не считали и с ним не считались. Дело было, если я не ошибаюсь, на какой-то там коллеги по исполнению чего-то там, точно не вспомню. Да и не важно это, важно то, что Наумович выбрал и сам процесс выбора. А выбрал он, для начала, три сферы: культура, фундаментальная наука и специальное образование. Почему же именно их? Дело все в том, что в то время эти сферы были максимально «заброшенными» и в них можно было добиться максимального прироста при минимальных вложениях. Плюс, как объяснял сам Шилов, эти сферы очень много «прощают», как в плане экономики, так и в плане администрирования. Проще говоря, для наработки и обкатки опыта, да еще и при минимальных вложениях при максимально возможных результатах, лучше этих сфер было не найти, на тот момент. Эти самые сферы он между нами и поделил. Мне он поручил специальное образование, Елене Федоровне – культура, Матвееву Сергеевичу – фундаментальная наука...

Авдей Наумович мотивировал мое назначение тем, что я самый культурный из его знакомых. Юмор, конечно. На са-

мом деле, распределение это было очень условным и касалось только специфики реализации. Все принципы, подходы, методы и так далее, мы выработывали вместе. В наибольшей степени это делал, разумеется, сам Шилов. Кстати, сам период между подписанием и началом деятельности, был очень коротким. Буквально три дня, и приступили.

И все же, как Шилов «забронировал» эти три сферы и отбил от остальных и остального?

Нас на том совещании не было. Мы можем только предположить, как так вышло. По слухам, он все сделал достаточно просто – применил условия соглашения и аргумент, что-то типа, у всех должен быть испытательный срок. Первый контракт за испытательный срок считать нельзя, так как он реализовывался в совершенно другой логике. А что касается тех самых сфер, то как-то смог убедить, что они наиболее «безболезненные» и более всего подходят для «обкаток» и «отработок». Хотя, сам Шилов так не считал, даже наоборот, он считал науку, образование и культуру чрезвычайно важными. Особенно культуру: «Культура – это база для восприятия», так он говорил. Впоследствии он стал неформальным «покровителем» науки и культуры на государственном уровне, но до этого мы еще доберемся. Возвращаясь к твоему, Юр, вопросу о сферах, это все, что я помню. Может другие что-то добавят?

Нет, Вадим, добавить нам нечего. В тот момент мы были, так сказать, «ничейными людьми», поэтому до нас дохо-

дил очень ограниченный объем информации. Может оно и к лучшему, таким образом наше профессиональное развитие проходило постепенно. Если бы резко начали менять все «парадигмы», мы бы просто их не приняли и не восприняли. А так, мы все «втянулись» достаточно гладенько.

И на сколько же методы, способы и принципы Авдея Наумовича отличались от известных вам на тот момент?

Юрий, а Вы еще не осознали? Они были просто из разных действительностей. А все почему? Да потому, что изначально «мотивационная» часть была кардинально другой. Если у Шилова главная, она же и единственная, задача – получение максимального возможного результата, то нас «затачивали» на соблюдение «конкретных интересов». В основном этим самые «интересы» были персональные и конъюнктурные. Справедливости ради, надо сказать, что «достижение максимально возможного результата» по-Шилову, означало результат как самоцель, результат ради результата. Об этом он обычно выражался так: «Я всего лишь коротаю время до утилизации моего трупа. Но стремлюсь к тому, чтобы это время прошло для меня максимально результативно.» Иными словами, все насущные вопросы он для себя решил давным-давно, а это все для него было своего рода «развлечением». Но, при всем при этом, он старался все делать с максимальным широким позитивным эффектом. И надо сказать, у него это хорошо получалось, учитывая все препоны и все противодействие. Хотя, я считаю, что противодействие было

для него дополнительным «топливом». Но, давайте возвращаться к хронике.

Да-да, Вадим, тем более, начиная с этого момента, мои воспоминания достаточно четкие. Да и у тебя с Леной, думаю, тоже. Как уже отмечалось, с этого момента у нас началась «перестройка» сознания.

Согласен, Мить! Продолжай...

Хорошо. Первым делом, Авдей Наумович всю деятельность, по этим трем сферам, свел в так называемые «государственно-общественные инициативы» или ГОИ. Вы, наверное, Юр, о таковых еще не помните? Не суть. Таким образом, были сформированы: ГОИ «культурная среда», ГОИ «физические навыки для всех», ГОИ «фундаментальная наука – необходимый базис.» Скажу сразу, названия не он придумывал, а мы. Точнее, прибегли к «помощи» соответствующих ведомств, больше мы этого не делали, все старались делать своими силами. А что касается этой неблагозвучной формы «ГОИ», то здесь ключевое именно то, что исходило все, прежде всего, от государства и общества. Причем, исходило реально, а не номинально и показушно. Для разработки положений по каждому из ГОИ, был взят максимально возможный объем данных, вплоть до данных мелких бытовых сетей. Но, данные данными, а для их обработки, структурирования и применения требуются соответствующие процедуры и алгоритмы. Вот нам и предстояло их разработать, на первом этапе. И сделать это надо было, максимум, за месяц,

иначе, как выразился Шилов, «сгинут все эти ГОИ на кладбище проектов.»

Небольшое уточнение про эти ГОИ. И что, под них даже не понадобился отдельный закон или законодательный акт?

В том-то и дело, что нет. Шилов как-то умудрился «вылепить» эту форму из той законодательной базы, которая уже была. И потом, у нас уже столько всего написано, что покрыто процентов девяносто пять всех возможных аспектов во всех возможных сферах. На самом деле, если говорить упрощенно, Авдей Наумович провел процедуру «контекстного формирования предписаний», а именно, он «понадергал» из всей законодательной базы то, что ему требовалось, и объединил это в единый свод. А уж утвердить это на верхах, было делом техники. В общем, эта самая форма была абсолютно легитимной и прозрачной.

Кстати, на счет прозрачности. Она была настолько прозрачной, что можно было в любой момент времени проследить движение любой суммы, по любой статье, от самого начала до самого конца. А принцип «использование под конкретный результат», вообще не оставлял возможностей для «личных интересов».

Что за принцип? Елена Федоровна, можно чуть подробней на этом остановиться?

Все просто. Любая используемая сумма по любой статье требовала получение четко прописанного результата именно по этой статье. Тем самым понятен не только сам резуль-

тат, но и затраты на данный результат. Но, чем еще хорош этот подход – даже если, гипотетически, не получалось целое, оставались вполне самостоятельные частные результаты, которые можно было использовать в дальнейшем. Впоследствии, это сильно выручало, во всех отношениях. Такого пояснения, достаточно?

Да, вполне. Только вот на счет затрат? Вы же сказали, что он старался избегать иметь дело с государственными финансами. Как дело обстояло в этом случае?

А ничего и не поменялось, ни в этом случае и в дальнейшем. Как это вопрос решался? Такими вот способами: задействование уже имеющегося, в самом широком смысле; посильное соучастие, причем именно посильное, ни больше ни меньше; настройка на скорейшую генерацию дохода и самокупаемость. Вот эти три базовых подхода реализовывались в подавляющем большинстве случаев. И надо сказать, получалось результативнее, чем у тех, кто сполна использовал государственное финансирование. Почему? Вдаваться в подробности не буду, не об этом речь, но факт остается фактом. Сам же Шилов говорил, что государственный бюджет нужен только для трех вещей: весь комплекс задач по обеспечению суверенитета государства, функционирование институтов государства, «большие государственные стройки», стройки, опять же, в широком смысле. «Если государственное финансирование распределяется на что-то иное – это растрата», таково было его мнение. И, надо сказать, имело

оно под собой очень серьезные основания.

Из того, что вы уже успели рассказать, я делаю вывод, что Авдей Наумович себя, вроде как, противопоставлял госаппарату и всей системе в целом?

Разумеется. Он этого и не скрывал никогда. Он всегда предпочитал, чтобы его считали сумасшедшим уродом, чем быть лицемером. Всегда об этом прямо говорил, во всеуслышание. Были даже очень яркие случаи и ситуации, связанные с этим. Но к этому мы еще придем. А пока я еще не закончил рассказывать про реализацию наших первых задач под эгидой госсовета. Продолжаю... Запущенная Шиловым форма – ГОИ, заработала сверхрезультативно. Общество реализовало свои надобности в рамках этих трех сфер, а бюрократия занималась тем, что ей и положено – исключительно обслуживанием этих надобностей. Причем именно надобностей – не потребностей. Разница принципиальная: потребности всегда можно навязать или внушить, а надобности всегда явны и безусловны. Эту разницу я раз и навсегда для себя уяснил. Да и результаты реализации ГОИ по специальному образованию, координация которой, как я уже говорил, была поручена мне, говорят сами за себя. Уже одно то, что главной задачей инициативы было – научить людей тому, что они физически делают лучше, чем машина, было достаточно прорывным.

Прошу прощения, что перебиваю. А что, до этого специальное образование строилось по другому принципу?

До этого, можно сказать, специальное образование вообще никак не строилось. Мы же с этого и начали, считалось, что все физические процессы можно отдать на откуп роботам. Но, оказалось, что это не так. Сейчас не будем об этом, это не сильно принципиально. А принципиально и показательно то, что одной только этой инициативой он создал новый макро-сектор экономики, существенно снизил физическую безработицу, да и в целом улучшил деловой и трудовой фон. Каким образом, объяснять не буду, об этом один только я написал пару статей, да и Матвей Сергеевич с Еленой Федоровной в стороне не остались. А вообще, все три инициативы были завязаны между собой так, что при любых взглядах и подходах представляли из себя единое целое. Правда, для нас это стало очевидным только впоследствии. Матвей Сергеевич, можешь проиллюстрировать все на цифрах, чтобы понять масштаб и эффект?

Да, кое-что я еще помню. Говорю сразу по трем инициативам. Итак: количество задействованного населения – около семи процентов; общий объем финансирования – около полутора процентов совокупных госдоходов; объем государственных расходов – одна миллионная процента госбюджета; сокращение уровня физической безработицы – на сорок процентов; объем чистых доходов в государственном бюджете через три года после старта – два с половиной процента государственного бюджета. Нормальные такие показатели, правда? Как Вадим Максимович сказал, о способах достиже-

ния подобных результатов, написано исчерпывающее количество материалов. Но, по порученной мне сфере – фундаментальной науке, скажу так: главным и основополагающим стало понимание назначения фундаментальной науки – знание, что во благо, а что во вред. Лично для меня этот базис был исчерпывающим, все остальные мероприятия и задачи в рамках этой инициативы были делом техники, алгоритмов и процедур. Лен, есть что добавить?

Только некоторые вещи по моей сфере – культурной среде, для полноты картины. В основу моей инициативы был положен следующий тезис: культура есть совокупность нематериальных интересов. Проще говоря, уровень культуры мы определяли шириной кругозора, глубиной мировоззрения, и их различными проявлениями. Но, главное даже не это, а то, что этой инициативой мы доказали, что уровень культуры имеет глубочайшее и критическое влияние буквально на все. В том числе, он несет в себе прямой экономический эффект. И, забегая вперед, скажу, что на верхах об этом достаточно быстро смекнули. Во что это вылилось, будет понятно дальше.

Глава 5.

Мы уже достаточно долго всё это фиксируем. Не желаете ли сделать перерыв?

Юр, а что, техника подводит? Для нас «бесконечные за-

седания» не проблема. Бывало больше двадцати часов подряд договаривались и принимали решения. Благо, уже тогда медицина, технические и вспомогательные средства позволяли это делать без особого напряжения. Правда, износ организма никто не отменял, но этот аспект всегда учитывался. А вот Шилов, как раз, был противником подобного рода марафонов, его правило было таким: «Если нет очевидного решения, которое можно найти за два-три часа, максимум, значит задача сформулирована некорректно, или вообще – нет такой задачи.» Единственное он не учитывал то, что приходилось долго объяснять, убеждать и уговаривать большое количество людей, и не просто людей, а людей с полномочиями. Это, как раз, и требовало большого количества времени и особых навыков. Сам-то Авдей Наумович не привык что-либо с кем-либо обсуждать или согласовывать, он большую часть своей жизни был единоличником. На первых этапах всеми разъяснениями, согласованиями и так далее, занимались мы, но Шилов быстро понял что к чему, точнее, главным для него было то, что на это тратиться слишком много времени. В общем, ему удалось сократить среднее время, необходимое для всех этих «согласований», в два раза.

Вадим, думаю не лишним будет пояснить, как он это сделал, вкратце.

Да-да, Елена Федоровна, будет очень полезным. Поясните, будьте добры.

Легко. Тем более, что решение действительно было доста-

точно простым. Наумович, просмотрев визуаграммы, обратил внимание на то, что больше половины времени, в этих самых согласованиях, уходит на самоутверждение тех, согласование которых требуется. Иными словами, просто всячески демонстрировались их «нужность», «осведомленность» и тому подобное. Что же сделал Шилов: он изначально делал список «согласователей», которые будут нужны; включал их в рабочие группы; и показывал им, впоследствии, что они имеют ко всему согласовываемому самое непосредственное и деятельное отношение. Проще говоря, ну не будут же они противопоставлять самих себя себе же? Таким образом, оставалось только пройти процедурные моменты, на которые и требовалась вторая половина времени. С этим уже ничего нельзя было поделать. Мы и не пытались, так как изменение процедур это уже открытая конфронтация с госаппаратом, нам она была ни к чему.

Хотя, и конфронтации избежать не удалось. Но она случилась после того, как Авдея Наумовича включили в состав госсовета от общественных организаций. До этого еще дойдем. Надо вернуться к результатам и эффекту от реализации первых трех ГОИ. Лен, у тебя все по сокращению времени согласований? Тогда, продолжим в хронологическом порядке. Оценку нашей деятельности по обозначенным трем сферам должна была дать сводная оценочная группа, в которую вошли представители парламента, аппарата правительства и самого госсовета. Возглавил эту группу исполнитель-

ный секретарь госсовета господин Скрипин. Об этом персонаже, Юр, ты, наверное, слышал? Так вот, Любовь, как мы понимаем, оценку доверить не могли, сам себя же он проверять не будет, хотя оценки всего и вся – его прямая обязанность и функция. Но, необычно было то, что оценочную группу возглавил чиновник такого высокого, даже наивысшего, уровня. Это было очень не типично, обычно, такие мало затратные сферы, как те три, оценивались на уровне парламента, и только. А здесь во внимание был принят эффект и объемы поступлений в бюджет, о которых я уже упоминал. Грубо говоря, запахло новыми существенными финансовыми возможностями, вот самые верхи и решили все это подмять под себя. В общем, после проведения оценочной группой соответствующих, одним только им ведомых, процедур и мероприятий, пригласили нас в аппарат правительства для обсуждения и утверждения этих самых результатов. А вот на самом обсуждении стоит остановиться чуть подробнее, так как мероприятие получилось «веселенькое».

Ага, очень веселенькое. Меня после этого мероприятия еще с полгода трясло. А самое существенное то, что не было ни малейшего понимания и представления о том, что можно предпринять и какие последствия будут. Из пересказа того самого мероприятия, станет ясно наше тогдашнее состояние.

Лен, ну так, и перескажи его.

Без проблем. Началось обсуждение с оглашения результатов и выводов общественной группы. В подробности этих

выводов можно не вдаваться, все сводилось к следующим примитивным тезисам: первый – если бы не они (чиновничество), то ничего бы не вышло; второй – были получены чрезвычайно позитивные результаты, благодаря применению прогрессивных методов и технологий со стороны государственного аппарата; третье – указанные сферы всегда были особо приоритетными для госсовета, поэтому под них необходимо сформировать надведомственные структуры. И все в таком духе. Собственно, все это было ожидаемо, даже с нашей стороны, не говоря уже о Шилове. Более того, первые два тезиса его не трогали никак, а вот на третий он отреагировал, да еще как отреагировал. Когда пришло время доклада Авдея Наумовича, состоялся, можно сказать диалог со Скрипиным, примерно следующего содержания: «

Шилов: Говорю абсолютно без лицемерия и утайки, мне абсолютно наплевать на выводы вашей группы, тем более, мне наплевать на то, какую роль в этих результатах вы себе отводите. Но, чему я действительно буду противиться всеми доступными мне средствами, так это тому, чтобы обсуждаемые три ГОИ куда-то передавались ближайšie три года. Видите ли, все программы по этим инициативам сверстаны на ближайšie три года, и я под этим подписался это мои обязательства, а свои обязательства я выполняю. Но, выполняю я их на оговоренных в соглашении условиях...

Скрипин: Позвольте, Авдей Наумович, Вы не в том положении и не в том статусе...

Шилов: Не позволю, во-первых: мой тайминг еще не вышел, во-вторых: мне на статусы также, наплевать. Так вот, для начала, успокойтесь можете спокойно себе пользоваться всеми эффектами и поступлениями от реализации этих ГОИ, у меня нет намерений как-то на них претендовать. Далее, у вас, у всех здесь присутствующих самый прямой интерес, чтобы я довел эти программы до плановых показателей. Еще проще сформулирую, вы потерпеть три года не можете?..

Скрипин: Авдей Наумович, по-моему Вы себе много лишнего позволяете.

Шилов: А по-моему у меня тайминг еще не израсходован. Сразу упреждаю, если мне начнете сейчас рассказывать про проверки в отношении меня, спецмероприятия в отношении меня и так далее, то прямо сейчас можете их инициировать. Если бы я этого опасался, то не влез бы во все это. А по существу, у вас есть что-то конкретное и существенное, что вы можете мне противопоставить? Кроме, разумеется, аппаратных возможностей и ресурсов. Знаю, что нет. Поэтому я возвращаюсь к единственно возможному положению: все эффекты и поступления – ваши, доведение до плановых показателей – мое. Все у меня.

Скрипин: Ну не наши, а общества. И выводы, все же не Вам делать, и решения принимать тоже, не Вам.

Какой-то госсочетчик: Вообще, поведение и манера очень возмутительные...

Шилов: Вы собрались, чтобы оценить меня или результаты, мои и моей группы? Если меня, то мне ваши оценки ни чему, без них обойдусь. А что касается оценок и аргументов по нашей с группой деятельности, то мне достаточно их сравнить ее с результатами любого ведомства. Например результаты по первичному образованию и наши результаты по специальному образованию...

Скрипин: И что же? И как их вообще можно сравнивать и сопоставлять?..

Шилов: Действительно... Ясно... В таком случае, мне здесь делать нечего. Принимайте решение так, как это у вас принято. Только, если можно, сначала решение, потом особистов, если до этого дойдет...»

После этого Авдей Наумович покинул зал. Мы остались, без малейшего понятия, что делать, но решили досидеть до конца. Надо сказать, что к нам вопросов больше не было. Все оставшееся время обсуждалась «недопустимость» поведения Шилова, и «вот, что бывает, когда...». Продлилось это примерно полчаса-час. По завершении того мероприятия, мы связались с Наумовичем, он нам сказал, что действуем в обычном режиме, и все, что случилось, его и только его забота. Чему, как Вы понимаете, мы противиться не стали. Вообще, визуаграмму того заседания можно легко найти, пусть и сильно отредактированную. Я лишь озвучила свои впечатления.

Правильно ли я понимаю, что после этого наступил еще

один «период безвременья», когда у вас не было понимая что и как пойдет дальше?

Можно сказать и так. Только на этот раз Шилов поделился с нами своими мыслями. На следующий же день, после описанного выше заседания, он нам сообщил, что самое негативное, что может произойти в результате его пикировок со Скрипиным, это принудительная отправка на вечный отдых без возможности заниматься чем-либо масштабным. Нам он посулил наоборот, продвижение по службе, чтобы мы были максимально лояльны действующей номенклатуре. И надо отметить, что по настоянию Наумовича, у нас четверых состоялся разговор с Лобовым, на котором были недвусмысленно озвучены его мнения и ожидания. Если коротко, сводились они к простому – он нас «в обиду» не даст, мы должны были действовать, как действовали. И все это «повисло» на четыре-пять месяцев.

Тут я, Лен, у тебя слово перехвачу. И дополню, все сказанное тобой тем, что Шилов гарантировал нам нераспространение на нас рисков, связанных с его поведением, принципами и мировоззрением. И лично я ему доверился, хоть он и сказал, что относится он к нам исключительно, как к рабочим единицам, пусть и ключевым. Проще говоря, с точки зрения психологии и стресса, перенесли мы это все, как никогда просто. По сути, мы действительно продолжили действовать в том же режиме. С того момента мы начали следовать принципу «не надо реагировать на то, что не стоит

реакции».

И что же в итоге этого этапа?

Хэ, не терпится узнать развязку? Понимаю... Развязка получилась в достаточной степени неожиданной. К ней и перехожу. Как мы понимаем, без внимания Верховного эта вся возня остаться не могла. Особенно, когда оценкой занимался сам Скрипин. Вот и самый-самый захотел использовать Шилова с максимальным интересом для себя. Точнее, мое субъективное мнение, к этому его подвел Лобов. Короче, суть в том, что Шилов, как фигура, мог стать: и хорошим «громом отводом», и «собирателем внимания», да и просто медийно интересным. При том, что его результативность оставалась при нем. Зачем все это Верховному, точнее, Лобову в интересах первого лица? Очень просто, даже примитивно – при начале какого-либо внутреннего негативного, как кулуарного, так и публичного, происходило переключение и концентрация на Шилове. Почему, понятно? Тут тебе и живость, и результативность и все, что угодно. Думаю, это понятно и без лишних объяснений. Правда, этот маневр нам расписал сам Шилов. Мы тогда были сильно сконцентрированы на насущном, некогда было рассуждать на подобные темы.

Так-так, и что же было предложено ему и Вам?

В плане должностей и статусов, ничего. Надо же эти финты было проверить и обкатать. А вот в плане самой нашей деятельности, был выдан полный карт-бланш и поддержка со стороны самых верхов, точнее, той их части, к которой

принадлежал Лобов. А, да, на счет статуса, Шилова начали приглашать на все мероприятия госсвета и аппарата правительства. Ну, и нас он стал подключать к этим совещаниям.

И все-таки, если позволите, несколько уточняющих вопросов по данному периоду?

Конечно-конечно, для этого мы все здесь.

Вы продолжили заниматься исключительно теми тремя сферами?

Формально, да. Но, фактически, мы стали делать планы реализации практически под все программы и задачи государственного уровня. Проще говоря, мы стали неформальным ведомством по государственному организационному планированию.

И как это отразилось на вашей деятельности?

Как ни странно, позитивного было мало. По сути, кроме приглашения Шилова на госсветы, позитива особого и не было. Поясняю. Во-первых: на нас «свалили» всех «плохо устроенных» госчиновников, причем отовсюду, из всех подряд ведомств. Во-вторых: ресурсов добавили, чисто символически. В-третьих: количество различных запросов от верхов выросло многократно. Разумеется, это не могло не сказаться на нашей эффективности. Не скажу, было ли это специально или нет, но нагрузили нас под самую завязку.

И сколько длился этот самый период?

Четверть избирательного цикла точно. То есть, где-то полтора года.

А что же с выступлениями Шилова на госсоборатах? И как он допустил такую ситуацию с вашим функционированием?

Вадим, на второй вопрос я отвечу, если позволишь...

Пожалуйста, Мить.

А ответ на него достаточно простой – Шилов допустил подобную ситуацию намеренно. Какие же у него для этого были резоны.? Первое: получить время на формирование имиджа в госсоборате. Второе: показать, что происходит, когда навязывают персонал. Да, и как же бесконечные запросы, «ненужный» персонал и все в этом духе, согласуется с «карт-бланшем», о котором мы упоминали? Еще проще, в госсекторе, если вам дают карт-бланш, это совершенно не означает, что вы получаете свободу действий. Скорее наоборот, на вас сваливается столько, что лучше бы вы оставались «подневольными». А что касается выступлений Авдея Наумовича на госсоборатах, то была пара-тройка особенно памятных, я бы сказал определяющих...

Это те, на которые вы мне указали до этой встречи?

Мы, Юрий, Вам много чего рекомендовали посмотреть среди визуаграмм. Какие конкретно Вы имеете в виду?

Вообще, я просмотрел все, что смог найти. Очень много из того, отредактировано, заретушировано и обрезано.

Да, это понятно, мы уже это отмечали. Ладно. Я имею в виду: заседание генеральной коллегии госсобората номер сто сорок пять; заседание рабочей группы госсобората по экономическому развитию номер сто шестьдесят восемь; заседа-

ние аппарата правительства номер сто семьдесят семь.

Да-да, согласен с Матвеем Сергеевичем, эти заседания были самыми, скажем, ядреными, в его исполнении. Лен, согласна?

Пожалуй, да. После этих мероприятий, были сформированы несколько законодательных и нормативных актов, в разработке которых, и нам пришлось участвовать непосредственно.

Так может, на них и остановимся?

Да вроде, к этому и подводили. С какого заседания начать?

Глава 6.

А давайте, с первого, упомянутого Матвеем Сергеевичем, и начнем.

Ну, Мить, ты начал, ты и продолжай.

Без проблем. Помню это заседание достаточно хорошо, так как присутствовал лично. Вадим Максимович и Елена Федоровна, как раз-таки занимались вновь прибывающим персоналом, а меня Шилов попросил присутствовать для «подношения» наших циферок и оценок. Разумеется, присутствовал я не на самом госсовете, а удаленно, в специальном здании на специальном канале связи, но визуалка мне приходила полная, без цензуры, так сказать. Собственно, началось все очень заурядно и ожидаемо: сначала дежурная

вступительная речь, потом промежуточные выкладки и итоги, потом оглашение повестки дня и так далее. Короче, Шилов был приглашен на это мероприятие, чтобы дать свою оценку и видение развития транспорта и всего, что с ним связано, но пока прошла эта вся дежурная рутина, прошло порядка полутора-двух часов прежде, чем Шиллову досталось слово. Когда же дело дошло до Авдея Наумовича, состоялся разговор, примерно такого содержания: «

Модератор: ... давайте сейчас выслушаем видение и соображение господина Шилова по этому вопросу, а потом перейдем к выработке решений.

Какой-то чиновник: Я правильно понимаю, что Авдей Наумович озвучит мнение общественных организаций?

Шилов: Нет, не правильно Вы понимаете. От общественных организаций здесь достаточно представителей, чего не скажешь, когда дела касается практических шагов... Но не об этом. Я, очень коротко, выражу оценку нашей группы относительно упомянутого вопроса. Оценка очень простая – транспортная инфраструктура у нас существует только для: крупного объема, чиновничества и госсаппарата, а также для состоятельных граждан. Проще говоря, кто готов платить много, тот и пользуется. Конечно, менее состоятельные люди и предприятия нашли решение, они перемещаются сами и перемещают грузы в обход транспортной инфраструктуры, благо, технологические возможности это позволяют. Исходя из этого, лично у меня вопрос простой – мы какие задачи

этой самой инфраструктурой решаем?

Модератор: Вы уверены в корректности и обоснованности поставленного вопроса..?

Шилов: Прошу не перебивать во время моего доклада, пожалуйста. Корректность и обоснованность – дело дискуссии, а я не дискутирую, я констатирую. И констатирую я следующее: если положение дел устраивает, то надо сократить саму транспортную инфраструктуру в три раза – это позволит сократить расходы на нее в шесть раз; если есть задача сделать ее общедоступной, как это положено по конституции, то надо «спускаться со столичных высот на муниципальные земли». Правда, у меня серьезные сомнения, что второй вариант устроит большинство из вас. Посему, мое заключение – идти по первому варианту, а высвободившееся средства направить по вашему усмотрению, по другому ведь, все-равно не будет. Все у меня.

Модератор: Мда, как всегда, многозначительно. Уважаемые участники госсвета, если позволите, я задам Авдею Намовичу вопрос на немного отвлеченную тему. Можно да? Господин Шилов, это, на моей памяти, ваше пятое выступление на госсвете, и все они очень колкие и язвительные. В связи с этим у меня вопрос, Вы чего-то конкретного добиваетесь?

Шилов: Как Вы, да и весь госсвет, относитесь к моим докладам, не моя забота. Я уже устал говорить, что я не политик, и нечего мне добиваться. Я всего лишь требую опре-

деленности, пусть кривой-косой, которая устраивает только вас, но определенности. Вместо этого я уже на протяжении шестого заседания госсвета слышу рассуждения на тему «достаточно ли вы великие»...

Множество голосов: Да что он себе позволяет?..

Шилов: А, ну да, и постоянные «обиды» в мой адрес. Только вот в чем проблема, это никак не приближает нас к определенности, да вам она, как я понимаю, и не нужна...

Модератор: Авдей Наумович, раз Вы такой определенный, может поведаете нам о том, как вы видите решение задач по транспортной инфраструктуре.

Шилов: Только эти задачи вначале должны появиться, а если вас все устраивает, о чем может идти речь? Я с этого и начал. Но, на неготовности вы меня не подловите. Выведите на в общую директорию, пожалуйста, визуализацию концепта «Полезный транспорт и логистика.» Вот задачи, вот действия, сроки, ресурсы, результаты. Полное изучение займет у любого, от силы, пятнадцать минут. А мы только повестки по полчаса оглашаем, которые итак все наизусть знают.

Модератор: То есть Вы ставите под сомнение необходимость госсвета?

Шилов: Это вам хочется, чтобы я в этом сомневался. А я, опять же, возвращаю вас к определенности – нужно в корне менять регламент и содержание заседаний. Уж больно они узко конъюнктурные.

Модератор: Да уж, такой оценки, еще слышать не прихо-

дилось. Если сводить к простому, то мы все тут никчемные, один Вы способный..?

Шилов: Сводите к чему хотите, воспринимайте как хотите. Я сказал то, что сказал. Решения и выводы, в любом случае, за вами, на то она и, как вы выражаетесь, легитимность.»

После этого был объявлен перерыв, а Шилов ушел на разговор с Лобовым. Содержание этого разговора мне не известно, но Шилов, по его завершении, уехал в наш офис, и мне сказал явиться туда же. Особых рассуждений на тему прошедшего госсовета у нас не было, да и некогда было, текущие задачи никто не снимал. Вообще, Авдей Наумович был противником всякого рода совещаний, заседаний, советов и так далее, «В нынешних условиях, все задачи могут без проблем решаться в текущем режиме. Это все вопросы организации, автоматизации и систематизации», так он говорил. Даже более того, он утверждал, что все эти бесконечные сборища, в основном нужны исключительно для удовлетворения властолюбия, так он объяснял свой негатив в отношении любого рода советов.

Извините. И все же, есть предположения, о чем тогда говорили Шилов с Лобовым?

Я могу предположить, основываясь на последствиях. Если позволите.

Лен, какие могут быть возражения.

Так вот. Через некоторое время после упомянутого разговора, в управление нашей группе перешла одна из транс-

портных государственных компаний, а именно компания по внутренним водным и речным перевозкам. Еще проще, нам в управление передали весь речной транспорт. Исходя из этого, могу сделать вывод, что суть разговора сводилась к следующему – покажи и докажи на практике свои выводы и заключения.

Да, согласен, очень похоже на то. Правда, я бы больше обратил внимание на то, что с того самого госсвета отношение к нам и нашей деятельности со стороны госаппарата резко изменилось, и, как ты догадался, далеко не в лучшую сторону. И это отношение я бы сформулировал следующим образом – раз вы самые умные, самые продуктивные и вообще самые-самые, разбирайтесь со всем сами, без нашего участия.

Опять же, прошу простить, я упустил такой момент, а у вашей организации, на тот момент, уже была какого-либо форма, название, статус?

А мы об этом разве не упоминали? Вообще, эта самая форма, как и название, менялись. На тот момент мы назывались Межведомственное Независимое Управление Госпрограмм, как-то так. Вон Елена Федоровна с Матвеем Сергеевичем, подтверждают. Название, разумеется, придумывал не Шилов и не мы. Ему было наплевать на всякие там пустые названия, нам было не до этого. Хотя, надо отметить, что как раз к ценности слов и их значениям, он относился чрезвычайно серьезно, я бы сказал фанатично. Но на счет названий подход был простой – суть отражает, не руга-

тельство, ну и ладно. Да, что касается формы, по сути мы были государственно-общественной организацией с самыми широкими функциями и полномочиями. И, как отмечалось ранее, нашими учредителями, точнее инициаторами, были множество других общественных организаций и объединений, пусть и формально. У Шилова должность называлась – генеральный координатор-распорядитель, наши должности назывались – управляющий направления. Сейчас вот произношу эти названия, и понимаю, названия вообще не отражают сути. Правильнее было бы назвать, крайние по программе и главный крайний, но это так, юмор. В принципе, на вопрос ответил?

Да, вполне. Благодарю! Давайте вернемся к ситуации с компанией по речному транспорту. Каковы были ваши действия?

Хэ, сначала были действия Шилова. Он, практически в одиночку, проделал следующие действия: разбил эту самую компанию на несколько более мелких, по главным речным путям, точнее просто по бассейнам крупнейших рек; распределил ресурсы в соответствии с грузопотоками и загрузками; полностью систематизировал все логистические процессы. И это только на первом этапе. Нам же он поручил найти и назначить людей на руководство вновь образованных компаний. То, что было дальше, описано в большом количестве источников...

Вадим, разреши, приведу несколько ключевых моментов

по той программе. Первое и ключевое, главным его ходом было – загрузить речной транспорт выпадающими из оборота и не типовыми грузами. А в результате реализации всего плана получилось следующее: увеличение чистой прибыли переданной компании в четырнадцать раз; увеличение грузооборота всей отрасли в пять раз; капитализация всей отрасли в четыре с половиной раза. Упомянутые компании, после достижения этих показателей, верхи вскоре забрали.

Но как же ему это удалось в условиях, которые вы сами охарактеризовали, как «раз самые умные – сами и решайте»?

Для начала надо отметить, что этот нехитрый «алгоритм» – «отдать, Шилов и мы все сделали, забрать», верхи проделывали постоянно, впоследствии. Упирался Наумович только по нескольким делам, но об этом позже, намного позже. Вообще, его восприятие подобного отношения госруководства сводилось к фразе: «Быть лучше и продуктивнее полного нуля и бездействия не оставляет никакого труда. И потом, я прекрасно понимаю, что именно под этим я и подписался.» А в отношении нашего недовольства по этому поводу, пусть и очень редкого, он просто спрашивал: «Есть ресурсы для бадания, бадайтесь, только без меня. А если нет, то и нечего реагировать.» Собственно, после подобных замечаний, все недовольство улетучивалось. Что же касается «самые умные – сами решайте», то тут еще проще, при любых раскладах госаппарат формальщину реализовывать должен, иначе будут большие неприятности. А Шилову, и

нам вместе с ним, ничего больше и не надо было, мы изначально на формальный подход с их стороны все программы и настраивали. Препоны же чинить, или там преграды и помехи, дело затратное и бессмысленное. Да и рискованное, потому что нет-нет, а Лобов и его люди распекали целые ведомства за проволочки и сверх бюрократию.

Только вот было это в случаях, когда самого Лобова припекало. С другой стороны, так устроено у них из по кон века. И, разумеется, системно эти распекаания ничего не меняли, при следующих обращениях, все происходило в том же ключе.

Ясно. Возвращаясь к самым интересным заседаниям на тот период с участием Авдея Наумовича, можем кратко и по существу осветить оставшиеся два?

Это пожалуйста, это сколько угодно. Тем более, что с заседания номер сто шестьдесят восемь экономического блока госсовета, мы втроем стали участвовать в подобных мероприятиях на постоянной основе, пусть и в качестве ассистентов. То есть для Елены Федоровны и Матвее Сергеевича оно было первым. Поэтому, может кто-то из вас о нем расскажет, друзья-коллеги?

А пускай Лена и расскажет. Тем более, ей тогда даже высказаться удалось.

Высказаться, Мить, скажешь тоже, я всего лишь озвучила то, о чем попросил Шилов. Но, все по порядку. В принципе, то совещание было довольно стандартным по регла-

менту и повестке: оценка экономики, экономические прогнозы и прочее. Шилов и мы вместе с ним, были приглашены в качестве «третьей стороны», как обычно. Но в этот раз, после формальной вступительной части, председательствующий сразу же обратился к Авдею Наумовичу. Вот, приблизительно, какая вышла полемика: «

Модератор: У меня есть поручение от первого министра, передать первое слово Авдею Наумовичу Шилову, так что, выполняя его поручение, прошу Вас, господин Шилов, дать Вашу оценку экономического состояния государства. Только, постарайтесь удержаться в рамках регламента.

Шилов: Легко, это займет минимум времени. Даже если не менять действующих Правил, то: темпы роста могут быть семь и три десятых в год – сейчас еле-еле два; капитализация может быть на восемьдесят процентов больше; и самое главное – средний уровень доходов по всем социальным группам может быть больше на треть. Выводы делайте сами. У меня все.

Модератор: Нет уж, Авдей Наумович, будьте любезны, доведите свой доклад по положенного конца. Каков лично Ваш вывод?

Шилов: А он и может быть только лично моим. И вывод таков – заявленные или декларативные цели и стратегические ориентиры не соответствуют реальным. Если еще проще, то у нас личное и частное преобладает над общим и государственным, причем существенно преобладает. Это я сразу

и высказал свой вывод и то, почему так происходит.

Кто-то из участников: То есть Вы хотите сказать, что мы действуем не в государственных интересах, а в своих личных?..

Шилов: В который раз уже, я сказал ровно то, что хотел сказать. А как вы это интерпретируете – не моя забота. Более того, ответ на Ваш вопрос должен давать не я, а следственные и контрольные органы.

Госсовет, хором: Это же наговор и не обоснованные обвинения...

Модератор: Уважаемые господа и дамы, не создавайте какофонию. Авдей Наумович, предлагаете инициировать и поручить этим самым органам, провести соответствующие действия.

Шилов: Инициирование чего бы то ни было не входит в круг моих интересов. И уж тем более, у меня нет на это полномочий. Но, если уж инициировать, то начинать нужно с моей организации, чтобы было с чем сравнивать и оценивать.

Модератор: Смело. Вы настолько уверены в своей кристалльности?

Шилов: Ха, это смотря, что и как проверять и расследовать, законодательная база у нас с большим количеством возможностей для соответствующих структур. В одном я точно уверен – у меня люди сначала делают то, что должны делать по всем уставным и основополагающим документам, а

подавляющем большинстве ведомств и госструктур народ, в массе, занимается тем, что считает нужным для себя. Поэтому, я и заключаю, что ели госаппарат займется тем, чем должен заниматься, будут достигнуты другие показатели, гораздо более существенные. Вот и все.

Модератор: Все-таки вы обвиняете...

Шилов: Нет, просто, видимо, Вам хочется, чтобы я обвинял.

Модератор: Ну, Вы можете конкретно проиллюстрировать данное положение вещей.

Шилов: Легко. Например, у руководства данного, экономического, блока госсовета, самое часто повторяемая фраза : «Мы ожидаем...»; «Мы ожидаем такие-то уровни», «Мы ожидаем такие-то показатели» и так далее. Возникает простой вопрос: Чего вы ждете? Что нужно сделать, чтобы вы начали действовать? Я уже не говорю о характеристиках и параметрах этих самых показателей, пусть будут, какие есть. Вы действуйте, а не ожидайте...

Модератор: Господин Шилов, это все семантика, риторика и буквоедство...

Шилов: В корне не согласен, формулирование – одна из базовых вещей любого действия. Если вы формулируете «ожидаем», то вы и будете только «ожидать». Я прекрасно понимаю, что если будут такие формулировки, как: «достигнем», «реализуем», «выработаем», «добьемся» и тому подобное, то это ко многому обязывает, надо же будет прила-

гать соответствующие усилия. Вот Вам и наглядный пример того, что Вы просили. А что касается, еще большей конкретики, то, как я уже сказал, сравните показатели моей организации с любым ведомством, это и будет вам ответом.

Модератор: Ну-ну-ну, Авдей Наумович, разве в этом может быть прямая корреляция?

Шилов: Прямее не бывает, так как действуем мы на одном и том же поле, по одним и тем же правилам, а вот ресурсов у меня действительно, несравнимо меньше. Да, если все же пойдете меня проверять, не забывайте – моя организация негосударственная.

Модератор: Но, Вы же сами говорите, что действуем-то мы по одним правилам...»

Это самая яркая часть его тогдашнего выступления. Дальше, в течении минут десяти-пятнадцати, был просто обмен цифрами, фактами, цитатами из законов. Вот, как раз для озвучивания цифр, Шилов передал слово мне.

А какие цифры Вы озвучивали, сейчас не вспомните?

К сожалению, достоверно не скажу. По-моему, приведенные показатели по отраслям. На самом деле, не столь важно. Тем более, это должно быть на визуаграмме того совещания. Главное другое, что произошло после, в результате. А результатом стало следующее: первое – проверку к нам все же направили, хоть и назвали ее «для фиксации опыта»; второе – очень большое количество «левых» людей и конъюнктурщиков захотело от нас уйти; третье – Шилов был вызван

к Верховному. Правда, эта самая встреча состоялась только через полгода. Еще до нее дойдем. Да, чуть не забыла, нам в управление передали один из государственных отраслевых банков, а именно – банк развития аграрного сектора.

Это что-то новое для меня, нигде не видел упоминаний о том, что вам довелось еще и банком руководить...

И не удивительно, так как тот банк переродился в такого монстра, как Национальный Банк Потребительского Рынка. Руководство этого банка всем известно, точнее его высокомерие. Правление НБПР считает его исключительно своим детищем. Кто же захочет вспоминать, что мы, во главе с Шиловым, увеличили его капитализацию почти в пять раз, как раз за период между назначением встречи с Самим до ее проведения, то есть за полгода.

Если позволите, я бы не стал подробнее останавливаться на управлении тем самым банком. Во-первых: скучно. Во-вторых: управление им осуществлялось сверх технологично, поэтому и скучно. В-третьих: с высоты своего нынешнего опыта могу сказать, что ничего особенного мы и не делали: сократили все, что можно было сократить; продуктовую линейку сделали гибкой, на сколько это было возможно; свели бюрократию к минимуму. А дальше – деньги делали деньги. Как сам Шилов говорил: «Деньгами не надо управлять, их надо направлять и создавать условия.» Это мы, по сути, и делали.

Хорошо, раз вы считаете, что на этом подробнее останав-

ливаться не стоит, не будем. Тогда, такой вопрос, о каких конъюнктурщиках и «левых людях» идет речь?

А, так о тех самых, которых нам сторонние ведомства посбагривали. Не совсем понятно о ком идет речь? Попробую нарисовать портрет. Вообще, с моей точки зрения, существуют определенные мотивы поступления на госслужбу, а именно: амбиции государственных масштабов, как позитивные, так и негативные; фактическая гарантия трудоустройства до самой пенсии, если есть трудоустройство; властолюбие и все, что с этим связано; легкий доступ к «ничейным» деньгам; просто «затащили», то есть детки, родственники и тому подобные. Это основные пять, таких подавляющее большинство. Вон и Матвей с Леной со мной согласны. Так вот, к чему я, а к тому, что в нашей организации три четверти сотрудников было из тех, кто руководствуется тремя последними мотивами поступления на госслужбу. Вот они все и начали массовый «исход», так как у них появилось стойкое убеждение, что «недолго нам осталось» из-за поведения и риторики Шилова.

Вадим, на самом деле, я бы на этом тоже подробно не останавливался. В конечном счете этот самый «исход» пошел нам только во благо. Мы избавились от балласта, от всех издержек, связанных с раздутым аппаратом и все в этом духе. Но самое главное, что впоследствии в нашу организацию было не устроиться.

Мить, только ведь причина этого была несколько в дру-

гом. Ты же помнишь? Шилов, уже имея негативный опыт, просто взял и процедурно сделал невозможным сваливание на нас кадрового балласта. При этом главным критерием приема был, как же он его формулировал? А, точно: «Берем только тех, кто ножками потопал, ручками похлопал и может пальчиком показать, что получилось.» Много ли таких в госсепарте? Разумеется, есть, процента два-три. Но, в дальнейшем, мы брали только людей не из госсектора, чаще всего предпринимателей, инженеров и представителей естественных дисциплин.

Так, что-то мы в очередной раз отклонились от главного объекта повествования. И ты, Юра, нас не контролируешь. Смотри! Мы тебе столько нарассказывать можем, многотомник получится. Но, у нас же задача передать основную суть.

Нет-нет, все в том объеме, на который и рассчитывал. Голые факты и события без подробностей, тоже не добавляют жизненности и интереса. Ну, раз считаете, что надо вернуться к основному, не возражаю. Мы остановились на результатах совещания группы госсовета по экономическим вопросам...

Да-да, Юр, помним. В этой связи, важно не забыть об, уже упомянутом, совещании один семь семь аппарата правительства. Ты спросишь, чем же оно знаменательно? А тем, что, фактически все, это мероприятие было посвящено Шилову, и далеко не в позитивном ключе. Если конкретнее, то противники Лобова, они же ярые ненавистники Авдея Наумови-

ча, пробили этот сходнячок по какому-то надуманному поводу, сейчас уже и не вспомню по какому именно. В общем, главной задачей было спровоцировать или скомпрометировать Шилова. Причем, сделано было так, что Лобов на той встрече присутствовать ну никак не мог, так что получилось, что Наумович был, фактически, один на один со всем аппаратом правительства. Мы, хоть и присутствовали лично, но на тот момент бодаться с чиновниками уровня зампреда и не могли и не умели, скорее присутствовали для собственного опыта.

И надо сказать, впрок нам то совещание пошло на все сто процентов. Извини, Вадим, продолжай.

Ничего-ничего. Поскольку мы не просто лично присутствовали на этом мероприятии, но еще и неоднократно его пересматривали, поэтому его содержание я помню достаточно детально. Происходило все как-то так: «

Первый зампред: Авдей Наумович, первые лица государства настоятельно просили обратить внимание на Ваши предложения и замечания. Мы, разумеется, подобные поручения выполняем незамедлительно. Специальная группа в правительства отобрала некоторые наиболее интересные, с нашей точки зрения, предложения. Давайте их обсудим, в рамках отведенного времени. Если готовы?

Шилов: Готов всегда. Только, во-первых: не мои лично, а всей организации, значит и всех общественных организаций, которые она представляет. Во-вторых: лучше бы вы все по-

ручения выполняли незамедлительно, а не только какие-то конкретные. Отсюда в-третьих: а почему только предложения? Замечания не принимаются?

Первый зампред: Ваши претензии оставим без внимания, пока. А до замечаний, дойдем. Ну, а если Вы готовы к обсуждению предложений, к ним и перейдем. Начнем с Вашего предложения о расчете муниципальных бюджетов из расчета на одного жителя, а точнее о выравнивании этого показателя. Причем за основу должна быть взята нынешняя цифра для столицы. Вы считаете, что это действительно реально? Уточняю, то есть естественные различия для Вас не существуют?

Шилов: Для начала, сразу же попрошу обратить внимание, эти инициативы не по моей инициативе – меня попросили, я сделал. Это в общем. Конкретно по этому, все эти ваши «естественные различия» – всего лишь не очень хорошая отговорка, чтобы ничего не делать. Все не просто реально, а реально с таким запасом, что еще и останется. Но, развиваться все будет по гораздо более позитивным сценариям. Все же расчеты и данные представлены.

Первый зампред: То есть, по Вашему мы мешаем развитию муниципалитетов?

Шилов: На этом вопрос отвечать не буду, бессмысленно это. Я уже его слышал больше сотни раз за этот год. Как слышали так и услышали. Отвечу так, чтобы это все заработало и осуществилось надо всего лишь: поменять настрой-

ки госс аппарата, некоторые приоритеты, и сделать общество реальными участниками всех процессов. Уже только от этого результаты будут гораздо более позитивные.

Министр по развитию муниципалитетов: Вы представляете сколько всего надо будет переписать, перенастроить, и сколько всего это за собой тащит?

Шилов: Вот подобные вопросы и подтверждают необходимость перенастройки госс аппарата. Переписывайте, перенастраивайте, переделывайте! Или Вы считаете, что Ваша работа состоит исключительно из заседаний на бесконечных саммитах, советах, форумах и тому подобном? Вы – министр муниципалитетов...

Министр мунраза: Вот только не надо учить меня работать?

Шилов: Ни в коем случае не собираюсь этого делать, уже слишком поздно. Но делать все-равно что-то придется, иначе будет недовольство, которое может вылиться в локаут центров, как это уже бывало. Еле-еле потом вытащили ситуацию. Не думаю, что подавляющему большинству хочется повторения этого.

Министр продбезопасности: Вы что ли вытаскивали?

Шилов: Конечно же, Вы. Только зачем было надо доводить до такой ситуации?..

Первый зампред: Господа, господа, мы не о том. Давайте не тратить время на постороннее. Вернемся к повестке, второе Ваше предложение, рассмотренное соответствующей

группой, заключается в том, чтобы отменить налог на дивиденды в национальной валюте. Не понятно, в чем тут позитив, если бюджет недополучит средств?

Шилов: Если исходить из сиюминутной логики, то да, недополучит. Тут вопрос скорее приоритетности этой самой логики, если она в приоритете, то обсуждение инициатив подобного рода бессмысленно. Если же мы руководствуемся долгосрочной стратегической логикой, то принятие подобного рода инициатив могут положительно перекрыть прямые потери, многократно.

Министр финансовой политики: Поясните, пожалуйста, как это у Вас получается?

Шилов: Что касается конкретно этой инициативы, то изначально надо говорить о том, что налог на дивиденды прямо противоречит действующему Кодексу законов о финансах...

Министр финансовой политики: Это в чем же, позвольте спросить?

Шилов: Если бы не перебили, уже бы сказал. Так вот, противоречит этот налог в части принципа «недопустимости двойного налогообложения за один и тот же объект...», далее по тексту, Вы сами прекрасно его знаете. Сразу же поясню, как именно: дело в том, что дивиденды выплачиваются из чистой прибыли, то есть до выплаты дивидендов, все налоги уже выплачены. Почему после выплаты всех налогов, появляются еще какие-то налоги? Но, это дело еще более

унылое. Вы знаете каковы поступления от дивидендного налога? Одна сотая бюджета. А сколько тратиться на его администрирование? Семь тысячных, то есть семьдесят процентов поступающей суммы. Не дорогой ли налог получается?

Министр финансовой политики: А Вы предлагаете, чтобы все через эту лазейку от налогов уходило?

Шилов: От вас уйдешь... Все же написано: «выплата дивидендов только в национальной валюте и в национальной юрисдикции.» Причем важна именно вторая часть, валюта сейчас очень большая условность, все равно все считаем в унциях. Не уже ли не складывается картинка? Увеличение оборота, увеличение объема реинвестирования и все в этом духе. Причем, увеличиться интенсивность хождения самых «не токсичных» денег.

Министр финансовой политики: Это все очень спорно. Любые неосторожные действия в такой консервативной и чувствительной сфере, как финансы и налогообложение, могут привести к коллапсу.

Шилов: Согласен, только вот, ничего неделание приведет к этому самому коллапсу скорее.

Первый зампред: На чем основываются Ваши выводы? Вы видите предпосылки? Уж очень это все походит на голословное, необоснованное обвинение.

Шилов: Вы же ознакомлены с моим докладом для экономической группы госсовета. Там все эти ответы есть. К чему подобные вопросы сейчас?

Первый зампред: Лично я в том докладе увидел только домыслы, намеки и инсинуации, поэтому и спрашиваю Вас сейчас, лично.

Шилов: Если Вы увидели только то, что сейчас перечислили, то дальнейшее обсуждение бессмысленно. Собственно, как и любые другие мои ответы.

Первый зампред: Не в Вашей власти завершать заседания аппарата правительства. Особенно, когда это обусловлено отсутствием аргументов и оснований...

Шилов: А я ничего и не завершаю, просто говорю субъективно, для меня данное мероприятие бессмысленно.»

Дальше все было просто, небольшая унылая пикировка между Шиловым и Первым зампредом, после чего заседание было закрыто. Кстати, это было самое короткое заседание за всю историю существования аппарата в этом формате. Собственно, после этого, Авдея Наумовича на заседания аппарата правительства не приглашали, вскоре поймете почему. Самым ярким итогом того совещания, помимо скорейшего приглашения к Верховному, было начало нескрываемой, открытой конфронтации этого самого аппарата правительства с нашей организацией, и не просто конфронтация, а прямое противодействие. А яркость этого результата, заключалась в том, что Шилов смог обратить всю конфронтацию с их стороны, нам во благо. Каким образом? Исключил аппарат из участия в нашей деятельности; снял необходимость практически всех процедур, завязанных на аппарат; мы получили

все основания говорить о том, что аппарат к нашим достижениям не имеет никакого отношения. Разумеется, это все было сделано при полном согласии со стороны наивысшего руководства, которое и было получено после встречи с Самим.

Не могли бы чуть подробнее остановиться на общественном резонансе после того заседания? Просто, насколько я понимаю, именно после этого мероприятия Авдей Наумович получил известность в широких кругах.

Знаете, а останавливаться-то особо не на чем. Все очень просто, органы фильтрации информационных потоков не смогли отфильтровать в полной мере содержание того со вещания, и оно стало доступным широкой общественности практически без редакции. Я подозреваю, что произошло это с подачи Лобова, в качестве ответа на проведения этого мероприятия без его участия.

Как вы считаете, это было позитивно для вас и для Лобова, или негативно?

Юр, а фактически никак. С одной стороны Шилов и наша организация в целом получила, что называется, общественный капитал. С другой стороны ни у Шилова ни у нас не было ни малейшего желания им воспользоваться. Как мы уже отмечали, у Авдея Наумовича практически отсутствовали какие-либо амбиции, особенно политические и избирательные. Наши же амбиции лежали в совершенно другой плоскости, проще говоря, также никак не были связаны с выбор-

ными должностями.

Ясно. Может тогда перейдем ко встрече с Верховным?

Глава 7.

А вот о содержании той встречи мы ничего особого рассказать не можем, как Вы понимаете. Можем только косвенно предположить ее прямые итоги. Ну, а то что она была определяющей не меньше, а может и больше, чем вторая встреча с Лобовым – это факт.

Может хоть какие-то подробности и детали вы попытаетесь вспомнить. Ведь действительно, информация о той встрече практически отсутствует. По сути, есть только момент личного знакомства, и все.

Ну, давайте попробуем пособирать от каждого по малому. Лен, давай с тебя начнем, ты ведь отправляла финальные материалы для встречи.

Хорошо, могу постараться. На самом деле, о содержании встречи с Самим мы можем судить исключительно по тем самым материалам для встречи, которые мы вчетвером с Шиловым и готовили. Но для начала надо отметить следующее: предмет встречи никто не обозначал, даже Лобов; запланированная длительность была полчаса максимум; весь месяц до встречи был повышенный уровень контроля, но это само собой разумеется. Исходя из этого, было принято решение запихнуть в семи-десяти минутную визуалку: ис-

черпывающую информацию о деятельности нашей организации, ключевые точки анализа, ключевые предложения. Шилов ее потом еще два или три раза правил. В результате получилась презентация некоего концепта модели взаимодействия на местном уровне. А если еще проще, то комплексная программа капитализации муниципалитетов, будем называть вещи своими именами. Именно ее безуспешно требовал Верховный, на тот момент, уже на протяжении лет пяти-семи. Разумеется, мы сделали визуалку на предмет данной программы, намеренно. Шилов сразу понял, что одним из основных поручений ему будет – сделать то, что не умеет госаппарат.

Ага, только вот этот самый госаппарат мало чего умел и умеет. И из этого, предположительно, исходит второе поручение для Шилова перенастройка госаппарат в части государственных предприятий. Но, напрямую, да и косвенно, подобного рода поручения никогда не поступали.

Мить, до этого мы еще успеем дойти. Мы пока еще только о подготовке к первой встрече и самой встрече с Верховным. Собственно, после подготовки визуалки, мы отправили ее на «редакцию» Лобову. На удивление, Лобов по ее поводу не имел не единого возражения. Единственное, что его по-настоящему беспокоило, так это манеры и риторика Авдея Наумовича. Я почему это хорошо помню, потому что присутствовала на обсуждении этой презентахи, которая вся и свелась к «воспитанию» Шилова на предмет общения с Самим.

Если коротко, то Шилов пообещал не отклоняться и отвечать исключительно прямо на поставленные вопросы, как он выразился: «Без проблем. Буду вести себя, как на допросе.» На том они и условились.

Есть еще один интересный момент по этому поводу – встречу назначили не в резиденции, а на борту номер один, по дороге из первой столицы в восточную. Это я к вопросу о хронометраже и длительности встречи, официально да – полчаса, но сам путь занимает около трех часов, так-что, возможно, общались они дольше. Думаю, это все, что мы можем вспомнить про подготовку ко встрече.

А что делал каждый из вас в день встречи?

Могу ответить за всех? Благодарю. Все, без исключения, занимались текущими задачами. Причем, Шилов даже сказал, что не надо никому на подстраховке по цифрам и выкладкам сидеть, так как все возможные сценарии он обсчитал, «... а если будет невозможный, то все-равно никто помочь не сможет.» С этими словами он и уехал встречаться.

Ну а сразу же после?

А что после? Шилов вернулся в тот же день, пусть и поздно вечером. Мы еще были на месте, так как после «массового» исхода поднакопилось текучки, да и Наумовича хотелось дожидаться, что скрывать. По возвращении он выдал примерно такой монолог: «Вы что в это время здесь делаете? Сколько раз еще мне надо сказать про продуктивность и эффективность в разрезе времени? Короче, кто начнет заваливать,

отстраню. А на счет встречи с Самим, вижу у вас на лицах все вопросы написаны, вот информация для вас, и только для вас. Первое – всем, что касается капитализации муниципалитетов, теперь занимаемся мы. Второе – мы, в моем лице, теперь входим в состав госсовета, как полноправные его участники. Третье – текущие задачи и обязательства с нас никто не снимает. Это главное, все остальное по ходу. Все формальности будут подписаны завтра, вступают в силу немедленно. Конкретика и распоряжения от меня завтра. Все на сегодня.» С этими словами, он ушел к себе в офис. С того вечера началась долгая эпопея с капитализацией муниципалитетов и земель. Собственно, это было главное направление, за которое мы отвечали.

Я бы отметил другое, с того вечера началось осязаемое становление Шилова, как человека, которого впоследствии называли: «главный громоотвод» страны, глашатай реального положения дел, главный независимый аналитик государства и тому подобное. Безусловно, таковым он являлся и какое-то время до этого, но именно после того дня Авдей Наумович стал, что называется, медийной фигурой, хоть и всячески этого избегал.

Так-так, и какие же поручения он сделал на следующий день?

Начнем с того, что на следующий день к нам прибыла целая делегация из администрации, а также целый флот телеботов, чтобы сделать пресс-релиз о том, что наша организа-

ция отвечает теперь за развитие земель, как в прямом так и в концептуальном смысле. Если позволите, то мое отношение ко всей этой ситуации с капитализациями на земле до сих пор не изменилось, на нас это спихнули, как говорится «с больной на здоровую».

Полностью солидарен в этом с Вадимом Михайловичем, если большинство госконцептов хоть как-то двигалось, то относительно комплексного развития территорий движения никакого не было. Все было сконцентрировано вокруг девятнадцати мегаполисов, а точнее, в них было сосредоточено до восьмидесяти процентов населения и девяносто девять процентов административных и финансовых ресурсов. Все остальная же территория страны была под дистанционными средствами контроля. Да и проживали за пределами обозначенных мегаполисов, те самые уже упоминавшиеся «альтернативщики», проще говоря, те, кто не сумел или не захотел подстроиться под образ жизни мегаполисов. Вообще, глобальный пейзаж страны тогда представлял из себя что-то вроде: ничего с небольшими вкраплениями инфраструктуры, по большей части транспортной – это примерно шестьдесят процентов территории; потом места жительства «альтернативщиков» – около пяти процентов; дальше поля для жвачки населения мегасов – где-то пятнадцать процентов; затем производственные агломерации – около пяти процентов; ну и сами мегасы – оставшиеся пятнадцать процентов. Проще говоря, пятнадцать процентов территории пожирали

оставшиеся восемьдесят пять. Сейчас это категорически не так. Да Вы и сами знаете. Это одно из наших главных достижений.

Мить, это все так, только это же и стало одним из главных промахов Шилова, собственно, как и наших. Это станет явным в дальнейшем. Сейчас же я вернусь к первым шагам по этой самой капитализации земель. В этой связи я бы вспомнил одно из установочных совещаний, видеодиаграмму которого мы тебе, Юр, передали. Но, я бы хотел пересказать его с точки зрения своего восприятия, так как только на нем я осознал масштаб задачи. Вот, что мне запомнилось: «

Шилов: Нынешний статус нашей организации согласно решаемым задачам я уже обозначил. Теперь конкретика. Что касается текущих задач – все двигаем в том же ключе, что и двигается, в любом случае это максимум того, что мы можем сделать по действующим правилам, чтобы сделать что-то больше уже нужна политика, мое отношение к этому вы знаете. Но, если кто-то захочет позаниматься текущими задачами в этом ключе, отговаривать не буду, как и оказывать дополнительное содействие, возможностей для этого у меня нет. Более того, если кто-то посторонний или что-то постороннее соберется экспроприировать такие вещи, как операционные компании, невостребованные средства, и любые другие организации, которые меньше управляемого нами банка, не сопротивляемся, пусть забирают, это все непрофильное барахло. С этим ясно? Тогда переходим к новой макро-задаче.

Как я уже упоминал, речь идет о капитализации территорий за пределами мегасов и земель их обслуживающих. Иными словами, нам надо повысить отдачу от примерно шестидесяти процентов территории, где проживают в основном те, кто не прижился в городах. Не спрашивайте меня, почему официально это называется «развитие малых территорий», не отвечу, да и все равно мне, как оно называется. Задачу следует воспринимать именно так, как ее сформулировал я. Входящие параметры примерно такие: как уже сказал, примерно две трети площади; проживает – около двадцати процентов населения; доля в доходной части бюджета – около четырех процентов; доля в расходах – примерно семь процентов. Наша главная задача была мне сформулирована таким образом: «Ну сделайте хотя бы, чтобы не в убыток.» Первичная постановка задачи не обсуждается. Тем более, что я, как глава нашей организации, ставлю ее следующим образом – через четыре года доля в доходной части должна быть десять процентов. А для этого нам надо четко понимать с чем мы имеем дело, поэтому всяких там «примерно» или «около» быть не должно. Матвей Сергеевич, твоя персональная ответственность, ясно? Срок неделя, через неделю должны быть все данные, даже о которых я не подумал. Вадим Михайлович, ты нам надергаешь все, что касается реализации задачи, у остальных ведомств. Скажем проще, у нас должны быть все начала и все концы по ней, максимально. Елена Федоровна, мечтательная наша, все, что можно напра-

вить на реализацию озвученного мной, должно быть туда и направлено. Срок сейчас. Имеется в виду, все из свободного и незадействованного. Пока все. Вопросы по ходу. Пришли в движение...»

Примерно таким был первый «пинок» от Наумовича по этой самой макро-задаче. И надо сказать, что импульс был передан отличный, уже через неделю у нас была самая полная картина, которая когда-либо была, по этому вопросу. Основной первичный результат, который она показала был такой – в этом направлении уже лет пятьдесят никто ничего не делал, даже не было имитации деятельности. Проще говоря, начинать нам приходилось с полного нуля.

Если позволите, вклинюсь. Даже не с нуля, а с минусов, так как были несколько ведомств, которые существовали именно на «поднятии» не мегасовских земель, а финансирование они, разумеется, отдавать не хотели. А поскольку, как мы уже не раз отмечали, Шилов считал бестолковым занятием бодаться за текущее финансирование, то нам надо было не только наладить стороннее финансирование, но еще и изолировать от него эти самые «целевые» ведомства. Конечно, номинально было продекларировано Лобовым, что он нас отгородит от политиканства и межведомственных битв, но это так и осталось, чисто номинально. Собственно, на другое мы и не рассчитывали. Если говорить еще шире, то пункт из соглашения верхов с Шиловым об «ограждении его и нас от политики» практически не соблюдался. Разве что,

когда что-то начинало просачиваться в медиа-пространство, только тогда следовали какие-то действия, и-то слабые. В остальном же мы всегда были сами по себе.

Лен, раз уж зашла речь об этом, надо обрисовать, как Шилов решал эту проблему. Тем более, что схема была достаточно простой, но эффективной. Если принципиально, то сводилось это к следующим шагам: шаг первый – оформляем потенциальный объект для финансирования из бюджета, это могла быть инициатива, прожект, предложение, короче, потенциальный повод для освоения; второй шаг – наваливаем специфики, конкретики и нюансов, проще говоря, максимально затягиваем процесс обсуждения и принятия решений; шаг третий – сами в этом не участвуем, отписываемся от запросов, подкидываем новые поводы для обсуждений. Упрощенно, Шилов говорил об этом так: «Мы всего лишь пользуемся мировоззрением чиновников, которое реализуется лишь в том, чтобы выматывать друг друга бесконечными интерпретациями всего, что только можно, с целью получить заветное финансирование. Нам же надо выдавать вполне осязаемый результат, поэтому мы и должны быть максимально изолированы от чиновничества.» В случае реализации задачи по «незадействованным» землям, мы действовали практически так же, с одним лишь дополнением – мы включили в эти процессы, как выразился Шилов, «болтологически активную» часть населения тех самых территорий. Таким образом нам удалось и вытащить себя из политиче-

ских танцев, и получить на местах толковый человеческий актив, готовый действовать, а не только лишь полемизировать и теоретизировать.

Это очень существенное и интересное дополнение. Получается, что Шилов предложил новый подход к решению государственных задач – что-то вроде: «решаем задачи, а не политизируем»?

Да, как-то так. Правда, только он, а вместе с ним и мы, реализовывал данный подход. Как мы отмечали, да и он сам об этом не раз говорил, в том числе и публично – политика всегда должна быть прикладной и чрезвычайно дозированной, а если политика делается ради политики, то и результатом ее будут пустые обещания. Но, реально его напрягало даже не это, а то, что: «Политика это такая топка, что в ней может сгореть все, без остатка. История тому свидетель, как в политике сгорали целые государства.» Прimitивно говоря, политика – непомерно дорогая вещь без прямых результатов, но с вполне прямыми последствиями.

Вадим Михайлович, что-то ты отклонился в какие-то ненужные философствования. Позволь, я этот момент утрирую, и поедем дальше. Так вот, нами политика воспринималась всего лишь, как способ выработки и принятия решений, и-то, как один из способов. Шилов воспринимал политику исключительно, как самую большую издержку на уровне государства. Правда отмечал при этом, что совсем без нее нельзя. Для подавляющего же большинство чиновниче-

ства политика являлась неким средством к самолюбованию и решением сугубо личных задач. В результате, три четверти времени и усилий, как минимум, уходили у госаппарата на ту самую пустую политику. Вот и все. Лично я считаю, заострять на этом внимание, не имеет смысла, так как подобная ситуация тянется испокон веков. А то, что Шилов научился, практически полностью, изолироваться от пагубности подобного положения вещей, вот это и стало существенным подспорьем во всех наших начинаниях. У нас у самих не было политических расходов, и издержки, связанные с внешними политическими проявлениями были минимальными.

А в чем же все-таки проявлялось политическое влияние на вас и вашу деятельность?

Главным образом оно проявлялось в том, что мы были безапелляционно крайними во всем, по отношению ко всему и всем. Плюс госсектор запустил прямо-таки целую кампанию, которая убеждала все бизнес-сообщество в том, что мы порождаем недобросовестную конкуренцию за счет применения государственных ресурсов. Абсурдность этого, Юрий, Вы сами прекрасно понимаете. Сразу скажу, мешало все это не сильно, особенно в виду отсутствия всяких политических амбиций. Но, время от времени неудобства доставляло. Неудобства были незначительными, поэтому подробно на них можно не останавливаться.

Хорошо, как скажете, не будем. Вернемся к запуску процесса по капитализации немегасовских территорий. Сразу

же напрашивается вопрос, особенно в виду того, о чем вы недавно рассказали, как же решался вопрос с финансированием этого процесса? Ведь путь к государственным финансам, как я понял, вы себе осознанно отрезали?

Да, осознанно и безвозвратно. Хотя, были и в государственных финансах денежные активы, решение по которым принималось малым количеством лиц, и не требовало особой «бытовой политики». Речь идет о венчурных резервах Верховного. По этим резервам решение принималась тремя людьми, включая Самого. Собственно, какая-то небольшая часть этих средств, и стала для нас финансовым стартом в этом процессе. Как объясняли нам тогда люди приближенные, Верховному уж очень интересно было посмотреть, как мы будем справляться. Шилов и без этих средств хотел обойтись, но его заверили в том, что спроса в рамках бюджетного процесса за эти средства не будет. В общем, убедили Авдея Наумовича использовать выделенные Самим средства на начальном этапе. А пошли эти средства на создание первичной виртуальной инфраструктуры и инфраструктуры для ботов. Только вот, поймал себя на мысли, самым сложным вопросом на первом этапе, да как и на протяжении всего процесса, были отнюдь не финансы, а взаимодействие с населением тех самых территорий. Человеческий фактор, знаете ли, неустраним.

Вадим, это-то да, только можно я по финансам закончу? Чтобы не скакать с темы на тему. Тем более, что пояснений и

разъяснений много не потребуется. Можно, да? Ага, хочется заострить внимание именно на первом этапе, так как после него с финансированием все пошло достаточно банально. Так вот, выделялись следующие основные источники финансов: главный источник – допроизводство, или «закрытие» неудовлетворенного спроса; второй по объему источник – вся деятельность вокруг главного источника; ну, и третий – это все, что связано с переселением из мегасов. На самом деле, эти источники в точности повторяли основные направления деятельности по общей программе, все данные по которой, доступны для ознакомления. Ключевое же здесь то, что один только первый источник в течение первых трех лет, позволил и решить задачу самофинансирования программы, и вернуть взятое из венчурного фонда, и дать прирост по доходам в бюджет фактически в два раза.

Это существенный момент, но все же, давайте по порядку. Что же люди на местах?

Ну, здесь также придется отклониться, так как надо понимать принципиальные установки этих самых «альтернативщиков». На самом деле формулируется они очень просто – мы не приемлем то, как живут в мегаполисах, поэтому делаем все максимально по другому. И для подобных настроений, у Шилова был короткий, но вполне конкретный ответ – «Я еще больший «альтернативщик», чем вы все.» А вот в этом и заключалась одна из главных проблем, так как сам видишь, подобная риторика вполне политическая, соответ-

ственно, и задача политическая. Про отношение Шилова к политике уже много сказано, не буду повторять. Так, как же ее решить? Как оказалось, достаточно просто – постановкой простого по формулировке вопроса: «Что вам нужно для реализации вашего образа жизни?» После данного вопроса была налажена эффективная обратная связь, на основании которой был сформирован базовый список условий, эти условия были затем включены в программу. Все, никакой политики – простое планирование и целеполагание. Верхи потом еще долго изумлялись подобному финту, то ли из-за того, что мы взвалили на себя много «ненужного», то ли из-за того, что у них так никогда не получится, или еще из-за чего. Но, факт оставался фактом, эти условия мы обязаны были выполнить, причем первые результаты должны были быть предъявлены в ближайшее время.

И даже несмотря на это, и на то, что эти осязаемые результаты были уже через полгода, оставалось где-то процентов двенадцать-пятнадцать, которые были недовольны. Думаю, что всеобъемлющее недовольство было их образом жизни, но это субъективно. Интересно то, как Шилов решил эту задачу, сыграв на абсолютно чужом для него поле. Зная, что у Лобова была масштабная задача по формированию «отвлекающего» общественно-политического движения, Авдей Наумович предложил ему сформировать это самое движение из тех самых недовольных. Причем, ничего и придумать не надо было, у них уже была своя идейная база, надо их

было только организовать. А это уже была задача Лобова, за которую он с радостью взялся, так как это соответствовало его амбициям и интересам. В результате практических весь негатив недовольных «альтернативщиков» реализовывался в том самом движении, которое сейчас стало одной из ведущих политических сил в стране.

Даже к нему Авдей Наумович приложил руку?

Получается так. Решая узкую сиюминутную задачу, он положил начало чему-то долгоиграющему. Только вот, не назвала бы я это конкретное начинание позитивным, поскольку движение это, как и большинство других, очень популистское. Но это уже головная боль администрации. Или не боль? Суть в другом, не все, к чему имел отношение Шилов, было позитивным и созидательным, были и такие вот казусы. Лично я считаю, что это непреодолимые издержки, с которыми ну ничего не сделаешь. Мог ли он решить задачу с недовольными по другому? Конечно, мог. Но он выбрал самое простое и эффективное решение, которое позволило не отвлекаться в дальнейшем на ненужное человеческое противодействие.

Получается, что вы свели к минимуму социальные издержки, политические издержки, административные...

Вот на счет административных я бы не сказал. Мы минимизировали только издержки, связанные с межведомственной возней, но не забывайте, есть еще, так называемый, «ближний круг». Поскольку все мы, в смысле население,

позволили этой группе лиц стать, фактически, всемогущими, то мы не могли и не можем исключать того, что кто-нибудь из них может с легкостью нас закрыть. Причем в прямом смысле, как всю организацию, так и каждого в отдельности. Короче, вероятность подобного исхода была и есть всегда. Почему этой возможностью никто из них никогда не использовал? Тут все очевидно и понятно – от нашей деятельности постоянно шел поток средств для освоения, при этом мы не претендовали на их положение и позиции.

Получается, что ваша организация была просто идеальной структурой для «ближнего круга»?

Не совсем так. Видишь ли, полностью развести свою деятельность со структурами «ближнего круга» у нас бы не получилось, сам понимаешь почему. А поскольку эти самые структуры, так или иначе, покрывали почти две трети экономики, то и нам с ними приходилось пересекаться достаточно часто. Практически каждый раз это был конфликт, так как Шилов совершенно не призывал методы их работы, поэтому и договариваться не хотел. Формулировал он это так: «Идти на поводу у этих халявщиков, которые считают себя двигателями развития, значит подчинить все только деньгам, как самоцели. В подобном ключе я действовать отказываюсь, пускай делают со мной, что хотят.» Вот из-за подобной категоричности и выростали конфликты. Несколько раз это даже выливалось с ситуацию «все на одного».

Очень интересно. Можете остановиться на этом подроб-

нее? В чем это проявлялось? Какие были последствия? Как действовал Шилов?

А у тебя разве нет подобных материалов?

Что-то не припомню...

Ладно, без проблем расскажем. Только давай прервемся...

Глава 8.

На чем мы там остановились? А, на том, как нас с Шиловым донимал и изводил крупняк, принадлежащий «ближнему кругу». Ты спрашиваешь, как это проявлялось и реализовывалось? Самые серьезные попытки оказать воздействие, с их стороны предпринимались в форме вызовов на большие собрания, которые назывались что-то типа – «генеральный совет системообразующих компаний», как-то так, точно уже не помню. Не принципиально. Суть в том, как это все проходило: собирались главы и советы директоров этих компаний с одной лишь задачей – оказать существенное давление на Шилова. Причем, они даже не стеснялись делать «Шиловский вопрос» единственным вопросом повестки собрания.

А что, разве конечные хозяева никак на это не влияли?

Цитирую дословно, одного из таких «хозяев»: «Разбирайтесь без меня. Иначе, зачем вы тогда нужны?» Еще раз напоминаю, мы давали хорошую базу для освоения. Никто из них с нами конфликтовать напрямую не хотел. Да и правда,

зачем? Поэтому все баталии с госкрупняком и подобными компаниями, проходили без видимого и существенного участия самих верхов. Чтобы проиллюстрировать одно из таких «мероприятий», мне вспоминается масштабная встреча одиннадцатилетней давности, тогда даже Лобов присутствовал, негласно. Вот, что там происходило: «

Шилов: Когда вы прекратите меня дергать, каждый раз, когда я иницирую что-то на уровне секции госсовета по бизнесу? И вообще, откуда у вас у всех это убеждение, что я должен учитывать ваши интересы, вы ведь ничьи, кроме своих, не учитываете?

Председатель: Авдей Наумович, не понимаю Вашего негодования. Мы действуем абсолютно в рамках дозволенного. И потом, не уже ли Вы бы предпочли, чтобы мы все со всеми своими возможностями начали бы целенаправленную акцию против Вас и вашей организации?

Шилов: Ага, кем дозволено? Не надо отвечать, вопрос риторический. А что касается всяких там акций, то они уже ведутся по всем фронтам.

Председатель: И что же позволяет Вам так считать? Есть прямые доказательства, что это какие-то из здесь присутствующих компаний?

Шилов: Начнем с того, что у меня есть основания считать, что ни одна из представленных здесь компаний никак не может обойтись без провластного ресурса. Более того, все ваши так называемые успехи, в основном, только с ним и связаны.

Но, лично для меня это нормально, было бы странно, если бы было по-другому. Другой вопрос, почему вы решили, что ответа вам на это никогда и ни у кого не будет? Но и это меня не особо заботит. Самое существенное то, что вы суетесь в то, о чем не имеете ни малейшего понятия, результатом чего будет неминуемое уничтожение всех этих начинаний. Сформулирую проще – жадность жадностью, но меру знать надо, иначе будут чрезвычайно катастрофические последствия.

Председатель: Это угроза, или что скрывается за Вашей этой непомерно агрессивной риторикой?

Шилов: Везде-то вы видите угрозы, и любая риторика, отличная от вашей, для вас агрессивная. А я всего лишь обратил внимание на то, что «с деревьев надо снимать плоды аккуратно, затем за ними надо ухаживать и удобрять, чтобы урожаи были еще и еще, а не пилить их под корень после первого же урожая.» Другими словами...

Какой-то инвестбанкир: Не надо, все поняли о чем речь. Вы уж нас совсем за имбицилов держите. Вы хотите сказать, что такая форма конкуренции, как выкуп новых предприятий, неприемлема?

Шилов: Начнем с того, что я не считаю подобные методы, имеющими хоть какое-то отношение к конкуренции. Хотя бы потому, что исчезает сам субъект конкуренции...

Другой инвестбанкир: Почему же более девяноста процентов новых компаний с такой охотой продаются?

Шилов: Знаете что, уважаемые, если будем продолжать

в подобном ключе, то дальнейшие разговоры бессмысленны. Надо просто тогда объявлять открытую конфронтацию и расходиться по окопам. Посему, вопрос, который был задан мной вначале, еще более актуален. Вы для чего меня сюда позвали?

Председатель: Господин Шилов, что же Вас так разозлило? Градус беседы Вы сами задали, а теперь он Вас не устраивает?

Шилов: Причем здесь какие-то градусы? Заканчивайте эту вашу конъюнктурщину. Вы прекрасно понимаете о чем речь, если вы меня выдернули сюда ради откровенного саботажа и разговоров типа: «сам дурак», то это мероприятие бессмысленно изначально. Отзывать я ничего не собирался и не собираюсь. Если хотите, чтобы я пояснил и разъяснил суть инициативы, то дайте спокойно все изложить.

Председатель: Излагайте, излагайте, слушаем внимательно.

Шилов: Долго грузить не буду. Вот самое ключевое для вас: инициатива распространяется только на малые территории; мораторий будет действовать до достижения программных показателей, а именно до достижения двадцатипроцентной доли в доходах бюджета; как-только какая-либо из компаний с малой территории заходит в любой из мегаполисов, положения инициативы на нее перестают распространяться. Проще говоря, в вашей вотчине, остается все по-вашему, у меня даже и в мыслях не было что-то менять на вашей по-

ляне. Скажу прямо, она мне глубоко безразлична.

Председатель: Суть ясна. Хотя, признаюсь, очень неприятно слышать подобное отношение к деятельности наших компаний с Вашей стороны. Тем более, зная, что Вы в прошлом тоже бизнесмен.

Шилов: Не бизнесмен, а производитель. Короче, не буду продолжать. Вопросы ко мне есть по сути?

Председатель: Разумеется. Первый вопрос по традиции от меня, что на счет гарантий?

Шилов: Кто бы сомневался, что этот вопрос прозвучит. Гарантий чего? Я даже по другому сформулирую – что мешает вам назначить меня крайним в случае чего, с вашими-то возможностями?

Председатель: Авдей Наумович, какая Вам выгода все время выставлять нас законченными рвачами? Вопрос ведь был вполне конкретный.

Шилов: Мне никого и никуда выставлять не нужно, за вас говорит ваша деятельность, точнее ваши методы. И, насколько я знаю, мне никто не запрещал иметь свое личное мнение и отношение. А что касается Вашего вопроса, то я уже сказал, что для мегаполисов правила игры остаются без изменений. Других гарантий инициатива не предусматривает. Говоря прямо, если какие-либо новые компании и предприятия, созданные на основании этой инициативы, вас в чем-то подвинут или вообще снесут, то так тому и быть. А то, что вы привыкли пользоваться исключительно администра-

тивкой, не моя забота.

Кто-то из больших торговцев: Не боитесь, что может все накрыться?

Шилов: Что все-то? Вы мне пеняете на мою риторику, а сами «корону с головы» никак снять не хотите. А основы и фундаменты у меня у самого даже в мыслях не было трогать, я не на столько сумасшедший. В общем, господа, у нас опять это все превращается в малосодержательную полемику, как я к этому отношусь, вы знаете. Если есть еще вопросы по существу, готов ответить, если нет, то давайте в текущем режиме и удаленно.

Председатель: Да, я тоже считаю дальнейшее продолжение бессмысленным. На вопросы Вы не отвечаете, только нас оскорбляете.

Шилов: Тогда до не скорого...»

Как-то так, бодро эта встреча прошла. После этого мероприятия Авдей Наумович сказал, что больше на подобные «сходки» он ходить не будет, даже под страхом исков. А чтобы вероятность исков свести к минимуму, он поручил мне посещать все подобные мероприятия вместо него, и-то по необходимости. Что я, собственно, и делал до самой отставки. Кончено, так ярко, как у Наумовича, у меня не получалось. Более того, у нас с ним была принципиальная договоренность о том, что я отвечаю на все исключительно утвержденными цифрами и формулировками, и в полемику не вступаю. Что же касается Шилова, то его после этой встречи

вызвали на разговор к верхам, через три недели.

Э, прошу прощения, к этому мы еще вернемся. Один момент для уточнения. И что, Шилов больше никогда не встречался с нашим, так сказать, «олигархатом»?

Я даже больше скажу, после той встречи с бизнес-крупняком, он никакие собрания, кроме генеральных госсчетов и нескольких парламентских слушаний, больше не посещал. Ни лично, ни удаленно. Как же он говорил? А, что-то типа: «Поскольку тщеславию и гордыней я не страдаю, то и упражняться в нем не стоит.» Кстати, подтверждаю, ни тем ни другим он действительно не страдал. С ним были другие сложности взаимодействия, чрезвычайно не стандартные, но это ты уже понял, в дальнейшем на этом остановимся.

Почему в дальнейшем? Давайте на одной из таких сложностей остановимся сейчас, применительно к ситуации с национальными бизнес-гигантами. В целом его линия поведения понятна, как в этом случае, так и в остальных. Но хотелось бы чуть большей конкретики и деталей от его ближайших соратников.

Лен, может ты что-то типичное для Наумовича вспомнишь?

Собственно, что вспоминать? Со стороны казалось, что образом его жизни была даже не «равноудаленность» от всех и всего, а самоизоляция и абстрагированность. Вот и с бизнесом, любимым бизнесом, он себе в этом не изменял. «Я не собираюсь идти на поводу у денег, даже если я стану нищим»,

эту фразу он повторял достаточно часто. То есть, на практике он мало того, что ставил долгосрочный результат превыше всего, так еще и задействовал для его достижения, как можно меньше сторонних ресурсов. Мы уже упоминали, что он считал государственные финансы в современном их виде, крайне «токсичными» и даже вредными, поэтому старался избегать их максимально, даже во время деятельности в нашей организации. Что же касается бизнес-финансов в целом и финансового сектора в частности, то подход был простой: «Вот заявляемый результат, вот программа действий. Хочешь участвовать? Участвуй. Но, отступать от заявленного я не буду ни в коем случае, паразитировать не позволю, бизнес-интереса у меня нет и быть не может.» Проще говоря, с бизнесом, любым бизнесом, он практически не общался. За исключением предприятий, которые он называл «компаниями с реальной миссией». Это те компании, у которых на первом месте были дела и только дела. «То что продается, то и перепродается. То есть надежности и основательности ноль, значит и тратить время не стоит.» – его слова.

Елена Федоровна даже как-то долго этот его принцип описывала. Еще проще, всех, у кого деньги были самоцелью, он просто посылал, или никак не реагировал. Разумеется, кроме разговоров на официальных мероприятиях.

При этом он с большой охотой общался с учеными, исследователями, представителями культуры, в общем с теми, кого он называл «содержательными» людьми, то есть теми,

для кого главная ценность – созидание. Только вот что-то мы уже совсем скатываемся в описание личности Шилова, как таковой. Все-таки, я считаю лучше это делать в привязке к реальным событиям.

Как скажете. Небольшой штришок его характера мы выделили и обрисовали. Я в дальнейшем, если позволите, буду просить останавливаться на той или иной его черте. Давайте вернемся к хронологии. Мы остановились на том, что он поручил вам, Вадим Михайлович, посещать все встречи с крупным бизнесом. На чем же сосредоточился сам Авдей Наумович?

Юр, только не все встречи, а те, которые надо было посетить. Ну знаете, чтобы успокоить, переключить внимание и тому подобное? «Праздное шатание по различным сходкам и сборищам, не может считаться деятельностью, но многие об этом забывают», таково было его отношение. А Шилов, собственно, и сосредоточился на капитализации не мегасовских земель. Правда вот, я произнес слово «капитализация», и понял, что мы не объяснили, что же под этим подразумевал Наумович, и что же он, по сути, реализовывал. Как ты, наверное, уже убедился, «понятийное поле» Шилова разительно отличалось от стандартного понятийного поля. Кстати, тоже одна из причин непростого общения с ним. Но не об этом сейчас. Он и мы вместе с ним повышал капитализацию не экономическую и финансовую, а ценностную! Причем одной из главных ценностей, если не главной, он назы-

вал то, чтобы сама территория стала ценностью для самих проживающих на ней. Если хотите, ценностью должно было стать – созидательное и бережное отношение к земле, всех без исключения. Установкой Шилова было следующее: «Если мы добьемся зарождения и формирования этой ценности, то экономику, финансы и все, что с этим связано «затянет» как в аэродинамический мешок. Только эта будут экономика и финансы совершенно другого качества и порядка. Как минимум, они не будут деструктивными.» И надо сказать, что действительно, моделька получилась достаточно новаторской.

Можно на этом чуть подробнее остановиться? Не на самой модели, а на ключевых свойствах экономики и финансов, на ней основанных. Сама модель есть в открытом доступе. Только вот, разумеется, с оценкой «нереализуемо».

Это вот у нас Матвей Сергеевич, большой специалист в этом вопросе. Мить, ты большую часть этой модельки обсчитывал, расскажи простыми словами.

Да-да, конечно. Начну только я этого самого «нереализуемо». Что за этим стоит, точнее кто. Тут все просто, стоят за этим те самые люди у которых «все в порядке», для которых образ жизни это – «поиграть в мироустройство, жизнеустройство, контроль над умами и так далее.» Как там в незапамятные времена говорили? «После нас хоть потоп». Вот в этой парадигме и живет подавляющее большинство мирового населения. Я ни сколько не осуждаю, так, значит так.

Но, я это к чему, чтобы было с чем сравнить эти самые экономику и финансы нового качества и порядка. Мы в начале этого рассказа упоминали от том, что в погоне за потребностями все напрочь забыли о надобности или необходимости. Сразу оговорюсь, одно дело, когда у тебя баснословные суммы для покупки целых предприятий, или даже создания новых рынков. Другое дело, когда ты обкладываешься гигантским количеством совершенно ненужного барахла, а потом еще и «кидаешься» на всех, кто косо на него посмотрит. Да, и здесь же надо упомянуть, что ни мы ни Шилов «лечить» это прямо в лоб не собирались, он так и говорил: «Я не до такой степени сумасшедший, чтобы лечить кого-то от жадности, зависти, уныния и других смертных грехов. Особенно в масштабе государства.» Глобальная задача состояла как раз-таки в том, чтобы в соответствующих условиях, даже эти, условно говоря, низменные качества были бы направлены на конструктивность и созидание. Отсюда и возникает качественно новая экономика, не «потребительская», которая «застойна» по своей природе, а экономика «постоянного перерождения», которая не иначе как эволюционной, быть и не может.

Мить, Мить, ну ты как-то слишком философски зашел. Юра этот твой описательный пассаж потом на человеческий не переведет.

Лен, пожалуйста-пожалуйста, если можешь проще, буду только раз. Просто, я хочу сказать многое малым количе-

СТВОМ СЛОВ.

Я воспользуюсь объяснением самого Шилова. А объяснял он мне это так: «Нынешняя версия потребительской экономики привела нас к тому, что «упаковка» стоит дороже, чем сам «продукт». При этом в самом «продукте» необходимого продукта процентов десять-двадцать, потому что все покупают прежде всего внешний вид, «узнаваемость», «сопоставление с другими», ожидания и тому подобное. Мы же будем добиваться того, что на развиваемых нами территориях будет производиться только то, что действительно нужно, с соответствующей культурой производства и пользования. При этом экономический цикл будет максимально безотходным и коротким: сырье-продукт-сырье. А не как сейчас: новое сырье – продукт плюс отходы – потребление плюс отходы – свалка.» Как он еще потом пояснил, под «продуктом» и «сырьем» подразумевалось все в самом широком смысле, даже целые предприятия, организации или ведомства.

В целом, все понятно. Но все же, по каким базовым принципам должна была работать такая экономика?

Я уже начал об этом говорить, да и из объяснения Елены Федоровны должно стать все понятно, вроде. Не вопрос, еще раз повторю: производство необходимого, а не потребностей – не навязывание или программирование; максимальная гибкость экономики – Авдей Наумович это определял как «сверхтекучие процессы» и «сверхпроводящая инфраструктура»; максимальная применимость и задействован-

ность всего и всех – отсутствие чего-то или кого-то невообразимого. Пожалуй, это три самые основные принципа. По крайней мере, это первые принципы, которые Шилов сформулировал. Понимаю, звучит, как утопия, сам не до конца в это верю...

Вадим, почему? Мы же упоминали, что Авдей Наумович с большой охотой общался с учеными, а особенно с астрофизиками и космологами. Вот эти принципы, как раз и были сформулированы на основании законов Вселенной. Там же все работает.

Согласен. Только вот, в космосе нет человеческого влияния. И я совершенно не склонен рассуждать на подобные темы, я – законченный материалист, вы же знаете, но даже я признаю то, насколько любое начинание Авдея Наумовича было гармонично. Особенно ярко это бросалось в глаза на фоне всеобщей конвертации всего в деньги.

И вот эта гармоничность и описанные вами принципы, и стали основой для крупнейшей задачи по капитализации незадействованных территорий?

О, «незадействованных», хорошо сказал, я бы даже усилил – бесхозных. А отвечая на твой вопрос, так гармоничность, а также стройность и незыблемость его принципов, и были всегда основой всех его действий и деятельности в целом. Прежде всего, благодаря этому он так долго и успешно противостоял всему госаппарату и всему, что с ним связано.

Хорошо, теперь картина более целостная. Можем вер-

нуться к истокам программы по «незадействованным землям». Вы упомянули о том, что после его последней встречи с «олигархатом» Шилова вызвали на самый верх. Какие у вас догадки по содержанию того разговора?

Хорошее слово «вызвали», причем вызвали очень требовательно, в приказном порядке. Это верное свидетельство того, что разговор был суровый, да и Шилов после него вернулся необычно мрачный, хотя мрачность была его обычным состоянием. Спрашивать его о содержании беседы мы, конечно, постеснялись, но, на удивление, кое-что нам Авдей Наумович рассказал сам. Сейчас попытаюсь вспомнить: «Как вы знаете, я вчера ходил на раут к нашим правителям. Вот, что вам следует знать из того разговора. Первое: если будем отшивать кого-то из «нужных» компаний, то нам гарантирован саботаж по позициям, которых по определению не может быть на наших территориях. Список компаний передали, надо прочесать. Второе: по сути, нам разрешил посылать всех, кроме выборных ведомств. Третье: нам надо придумать, как гарантировать то, что на наших территориях не будет бунтов и сепаратизма. Четвертое: мы будем вынуждены принять в нашу организацию их «доверенных» людей. Пятое: об иностранных ресурсах не может быть и речи. Если коротко и по-человечески, то на нас сажают ябед, в случае чего, сразу же будет кляуза, и нас задержают до смерти. Да, и надеюсь понятно, что никто нам спокойно капитализироваться не даст, как только появятся «сливки», они тут

же будут сняты.» Примерно такими словами Шилов нам поведал о принципиальных правилах со стороны верхов. Понятно дело, что никаких вариантов кроме, как принять их, у нас не было.

Но я уже догадываюсь, что Авдей Наумович и тут нашел, как, скажем, минимизировать ущерб.

Юр, зришь в корень, уже начинаешь улавливать логику в действиях Шилова. Да, именно-что минимизировал негативный эффект от этих «правил» со стороны верхов. Я даже так скажу, лично мы практически никак не ощутили их влияния на себе. Чувствую вопрос: «Что же именно он сделал?» А вот Матвей Сергеевич расскажет, он в это был вовлечен чуть больше, чем мы с Еленой Федоровной.

Не сказал бы, что на много больше, но некоторые вопросы по этой части, действительно, пришлось порешать бок о бок с Авдеем Наумовичем. Начну с конца. Что касается, скажем так, «иностранного» вопроса он сразу же отпал, так как Шилов не планировал пользоваться иностранными ресурсами. Но, он развернул это обстоятельство нам во благо, предъявив это, как покладистость в выполнении договоренностей. Что касается «доверенных» людей, то он просто воспользовался их алчностью, загрузив их по уши финансовой отчетностью. Поясню, что главными в нашей программе были далеко не финансы, а, как уже отмечалось, необходимости. На счет гарантий отсутствия потрясений, то об этом уже упоминалось – Шилов отдал Лобову на реализацию всех политиче-

ски активных «альтернативщиков». Кстати, для Наумовича эта история тогда не закончилась. Думаю, надо будет затронуть этот факт, но позже. На счет «разрешения» отшивать весь госаппарат, кроме верхов, так мы и-так с самого начала так и делали, просто если раньше мы отписывались, то с того момента начали просто игнорировать или отправлять всех в ведомства Лобова. А вот первый вопрос стал для нас достаточно неудобным, и достаточно много усилий было потрачено на минимизацию негатива, связанного с ним. Какой же это был негатив? Главным образом – влезть в, подготовленную нами, инфраструктуру и среду. Причем, пытались эти компании влезть в «лучших» своих традициях, без всякой оглядки на последствия, главное, чтобы все легкие деньги были их. Что же сделали мы? Как я уже упомянул, пролезть они могли только через инфраструктуру и среду. Мы же, точнее Шилов, сформировала инфраструктуру и среду максимально неудобную и непригодную для этих самых, «своих» компаний. Что из себя представляла среда и инфраструктура, отчасти было сказано при описании новой модели экономики, основанной на надобностях.

Вы уж извините за постоянное углубление, но хочется некоторых подробностей.

На счет чего? На счет среды и инфраструктуры? На счет среды, лучше расскажет Елена Федоровна, а по инфраструктуре – Вадим Михайлович. Я всего лишь это все считал и регламентировал. Лен, начни ты, пожалуйста.

Долго размазывать не буду. Тем более, что основной посыл в формировании среды, а точнее условий деятельности, в самом широком смысле, уже упоминался. Формулировка была следующая: «У нас бесконечно много собственников, но катастрофически мало хозяев.» Вот в основу концепта по среде и была заложена идея, что «все определяют хозяева». Если переводить на человеческий, то все должны быть задействовано и подконтрольно. Если нет или не можешь, то та часть, которая «не подконтрольна» или «не можешь» – переходит тому или тем, кто может. Разумеется, с необходимой компенсацией. Как-то так, не думаю, что стоит что-то добавлять. Если будут нужны дополнения, то в дальнейшем вернемся.

Ну, Лен, ты действительно все рассказала исчерпывающе. Мне остается только сказать, что вся инфраструктура под реализацию этой основы и настраивалась. А именно: инфраструктура выявляла кто и что не соответствует условиям хозяйствования; определяла кому и в каком виде передать, то что не соответствует – устранить несоответствие; компенсировать все, что требуется предыдущему хозяину. Добавить мне здесь нечего. Дальше, как сказала Елена Федоровна...

Только вот, друзья-коллеги, об одном очень важном аспекте вы забыли упомянуть. Эту модель Шилов родил не на пустом месте, а именно, что исходя из устройства государственной экономики того периода, которую он характеризовал не иначе, как: «Больше семидесяти процентов ресурсов

и средств лежат мертвым грузом под двумя-тремя процентами субъектов. А эти субъекты, в свою очередь, только над ним чахнут и тратят кучу усилий и средств, чтобы оставаться на этих ресурсах. Это не экономика, это высшая степень жадности и бестолковости.» Вот Авдей Наумович и сделал модельку, максимально не похожую на действующую на тот момент.

Матвей Сергеевич, это вы очень хорошее и яркое дополнение внесли. Теперь даже мне понятно на чем все строилось и основывалось. Но, нам опять пора возвращаться к основной хронологии повествования. У меня в связи этим такой вопрос, вы упомянули, что Шилов несколько раз выступал в парламенте, не могли бы вы вспомнить, что-нибудь из этих выступлений? А еще лучше, примерное содержание какого-нибудь конкретного выступления.

А разве в архивах нет?

Вы же знаете, в парламентских архивах настоящая «помойка», все вперемежку законы, прения, доклады и так далее. Очень сложно найти что-то конкретное и целостное, только мелкими урывками.

Глава 9.

Без проблем, Юр, вспомним. Вот, кстати, серию его выступлений с пакетом законодательных инициатив для капитализации «малых земель», и можно вспомнить, чтобы дале-

ко от линии повествования не отклоняться. Сразу же отмечу, что с точки зрения медиа-эффекта и резонанса, выступления Шилова в парламенте были наиболее заметными, даже по сравнению с его выступлениями на госсоборатах. И основное, что бросалось в глаза и обсуждалось наиболее широко, это то, что он стабильно демонстрировал свою, мягко говоря, нелюбовь ко всем без исключения политическим партиям и политическим силам. Но, ближе к сути, мне больше всего запомнилось его первое выступление на «нулевых» чтениях по упомянутому пакету законодательных инициатив. Несмотря на то, что подавляющее большинство парламентариев знали с кем придется иметь дело, все равно их общение с Авдеем Наумовичем вышло очень не типичным. Разумеется, все то мероприятие было дистанционным, на виар-связи, уже тогда народные избранники были редкими посетителями здания парламента. Происходило все как-то так: «

Спикер: У нас сегодня на повестке очень большой пакет инициатив. Ну и развернулись Вы, Авдей Наумович! Поэтому, чтобы было все максимально обстоятельно, предлагаю обсуждения по данному пакету разделить на несколько слушаний. Возражений нет? Хорошо, тогда начнем с земельной части. Господин Шилов, зачем требуется дополнительный законодательный акт? Почему бы не воспользоваться действующим кодексом?

Шилов: Вопрос ясен, но начну не с этого. Сколько же вы предлагаете обсуждать эти формальности? Там школьни-

ку-первогодке все понятно?

Спикер: Авдей Наумович, Вы как всегда, в свойственной себе манере... Школьнику может и понятно, но у школьника такой ответственности нет, как у нас, поэтому позвольте нам решать сколько времени и что именно обсуждать. А теперь, давайте без лишней полемики, перейдем к поставленному вопросу.

Шилов: Перейдем, только ведь подобную постановку вопроса на счет слушаний можно расценить, как саботаж инициативы. Ну, да ладно, это пускай соответствующие структуры разбираются. Отвечая на вопрос, по кодексу, которому больше ста пятидесяти лет, да еще, и которой в основном о землях мегаполисов – сделать ничего нельзя. Не потому, что кодекс какой-то не такой, а потому, что он принят в отношении того, чего уже, фактически, нет. И потом, я сам не любитель плодить законодательные акты, это вредно. Если бы можно было этого не делать, с радостью бы не делал, охота мне тут биться с вашим величием. Но, когда правил игры вообще нет, тогда начинается полный беспредел и анархия.

Спикер: Это Ваша оценка только данного кодекса, или всей законодательной базы?

Шилов: Всей базы, конечно. Вижу к чему Вы клоните, разумеется, можете внести эти мои высказывания в официальное заключение.

Спикер: Со своими обязанностями мы как-нибудь без Вас разберемся. Ваша точка зрения и восприятия ясна. Коллеги,

вопросы господину Шилову.

Какой-то старый парламентарий: Какие тут могут быть вопросы, если тебя за идиота держат?

Шилов: А в чем, собственно, обида? Даже по официальным данным, прямой экономический эффект от вашей деятельности на протяжении уже четырех циклов составляет минус один процент доходной части. Отрицательный эффект, в моей системе координат, ничто иное, как ущерб. Так кто кого за идиотов держит? Я вас или вы избирателей?

Спикер: Господа, попрошу без пикировок, давайте по существу. А Вас, Авдей Наумович, попрошу не спекулировать показателями. Вы же прекрасно знаете, какое количество капиталозатратных решений было принято в последнее время.

Шилов: Не со мной Вам объясняться. Но, согласен с тем, что давайте дальше по существу.

Парламентарий от бизнеса: Кстати, а Вы посчитали экономический эффект от своих инициатив?

Шилов: Разумеется, первым делом, расчеты и выкладки сразу же после основного текста. Более того, готов включить представленные показатели в качестве официальной аннотации к закону.

Спикер: И что с Вами будет если они не будут достигнуты?

Шилов: Со мной-то ничего не будет. На основании принятых Вами же актов, аннотация к закону – является целевым предписанием для органов исполнительной власти. Моя организация к исполнительной власти не относится.

Спикер: Значит не все законы плохие?

Шилов: А это уже Вы спекулируете. Я не говорил, что все, и не говорил, что плохие. А на счет аннотации – это яркий Вам пример качества принимаемых вами актов. Кстати, не поэтому ли, парламент отодвинули от всего, что только можно? Вы же, фактически, занимаетесь только констатацией факта, то есть фиксируете в актах то, что уже и-так происходит.

Спикер: И что же в этом плохого? И потом, не Вам нас оценивать...

Шилов: Нормально, а кому же вас оценивать, как ни главе организации, учредителями которой являются множество общественных организаций? Это я к тому, что вы каждый раз забываете, что я вам не подотчетен, скорее наоборот. Поэтому перейдите, пожалуйста, с повелительного языка на уточняющие вопросы, иначе конструктивности не будет.

Спикер: Формально, Вы все верно говорите, Вы хорошо знаете процессуальные нормы, кто бы сомневался. Только вот, мы тоже можем наложить вето на все Ваши инициативы.

Шилов: Можете, кто же спорит? Правда, спрос за это будет уже не с моей стороны, а с стороны генерального госсвета. Не забывайте по чьему поручению я здесь. Так, что, мы дальше будем упражняться в знаниях процессуальных норм, или перейдем уже к обсуждению?

Спикер: Коллеги, вы все слышали, у кого есть вопросы на понимание по заявленной теме? Задавайте.

Какой-то лоббист от экологов: Господин Шилов, как вы обеспечите экологическую безопасность на указанных территориях?

Шилов: Очень просто. Сама макро-инфраструктура не позволит создать что-либо, угрожающее экологии. Более того, по некоторым позициям будет даже улучшение экологической ситуации. А вообще, если сравнивать с мегаполисами, то на «малых» территориях итак, экологический рай. Заверяю вас, что благоприятная экологическая обстановка – один из базисных принципов инфраструктуры.

Спикер: А можете озвучить все все принципы?

Шилов: Могу, но не буду, так как проекты инициатив вам были направлены еще полгода назад, там все написано более, чем подробно. И я точно знаю, что у вас официальных заседаний сегодня нет. Можно же было все это изучить? Надо-то всего, надеть экстрафейс, и за пятнадцать минут со всем ознакомиться, сам проверял. А из таких вопросов, как про принципы, я делаю вывод, что либо мало кто, либо единицы, ознакомились с представленными мной материалами. Соответственно, продолжение данного мероприятия считаю бессмысленными...

Спикер: Авдей Наумович, если Вы сейчас покинете заседание, то мы расценим это, как официальное неуважение к парламенту...

Шилов: Ничего покидать я не собираюсь. Просто обращаю внимание, что в дальнейшем я буду только ссылаться

на тексты проектов инициатив.»

И он, действительно, то совещание продолжил постоянными ссылками на инициативы. И действительно, многие, особенно в госаппарате расценили это, как неуважение к парламенту. Вот только оснований для официальных обвинений не было. Даже, помниться, пару наших учредительных организаций вышли из состава учредителей. Хотя, вход-выход в наши учредители был нескончаемой текущей процедурой. Это нам было даже на руку, не было не единого повода считать нас конъюнктурщиками. Но ты, наверное, хочешь узнать, что было в следствие того выступления в парламенте?

Да, все верно, хотя бы в двух словах.

Можно и не в двух, но тут, все-таки, лишние подробности ни к чему, поэтому коротко. Формально, со стороны генерального госсвета, фактически, со стороны Лобова, в парламент было направлено предписание о надлежащем исполнении своих обязанностей в части подготовительной работы к слушаниям, и назначена новая дата слушаний. Сам Шилов в это все не вникал, как не раз уже говорилось, он терпеть не мог бюрократию, хоть и ориентировался в ней не хуже лучших бюрократов. Более того, он неоднократно предлагал вообще обойтись без центрального парламента, а решить все на местном уровне, и-то если потребуется. Матвей Сергеевич кратко может пояснить о чем речь.

Да тут достаточно воспринять следующую цифру: из все-

го перечня действующих на тот момент законов, актов и кодексов, только три процента регулировали «малые» земли и еще пять процентов были общегосударственными, без привязок. Таким образом, Шилов собирался проинициировать все, что требуется, с муниципального уровня. Тем самым, он бы избежал негатива, связанного с ним, и сделал бы эти инициативы еще более обязательными, так как инициативы «снизу» парламент точно бы проигнорировать не смог, их бы тогда разогнали.

Так, и что же в результате?

А в результате, были назначены повторные слушания, и не по отдельным направлениям, а по всему пакету сразу, причем в присутствии самого Лобова. Фактически, все эти слушания превратились в формальность, так как против линии генерального госсвета парламент пойти не мог. Но, даже при всем при этом без казусов не обошлось. О том слушании, в присутствии Лобова, лучше расскажет Елена Федоровна, она там была лично, в качестве «быстрого доступа» к цитатам из текстов инициатив.

Да-да, именно в этом качестве я там и присутствовала. Что я могу рассказать? На счет казусов, начались они с неожиданной позиции и риторики Лобова. Впрочем, давайте я поведаю об этом также, как и Вадим Михайлович, в лицах. Вот, примерно как это все происходило: «

Лобов: Господа парламентарии! Я внимательно ознакомился с предыдущими слушаниями по данной повестке. Со-

общаю вам, что я солидарен с Авдеем Наумовичем в его оценках вашей деятельности. В этот избирательный цикл вы действительно, очень дорого обходитесь бюджету, как в плане расходов на вас, так и в плане отрицательного экономического эффекта. И критерий капиталозатратности здесь неуместен. Тем более, здесь неуместно пренебрежительное и наплевательское отношение с вашей стороны к инициативам генерального госсвета, реализуемые Авдеем Наумовичем, которые, как раз-таки, предполагают значительное пополнение бюджета. В связи с этим, прошу ускорить принятие данных инициатив, и принять во внимание, что они уже утверждены экспертной комиссией госсвета.

Спикер: Мы услышали Вас, господин Лобов. Мы все прекрасно понимаем, что могут дать экономике реализация данных инициатив. Но, консолидированная позиция парламента заключается в том, что мы сомневаемся в реализуемости данных инициатив...

Шилов: Господин председатель, Вы знакомились с биографиями парламентариев? Три четверти здесь присутствующих: либо бывшие сотрудники госаппарата, либо бывшие сотрудники околосударственных структур, либо просто партийные функционеры и политики. Проще говоря, люди, которые за всю свою жизнь ни одной единицы добавленной стоимости не сделали. Это я к чему? К тому, что только единицы из вас могут судить о реализуемости чего-либо. Поэтому, в этих стенах подобного вопроса стоять не должно, я за

него отвечаю и подписываюсь.

Спикер: Вот видите, господин Лобов? Совершенно не возможно разговаривать с ним конструктивно. А Вы говорить, мы как-то не так реагируем и относимся.

Лобов: На это я Вам отвечу только тем, что Авдей Наумович говорил вам в прошлый раз, он не является государственным служащим, поэтому имеет полное право на оценочные суждения в отношении органов власти. А если вам не нравится риторика господина Шилова, то это вам дополнительная мотивация для скорейшего принятия инициатив. В остальном же, все соблюдено? Показатели достойные? Процедуры, правила, регламенты прозрачные?

Спикер: Да, с этим все в порядке, лучше не видел.

Лобов: Я тогда не пойму, в чем загвоздка?

Спикер: Основная загвоздка в персоне господина Шилова.

Шилов: А подобные оценки уже не в ваших компетенциях и полномочиях.

Спикер: Ясно, Авдей Наумович, Вашу точку зрения мы хорошо уяснили. Ваше присутствие больше не требуется, особенно, когда есть представитель генерального госсовета.»

После этих слов, Шилов отключился от слушаний, молча. Я же, осталась в подключении для исполнения той же функции, только уже для Лобова. Ничего существенного, после отключения Наумовича, на слушаниях не произошло. Оно и понятно. Инициативы были приняты для реализации в те-

стовом режиме, с правом отзыва. На другое мы и не рассчитывали, изначально. Единственное, мне достоверно известно, что Лобов в очередной раз высказал Шилову свою стандартную претензию: «Это не место для личных принципов и мнений.» На что Шилов, как всегда, ничего не ответил.

Но, это еще не все хождения с этим самым пакетом законодательных инициатив по капитализации малых земель, еще предстояло утверждение этого пакета в высшей законодательной комиссией, до подписания его верховным. И это была несколько другого рода и порядка задача, нежели проведение инициатив через парламент, так как на парламент Лобов имел сверх влияние, и мог, по сути, провести через него что угодно, а вот на эту комиссию влияние имел только Сам, но точно никак не собирался на нее влиять. Так-что это была новая задача. Еще все несколько осложнялось тем, что наши инициативы затрагивали некоторые законы высшего порядка, а это означало особую процедуру рассмотрения, как ты понимаешь. Процедура эта чрезвычайно зарегламентирована и забюрократизирована, так-что предстояло протащить наш пакет через максимально возможные препоны. Да так, чтобы не растерять ключевые моменты, иначе это все стало бы бессмысленно.

Так-так, заинтриговали. Как же эта задача была решена?

В шиловском стиле и была решена. Мы рассудили так, если процедура проведения инициатив через эту комиссию сопровождается квинтэссенцией бюрократии, то значит мы

должны сделать саму процедуру простой формальностью. То есть решить вопрос до самого процесса. И как же это сделать? Как оказалось, очень просто, разбив весь пакет на прямые дополнения к действующим актам и кодексам. Почему это было просто? Потому, что тексты инициатив были предельно конкретными и прикладными, и трактовались более, чем однозначно, поэтому очень просто соотносились с соответствующими нормами. А одобрение формулировок мы уже получили, принятием пакета парламентом. В общем, прохождение процедур и слушаний в высшей комиссии, действительно, превратилось в формальность, и по самому пакету инициатив вопросов не было. Но, поскольку высшая комиссия предполагает наивысшее самомнение, то было провести отдельные слушания по самой процедуре принятия, о которой, я думаю, лучше всего сможет рассказать Матвей Сергеевич.

Да уж, хорошо помню то слушание, я готовил все материалы по нему. Формально, вопрос стоял в целесообразности отнесения двух или трех норм на местный уровень. На самом же деле, основным назначением этих слушаний было указать «место» Авдею Наумовичу, так как, с точки зрения процедуры, принятие наших инициатив было одним из самых беспроблемных за всю историю существования комиссии. А самое страшное для них было то, что Шилов явно показал, как можно воспользоваться слабостями бюрократического аппарата, или вообще обойтись без него. Слушания эти, разуме-

ется, сделали закрытыми. Очень жаль, так как я больше никогда не слышал, чтобы Шилов разговаривал таким языком. Постараюсь передать происходившее там: «

Сопредседатель: Авдей Наумович Шилов, Вам ясен предмет сегодняшних слушаний?

Шилов: Да, и руководствуясь положением ... таким-то..., а также нормами ... такими-то..., выношу свое несогласие с допустимостью подобного предмета слушаний, в связи с несущественностью вопроса для данной структуры.

Сопредседатель: Таким образом, Вы просите запустить прения по ... такому-то... регламенту?

Шилов: Да. А также принять во внимание ...такие-то... директивы высшей законодательной комиссии.

Сопредседатель: Подтверждаете прошение?

Шилов: Да. На основании указанных директив, прошу запустить ускоренную процедуру рассмотрения.

Сопредседатель: Какие основания?

Шилов: По принципу аналогии экспертиз, в рассматриваемых нормах отсутствуют признаки противоречий и исключений.

Сопредседатель: Кем утверждено?

Шилов: Высшим советом по законотворчеству.

Сопредседатель: Руководствуясь ... такими-то... нормами, Вы принимаете на себя всю полноту ответственности и приравниваетесь к исполнительному чиновнику высшего ранга.

Шилов: На основании ... таких-то... положений, принимаю всю полноту ответственности на себя, по рассматриваемым вопросам. Руководствуясь ... теми же... нормами, не приравниваюсь к чиновникам, в виду отсутствия признаков государственных институтов по рассматриваемым вопросам.

Сопредседатель: Указанные положения приняты к реализации. С настоящего момента, все внесенные инициативы считаются коммерческими с первичным интересом муниципалитетов. В дальнейшем, все действия по данным инициативам рассматриваются на основании соответствующей секции законодательства. Подтвердите принятие.

Шилов: Подтверждаю.

Сопредседатель: Утверждено.»

Да, вот так сухо и сверхформально провел Шилов наш пакет инициатив через высшую комиссию. Но надо сказать, что членам этой комиссии так и не удалось скрыть явное разочарование и раздражение от того, что инициативы прошли. Они думали, что смогут поставить под тотальный контроль всю нашу деятельность в этом направлении, но они еще не знали, каков Авдей Наумович. Более того, даже Лобов очень удивился тому, что пакет прошел, еще больше он удивился тому, на каких условиях и по какой секции он прошел, ведь теперь и он, с формальной точки зрения, имел очень ограниченное влияние на нашу деятельность на территориях. А что касается того, что Шилов больше никогда не разговари-

вал на языке «сухой бюрократии», так этого больше и не потребовалось. Дальше будет ясно, почему.

Я правильно понимаю, что после этого принятия, вы официально получили старт для действий по «малым» землям?

Формально, еще нужно было утверждение генеральным госсоветом, но это была сугубо бюрократическая процедура, для придания статуса, так сказать. К тому моменту уже все было «на низком старте», все было просчитано, расписано и определено. Ждали мы принятие инициатив, исключительно ради легитимности производимых нами действий, чтобы не было перебора с многочисленными проверками, комиссиями и «анализами». А-то у нас ведь как всегда, проверяющих и аналитиков больше, чем реализаторов. В общем, уже на следующий день после принятия, вся наша управляющая группа погрузилась в заранее подготовленный мобильный офис, и отправилась на первую территорию.

В руководящей группе, как я понимаю, были только вы трое и Авдей Наумович?

Фактически, да, но официально, были еще три человека из тех самых «нужных» людей, то есть надсмотрщики от верхов. Эти три человека сейчас занимают очень высокие посты в госаппарате, проще говоря, сами стали «верхами».

Не скажете кто, если не секрет?

Ни сколько, этот факт даже в их официальных биографиях есть. Правда, в том контексте, что, якобы, на них все держалось, и только они делом занимались. Ну, это очевидно.

А что это за люди? Нынешний глава Госресурсов – Беглый, президент Гострансконцерн – Ваксин, ну и, конечно, старший министр развития малых земель – Пиров. Скажу сразу, большую часть времени, когда мы их видели, они висели на связи со своими боссами, обсуждая «против кого и как дружить будут.» Причем, совершенно этого от нас не скрывая, да бессмысленно было это скрывать. Вообще, общение с ними проходило очень просто: Шилов сказал нам, в случае их обращение, слать их к нему, а он уж так их распекал, что лишний раз они к нему и не лезли. Так только, присутствовали для галочки на установочных совещаниях, и все.

Понятно. И коротко, если можно, что за мобильный офис?

А, забавная вещь, мы ее называли «жаба». Изначально это был большой десантный поликоптер для робо-десанта, который Шилов отыскал среди непрофильных активов одной из организаций, которые были у нас в управлении, чуть ли не у банка. Не суть. Увидев его, Авдей Наумович сразу сказал: «А вот на этом мы и будем капитализировать территории». Это была очень внушительная машина, в которой помещались мы всемером, с достаточным комфортом, а также все наше переносное оборудование и техника. Надо сказать, оказалась очень надежной штуковиной, правда, ну очень громоздкой, размером с небольшой частный дом. Видимо, поэтому и не приглянулась нашим войскам, да и поля сражений уже тогда, сильно изменились, нужна была совершенно другая техни-

ка. Но это ты и без нас хорошо знаешь. Продолжим о нашей деятельности.

Да-да, очень хочется узнать, как вы стартовали.

Глава 10.

Стартовали мы с того, что надо было накормить, напоить всех, кто будет задействован в наших программах «на земле», а также обеспечить стабильный поток финансов на возведение инфраструктуры. Как ни странно, Шилов объединил эти задачи в единую большую сверхзадачу. Каким образом? Он создал рыночную нишу, которую условно можно назвать «нормальные продукты питания». Если говорить подробнее, то речь шла о продуктах питания добытых, выращенных или произведенных естественным путем. То есть, не так, как сейчас, все синтезируется на одной пищевой базе, а потом просто добавляются вкусо-продьюсеры. Речь шла именно о производстве продуктов старинными способами.

Вадим, Вадим, что-то ты в кучу все навалил. Позволь, я объясню понятнее, как мне кажется. Можно? Так вот, начать надо с создания этой самой ниши «нормальной пищи», как это было реализовано. На самом деле, технологически все было достаточно просто, собственно, как и всегда у Авдея Наумовича. Была запущена простая, но изящная общественная компания в рамках всех мегаполисов, со слоганом: «Жизнь естественна во всем, в том числе в еде.» Иными сло-

вами, надо хоть иногда употреблять ту пищу, на которую наши тела рассчитаны самой природой. Причем, то, что мы едим сейчас ни в коем случае не противопоставлялось натуральной пище, говорилось просто о дополнении или «разбавлении». Вот почему была такая позитивная реакция. У нас ведь обычно как? Только так, только это, и никак иначе, а это зачастую вызывает больше негатив, чем позитив. А таким способом мы действительно сформировали, скажем честно, давно забытую нишу. Сам Шилов признавал, посмотрел это в исторических текстах. Кстати, как ты прекрасно видишь и знаешь, этот сегмент рынка до сих пор благополучно функционирует, правда, уже под государственными предприятиями, разумеется. Про следующий шаг, Елена Федоровна расскажет лучше.

Расскажу Мить, только ты забыл упомянуть еще один момент, связанный с общественной составляющей. Дело в том, что это также было использовано и в отношении проживающих на «малых» землях, только в другом контексте. А контекст был следующим: «Здесь продукты и вода совершенно другого качества, чем в мегаполисах». Прямо говоря, питание на «малых» землях гораздо лучше, чем в мегаполисах. На самом деле, это был первый кирпич в формировании образа жизни и деятельности на капитализируемых территориях. Да и в целом, образа жителя этих самых территорий. Как ты уже понял, начали мы именно с того, что когда-то называлось сельским хозяйством и естественным природополь-

зованием. Для этого критически важно было найти типичный участок земли, пригодный для этих целей, чтобы потом можно было с минимальными коррективами распространять технологии на другие участки. Таким участком стала место в несколько тысяч гектаров, в двух тысячах километров к юго-востоку от столичной суперагломерации. Участок был действительно, абсолютно типичным – место давнего лесного пожара, которое превратилось в сухое болото, вода из которого ушла в грунтовые воды. Я почему об этом так подробно рассказываю, потому что перечисленные мною факторы были критериями высокой вероятности плодородности. Что интересно, специалистов по земле, а уж тем более по классическому сельскому хозяйству, тогда не было, эти критерии мы выискали в каких-то исторических документах. Проще говоря, технологию этого самого сельского хозяйства нам предстояло разработать с нуля. Этим мы и занялись на месте.

Специалистов по земле и сейчас, не особо много...

За-то есть целое министерство, и все, что с ним в комплексе идет.

Я вот, что хотел уточнить. Саму технологию я внимательно просмотрел. Мне там все понятно, более менее. Но, если можно, поясните в двух словах о том, как вы создали тот первый агро-хозяйственный комплекс. Точнее, что ключевого сделал Шилов?

Тут все достаточно однозначно. Первый ключевой решенный вопрос – нахождение, каким-то чудом сохранившегося,

посевного материала, всего перечислять не буду, всего нашлось около тридцати наименований для засева. Вторая базовая задача – перестройка уже имеющихся машин и технологий под задачи выращивания. Надо подчеркнуть, что именно уже имеющихся, как потом оказалось это нам сэкономило кучу времени, и, что не менее важно, создало новую рыночную нишу – адаптация технологий мегаполисов под «малые» земли. Об этом чуть позже. Третья решенная масштабная задача – реализация часовых фьючерсов на прямые поставки конечным потребителям, то есть нам не пришлось сильно заморачиваться с хранением и его условиями. Четвертая задача – сначала кормим задействованных людей, потом все остальное, что очень серьезно снизило издержки. Ну, и пятое – формирование позитивного отложенного спроса, что позволило обеспечить постоянную доходность и вообще никогда не рассматривать внешние заимствования и дотации. Это самое основное. Если сводить эти решения к какому-то единому принципу, что можно сказать, что главным было – создать ситуацию максимальной независимости от внешних факторов с полным несоответствием государственным технологиям, чтобы минимизировать его влияние. Шилов, главным образом, этим и занимался. Заняло у нас это порядка четырех-пяти месяцев. Дальше пошло распространение наработок на остальные подобранные территории. Больше Авдей Наумович, к этому вопросу, вплотную, не возвращался, только следил за соблюдением и вносил улучше-

ния.

Ну, я так понимаю, таким образом он действовал всегда?

Именно. «Решенная задача должна либо применяться, либо отправляться на поиск лучшего решения. Все остальное бессмысленно, так как, в лучшем случае, речь идет о другой задаче», примерно такими словами он объяснял свой подход. Проще говоря, решив единожды что-то, он этим только пользовался. Как только это решение переставало давать необходимые ему результаты, тут же ставилась и решалась новая задача, и так постоянно. Отмечу, что Шилов постоянно находился в состоянии решения задач, но делал он ни сколько для получения выгоды, сколько для именно для решения задачи. Мы уже упоминали о его восприятии смысла жизни. В случае с решениями, все укладывалось в ту же логику – «Все достижения, которые мы имеем – это, всего лишь, чье-то субъективное желание того или иного достижения, а ни какая не необходимость», таково его восприятие. С моей субъективной точки зрения, это самая конструктивная позиция, которую я когда-либо встречал.

Да и стандартной ее тоже не назовешь. К чему же вы перешли после решения вопроса по сельскому хозяйству? Я, когда изучал вашу деятельность по капитализации территорий, насчитал больше двадцати направлений...

На самом деле, их было существенно больше, двадцать это только источников дохода в бюджет, а там же еще куча сопутствующих вопросов. Отвечая на твой вопрос, перешли к

тому, что и было по плану, то есть к транспорту. Благо, как ты помнишь, у нас уже была в управлении компания по речному транспорту. Вот на ее базе мы и начали строить транспортную инфраструктуру «малых» земель. Причем, чуть ли не с нуля, так как действующая на тот момент, была непригодной.

Вадим, существенный момент надо отметить. Как Вы, Юрий, успели заметить, в сельском хозяйстве мы адаптировали имеющиеся технологии, для транспорта задействовали уже имевшуюся в управлении компанию, и много чего еще. Это я к тому, что предварительная подготовка к реализации программы по территориям была проведена беспрецедентная. Правда, мы как-то об этом вскользь упомянули. Исправляюсь. Так вот, установка Шилова при подготовке была следующей: «Все, что можно эффективно использовать, должно быть использовано. Колесо изобрести мы всегда успеем. Критерий необходимости и применимости простой – если понятно даже школьному первокладке и дает позитивный результат, то берем. Тем более, если нет у государства или крупного бизнеса.» Иными словами, использовалось по максимуму все, без остатка. Прежде всего поэтому, наша деятельность была в сотни раз менее затратная, чем сопоставимая деятельность госаппарата. Об отдаче и эффективности я вообще молчу.

Хорошее дополнение. Спасибо, Лен. Возвращаемся к транспорту...

Конечно-конечно, только позвольте одно маленькое уточнение. Как себя вели, как вы выразились, представители верхов?

А, веселая тройца Беглый, Пиров, Ваксин? Линию их поведения Шилов определил на первых же неделях. Дело все в том, что когда мы прибыли на первый участок, они начали пытаться давать распоряжения на предмет того, что и где высаживать, как зонировать и так далее. Причем, делали они это, разумеется, в свойственной всем чиновникам манере – с максимальной наглостью и чувством собственной важности. Авдей Наумович, увидев это, тут же остановил все работы, и прилюдно провел с ними беседу, примерно такого содержания: «

Шилов: Знаете что, господа великостатусные. Все ваши статусы работают исключительно в мегаполисах, и-то не всегда и не везде. Тем более, они не сработают со мной. Уже давно пора было это понять. Это во-первых. Во-вторых, по своему обыкновению, я внимательно ознакомился с вашими биографиями, ничего выдающегося я в них не обнаружил, вы, как и подавляющее большинство государственных функционеров, за свою жизнь не произвели не одной единицы добавленной стоимости. А уж тем более, у меня нет уверенности в том, что вы имеете хоть малейшее представление о том, что такое сельское хозяйство. И третье, скажу честно, вы здесь для меня обуза и не нужная нагрузка, без вас со всем разберемся. Поэтому, можете делать все, что угодно,

только не лезьте в непосредственную реализацию программы. В противном случае, я знаю, как вас от этого отвадить, но это будет очень чувствительно для каждого из вас. Выразился понятно?»

После чего, все трое, насупившись, ушли в «жабу», и растворились в бесконечных «гневных» виар-конференциях. Нет, они, конечно, пытались проявляться время от времени, но Шилов их также быстро задвигал. Но, не все было с ними так радужно, так как они выступали содокладчиками с Авдеем Наумовичем, о состоянии дел по программе. Правда, это было редко, так как Шилов уже плохо переносил подобные мероприятия. Чаше, именно эти трое были единственными докладчиками. Прежде всего это, им и сделало карьеру.

Очень странно. А почему не вы?

Это обычная политика, в наихудшем ее проявлении. Эти полностью подконтрольны верхам, мы же – соратники Шилова, вот и все объяснение. И потом, Авдей Наумович считал все эти промежуточные совещания обычной бюрократической тратой времени, так-что он и сам бы нас не отпустил на них. Эта троица, конечно же, этим воспользовалась по полной, присвоив себе многие лавры и заслуги. Сработало это только в мегаполисах, на местах-то все знали, кто реально все это двигал, но ключевые направления и настроения все равно определяют центры. Да и черт с ними, у них базовая программа и установка такая, ничего с этим не сделаешь.

Вот Шилов и поставил их в условия – вы отдельно, мы отдельно, я вам не противодействую, и вы нам не мешайте. Зато не нужно было тратить время на их постоянное отодвигание на место, это тоже чего-то стоит.

То есть к ним можно больше не возвращаться?

Да. Мы просто обозначали, что есть такие персонажи, которые на этом сильно поднялись. Они существенно выигрывают потом, когда вся комплексная программа выйдет на проектные мощности, но до этого еще лет восемь с момента начала работ по транспорту.

Ясно, давайте к нему уже и перейдем. Вы уже отметили, что в основу развития транспортной инфраструктуры «малых» земель была положена компания, которая находилась у вас в управлении.

Именно. В основном была задействована недвижимость этой компании: порты, склады, хранилища и так далее. Но и сами суда не остались без дела. Из составных автономных барж мы делали временные порты там, где это было необходимо, а на них уже монтировали все необходимое. Главными задачами по транспорту были следующие: создание наиболее удобных условий для функционирования тяжелых транспортных поликоптеров; сформировать контуры системы подземной доставки на магнитных платформах; сделать адаптацию для пассажирских перевозок. Как это все выглядит сейчас, ты прекрасно знаешь. Но на что я хочу обратить особое внимание, так это на то, как Шилов уравнил на новых

территориях уже действующие крупные компании из мегаполисов и вновь создаваемые для этих целей. Он сразу же, за счет временной инфраструктуры, запустил большой грузопоток и пассажиропоток, тем самым не дав возможность действующему крупняку нарастить свои парки транспортных единиц. Местные же, в свою очередь, с радостью воспользовались тем, что мы выгребли из непрофильных активов и консерваций. Им требовалось только привести в необходимое состояние это все хозяйство, что уже тогда не было проблемой. Почему этой возможностью не воспользовался крупняк? Очень просто, Авдей Наумович не дал, он просто их об этом не известил, на это имелись все основания. Кстати, за это потом очень крепко влетело веселой троице. Я к чему остановился именно на этом моменте, с созданием привилегированных условий для местных. К тому, что Шилов старался так действовать в отношении любого сектора. «Им хватит. Надо заканчивать с порочной практикой гиперконцентрации. А если они такие великие, то я эти условия для них не должны быть помехой», таковы были его аргументы.

Конкретно. А что верхи?

Все наши процессы и действия были максимально открыты. Другой вопрос, мы никогда не раскрывали их заранее, но в режиме реального времени все было сверх прозрачно. И потом, у нас же были «надсмотрщики», они в каждомдневном режиме рапортовали о наших действиях во всех подробностях. Сам же Шилов на начальном этапе, в первый год-пол-

тора, только пару раз ездил на заседания генерального госсвета. В остальном, вся связь с верхами проходила удаленно.

Что за госсветы, на тему? Я не нашел ни одного упоминания об Авдее Наумовиче на генеральных госсветах, за тот период времени.

Оно и понятно. На самом деле, Шилов ездил на эти мероприятия исключительно формальности ради. Он был полностью поглощен и сосредоточен на задачах нашей программы. Да и верхи, на удивление, терпеливо ждали первых результатов. Так-что если вспоминать о тех заседаниях, то участие Авдея Наумовича в них было примерно таким: «

Исполнительный секретарь: Господин Шилов, как продвигается программа по капитализации «малых» земель?

Шилов: Все в плановом порядке. Все данные открыты.

Исполнительный секретарь: Нельзя ли ускорить темпы реализации?

Шилов: Если бы было можно, уже ускорили бы.

Исполнительный секретарь: Что же мешает? У Вас в распоряжении весь объем ресурсов и возможностей.

Шилов: Ну, вряд ли человеку с нормальным мышлением придет в голову вызывать у беременной женщины преждевременные роды. Я прошу прощения за аллегория, но яркие образы способствуют лучшему пониманию.

Исполнительный секретарь: Да уж, действительно, ярко. И все же, каков Ваш официальный ответ?

Шилов: Спешка приводит к непредсказуемым послед-

ствиям и результатам, чаще всего негативным.

Исполнительный секретарь: Ответ ясен, и можно было без аллегорий. Все же, если будет возможность ускориться, седлайте это.

Шилов: Для этого я вижу единственную возможность – огородить реализацию программы от ненужных вмешательств.

Исполнительный секретарь: Авдей Наумович, ну опять Вы про какие-то вмешательства. Вы хотите, чтобы ваша организация воспринималась чуть ли не как спецслужба. Так получается?

Шилов: Ни в коем случае, так как деятельность нашей организации несравнима более конструктивная и созидательная, чем деятельность любой спецслужбы. И прошу не путать закрытость и непубличность с невмешательством. Мы то как раз, одна из самых открытых и публичных организаций страны, если не самая. Я всего лишь прошу кратко сократить бесконечное количество проверок, аудитов и так далее. Глядишь и темпы вырастут. Тем более, во-первых это предусмотрено принятыми нормативными актами, ну а во-вторых, большинство проверок просто ради проверок. Иными словами, для того, чтобы лишний раз сверкнуть полномочиями и «указать нам на место».

Исполнительный секретарь: Звучит как обвинение. Вы бы, господин Шилов, поаккуратнее с формулировками, если Вы настроите против себя весь госаппарат, что будете де-

ать, как вопросы решать?

Шилов: А вот это очень похоже на угрозу. За нас не переживайте, мы и-так находимся в таких условиях, для нас ничего не поменяется.

Исполнительный секретарь: Да, я не за вас переживаю, а за реализацию программы.

Шилов: Вот и помогите ее реализации, снижением бюрократического давления.

Исполнительный секретарь: Посмотрим, что можно сделать.»

На этом рассмотрение вопроса по нашей программе на том госсовете закончилось. Здесь надо сразу отметить, что фраза «Посмотрим, что можно сделать.» означала не иначе, как обстоятельный разговор с Лобовым. В целом, к поведению и риторике Шилова на госсоветах, уже все привыкли, так-что никакого существенного резонанса это заседание не вызвало.

Кстати, на счет Лобова, какими были его действия в связи с вами? Матвей Сергеевич, поведайте что-нибудь типичное, ведь, на сколько я знаю, Вы чаще других контактировали с его ведомством и с ним лично. Вы же выходец оттуда.

Постараюсь вспомнить. Для начала скажу, что протеже Лобова я себе нисколько не считаю, и ни сколько с ним себя не ассоциирую, но это так, к слову. Вот «веселая троица» были его креатурами на все сто процентов. Вообще, надо отметить, что со времени первой встречи, его отношение, как к

Шилову, так и к нашей организации, очень существенно изменилось. Нельзя сказать однозначно, в положительную сторону или наоборот. Но, уверенно можно сказать, что Шилова он начал воспринимать чуть ли не, как равного. В случае таких высокопоставленных персон, это наивысшая степень уважения. Да и к нам троим он прислушивался с большим вниманием и интересом, чем к любому из своих аппаратчиков. Да и не удивительно это, во время пика реализации программы по территориям, по влиянию он стал, фактически, вторым человеком в государстве. Особенно, когда было сформировано движение из активных «альтарнативщиков», Вы его знаете под названием «Для всех и каждого» или «ДВиК», которое Лобов и возглавил. Чтобы было проще, обрисую его взлет так, на момент знакомства с Шиловым, Лобов отвечал исключительно за кадровую политику, на пике – он уже определял политику на всех «малых» территориях, на всем транспорте и связи. Так-что, отношение Лобова к нам было, как к самому важному и ценному активу, с моей точки зрения. Вот несколько примеров. Он, в присутствии нас, указал «веселой троице» на их «место», и о безапелляционном приоритете нашей деятельности над их хотелками. Он сводил к нулю все нападки на нас, точнее их попытки, со стороны высшей законодательной комиссии и парламента. Он успокаивал крупный бизнес в отношении нас, и снижал градус его воинственного настроения. Когда я встречался с ним, он выслушивал и воспринимал все внимательно, хотя

и дискутировал очень часто, но уважительно. В отношении его аппаратчиков такого не было, к ним был исключительно приказной подход. В целом, отвечая на Ваш вопрос скажу так, пользы от него было достаточно много, но, разумеется, делал он все это исключительно исходя из своих личных интересов.

Ну, это само собой. Мне вообще кажется, что те, кто действует не только в персональных интересах, вообще выше муниципального уровня не поднимается.

Да, похоже на то. Вот и Шилов говорил, что-то вроде: «Ни в коем случае не следует считать, что я забочусь о всеобщем благе или учитываю максимальный широкий круг интересов. Это не так. Просто я достаточно хорошо научился просчитывать последствия.» Проще говоря, он понимал, что в долгосрочной перспективе выгоднее быть порядочным, так как это, по крайней мере, позволяет избежать субъективных рисков. И, надо сказать, ему это удалось, в противном случае, ему бы пришлось держаться за власть до последнего. Точнее, ему бы пришлось войти во власть, а это было против всей его сути.

Я бы, в этой связи, еще бы вспомнила, что Авдей Наумович наиболее ярких созидателей тех, которых замечал, старался максимально оградить не только от «домогательств» госаппарата, но и вообще, от любых связей с ним, за исключением неизбежных и положенных по закону. Это ни сколько не означает, что Шилов как-то негативно относился к го-

сударству или госаппарату. На самом деле он к нему относился, как к «эволюционной необходимости». Резко отрицательно он относился именно к подавляющему большинству чиновников и функционеров, которые занимались исключительно карьеризмом и решением персональных задач. «Я все понимаю, против человеческой природы сложно переть, но и делать из себя исключительного, тоже противоестественно», так он характеризовал свое отношение. И, как Вы уже поняли и многократно замечали, он никогда не лицемерил, ни в отношении чиновников, ни в отношении кого-либо еще. Подход его был таким: «Если постоянно лицемерить, то обязательно запутаешься в том, какой ты по отношению к тому или иному. Прямолинейным быть и проще и понятнее, как для самого себя, так и для других».

Еще я заметил, что Авдей Наумович был склонен к философствованиям.

На самом деле получалось это у него не специально, это была его обычная манера выражать свои мысли. Как он сам говорил, «Тебя поймут все-равно неверно, по крайней мере с первого раза, но, когда формулировки короткие и емкие есть и «пространство для маневра» и вероятность верного восприятия большей части повышается.» В принципе для него были характерны три основные состояния, так сказать. Первое – состояние разработчика, когда он был максимально открыт и общителен, в эти моменты он и формулировал большинство своих высказываний, которые мы цитируем. Второе

– состояние координатора-распорядителя, когда изъяснялся достаточно односложно и даже агрессивно. В таком состоянии он обычно пребывал при общении с госструктурами и в момент реализации чего-либо. Третье – состояние полной отрешенности и погруженности в себя, в котором он прибывал чаще всего. Почему чаще всего? Потому, что установки он делал очень коротко и конкретно, встречи с госорганами были также, очень короткими, все остальное время он особенно ни с кем не общался. При реализации чего-либо, он брал себе круг задач, которые решал единолично, но об этом мы уже упоминали.

Так, как же получилось у человека, который так сторонился публичности, связаться с общественно-политическим движением, тем самым «ДвиК»?

Глава 11.

Ха, если отвечать коротко, то это было продиктовано исключительно насущной необходимостью, как ты уже, наверное, догадался. Но понимаю, что нужны подробности. Начну вот с чего. Главной задачей, при создании этого движение, лично для Шилова, было отвлечь внимание «болтологов» и «гиперактивных обсуждателей» от нашей деятельности по территориальной программе. Как уже отмечалось, в этом он воспользовался интересами и потребностями Лобова, который чуть ли ни единственный из верхов, не имел политиче-

ской платформы. Я не свидетель, но поговаривают, что когда Авдей Наумович озвучил Лобову это предложение, тот едва сдерживался, чтобы не прыгать до потолка. Давно он об этом мечтал, да только подходящего материала не было. И тут такой подарок. Достоверно известно, что единственным условием или просьбой Наумовича было, чтобы ни его, ни нас, ни программы это не касалось никак, для этого все и затевалось. Не вышло. Хотя, поначалу все двигалось в полном соответствии с этой просьбой. Лобов все задачи по созданию платформы взял на себя. В течение первых лет трех, мы вообще не вспоминали о наличии данного движения, да и было похоже, что действительно, всех агрессивно-прогрессивно-деятельных «засосало» в это движение.

А почему Вы считаете, что в течение первых трех лет все работало так, как было определено?

Ты имеешь в виду, в связи с чем? Тут все просто, было большое количество объектов и тем, куда можно было направить эту движуху. Такие, как: образ жизни, доступ к благам, взаимное воздействие и так далее. Собственно, на подобного рода повестке и начала собираться платформа. Тут ничего удивительно, особенно, принимая во внимание то, что противопоставление было очень явным и ярким. Достаточно было предоставить площадки и доступ к соответствующим институтам, что Лобов с легкостью и сделал. Движение начало набирать обороты и разрастаться достаточно быстро, все-таки нереализованной «политической энергии» на тер-

риториях было накоплено очень много. Первую же серьезную ошибку по отношению к движению, Лобов совершил, включив в генеральный совет нашу «веселую троицу». Вот с того момента, для Лобова, «ДВиК» перестало быть безоблачным и гладким. И Шилов этот момент упустил, так как, понятное дело, был сосредоточен на другом. Во многом из-за этого, ему впоследствии пришлось включаться в деятельность движения.

Можно поподробней остановиться на моменте подключения Авдея Наумовича к «ДВиК»?

Остановимся, конечно. Тем более, что нам троим тоже пришлось войти в генеральный совет, в противовес «веселой троице». Иначе, их влияние разрослось бы до таких масштабов, которые просто не позволительны... Но мы о вхождении Шилова в движение. Что касается причин его вхождения, то ту все понятно, я думаю – он был единственной консолидирующей фигурой. Почему? Потому, что он, и мы вместе с ним, единственные давали ощутимые и вещественные результаты для «малых» территорий.

Вадим, Вадим, думаю, для полноты картины, нужно начать чуть пораньше. Прежде всего с того, почему потребовалась консолидация. Понятное дело, что консолидация требуется тогда, когда что-то начинает расплзаться, или уже разрозненно. Вот и «ДВиК» сия участь не миновала, как любое политическое образование. Собственно, и «направления расплзания» были достаточно стандартными: радика-

лы, требовавшие изолировать мегаполисы; свободовольцы, которые, выражаясь простым языком, выступали за вседозволенность; изоляционисты, с лозунгом «каждому по автономному наделу». Были еще более мелкие группы, по эти были наиболее влиятельные. Каждую из этих групп, пытался «оседлать» один из участников «веселой троицы», от этого разлад становился еще более острым. Дошло чуть ли не до дробления на более мелкие движения, что, как мы понимаем, было поперек всех планов Лобова. Вот он и прибежал к Шилову, с требованием спасти ситуацию. Подчеркиваю, сам пришел, прибыв к нам в «жабу» на очередную территорию. Тогда и состоялся, скажем так, учредительный разговор о вхождении нас и Шилова в движение, с нашим же участием.

Спасибо Мить, правильное дополнение для полноты картины. Маленький штрих, «веселая троица» на тот момент с нами уже не каталась, они на тот момент уже год, как получили свои первые «высокие назначения». Оно и к лучшему. Что же касается содержания разговора, то вот, приблизительно, как он проходил: «

Лобов: ...Авдей, вот такая ситуация сложилась. Признаю, упустил я эти процессы. Прошу тебя включиться, это в наших общих интересах. Иначе и мне придется не сладко, и тебя задержают.

Шилов: Мда, это более, чем очевидно. Для начала, с Вашего позволения, обращусь к своим бойцам. Евгений Генрихович вам картину обрисовал, да вы и сами, наверняка, в

курсе. Я вас на эту встречу позвал, так как вижу необходимость вашего участия в этом. Если нужны будут разъяснения, то объясню свои соображения после. Сейчас же я хочу, чтобы вы были в курсе из первых рук. Но главное, что решение исключительно за вами, ни в коем случае не в приказном порядке. Это ясно?

Матвей Сергеевич: Я лично, сам хотел просить включить-ся...

Шилов: Об этом потом. Сейчас к сути. Евгений Генрихович, какую позицию в движении предлагаете?

Лобов: Любую, какую считаешь необходимой, вплоть до председателя.

Шилов: Нет уж, это слишком. Вы же знаете мое отношение к политике, публичности и так далее. Да и с тремя шарлатанами своими сами разбирайтесь. Я правильно понимаю, что главная и ключевая задача на данный момент – сохранить целостность движения?

Лобов: Именно. И эта задача не только на сегодняшний день, но перманентно на будущее. Плюс задачи по ее укреплению и развитию никто не отменял.

Шилов: Ну, с последними как-нибудь без меня, еще я политические корпорации не создавал. В этом и будет мое первое условие – вхожу исключительно, как консолидатор, в политику не лезу. Отсюда мое второе условие – если меня начнут одолевать политические игры, то все прекращаю, при любых рисках. Ну и, исходя из всего этого, позиция, которая

всеми этом удовлетворяет – главный исполнительный секретарь. Такие входящие устраивают?

Лобов: И как же ты, интересно, будешь «консолидировать», при таких вводных? Нет, я в тебе не сомневаюсь, чисто технологически не могу себе этого представить.

Шилов: Принципы действия будут такими же, как и всегда. Придумывать здесь что-то новое, совершенно бессмысленно. Кого надо отвлечь – отвлеку, кого надо успокоить – успокою, с кого надо «корону сбить» – собьем. И здесь возникает еще одно требование, или настоятельная рекомендация, которое я не озвучил. Мы перестраиваем движение с корпоративного принципа на другой, и больше не используем корпоративный принцип и корпоративную модель для «ДВиК». Кстати, именно использование этой самой модели, и повлекло за собой нынешнее расползание. Это не Ваша вина, Вы по другому не умеете.

Лобов: Все, больше условий не будет?

Шилов: Этого достаточно. Посмотрим, как будет с выполнением этих.

Лобов: Да Авдей, каждый разговор с тобой, как шоковая терапия для меня. До сих пор не знаю, как к этому относиться. В общем, спасает тебя только твоя бешеная эффективность и полезность, да ты и сам это все прекрасно знаешь. Не развиваем... Но, если ты такой всезнающий, и видел проблему изначально, то какого же черта ты не обратил на это внимание?

Шилов: Странная претензия, после Ваших слов, цитирую «Спасибо за идею! Очень ценно. Сам всю организую и реализую. Ты, занимайся программой.» Я, собственно, этого и добивался – заниматься исключительно программой и другими задачами моей организации. А вывод о причине ситуации с движением я сделал только за несколько дней до этой встречи.

Лобов: Хорошо же ты умеешь интерпретировать все в свою пользу.

Шилов: Вот именно, что я ничего не интерпретирую, поэтому у меня очень часто дискуссионные позиции сильнее, чем у оппонентов. Кстати, на счет оппонентов, надеюсь Вы понимаете, что от Вас потребуется невмешательство в вопросах нашего противодействия Вашим совершенно обнаглевшим протезе.

Лобов: В рамках движение, пожалуйста, сколько угодно, но это уже детали. Базовые вопросы, на сегодня, все?

Шилов: Вам, коллеги-соратники, все понятно? Тогда, все.»

На этом, нас попросили удалиться. Они еще около двух часов общались один на один, речь шла о реализации программы, это точно.

Вадим, только не забывай, что и после их общения тет-а-тет, было одно, ключевое ни ключевое, но заметное решение – «веселая троица» вместе с их недавними назначением, получила под контроль три небольшие предприятия, создан-

ных в рамках реализации нашей программы. Предприятия были небольшими и вспомогательными, но, задачу отвлечения этих деятелей от программы и «ДВик», это решило, и достаточно надолго.

Да, я как раз хотел уточнить момент с этой «троицей». Я правильно понимаю, что с любимыми представителями верхов пришлось бы действовать в подобном ключе, так как других не бывает?

Совершенно верно. Видишь, ты уже начинаешь разбираться в контексте и подходах. Самое главное, на том этапе, что это нам позволило провести спокойно первый генеральный совет движения с участием Шилова, без их обычных пакостей. Пакости их, конечно же, были мелкими, даже мелочными, но внимание и время приходилось тратить. Но в этот раз, отвлекаться на них не пришлось.

И как же прошел этот первый совет с Авдеем Наумовичем, припомните, так как о нем вообще никаких данных нет.

Не удивительно, ведь, как ты знаешь, все без него разошлось, а ассоциаций с Шиловым весь госсектор боится сильнее контрольных мероприятий. До этого еще дойдем. Про первый генсовет с Наумовичем. Чем о запомнился, так это тем, что речь Шилова была не программной, а скорее установочной, точно в таком же формате, в котором он нам ставил глобальные задачи по программам или ГОИ.

И не удивительно, Авдей Наумович изначально сказал: «Политике учиться не собираюсь, лицемерить не буду. Глав-

ное, как обычно, чтобы все все поняли, без всяких интерпретаций.» Если позволите, вот как его установку запомнила я: «

Шилов: Для чего мы с Евгением Генриховичем изначально это движение затевали? Во-первых: не скрою, для того, чтобы дать выход нереализованной политической активности жителей «малых» земель. Во-вторых: предоставить возможности и ресурсы для оппонирования политике мегаполисов. Третье: сформировать более адекватное и полное правовое поле для «малых» земель. Вот основные задачи. На сегодняшний день сложилась ситуация множества внутренних конфронтаций, в основном, именно по этим вопросам. Лично я расцениваю подобное положение дел не иначе, как следование личным субъективным амбициям, «шкурным» интересам. Это недопустимо в принципе, а уж тем более на этом этапе. Это ни хорошо и не плохо, это человеческая природа, и корпоративная модель максимально этому способствует. Поэтому, чтобы в дальнейшем такого не происходило, начиная с данного совета мы проведем реформацию и выстроим наше движение по другому принципу.

Какой-то активист: Интересно, по какому? Опять люди не те?

Лобов: Ну, вы договорить-то дайте, сейчас Авдей Наумович к этому перейдет.

Шилов: Так и есть, перехожу. А люди нормальные, я же об этом только-что сказал. Так вот, о принципах и моделях. Как

я уже сказал, корпоративная модель не просто не приемлема, она уже давно себя изжила, поэтому будем все формировать на основании модели, которую мы протестировали в организации, которую я возглавляю. Во главу угла мы поставим, так называемый, принцип «посильного вклада», то есть каждый будет вносить столько, сколько посчитает возможным, с соответствующей отдачей. А чтобы не было злоупотреблений, эти все процессы будут максимально прозрачными.

Кто-то из «старейшин»: Ха, над решением этой задачи бьются уже не одно столетие. Не уже ли Вам удалось это решить?

Шилов: Вот именно, что надо не биться, а решать. Что там удалось, а что нет, не мне оценивать. Но некоторые позитивные результаты есть. Итак, модель условно называется «пропорциональной», и состоит, очевидно, из сегментов. Как это выглядит, применительно к нашему движению, вы можете видеть в рассылке. От себя поясню, каждый из вас сам решает сколько времени и в каком сегменте он будет задействован, выводы сделаете сами, на основании полученных результатов о вкладах. Прозрачность расчета вкладов обеспечивается за счет многосторонней оценки. Из опыта скажу, что концентрация на чем-то одном какое-то продолжительное время, дает наибольший вклад, поэтому персональная рекомендация, полгода-год концентрируйтесь на чем-то одном, потом переходить на другое. Если где-то что-то не выходит, не надо себя насиловать, переходите к следующему

сегменту, благо, их достаточно.

Какой-то активист: А почему сегментов именно столько – 9?

Шилов: Потому, что, как вы видите из их названий, это базовые аспекты жизнедеятельности.

Какой-то старейшина: И как же это нас убережет от вождизма? И другого негатива, связанного с большой концентрацией людей?

Шилов: В том-то и дело, что при данной организационной структуре вы сами себя убережете. Точнее, сама организационная структура предохраняет от того, что Вы перечислили.

Какой-то активист: Ага, только у движения есть и лидер, и главный исполнительный секретарь...

Шилов: Во-первых: подобных фигур требует закон, это формальность. Во-вторых: Вы положение, и базовые алгоритмы изучили? Нет там ни единой возможности зародиться вождизму. Разумеется, есть человеческий фактор, но он нивелируется оценкой вложений и отдачей. Мне другое не понятно, вам всем материалы были разосланы не меньше, чем за месяц, откуда все эти вопросы? Все эти разъяснения в материалах есть. Я к чему, это яркий показатель того, в связи с чем в движении начались разлады. Поэтому, предлагаю на данном мероприятии договориться о том, чтобы все дальнейшие генеральные мероприятия были по-существу, а не исходя из субъективных побуждений. Для этого есть агрегатор предложений. Принимается? Хорошо. Далее, пере-

ходим к фазе формирования перечня главных задач.»

Дальше все было скучно и неинтересно, и это, уж точно, есть в свободном доступе. Главное я донесла, оно заключается в том, что за счет внедрения в «ДВиК» организационной структуры нашей организации, Авдею Наумовичу удалось прекратить процессы расползания движения. И не просто прекратить, а придать ему новый импульс.

Я, признаться, не до конца все понял на счет модели, и как она нивелировала негативные процессы. Можете разъяснить?

Мить, попробуй ты.

Ничего сложного. Если говорить упрощенно, то сколько кто считал нужным, столько тот и участвовал. Минимум был гарантирован, а минимумом было – осознание причастности. Тем самым ушли споры типа «чей вклад больше», все стало наглядно. А именно эти споры и были одной из главных причин раздора. Другой причиной были различия в подходах к реализации. Эта задача была решена за счет тех самых сегментов. За счет реализации принципа «наглядной авторитетности и компетентности», были сведены к минимуму и споры, возникавшие на этой почве. Надо сказать, что решения, принимаемые к реализации, практически никогда не устраивали лично Шилова, но он не вмешивался. «Политика политикой, теории теориями, а практика и реальная деятельность всегда все развернет в сторону адекватности, рано или поздно», таково было восприятие Авдея Наумовича.

Практика действительно показала его правоту в этом отношении.

Тут надо пояснить, что Шилов был полностью приверженцем следующего подхода: «Превентивное написание правил и законов ведет только к хаосу и выгоде написавших эти законы и правила.» Иными словами, законы и правила должны закреплять наилучшие практики, возникшие в практической деятельности. Причем, те практики, которые являются наиболее созидательными. В противном случае получается простое узаконивание действий правящего класса. И, разумеется, как это уже отмечалось, законы и правила не должны интерпретироваться, в идеале. Кстати, из-за продвижения и реализации этого подхода в рамках «ДВиК», да и в целом, публичного его озвучивания, Авдея Наумовича люто ненавидела большая часть законодателей всех уровней. Думаю понятно, почему? Подобный подход дискредитировал их еще больше, чем они сами себя.

Да Лен, спасибо за дополнение. Возвращаясь к «ДВиК», в течение первых двух-трех лет, после присоединения нас и Шилова, движение разрослось и развилось в самую мощную и монолитную политическую силу в стране. Не удивительно, что движение стало затмевать собой все ведущие политические силы и корпорации. Но, что характерно, затмить-то мы их затмили, но ключевые посты все до единого все-равно оставались за представителями верхов. Как так вышло? Все стараниями Лобова, это прямой результат его политических

игр. На самом деле, ни для нас ни для Авдея Наумовича это не стало неожиданностью, подобный исход прогнозировался изначально. Главное, что мы получили максимальную, насколько это было возможно, изоляцию от политики, другого мы и не хотели.

И все же, как вы и Шилов, на тот период, взаимодействовали с «ДВиК»? Насколько я знаю, Авдею Наумовичу была предложена должность в генеральном госсовете.

Более того, должности были предложены и каждому из нас. Но, откровенно говоря и ожидаемо, должности были абсолютно номинальными. Предложенная Шилору должность, называлась – старший советник по малым территориям. Сам понимаешь, ни о чем. Плюс пресловутое отсутствие политических амбиций. В общем, все это поспособствовало отказу Наумовича от этой дутой должности. Самое интересное не это, а то, что его чуть ли не принуждали принять эту должность. Конечно, попытки запихнуть Шилова в госаппарат были нескончаемыми, но именно эта была, пожалуй, наиболее резонансной и публичной. Точнее, не сама попытка принуждения, а отказ от должности Авдея Наумовича.

Очень интересно, и как же это выглядело? А-то у меня в распоряжении только сам момент отказа.

Сейчас расскажем. Но до самого заседания того госсовета, был еще разговор с Лобовым, свидетелями которого мы невольно стали, так как состоялся он по виар-связи во время очередной установки. Вот его приблизительное содержание:

«

Лобов: Авдей, знаю, где и в каких комбинациях ты видел политику, но на основании результатов электорального периода, тебе скоро предложат должность генгоссовете. Предложит ее Сам. Надо бы тебе ее принять.

Шилов: Евгений Генрихович, даже резоны и причины выслушивать не буду, не приму, хоть репрессируйте.

Лобов: Шилов, у тебя там на периферии совсем с мозгами плохо стало? Ты хочешь Верховному в публичной среде на его предложение сказать «нет»?

Шилов: Сейчас я не понял, В чем сумасшествие-то? Я, как раз, буду законченным психом и лицемером если соглашусь.

Лобов: Ты отдаешь себе отчет в том, на сколько ты себе жизнь усложнишь, и мне заодно?

Шилов: Так с этого и надо было начинать – с того, что у Вас жизнь усложнится. Готов подумать над тем, чтобы это не затронуло Вас, или чтобы минимизировать негатив. Но по должности иного решения не будет.

Лобов: И как же это осуществить?

Шилов: Евгений Генрихович, я-то думал, что Вы и связались, чтобы мне озвучить соображения по решению, а Вы, почему-то, были уверены, что я приму это должность. С чего бы это?

Лобов: Авдей, заканчивай эти выкрутасы. Ты же знаешь степень серьезности последствий.

Шилов: А еще я знаю, что для меня последствия будут

еще более негативными, если я приму эту должность.

Лобов: Как же раздражает твое извращенное мировоззрение. И в чем же?

Шилов: А-то Вы не знаете мое восприятие современного чиновничества. Хорошо, повторю еще раз, стать частью современного госаппарата все равно, что вляпаться в болото по пояс – ни утонуть, не вылезти.

Лобов: Да-да, тебя послушать, так у тебе вокруг сплошные нелюди...

Шилов: Евгений Генрихович, давайте без дискуссий по этому поводу, уже в миллионный раз. Тем более, Вы знаете, что моя основная претензия в том, что госаппарат путает бизнес и государственную деятельность, намеренно. А точнее, государство стало бизнесом в большей степени, чем сам бизнес. А Вы и люди Вашего уровня создают все условия для процветания данного положения вещей.

Лобов: Слышал это уже неоднократно. Вот и начал бы это менять на новой должности.

Шилов: Смешно... Даже пояснять не буду почему. Евгений Генрихович, так мы обсуждаем минимизацию негативных последствий...

Лобов: Без тебя разберусь. Знай, Авдей, с этого момента мое отношение к тебе серьезно изменилось.»

После этого, Лобов ушел со связи. Шилов вообще никак не отреагировал, как-будто ничего не произошло. Только, обращаясь к нам, задал риторический вопрос: «А представ-

ляете, что бы было, если бы у него были рычаги прямого влияния на нас?» Мы ухмыльнулись, и продолжили прерванное совещание.

И как же изменилось отношение Лобова к Авдею Наумовичу?

Знаете, в течение четырех-пяти лет после того разговора, никаких изменений, лично мы, не заметили. Я прав, друзья-коллеги? Вот, подтверждают. Этого не было заметно, даже во время моих личных встреч с ним. Но, тут надо принимать во внимание особое мировоззрение и менталитет таких людей, как Лобов. Мы это уже отмечали. Тут ведь получается чрезвычайно гремучая смесь безмерного эгоцентризма, вседозволенности и безапелляционности, такое ни к чему хорошему никогда не приводило. Хорошему для общего, имеется в виду. А тут еще Шилов со своими убеждениями и подходами, с которыми он им не просто поперек всего был, а вообще, как инородное тело. Так или иначе, но мы сейчас осознаем, что подобная ситуация была неминуема, ситуация конфронтации между Лобовым и Авдеем Наумовичем. Тот разговор был всего лишь первым звончком, и готовиться к подобной ситуации, прежде всего, надо было нам. Но, на тот момент мы об этом не думали. Честно говоря, из-за того, что привыкли полагаться на Шилова. Хотя, сам Наумович нас предупреждал, и обращал на это внимание. Если бы мы тогда это восприняли и осознали, то и нынешняя ситуация была бы другой. Мда, сослагательное наклонение на то и со-

слагательное, не развиваю.

Мить, короче, до момента, когда отношение Лобова действительно ухудшилось, на деле, и все переросло в прямую конфронтацию, мы еще дойдем. Еще же был сам генеральный госссовет, с тем самым отказом Шилова от должности.

Да-да, к нему обязательно перейдем. Но до этого, поясните, пожалуйста, почему секретариат оставил предложение должности на повестке дня? Не уже ли они не были осведомлены? Это ведь прямая подстава Верховного...

Да, Юр, ты прав. Тут дело все в том, что Лобов «завязал» Шилова на себя и только на себя. Мы об этом уже рассказывали, при упоминании помощи от Лобова. Поэтому никто, кроме Лобова с Шиловым даже и не думал говорить. Плюс то самое пресловутое чиновничье мировоззрение, никто ведь и подумать не мог, что от таких должностей и предложений можно отказаться. А вот почему Лобов не стал об отказе Авдее Наумовича предупреждать, это уже несколько другой заход. Дело все в том, что Евгений Генрихович недолюбливал секретариат, более того, он считал его лишней структурой. Не буду вдаваться в подробности почему. Так вот, такую возможность дискредитировать секретариат, он упустить не мог, ведь такая возможность предоставилась ему первый раз лет за пять. Вот он ей с успехом и воспользовался. А что касается, ущерба для авторитета Самого, то его достаточно просто устранили. Да ты и сам все это уже знаешь. Главное, что было для этого сделано, это банальные

увольнение. А главное, чего добился Лобов – это получение в ведение контроля за соответствием должностям, проще говоря, кадровую разведку.

Кстати, то, как он провернул всю ситуацию с отказом Шилова, является очень ярким примером главной силы Лобова – он любую, абсолютно любую ситуацию может развернуть в свою личную пользу. Этим объясняется его долголетие в верхах, этим объясняется степень его влияния, в конце концов, в этом он весь. Даже Авдей Наумович мало что мог этому противопоставить, точнее, он считал, что на это не стоит тратить усилия. Оказалось, что усилия потратить стоило... Ладно, давайте перейдем к заседанию с отказом Шилова.

Да-да, хочется услышать это в вашей интерпретации, так как официальная, как обычно, достаточно скупая и странная.

Глава 12.

С какого момента бы начать? Это важно, так как это было первое публичное общение Шилова с Верховным. Таковых, вообще, наберется меньше десятка, что не удивительно, весь госаппарат, и особенно Лобов, всеми силами старались, чтобы Авдей Наумович с Самим не пересекались. Ты уже понял почему. Но, иногда это все-таки случалось, в основном по процедурным моментам, когда этого нельзя было избежать. Ну, или когда это было выгодно Лобову. Надо сказать,

что и у самого Шилова не было особого желания общения с главой государства, «Это просто функция, хоть и гигантская. Полубогами и небожителями наших правителей делает их окружение и народ. В основном первые, так как, тем самым, они «возвеличивают» себя.» Данную фразу, один в один, он говорил не только нам, но и Лобову. Это я упомянул для углубления контекста. И, кажется, понял с чего начать пересказ того генерального госсвета. В общем вот, как я его запомнил: «

Генеральный секретарь: С итогами программы по капитализации малых земель все понятно. Все по плану, все обязательства выполняются, как и обещал Авдей Наумович. Как обстоят дела с другими, курируемыми Вами программами и компаниями?

Шилов: Вынужден уточнить, курирует меня – Евгений Генрихович, а я реализую и руковожу. Мне кажется это уточнение важным, так как я не отвечаю за политическую и социальную составляющую, ни по программам ни по компаниям. Не считаю возможным и нужным дублировать функции государства, этот вопрос уже обсуждался...

Лобов: Авдей Наумович, мы уже поняли, переходите к сути заданного вопроса.

Шилов: Даже с формальной точки зрения, напомнить было не лишним. Перехожу к ответу на поставленный вопрос. Главный показатель – поступления в бюджет, средний показатель прироста по нему, с начала моей деятельности, сорок

один процент в год. По отдельным программам и компаниям доходит до восьмидесяти семи процентов. Для сравнения, средние темпы роста поступлений в бюджет около пяти с половиной процентов в год.

Генеральный секретарь: Господин Шилов, мы уже обсуждали это момент неоднократно, сравнение этих показателей – некорректно.

Шилов: Если мы обсуждали, это не значит, что я это заключение принимаю...

Верховный: Коллеги, давайте без ненужных понятийных и методологических пикировок. По крайней мере, не на генеральном госсовете, для этого есть отдельные секции. А в целом, Авдей Наумович, надо признать, что не смотря ни на что, Вы один из самых эффективным управляющих госпрограмм. При этом, единственный из управляющих, кто не имеет государственного статуса. Исправляю эту ситуацию, и предлагаю Вам должность старшего секретаря госсвета по малым территориям. Как Вы на это смотрите?

Шилов: Господин председатель госсвета, благодарю за оказанное доверие, но должен отказаться от предлагаемой должности, по причине того, что не считаю себя достойным ее. Также прошу, в дальнейшем, не предлагать мне иные государственные должности, по причине не принятия базового регламента работы госслужащего. Могу, если требуется, дать еще более подробные разъяснения.

Верховный: Не нужно, господин Шилов, все доходчи-

во. Уговаривать Вас мы не собираемся, но организационные выводы сделать придется. Приказываю соответствующим структурам вынести организационное решение по данному поводу. Обращаю внимание, что речь идет не о санкциях, а о соблюдении соответствующих норм законодательства. Возвращаясь к Вам, Авдей Наумович, в любом случае, я считаю, Вы достойны поощрения за Вашу эффективную и продуктивную деятельность. Мы с коллегами подумаем, как и в каком виде это сделать. Принимается?

Шилов: Так точно! Ко мне есть еще вопросы?

Генеральный секретарь: А что Вас конкретно не устраивает в регламенте, который Вы упомянули?

Верховный: Ну я же попросил, без лишней полемики. Вы внесите это вопрос в повестку соответствующей секции, и обсуждайте его там. Генеральный госсовет на то и генеральный, чтобы принимать стратегические решения, а не обсуждать законодательные частности.

Шилов: Если позволите, я могу ответить на этот вопрос коротко.

Верховный: Отвечайте, раз можете, чтобы не оставалось вопросов без ответов. Только не больше одной фразы.

Шилов: Без проблем. Ответ такой, главная проблема, в упомянутом мной регламенте, в том, что в нем любой госслужащий или чиновник возвеличивается над гражданином. Это противоречит основному закону.

Верховный: Ваша точка зрения ясна. Все, на сегодня за-

крыли эту тему. В свою очередь, я надеюсь, что сегодняшней отказ от предложенной должности, не приведет к снижению Вашей продуктивности.

Шилов: Разумеется, нет.

Верховный: Это для меня самое важное. Переходим к другому вопросу.»

Больше на том совете Авдей Наумович не выступал. Конечно, все, присутствовавшие на нем, до конца мероприятия переглядывались между собой и косились на Шилова, точнее, прямо скажем, смотрели на него, как на ненормального суицидника, но, очевидно, что Наумовичу было на это наплевать. Почему он не стал «валить» Лобова, а даже наоборот, связал его с нашими результатами деятельности? Так тут все очевидно, если нет стопроцентного варианта изменить ситуацию, то пусть во главе остается тот «угнетатель», от которого знаешь чего ожидать. Думаю, и сам Лобов пришел к подобным выводам, еще за долго до того госсвета, поэтому он его и не опасался, и поэтому ему с успехом удалось вывернуть ситуацию с отказом Шилова от должности в свою пользу.

Да, занятно, данных подробностей и в помине нет в архивах. И какие же последовали организационные выводы? Или я забегаю вперед?

От чего же, нет, выводы последовали сразу же. Что это были за действия? Все просто и примитивно. Все, что было под нашим управлением с коммерческой составляющей, бы-

ло передано на откуп «веселой троице». То есть, все компании, банк, производства и тому подобное. Проще говоря, в нашем ведении остались только сама программа по территориям и первые три ГОИ: по фундаментальной науке, культуре и трудовому образованию. Сразу же отмечу, что именно подобное развитие событий Шилов и прогнозировал, он даже поделился этим с нами за день до госсовета. Ни он, не мы, по этому нисколько не расстроились. Более того, даже видели в этом больше позитивных моментов, чем негатива, так как можно было сфокусироваться на самых важных, с нашей точки зрения, направлениях. И справедливости ради, надо сказать, что в ресурсах по программе и по ГОИ нас ограничивать не стали, ничего назад по ним отыграно не было. Хоть здесь они сумели понять, что подобное решение было бы им не на руку, мягко говоря.

Если честно, то я думал, что у вас из управления все компании и банк забрали сразу же, как только вы их сделали прибыльными.

Юр, а какой смысл их было забирать? Показатели были существенно выше рыночных, на собственность в них мы не претендовали, да и не могли претендовать, вот никто из верхов и не переживал по этому поводу. А вот, когда Шилов проявил «опасную» строптивость, тут же все прибрали обратно. Что из этого вышло, ты хорошо знаешь – все эти компании были отданы на поглощение трансгосударственным конгломератам, за долю в них. Оценку этого решение

не даем, бессмысленно это.

И что, после этого у вы сосредоточились исключительно на программе и ГОИ, немного отвлекаясь на «ДВиК»? Больше никаких компаний в управлении у вас не было?

Ха, а вот здесь произошло то, чего ни мы, ни даже Шилов, спрогнозировать не могли. Вновь созданные предприятия на территориях, плюс мелкие компании компании из мегаполисов, обратились к Авдею Наумовичу, сразу же после его отказа от должности, с просьбой сформировать несколько национальных кооператоров и интеграторов. Это те самые структуры, которые функционируют и по сей день – единые центры закупок, единые складские центры, единые центры обновлений и тому подобное.

Вадим, думаю, что надо об этом чуть подробнее, про причины, следствия и назначение. Позволишь? Так вот, начнем со стартового импульса. Им стал именно факт отказа Авдея Наумовича от государственной должности, так как это был очень четкий сигнал о том, что Шилов остался верен исключительно самому себе и своему рациональному подходу. Для вновь созданных компаний и мелкого бизнеса это было важно потому, что это позволяло им с высокой уверенностью рассчитывать на то, что Наумович их не оставит на растерзание и поглощение крупняком, как это было неоднократно до этого. Все мы помним целые волны поглощений. Прото, к чему это привело, не рассуждаю. Важно другое, что за очень долгое время появился человек, которому поверил ма-

льный бизнес, бизнес на местах, такого не было давно. Подчеркиваю, именно малый бизнес, с социумом все существенно проще, думаю, понятно почему. Ну, а сама их инициатива и суть обращения зрела достаточно давно. В чем же она заключается. В том, чтобы все, что можно делать централизованно, делать централизованно. Что же мы получали на выходе? Существенное снижение издержек и затрат, за счет реализации, уже можно сказать, древнего принципа – «экономика на масштабах». При этом, сохранялись стандарты и уникальность товаров и услуг, характерные для отдельно взятого предприятия. Лен, ты что-то хотела к этому добавить?

Только то, что создание этих самых кооператоров и интеграторов поспособствовало развитию не только малых производителей товаров и услуг для конечных потребителей, но компаний-производителей тех самых промежуточных товаров и услуг. За счет чего? За счет той самой модели «допроизводства» или, если быть точнее, технологии «производственного скальпинга».

Да-да, это очень интересно. Вы об этом уже упоминали, я все никак не попрошу вас детализировать этот момент. Могли бы вы разъяснить этот момент чуть подробнее?

Да, конечно. На самом деле, все достаточно просто. До появления этой технологии, из всего объема производства, около четверти производилось, так сказать, «вслепую», то есть без уверенности будут продажи или нет, и когда будут. Разумеется, все «уверенные» продажи были сосредото-

чены у крупняка, который, как мы знаем, на две трети государственный. «Слепые» продажи были уделом исключительно мелкого и местного бизнеса, не считая отдельных феноменов. Правда, эти самые феномены становились либо собственностью крупняка, либо сами становились крупняком. Проще говоря, ситуация была не в пользу малых предприятий, какими бы гибкими и мобильными они не были. Что же сделал Шилов? Он разработал алгоритм, позволяющий с высокой точностью определять каким будет спрос на то или иное наименование товара или услуги. Как он работал, объяснить не буду, это очень долго, да и принципиальное описание его работы можно найти. Скажу только, что это был один из самых многофакторных алгоритмов когда-либо созданных, на моей памяти уж точно. Ну а дальше, как Вы понимаете, этот алгоритм и эта технология сформировали новую рыночную ситуацию.

Лен, чтобы не возвращаться. Надо сказать, что эта технология видоизменила не только производство, но и потребление. Точнее будет сказать – культуру спроса, которая, как мы уже отмечали основывалась не на потребности, а на необходимости. Да, не отрицаю, что осталось большое количество приверженцев старой потребительской модели, но и приверженцев новой модели появилось не мало, примерно четверть от общего числа. Кстати, замечаете корреляцию? Двадцать пять процентов «слепого» предложения и двадцать пять процентов «нового» спроса, вот вам и скрытые резер-

вы. Собственно, разгон тогда получился такой, что эта модель стала частью государственной политики, к сожалению, но об это позже. Пока же я предлагаю вернуться к моменту обращения малого бизнеса к Шилову, так как встреча эта получилась достаточно интересной.

Да-да, Матвей Сергеевич, только хотел попросить остановиться на этом подробнее.

Останавливаюсь. Вообще, предлог для встречи был в том, что большая группа малых предприятий хотели вступить в «ДВиК». Собственно, с этим они прибыли все на очередную вновь создаваемую территорию. Идея же национальных координаторов и интеграторов родилась в процессе. Вот, как это было: «

Старший от бизнеса: Авдей Наумович, мы все давно следим за Вашей деятельностью, и считаем Вас примером в ведении дел. А уж после того, как Вы отказались от того, от чего не отказываются, мы осознали, что Вы именно тот человек, который сможет достойно нас представлять и говорить от нашего имени. Для нас это очень важно, так как Вы прекрасно знаете, что такие люди, как мы, никому не доверяют...

Шилов: Уважаемые, буду с вами предельно прямым, меня от подобных речей начинает подташнивать, не надо этого. Я такой, какой есть, это ни плохо ни хорошо, тем более, это ни в чью пользу. Я также очень хорошо знаю, что вы бы не связались со мной ради разговоров на общие темы и хвалебных

речей. Говорите прямо, ради чего наша встреча.

Старший от бизнеса: Подобной реакцией Вы еще раз нас убедили в правильности обращения к Вам. Простите, переходим к сути. Вы хорошо знаете про привилегированное положение национальных и транснациональных компаний. Фактически, сформировалась отдельная каста, или даже, раса, тех, которые безраздельно владеют восьмьюдесятью процентами всех средств, ресурсов и капитала. Иными словами, если ты не принадлежишь к этой касте-расе, по происхождению, продажности или еще по каким признакам, то ты никогда и не будешь к ней принадлежать. Хотелось бы как-то эту ситуацию изменить. Мы понимаем, что это невозможно в общемировом масштабе, и вряд ли возможно в мегаполисах, но на вновь капитализируемых территориях подобного допускать нельзя.

Шилов: У вас по этому опросу есть какая-то конкретика?

Другой представитель: За этим к Вам и пришли...

Шилов: Ясно. Ну, во-первых: напоминаю, что подобная ситуация складывается чуть ли не с конца девятнадцатого века. Во-вторых: не вы первые кто озадачивается данным вопросом. В-третьих: почему вы считаете, что это негативная, неправильная ситуация? Даже не так, сформулирую по другому. Как вы видите устройство экономики, или хотя бы бизнес-среды?

Старший от бизнеса: Честно говоря, подобным вопросом не задавались, так как мы все сосредоточены на текущих за-

дачах наших предприятий. Но, мы уверены, что подобное положение вещей пагубно влияет на все. Для того к Вам и обратились.

Шилов: Ну, хорошо, а хотите-то вы чего? Также стать крупняком, получить его возможности и статус? Каково назначение этого всего, лично для вас? За себя могу сказать, что для меня это все только лишь входящие условия, я умею с этим обращаться и действовать, исходя из этих условий. В чем ваша необходимость для перемены ситуации?

Старший от бизнеса: Отвечу так, крупняку слишком много позволено и они себе крайне много позволяют. Понятно почему – потому, что могут. Если так будет продолжать дальше, то итог будет плачевный – мы лишимся экономического суверенитета, а за ним и государственного.

Шилов: По мне, так многовато пафоса. Про экономический суверенитет не слышал, нет его, уже давненько. Государственный суверенитет наши верхи не отдадут, хотя бы из-за себялюбия. А ответ на вопрос: «Какими вы хотите быть?», не услышал.

Старший от бизнеса: То есть, Вы нам отказываете?

Шилов: На будущее, никогда не делайте выводов за меня, и вообще, за кого бы то ни было. К позитиву это точно не приведет. Из нашего с вами общения я никак не могу вынести перечень задач, а это для меня критично. Точнее, не мог, но тут вы заговорили про суверенитет, и мне нарисовалась одна задумка. Сейчас разъяснить не буду, так как нет четких

очертаний. Скажу так, действовать будет не политически, а экономически и в деловой сфере, этого крупняк не ожидает. В итоге, у вас – у малого бизнеса, должны будут появиться некоторые конкурентные преимущества. На данный момент, такой мой ответ устроит?

Старший от бизнеса: Да, вполне. Всячески готовы к участию.

Шилов: Это само собой. Еще один момент, который я бы хотел затронуть. Вся эта задумка потребует максимальной координации и консолидации. Как и любое другое решение глобальных задач, это очевидно. К чему это я, к тому, чтобы вы обратили внимание на то, как вы взаимодействуете друг с другом, в вашей среде. Среди вас есть очень много тех, кто относится к своим контрагентам, не как к партнерам или конкурентам, а как к объектам для реализации, прямо скажем, мошеннических схем и недобросовестных действий. В подробности вдаваться не буду, вы прекрасно знаете о чем я говорю. Плюс, извините, ваша способность договариваться не просто оставляет желать лучшего, она, прямо скажем, в последнее время никакая. На это все я обратил внимание, еще когда занимался своим собственным предприятием.

Старший от бизнеса: Авдей Наумович, а как по другому? Сами же знаете условия...

Шилов: Только почему вы это все перекладываете друг на друга, а в итоге на конечного потребителя. И те и другие, кстати, находятся в тех же самых условиях. Почему вы мол-

чаливо соглашаетесь на эти условия? Более того, на четверть, как минимум, эти условия формируете вы сами.

Другой представитель: Вот мы к Вам и обратились, чтобы Вы указали нам, какие действия нужно предпринять в этом направлении.

Шилов: Понятно. Сегодня дискутировать не будем. Дайте мне время, месяц, не больше, тогда обсудим все более предметно.»

И действительно, это самое обсуждение состоялось через месяц. И уже на этой встрече, Шиловым были представлены концепты национальных консолидаторов, интеграторов и модель «экономики допроизводства» или модель «производственного скальпинга».

Я только один момент добавлю. Лично я до сих пор никак у себя в голове не уложу, как же нам верхи разрешили провести ту самую встречу через месяц. Они о ней точно знали, это гарантия. Не уже ли они все настолько самоуверены, что никаких «угроз» для себя не чувствовали, от объединительного порыва малых предприятий? Даже банальная жадность и мнительность не включились.

Лен, и что, они разве не правы оказались? Конечно, им повезло. Но, что в итоге? Из этих всех национальных консолидаторов получилось несколько новых «олигархов» местного пошиба, и все. Разумеется, осталась технология «производственного скальпинга», но этого как-то маловато, учитывая все входящие.

Ну, это точно не вина или ответственность Авдея Наумовича, это скорее уже природное, то, на что повлиять практически невозможно...

Нет-нет-нет, никто Авдею Наумовичу в вину это не ставит. Как можно? Согласен с тобой, возможности меняют сознание, и чем больше эти возможности, тем сильнее меняется сознание, как в лучшую, так и в худшую сторону. Чаще всего в худшую, к сожалению. Но мы что-то отвлеклись. Юр, верни нас на линию повествования, пожалуйста.

Вообще, мне подобные рассуждения интересны и, думаю, будут не лишними. Ну, на линию повествования, так на линию повествования. Про реакцию негосударственного бизнеса на отказ Шилова от высокой должности вы рассказали. Хотелось бы узнать еще и реакцию госаппарата с обществом, так как вы правы, от таких должностей не отказываются, тем более публично.

Если говорить о госаппарате, то можно сформулировать это коротко. И до отказа все чиновники смотрели на Авдея Наумовича, как на инопланетное существо, кто-то относился к нему с опаской, кто-то с презрением. Ну, а уж после отказа, все вообще стали его обходить стороной по широкой дуге, то есть Наумович стал своего рода персоной-нон-грата. Надо сказать, Шилов от этого только выиграл, как ты понимаешь. В общем, впоследствии из чиновников общался с ним только Лобов, ну и местные функционеры на территориях. Я вот думаю, что вообще всем нам подобное положение вещей

было только на руку, так как ни у кого не возникало желания влезать в нашу программу и ГОИ, дабы «не запятнать репутацию». Что там говорить, количество аудитов после этого сократилось в три раза. Я бы даже так сказал, такой степени автономии у отдельно взятой организации на государственном уровне не было больше ни у кого, и вряд ли у кого-то будет в обозримом будущем.

А на счет общественности, был занятный разговор с общественными организациями, которые, формально, являлись нашими учредителями. Если коротко, то содержание его было следующим: «

Сопредседатель набсовета: Авдей Наумович, ну как же так, почему Вы подобное решение приняли в одностороннем порядке, ни с кем не согласовав?

Шилов: Признаться, такой вопрос для меня сюрприз. В связи с чем это, я должен был с вами данное решение согласовывать? Напоминаю вам о вашем формальном статусе и положении относительно нашей организации. Но, за этот формальный статус у вас появились очень большие преференции и ресурсы. Вы все входите в различные советы и группы, да и бюджеты у вас подросли значительно. Уж не знаю, где среди всего этого у вас зародилась мысль, что я вам подотчетен.

Сопредседатель набсовета: Мда, как всегда, безапелляционно и доходчиво. В таком случае, разрешите довести до Вас некоторые наши решения. Это мы хоть можем?

Шилов: Не передергивайте, вам всем давно известна моя риторика, принципы и подходы. А ваш реальный статус, тем более. Сообщайте...

Сопредседатель набсовета: Ладно. Первое: в вашей авантюре с «ДВиК» никто из нас участвовать не будет. Второе: лично Вам мы протекцию больше оказывать не будем, только организации в целом. Третье: ведомство господина Лобова многим из нас предложило новые назначения, мы намерены согласиться, в отличие от Вас.

Шилов: Да уж, все-таки нет у вас осознания вашего реального статуса. Не принципиально. Право, не знаю, для чего вы мне все это озвучили, могли бы просто в записанном виде прислать. Ну, раз уж так решили поступить, вот вам моя реакция. На счет первого, никто вас никогда не просил присоединиться к «ДВиК», если только Евгений Генрихович, я не в курсе. А мнение свое о данном движении, можете оставить при себе. На счет каких-то там мифических протекций – не надо. Когда и в чем они мне оказывались? Да и зачем, при моих прямых контактах с Лобовым? В общем, это все ваши фантазии. Про третье я вообще молчу – соглашайтесь на что хотите, это ваше дело.

Сопредседатель набсовета: А Вы не боитесь, что при таком своем подходе, Вы останетесь один на один со всем?

Шилов: По-моему, это вы страшно боитесь лишиться лояльности власти и «входа в верхи». А я подобных вещей не боюсь.

Сопредседатель набсовета: Мы Вас услышали, господин Шилов, будем действовать исходя из того, что сегодня обсудили.»

На том и порешили. После этой встречи, дальнейшие мероприятия с нашими «учредителями» были формальными, и, практически все, проходили без участия Авдея Наумовича, вместо него были мы втроем.

Если честно, я несколько удивлен. Из-за чего у Шилова сформировалась такое отношение к учредителям вашей организации?

Глава 13.

На самом деле отношение Авдея Наумовича ко всем тем многочисленным организациям и объединениям, которые составляли наблюдательный совет нашей организации, формировалось постепенно, на протяжении нескольких лет. Изначально оно было довольно нейтральным. Точнее, он относился к ним просто, как к техническим структурам, необходимым для учреждения нашей организации. Не более того. Привлечение всех этих организаций для нашего учреждения, было обусловлено необходимостью получения юридической легитимности, которая нужна была для обретения возможности управлять государственными программами в качестве привлеченного управляющего. И поначалу все было гладко и спокойно. Сам понимаешь, большинство из них

были едва заметны, и тут раз – они становятся причастными к целым госпрограммам. А потом, по обыкновению, включились амбиции, гордыня и себялюбие. Короче, «корона» начала давить на виски, закрывать глаза и уши. Первые проявления были незначительными – кто-то черкнет что-нибудь в парламент, кто-то что-нибудь запросит, кто-то начал спорить не по делу. На все это Шилов не обращал никакого внимания. Первый серьезный «звон короны» прозвенел сразу же на следующем набсовете, после получения нашей организацией заказа на реализацию программы по малым территориям.

Вадим, ты считаешь, что там был первый серьезный сигнал? А как же их вечное нытье по поводу того, что никого из них, глав организаций, не включают в работу по ГОИ? Мне кажется, Авдей Наумович уже тогда пересмотрел некоторые принципы и подходы в отношении организаций-учредителей, и их руководителей в частности.

Лен, может и так. Но, ты же знаешь каким было одно из первых действий после учреждения нашей организации – Шилов забрал всех толковых людей из них к нам, понятно, что их было не много, во все же, поэтому на нытье он, совершенно справедливо, отвечал: «Все кто нужен и кто может, уже привлечены к работе.»

И что, подобный ответ никак не подвигал на какие-либо противодействия или негатив этих самых руководителей?

Юр, дело в том, что у каждой из этих организацией, как ты

понимаешь, были и есть свои высшие руководящие органы, а руководители целиком и полностью подчинялись его решениям. Проще говоря, пока тех, кто реально принимал решения по той или иной организации, устраивали действия и результаты Шилова, руководители сделать ничего не могли. Плюс, не забывай, влияние Лобова. А уж какого рода и статуса люди входили в высшие советы этих организаций, думаю известно – крупные банкиры, промышленники, инвесторы и так далее. Разумеется, те, кто не являлись естественно неестественным продолжением государства, то есть более менее самостоятельные игроки, на сколько это возможно. Кстати, у Авдея Наумовича с большинством из них были нормальные деловые отношения, так как у них было много общего. Да и наша организация, в таком виде, стала возможной исключительно из-за личности Шилова-предпринимателя. И длилась эта «гармония», как уже было сказано, ровно до момента, когда мы начали реализовывать программу по капитализации территорий. Причина простая – появился слишком большой интерес и слишком широкие возможности, так как стал доступен целый сектор, о котором раньше они и мечтать не могли. Вот тут консолидация и закончилась. Кстати, теперь понятно, почему Шилов так жестко разговаривал с представителями малого бизнеса после отказа от должности? Как раз, потому что у него был опыт с нашими учредителями. А на том наблюдательном совете, к которому мы подводили, случился разговор примерно следующего со-

держания: «

Шилов: Господа члены набсовета, прекратите уже закидывать меня просьбами и даже требованиями о включении того или иного в какие-либо работы по программе капитализации. Я их даже не читаю, сразу удаляю. Решение по персоналу и кадрам для этой программы мной уже принято. Вы на него никак не повлияете.

Председательствующий: Авдей Наумович, почему Вы себе позволяете подобную категоричность? Мы для Вас кто? И вообще, Вы игнорируете практически все, что исходит от наблюдательного совета. Считаю подобную ситуацию не просто не нормальной, а оскорбительной.

Шилов: Оценивайте ее, как хотите. Только давайте обратимся к сухим фактам, после того, как вы стали учредителями моей организации, каждый из вас вошел в различные советы и рабочие группы на самом высшем уровне. О чем никто из вас, до этого, не мог даже и мечтать. Про увеличение бюджетов ваших организаций, а также про выгоду ваших хозяев, я вообще молчу. Исходя из этого, ваши претензии мне не понятны.

Председательствующий: Вас послушать, так Вы наш единственный добродетель. А Вы еще нас обвиняете в гордыне и самолюбии. При всем при этом, мы так и не услышали аргументов против наших предложений об участии в программе.

Шилов: Если бы я кого-то из вас в чем-то обвинял, тот был бы уже исключен из состава учредителей и наблюдательного

совета. Что касается аргументов, то к реализации привлечены только те, кто способен – это один из параметров самой программы. Что тут непонятного? Ответственность за ее реализацию целиком и полностью моя, причем личная. Когда были слушания в высшей комиссии, никто ее разделять не захотел, а теперь вы мне говорите: «давай включай нас». Куда? Для чего? Более того, не буду лицемерить, у меня есть все основания полагать, что предложенные вами люди, будут решать исключительно ваши задачи, то есть, откровенно мешать. Таких аргументов достаточно?

Председательствующий: С каждым разом все категоричнее и категоричнее. Теперь вот, нас во вредительстве и саботаже обвиняете, прямо. При этом основания у Вас более, чем надуманные. Интересно, есть ли среди нас хоть кто-то, кто соответствует «высокому статусу» соучредителя этой организации? А-то ведь получается, что мы для вас обуза. Может всем, кто Вас не устраивает, выйти из состава учредителей?

Шилов: Никуда никто не выйдет, уже потому, что это не вам решать, я об этом уже говорил. А если подобные вопросы будут повторяться, я вообще превращу набсовет в пустую декорацию, полномочия и возможности у меня для этого есть. Вы до сих пор не услышали главного, моя риторика такова не потому, что я хочу самоутвердиться. Я пытаюсь Вам донести банальную, даже примитивную, мысль – если мы все и каждый из нас будет действовать в едином ключе и с консолидированными усилиями, то каждый из вас получит

позитивный эффекткратно больший, чем есть у вас сейчас. Правда, при условии, что есть долгосрочные задачи и они созидательные. Если же решать сугубо личные конъюнктурные задачи, то нечего на меня пенять, я вам в этом нико лько не мешаю, но и помогать ни в коем случае не буду. А уж если кто-либо начнет мешать, то я окажу ему такое противодействие, что «понижение в статусе» покажется благом. Надеюсь доходчиво, теперь.

Председательствующий: Ну и как же нам дальше сотрудничать?

Шилов: Что делали первую часть совета? Вы меня совсем не слушаете что ли? Короче, это превращается в какой-то фарс. Делайте, что хотите, я в этом больше участвовать не буду.»

На том, участие Авдея Наумовича в этом набсовете, было закончено. После этого, действительно, он длительное время участие на наблюдательных советах не принимал, ни в какой форме, ссылаясь на занятость по реализации программы и тому подобное. Продолжалось это примерно года два. Разумеется, никто из состава учредителей сделать ему ничего не мог, тем более снять с руководства, так как это неминуемо бы привело к закрытию самой организации. Причины понятны, со всех сторон уже на это обратили внимание.

Но вот на что, Вадим, ты не обратил внимание, так это на участие реальных хозяев учредителей в нашей деятельности. Это важно, так как это одна из главных причин неприкос-

новенности Шилова во главе нашей организации. Собственно, я кратко это и поясню. Начну с того, что мы давали им. Три главные выгоды, которые они от нас получали, были: приглашение в новый сегмент, приглашение в «разрыв», соучастие во вновь создаваемых предприятиях. В первом случае речь идет о ситуациях, когда в ходе наших действий появлялся новый сегмент рынка, как правило территориальный, и до его явного появления, об этом сообщалось хозяевам наших учредителей. Уже гигантская выгода для расширения. Во втором случае Шилов просто обращал внимание на то, какие «разрывы» есть в действующей конструкции, которые околосударственные компании не заметили. Тут все понятно, по классике – ищем разрыв, зарабатываем на его устранении. Что касается третьего случая, то тут Авдей Наумович, даже не предлагал, требовал соучастия в создании той или иной компании, как правило финансового. Причем требовал он это совершенно обоснованно, апеллируя к самим программам, мы об этом уже говорили. На практике чаще всего реализовывался именно третий случай, оно и не удивительно. Надо сказать, что приоритет всегда отдавался местным ресурсам, к помощи реальных учредителей он прибегал только тогда, когда других вариантов не оставалось. Но, даже на этом, упоминаемые компании увеличили свою капитализацию минимум вдвое, с момента учреждения нашей организации.

Я бы даже сказала, что появились два-три холдинга, кото-

рые вполне можно сопоставить с пригосударственными компаниями. Они же были первыми ко начал «качать права», «строить козни» и пытаться претендовать на то, на что претендовать не могут по определению. Об этом, я думаю, позже.

Да, Лен. Я продолжу про выгоды от учредителей нашей организации. Масштаб их выгод понятен? Что же получали от них мы, кроме постоянного «звона разрастающихся корон». Прежде всего, это отвлечение внимания на них практически всего госаппарата. Ну, кроме Лобова, разумеется. Надо признать, если бы не они, то чиновники и аппаратчики тюкали бы нас раза в три чаще. Второе позитивное поступление от них, это «живая» не забюрократизированная ликвидность. Пусть и в небольших объемах. Иными словами, у нас всегда имелись «чистые» инвестиционные деньги. Собственно, это все из серьезного, что мы получали от наших учредителей и их хозяев. Сопоставимо это или нет, не оцениваю, бессмысленно это. А вот зачем они «зарезали» свою очевидную выгоду от нашей организации, и Шилова лично, не скажет никто. Так или иначе, после того, как в нашем управлении остались только ГОИ и программа по капитализации, «идиллия» наших учредителей начала стремительно разрушаться.

А были такие, кто действительно был вам опорой, и ни в какие игры против вас не играл?

Были, конечно. Они были в фатальном меньшинстве, ра-

зумеется, но были. Например, научные организации, экологические компании, культурные ассоциации и так далее. То есть, все те, кто изначально во главу угла ставил дело, я даже не побоюсь этого слова, «миссию». Те же, кто заморачивались исключительно на деньгах и статусах, от тех и шуму было больше всего, и толку меньше всего. В общем, как обычно, мы, в этом смысле, исключением не были, к сожалению. Но вот о чем говорил Матвей, про обрезание их собственной выгоды, я действительно не понимаю. Получается, что, начиная с определенной суммы финансового состояния, для большинства людей главным становится, чтобы все было «как им надо». И чем дальше от действительности отрывается это их «как мне надо», тем дальше от действительности отдаляются они сами. Видимо, в этом и есть корень причин, по которым они развернулись против Шилова.

И не просто развернулись. Некоторые, так скажем, прикнули к «веселой троице» и всем их делишкам.

Да и наплевать на них, что-то много времени мы им уделили. Сам же Шилов говорил: «Если человека с рождения держать в стерильных условиях, то у него не выработается иммунитет. Так и тут, без таких вот пакостников, либо ничего не будет обновляться вообще, либо все будет происходить очень медленно.» В общем, воспринимал он их, как совершенно неотъемлемый элемент целого. И, самое главное, вне зависимости не от чего, всегда включал поправки на таких вот деятелей в свои планы и расчеты, как личные, так и ка-

сающиеся макрозадач. Вот и все проявления были учтены в наших программах и ГОИ. Нет, не скажу, что вообще без потерь, это не реально, но на ходе реализации намеченного отразилось это все не сильно.

А можете привести коротенький пример того, как Авдей Наумович просчитывал подобные моменты?

Собственно, все просто. У него была некая формула, которая упрощенно звучала как-то так: «Чтобы получить, плюс-минус, реальное представление о конечном результате, нужно ожидания поделить на три и вычесть из этого бестолковость». Признаюсь, я сам не до конца понимаю ее смысл. Видимо, поэтому и не дорос до профессионализма Шилова. Попытаюсь объяснить, как понял. На три надо делить, чтобы исключить влияние сознания, подсознания и общественного мнения. «Вычитание бестолковости» как-то с связано с тем, что всегда вместе с требуемым приобретается и часть того, что использоваться не будет. Например, навороты, которые нам повсеместно впаривают маркетологи, чтобы продать подороже. Как-то так я понял эту формулу. А уж как ее Авдей Наумович включал в свои планы и расчеты, боюсь не скажет никто. За-то в пользу ее эффективности говорят сами результаты и темпы достижения этих результатов.

А если вернуться к общественной деятельности Авдея Наумовича, она ограничивалась только «ДВиК» и помощью малому бизнесу? Я помню про то, что он всячески сторонился публичности, но может была какая-то не публичная

активность в этом направлении?

Тут смотря что считать общественной деятельностью. Он поддерживал и помогал очень многим научным исследованиям по различным направлениям, особенно, что касалось физики, сельского хозяйства и экологии. Время от времени он читал лекции, но это бывало после очень долгих уговоров, да и-то, чтобы отвязались. Сам он говорил: «Мне преподавать ни в коем случае нельзя, я плохому научу». И надо сказать, что пусть не в такой формулировке, но он был прав, так как те принципы, способы и методы, которые применял он, были неприемлемы для абсолютно подавляющей части социума. Так что, исходя из этого, для многих его лекции были абсолютно пустой информацией. Парадокс, не правда ли? В общем-то, поэтому любая его общественная деятельность была сведена к минимуму – сложный он для понимания человек, и он это осознавал.

Если вернуться к желанию большого количества малых предприятий влиться в «ДВиК», каков был итог?

Как мы уже отмечали, Шилов считал фатальным смешивание бизнеса и политики в пропорциях, при которых не понятно что для чего. «Либо бизнес для политики, либо политика для бизнеса, в любых других случаях получается бессознательное вредительство. А в крайних формах – и сознательное вредительство», его слова.

Вадим, я бы даже сказал еще шире и глобальнее. Посмотрите, что происходит, и давно происходит, в государствен-

ном управлении, если его можно так назвать. Мы же отмечали, как Шилов вменил госаппарату то, что он все выстраивается по корпоративному принципу. Все, на самом деле, еще хуже, там все выстроено по бизнес-моделям и коммерческим принципам. Проще говоря, подавляющее большинство чиновников вообще подходит к своим ведомствам, как к коммерческим структурам. Я понимаю, конечно, что чиновник прежде всего функционер, а не политик, но эта ситуация яркий показатель того, насколько власть стала бизнесом. С другой стороны, очень большая часть бизнеса, особенно крупного бизнеса, погрязла в бесконечной подковерной возне и грызне, да такой, что любые политики бы позавидовали. Началось это не вчера, и даже не позавчера, это все очень свойственно большинству людей. Непонятно другое, зачем это все делать образом своей жизни? Но, это я задаюсь этим вопросом без ответа, Авдей Наумович подобной ересью не страдал, он сразу эти сферы разводил, без возможности пересечения.

Именно так. Вот и в случае того обращения малого бизнеса, он им ответил: «Давайте сосредоточимся на задачах бизнес-консолидации на бизнес-условиях, если мы их решим, никакие другие объединения будут не нужны». Как оказалось, эта его рекомендация предостерегла всех, кто к нему тогда обращался, от больших потерь.

Кстати, интересно, а сам он придерживался какой стороны, «бизнес для политики» или «политика для бизнеса»?

Таких вопросов мы ему не задавали, но зная Шилова, можно с высокой степенью вероятности предположить, что он придерживался подхода «бизнес без политики», так как он неоднократно нам говорил: «Политика и государство, как ее высшее следствие, субстанции абсолютно прикладные – без объекта приложения они существовать не могут. Дело же – абсолютно самодостаточно, в определенных формах, оно вообще может оставаться обособлено». Возникает логичный вопрос, получается, что Шилов ненавидел государство? Ответ, уже тоже очевидный, он к нему вообще никак не относился. Думаю, это понятно. Уже одна степень вовлеченности государства в нашу программу и ГОИ говорит о многом.

Мне вспомнился забавный момент на секции госсовета по финансовой политики. На мой взгляд, он достаточно ярко характеризует все вышесказанное по теме восприятия Шиловым что для чего. Диалог был следующий: «

Министр госфинансов: Авдей Наумович, мы Вас просили просмотреть материалы по сегодняшней повестке, и дать свое заключение. Можете его озвучить?

Шилов: Заключение следующее – резервы управляются и инвестируются по принципам коммерческих финансов. Во-первых: хочется подчеркнуть, коммерческих, то есть речь даже не идет о фондировании. Но это ладно. Лично я, даже не возражаю, что управление осуществляется по этим самым коммерческим принципам. Только вот если это так, то, основываясь на тех же самых принципах, можно выбрать луч-

шего управляющего. Почему это обязательно должен быть высший инвестиционный совет, при операционном управлении ЦБ? Совершенно не понятно.

Министр госфинансов: А Вы считаете, что у высшего инвестсовета и ЦБ не хватает компетенций для управления нашими резервами?

Шилов: Для начала, я считаю, что есть проблема в слове «наши». Обозначенные институты, относятся к резервам, как к какой-то обузе, не прибегая ни к какой изобретательности. Если бы это были их средства, уверен, и подходы и результаты были бы другими...

Предправления ЦБ: Авдей Наумович, странно слышать от Вас такое, Вы же знаете и про риски и про обязательства...

Шилов: Знаю я это все. Но, я также знаю, что существует множество инструментов, позволяющих иметь большую доходность, чем сейчас, при рисках, обозначенных в соответствующих законодательных актах. Вы мне не дали закончить предыдущую мысль, точнее, задать ключевой вопрос – зачем, для чего такие объемы резервов? Почему вы не фондируете реальный сектор? Почему объем виртуальных финансов у нас больше, чем реальных? И, конце концов, когда-нибудь будут обозначены конкретные горизонты и результаты по финансам?

Министр госфинансов: Вот Вы, Авдей Наумович, задали такое количество вопросов, впрочем, Вы всегда их много задаете, а у Вас-то есть ответ на них? Можете не отвечать, я

знаю, что есть, Вы у нас по всем вопросам специалист. Только видите ли, ответственность-то наша. Поэтому, будьте добры, доложите по заданной повестке без открывания дискуссий. Если мы захотим с Вами подискутировать, то это будет в другом месте и в другом составе.

Шилов: В таком случае, мое заключение доступно уже неделю в датацентре финсекции. Кому надо, ознакомьтесь, много времени это не займет. Говорить же в пустоту не буду. Зачем отнимать драгоценное время у данного мероприятия?

Министр госфинансов: Ладно, занести в протокол, как отказ от доклада, сделать соответствующие выводы...»

На самом деле, это только прелюдия, самое существенное было потом. Дело все в том, что это заседание, разумеется, отслеживал первый министр, которому Верховный, к тому моменту, как уже больше года, пилил мозг на счет эффективности управления резервами. И, сразу же после окончания того совета, первый министр связался с Авдеем Наумовичем. Причем напрямую, без уведомления Лобова, чем вызвал его чрезвычайное недовольство, это так, к слову. Первый министр попросил явиться Шилова не следующий день к нему в операционный штаб, чтобы изложить все возможные варианты по резервам, которые согласуются с законодательством. На следующий день эта встреча и доклад Авдея Наумовича состоялись. Содержание мы, конечно же, не знаем, и даже не спрашивали его у Шилова, так как государственный операционный штаб – одно из немногих мест без

«гласности», никакая информация оттуда не может быть вынесена.

За-то мы можем рассказать про последствия того посещения Шиловым первого министра. Во-первых: были внесены некоторые изменения и поправки в закон о госрезервах. Во-вторых: появились два дополнительных института хранения госрезервов. Ну, и третье, самое важное: установлена прямая, жесткая зависимость между размером резервов и размером экономики. К чему это привело? Очевидно, в экономике единовременно появилась достаточно серьезная сумма обеспеченных денег. Как уж ими воспользовались, другая история. У Шилова же, и у всей нашей организации, появились два новых врага – министерство госфинансов и ЦБ, но нам было уже не привыкать.

Интересная деталь. А когда это было, хронологически?

Буквально, за два-три месяца до отказа Шилова от должности. Высока вероятность того, что его рекомендации по резервам, и стали финальным катализатором предложения Верховного. Кстати, только теперь пришло на ум, что та самая должность, предложенная Наумовичу, могла быть просто формальным ходом, типа «мы тебя ценим», и поэтому его отказ не сильно расстроил верхи. Тем более, на тот момент они были сильно заняты толкотней за освободившуюся часть резервов. На самом деле, без разницы, каковы были резоны и мотивы у верхов, чтобы не особо сильно обидится на Шилова, это не столь важно. Для нас было важно

другое, что пока продолжался раздел дополнительной ликвидности, мы получили передышку в виде отвлечения внимания от нашей деятельности по ГОИ и программе, что и позволило провести ряд встреч и мероприятий с малым бизнесом, внести некоторые коррективы в нашу деятельность, и в целом перестроиться, учитывая новые реалии отношений с нашими учредителями и «ДВиК».

А как же образовавшийся совершенно дикий интерес к Авдею Наумовичу со стороны СМИ?

Юр, ну ты же сам из СМИ, пусть и не типичных, прекрасно ведь все понимаешь. У подавляющего большинства этих самих СМИ какой резон? Правильно, продажи. И тут уже не важно чего конкретно, кто на чем специализируется, тот это и продает, особенно, принимая во внимание, кому принадлежат восемьдесят процентов СМИ, и какое у них назначение. Были, конечно, такие энтузиасты-расследователи, как ты, но в подавляющем меньшинстве. Это все к чему? К тому, что главной задачей массы СМИ – было «сварганить» из произошедшего некий конфликт, противостояние, чтобы потом это продавать, как можно дольше. Но, как мы понимаем, Шилов это все знал наперед, плюс не забываем про его непубличность. Если коротко, то он сделал очень простое действие – внес в блокировки контакты всех СМИ, без исключения. «Те, кому действительно нужна информация, смогу ее легко найти в официальных источниках, в псевдо-информационном шуме участвовать не собираюсь», вот

тебе его позиция.

Но при всем при этом, он же давал какие-то интервью, делал какие-то публикации?

Глава 14.

Вообще, все эти редкие контакты Шилова со СМИ, на фоне его деятельности и поведения, выглядят чем-то инородным, даже неестественным. Вот и те публикации и интервью, которые ты упомянул, были сделаны в нетипичной манере, да еще и с особыми условиями. Во-первых: все они были записаны по-старинке на виар-рекордер, а не на квантово-нейронный импульсник, при этом, для защиты записей была применена особая кодировка, чтобы исключить возможность редактирования. Как ты понимаешь, сделано это было для того, чтобы его слова не выдирались из контекста. Во-вторых: в начале каждой мысли он добавлял выражения, типа «по поводу..., я считаю...», «на счет..., я полагаю...» и так далее, чтобы даже риторически исключить перекосы и кривые трактовки. Ну, и в-третьих, он всегда выкладывал свои интервью и публикации в открытом доступе. Почему он так заморачивался, хоть ему и было наплевать, что пишут? Его ответ был таким: «Я не хочу давать каким-то мелочным пересудникам и сплетникам почву и пищу для их паразитирования». И потом, госаппаратчики или крупняк могли себе позволить не задумываться о таких вещах, у них были и есть

меры и рычаги воздействия. Если что-то будет не так, как им надо, мало смешикам не покажется. Шилов же себе такого позволить не мог, вот и перестраховывался.

Со всеми публикациями Авдея Наумовича, которые смог достать, я ознакомился. А какие его интервью или публикации были интересными лично для вас? Припомните, пожалуйста. Елена Федоровна, давайте с Вас начнем.

Юрий, как уже сказал Вадим, все его немногочисленные интервью и публикации находятся в свободном доступе, хоть и найти их достаточно сложно, стараниями наших властей. Любой из материалов, опубликованный им, очень содержателен и конкретен. Я как-то даже теряюсь так сразу припомнить те, что запомнились как-то особенно. Первая, которая мне на ум пришла, это публикация о значении культуры для экономики, которая была приурочена к запуску ГОИ по культуре.

А можете коротко пересказать тезисы. Мне интересно именно ваше видение, как его ближайших коллег.

Да, можно вспомнить. Ну, первая мысль, которая стала чуть ли не афоризмом, из-за своей простоты и очевидности – «Культура экономики, прямо определяется и зависит от культуры общества. Да, у экономики есть культура». Казалось бы, очевидно, но, как ни странно, на момент публикации как-то никто на это внимания не обращал. И ключевое тут именно порядок «культура экономики», а не «экономическая культура». Это также как, например, есть «культура

потребления» и «культура потребителей». Ну, Вы поняли. Следующий тезис был вообще взят из текста плана реализации ГОИ: «Уровень культуры определяется действиями и мировоззрением, а не поведением и риторикой. Культура не может быть неосознанной, в отличие от этикета и речи». Думаю, понятно о чем речь, особенно, в контексте того, что часто несут и делают отдельные личности в высоких кабинетах. Еще я бы отметила вот какой тезис: «Экономика с высокой культурой гораздо более устойчива и развивается гораздо более динамично, чем экономика с низкой культурой, как раз в силу того, что при высокой культуре широки массовое мировоззрение и кругозор, а это дает больше направлений для развития». Тут, думаю, комментарии излишни, все исчерпывающе.

Вадим Максимович, продолжите?

С удовольствием. Мне почему-то особенно запомнилась его публикация на тему о ключевом влиянии на государство того, что в стародавние времена называли крестьянством или фермерством. Первое, что мне запомнилось, и что даже вышло в широкие массы, это ответ на вопрос почему урбанизация негативна для демографии. Ответ в исполнении Наумовича был достаточно оригинальным: «Читайте внимательно: «наСЕЛЕНИЕ», вот вам и ответ на все вопросы, связанные с демографией». Кстати, именно из-за этой мысли у Шилова случилась жесткая пикировка с секретарем секции госсовета по демографии и сохранению народа. В эту са-

мую пикировку даже был вынужден вмешаться Лобов, чтобы она не переросла во что-то большее. И надо сказать, вмешался Лобов в пользу Авдея Наумовича, так-что мысли и выводы Шилова по этому направлению пришлось принять во внимание, и даже кое-что реализовать. Хотя, если честно, Лобов тем самым, прежде всего, добился увеличения объема ресурсов для своих структур, так как он также был вовлечен в решение демографического вопроса. Ну, да ладно, это так, небольшие штрихи. Что еще было особо запоминающегося из той публикации Авдея Наумовича? А, конечно же, вот это умозаключение: «Отсутствие вложений и поддержки крестьянства и фермерства – означает отсутствие заботы о продовольственной безопасности, а значит и отсутствие заботы о суверенитете, как таковом». Этот тезис уже не понравился министру продовольствия. Правда, тут уже обошлось без вмешательства Лобова. Просто Шилов сказал этому самому министру, что в случае продолжения негативных действий с его стороны, тот будет отстранен от всех процессов, происходящих на малых землях, и такая возможность у Авдея Наумовича была. А поскольку объем производства продовольствия на новых территориях на тот момент уже сравнялся с объемом производимого в мегаполисах, министр продовольствия быстренько «прикусил» язык, иначе бы вообще лишился должности. И еще один тезис из той публикации не могу не отметить: «Главная ценность в фермерстве не культуры, не технологии, и даже не земля.

Главная ценность – это отношение фермера или крестьянина к тому, что он делает, и как он это делает». Понимаю, звучит, как текст двухсотлетней давности, но тут уж извините, законы природы ровесники Вселенной, земли это касается в первую очередь. Что касается всей публикации в целом, то она была, не побоюсь этого слова, высмеяна и даже названа ретроградной. Высмеивали ее соответствующие СМИ, о которых уже упоминалось. Шилов на это не обратил вообще никакого внимания, а я вот после того, как малые земли в два раза обогнали по объему продовольствия мегаполисы, припомнил всем эту статью и издевательства над ней. Авдей Наумович, кстати, тоже никак на это не отреагировал.

Ясно. Я вот, признаться, не припомню, чтобы встречал эту публикацию, хорошо, что о ней вспомнили Вы, поищу внимательней. Матвей Сергеевич, а у Вас какие воспоминания, связавшие с публикациями Авдея Наумовича?

Да-да, только на счет того, что Вы не нашли публикацию о крестьянстве и фермерстве, очень вероятно, что ее могли «затереть». Что же касается самой запоминающейся публикации Шилова для меня, то, пожалуй, самой запоминающейся была публикация о разнице между потребностью и необходимостью. Но, поскольку мы уже об этом неоднократно упоминали, я еще хотел бы отметить публикацию о прорывных сферах. Собственно, на базе этой публикации была выстроена глобальная стратегия деятельности Лобова и всего, что с ним связано. Я даже не побоюсь сказать, что на осно-

вании той публикации была сформирована новая смысловая нагрузка деятельности Лобова, после которой началась новая фаза его сверх активности. И, к сути. Сама статья поражала своей простотой и очевидностью, только вот, об этих вещах напрочь все забыли. Шилов напомнил. Вот ее ключевые тезисы. Первый: «Во все времена самыми прорывными сферами были: война, энергетика и космос – они составляют порядка двух третей всех прорывов». Правда, он отмечает, что потом добавились строительство, транспорт и связь, но это только в последние триста лет. К чему это он? А к тому, что если сосредоточить большую часть, процентов восемьдесят, бюджета развития только на этих сферах, то отдача будет в разы больше, чем когда «вы его размазываете ровным слоем по всем возможным направлениям». Во втором тезисе он отметил, что не менее важно обеспечить интеграцию и применение всех достижений указанных сфер: «Если у вас прорыв ради прорыва, то вы рискуете вообще не заметить этого прорыва или достижения». Закончил он ту публикацию на том, что: «Указанные прорывные сферы определяются исключительно человеческими потребностями. Если бы мы, прежде всего, руководствовались не потребностью, а необходимостью, то были бы другими и сферы и результаты». Крайний тезис поняли, буквально, единицы. Оно и понятно, зачем менять устои и сомневаться в образе мышления? Вот и получилось, что после опубликования эту статью назвали оппозиционной. Для нас троих это было очень смешно. По-

чему именно эту? Были статьи гораздо более жесткие. В чем оппозиционность? И вообще, характеризовать Шилова словами типа «оппозиционный» все равно, что называть воздух деревянным – ну вообще не про него, он вне подобных характеристик и определений.

Ага, на счет виар-публикаций понятно. А что на счет его прямых включений в медиа-трафик? Лично я таких насчитал не меньше десятка. Если конкретно, то интересно присутствовали ли вы на этих включениях, и что было самым запоминающимся в них?

Действительно, Шилова несколько десятков раз выводили в государственный медиа-поток, и мы, разумеется, при некоторых таких включениях присутствовали. Традиционной реакцией Авдея Наумовича на все это было сдержанное раздражение. На самом деле, этих включений должно было быть на несколько порядков больше, но львиную долю запросов о включениях он переводил на нас, поэтому мы и мелькали в СМИ чаще, чем он. Более того, переведя запрос на нас, он просто о нем забывал. Иными словами никакого контроля или, тем более, цензуры с его стороны не было. И тут вопрос даже не в доверии, оно, конечно же, присутствовало, это еще раз подчеркивает, что ему было действительно наплевать на его «медиа-образ». Лично он давал комментарии в медиа-поток, только когда его до невозможности доставал Лобов. Бывало это, как правило, когда верхам нечем было похвастаться, из существенного, а ручные СМИ не мог-

ли «сделать из мухи слона».

Извините, перебыю, а для чего под эти цели был нужен именно Шилов? Ведь риторике он же не менял?

Верно, не менял. Оно и не требовалось, так как говорил он, в этих включениях, исключительно односложно и максимально конкретно. «Выходить в медийный поток реального времени все равно, что быть подсудимым, чем меньше скажешь, тем меньше возможности для зацепок», так он это характеризовал. А что касается того, почему в некоторых случаях для этих целей был нужен именно он, могу только предположить. Помнишь, мы упоминали про то, что Авдей Наумович, среди прочего, был выгоден верхам еще и в качестве отвлекающего внимание? Вот и нудеж Лобова на предмет включений Шилова был продиктован именно этими соображениями, скорее всего. По крайней мере, очень на это похоже.

Соглашусь с тобой, Вадим. Даже могу привести конкретный пример в пользу этого. На момент, когда мы наконец наладили базовую транспортную инфраструктуру на малых землях, у верхов случилась «незадача» – были небольшие перебои с энергоснабжением соцобъектов первичного звена, в чем конкретно была причина, сейчас уже не вспомню. Не в этом суть. Ну и вот, Лобов в приказном тоне обратился к Шиллову, чтобы тот лично по самым широким медиа-каналам отчитался о запуске базовой транспортной инфраструктуры. Разумеется, Шилов сразу же понял, какова была ре-

альная цель этого «отчета», так как трем четвертям основной аудитории главных медиа, эта самая транспортная инфраструктура была совершенно параллельна. Поэтому, Авдей Наумович согласился достаточно быстро, Лобов даже удивился, что не пришлось долго и упорно напрягаться уговорами и ультиматумами. Во время же самого включения, состоялся примерно такой вот диалог: «

Ведущий: Авдей Наумович, я вижу вы реализовали один из самых сложных этапов программы по капитализации малых территорий. Можете рассказать, что это даст для бюджета?

Шилов: Вывожу показатели в главный информпоток. Самое ключевое, это повышение устойчивости всей государственной транспортной инфраструктуры.

Ведущий: А почему именно это вы считаете самым ключевым, а не дополнительные доходы в пол процента?

Шилов: Потому, что цифрами сыт не будешь.

Ведущий: Не могли бы Вы объяснить свою мысль чуть подробнее?

Шилов: Когда у вас есть другие, альтернативные, маршруты и средства доставки, повышаются гарантии того, что материальные ценности будут действительно доставлены.

Ведущий: Но это же хорошо и для поступлений в бюджет? Ведь так?

Шилов: Лично для меня этот показатель вторичен, поэтому не могу сказать определенно.

Ведущий: Поясните, пожалуйста, как показатель наполняемости государственного бюджета может быть вторичным?

Шилов: Очень просто, поскольку нет гарантий или обязательств исполнителей бюджета направить допдоходы от новой инфраструктуры на ее развитие или, например, на укрепление продовольственной безопасности, то сам показатель доходности, а, как следствие, и показатель поступлений, становится вторичным.

Ведущий: Вы намекаете на несовершенство нашей бюджетной системы?

Шилов: Я намекаю на то, что это не дискуссионный, а информационный канал, и надо вернуться к информационной повестке.

Ведущий: В ходе дискуссии тоже может быть большое количество полезной информации...

Шилов: Это так, правда зависит это, прежде всего, от сторон дискуссии, их осведомленности и возможностей.

Ведущий: Авдей Наумович, поясните пожалуйста.

Шилов: А что пояснять? Я уже несколько минут Вам прямо говорю, что дискутировать с Вами я ни на какие темы не собираюсь. И, если нет информационных вопросов, то я бы хотел вернуться к своей работе.

Ведущий: Благодарим за включение. Мы услышали и увидели все, что хотели.»

Вообще, все включения Авдея Наумовича проходили, приблизительно, в подобном сценарии. Каждый раз он давал

понять, что СМИ его отвлекают, и ему не нужен дешевый «пиар». Но, к чему я вспомнил именно это его включение? К тому, что Шилов очень непринужденно, не ставя это своей задачей, создал фиктивный информационный повод, типа «ведущие информационных потоков ему не ровня для дискуссий», и на следующие пять-семь дней главным направлением «информационных ударов» был именно Авдей Наумович. В свою очередь, верхи, практически по-тихому, кое-как решили задачку по энергоснабжению.

Надо сказать, что Наумовичу далеко не в первый раз приходилось быть объектом нападков СМИшников. Как всегда, ему было на это наплевать. «Общественный капитал созданный на ложных представлениях, заблуждениях и конъюнктурном субъективизме – не долговечен, и, как следствие, бесполезен. СМИ главного потока другого делать не умеют.», как-то так он характеризовал свое отношение к главным СМИ.

«Немилость» центральных СМИ как-то мешала в вашей деятельности?

Фактически, нет. Во-первых: уже давно известно и доказано, что чем больше СМИ, тем оно более «ручное» и подконтрольное. Поэтому, все нападки на Шилова продолжались не больше недели, по каждому поводу, так как поступали другие команды и цели. Во-вторых: с объективностью не поспоришь, как ты ее не трактуй, а поступления в бюджет есть поступления в бюджет. Разумеется, перманентно скво-

зило дескать Шиллов и мы направляем большую часть экономического эффекта от нашей деятельности в свою пользу. На что Авдей Наумович ответил блестящим ходом, он сделал информацию о всех движениях всех средств по нашим программам абсолютно прозрачной. Разумеется, кроме движений в государственном секторе. А поскольку государственный сектор не мы, то и вопросы возникали не очень часто. Когда же они возникали, то мы могли продемонстрировать и обосновать каждую мелочь вплоть до, опять-таки, государственного сектора. Да, ему досталось за это от Лобова, но серьезных аргументов у него против этого не нашлось, иначе он бы подставил себя.

Ясно. И получается, что Авдей Наумович сделал только несколько публикаций и несколько коротких включений? То есть ни в каких других медиа-форматах он не участвовал?

Как это не удивительно, для него, но пару раз он был ответчиком в общегосударственных стримах.

Ничего себе, это интересно. Я, признаться, их не находил, прежде всего из-за гигантского объема данных и бардака в стрим-архивах. Прошу, расскажите о каких-нибудь подробностях, запомнившихся вам.

Ха, тут если вспоминать в подробностях, можно надолго в этих воспоминаниях остаться. Думаю, это не к чему. Да и найти эти стрим-архивы можно, я находил, пусть и изрядно подредактированные. Уместнее каждому будет вспомнить какой-то конкретный вопрос из них. Тем более, эти па-

ру стримов были посвящены одной и той же теме – программе капитализации малых территорий, разумеется. И потом, на этих стримах было большое количество формальных вопросов, на которые Шилов так же формально отвечал. Что же касается «живых» вопросов, то мне, почему-то, вспоминается вопрос одного мелкого предпринимателя с окраин какого-то из мегаполисов: «

Предприниматель: Авдей Наумович, у меня к Вам вопрос, как от коллеги коллеге. Ответьте, пожалуйста, прямо, правда ли, что малые территории развиваются, прежде всего, с целью «выжать» туда мелкие предприятия, которые мешаются крупняку и компаниям, с ним аффилированными?»

Шилов: Я всегда отвечаю прямо, на сколько это возможно, другого интереса у меня нет. Другое дело, что всегда будет субъективность. Что касается Вашего вопроса, то не скрою, я знаю, что существуют подобные упорные слухи. Как-то комментировать их не буду, даже не буду их развеивать, раз вопрос «от коллеги коллеге». Воля Ваша, во что хотите, в то и верьте. Скажу только, что у крупных окологосударственных предприятий, действительно, есть все возможности, как Вы выразились, выжать вас из мегаполисов. Более того, судя по их действиям, это их, прямо таки, мечта. Не даю этому оценку, если хотят сами себе «конечности ломать», пусть ломают. Но, даже если это случиться, милости просим на малые территории, во всей программе малые предприятия в приоритете.

Предприниматель: Благодарю за прямоту. Еще, короткий вопрос, а что со спросом на малых землях?

Шилов: На данный момент общий уровень спроса выше, чем сейчас у малых компаний в мегаполисах.»

Почему Авдей Наумович ответил на этот вопрос не односложно? Думаю потому, что он действительно радел за малые предприятия, как за одну из основ экономики. И этим ответом он лишний раз это подчеркнул, и дал понять это тем, кому следовало это понять, прежде всего Лобову и его структурам.

А мне вот, в связи с противопоставлением и противостоянием Шилова и госаппарата, ярко запомнилось его общение во время одного из стримов с представителем коренных малых народов. Сейчас поймете почему: «

Представитель: Авдей Наумович, разрешите Вас поблагодарить за Вашу деятельность по малым территориям...

Шилов: Прошу прощения, вынужден Вас прервать. Поблагодарить не разрешаю! Я делаю то, что обязан делать, смотрите это в моем публичном контракте. За что благодарность? За то, что я выполняю то, под чем сам подписался? Разумеется, Вам решать быть благодарным или нет, в той же степени принимать мне ее или нет. Но, с моей точки зрения, благодарность должна выражаться не в словах, а в, как минимум, бережном отношении к полученным позитивным результатам. И вообще, мне не понятно, почему мы на какие-то позитивные и созидательные достижения должны смотреть,

как на нечто необычайное? Это должно быть само собой разумеющимся, иначе мы, банально, погрязнем в болоте всестороннего застоя, как это уже бывало не раз. А благодарным, с моей точки зрения, надо быть тогда, когда человек делает что-то позитивное и созидательное, чего делать не обязан. Еще раз извините, что перебил, задавайте свой вопрос.

Представитель: Признаюсь, не ожидал подобной реакции, даже забыл что хотел спросить...

Ведущий стрима: Тогда у меня вопрос, если позволите. Авдей Наумович, Вы вообще благодарности не принимаете?

Широв: Я не буду повторять то, что я сказал до этого. Для простоты, лично я благодарностей не принимаю. Можете внести это в правила стрима.»

То есть самого вопроса не было, но примечательно здесь то, насколько взгляды и мировоззрение Авдея Наумовича отличалось от массового. И продемонстрировал он это на огромную аудиторию. Не буду давать этому оценку, не мне это делать, но получился еще один социальный резонанс.

И в чем же он выражался, если вкратце?

Ну, во-первых ему сразу же «прилетело» от Лобова, дескать: «Ты, Авдей, слишком явно и резко противопоставляешь себя госаппарату, и уже не в первый раз». На что ему Авдей Наумович ответил: «Если я не буду этого делать, то Вы можете начать меня воспринимать подобным вам, а это крайне негативно скажется на моих задачах». Во-вторых: как водится, мы получили просто нескончаемый вал запросов на

подключения к медиа-потокам, который не снижался почти две недели, а это просто дьявольский интерес. В-третьих: поднялась серьезная волна по общественной оценке деятельности госаппарата, особенно в части отношения чиновников к обществу. Понятно, что эта волна была далеко не первой, мягко говоря, но чтобы доходило до пересмотра регламентов, лично я не припомню. Вот такой вот получился резонанс.

Признаться, не знал об этом. Хорошо, что попросил подробностей. Елена Федоровна, а каково Ваше самое яркое воспоминание об Авдее Наумовиче, как о медийной персоне?

Да уж, Шилов, конечно, та еще медийная персона, но и у меня есть, что вспомнить по этому поводу. Только я бы хотела дополнить Матвея Сергеевича на счет пересмотра регламентов. Хватило всех этих пересмотренных регламентов со всеми уровнями и методами контроля где-то на полгода, не больше. Потом все вернулось к старым подходам – многовековой менталитет одними регламентами не изменишь. А что касается моих воспоминаний о выступлениях Авдея Наумовича в публичных медиа, то мне запомнились его, можно сказать, дебаты с министром предпринимательской деятельности, тем более, в формате дебатов это был единственный стрим с участием Наумовича. Да-да, именно тот стрим, после которого этого министра поменяли. Больше всего мне запомнилась вот эта часть: «

Министр: Господин Шилов, все уже давно знают про Ваше отношение к госаппарату, Вас послушать, так мы не люди, а зловещие демоны. Почему Вы считаете, что Ваши результаты, которые все признают, дают Вам право на подобные нелицеприятные отзывы? И потом, не все же Вы сами делаете...

Шилов: На счет «зловещих демонов», это Ваше субъективное, личное восприятие, за него я отвечать не могу. Если говорить в целом, то раз Вы считаете, что я наговариваю, у вас у всех есть возможность обратиться в суд по соответствующей статье. Почему-то никто этого до сих пор не сделал. И понятно почему, нет ни состава ни повода. Вся моя критика основана исключительно на задокументированных вами же фактах и моем опыте. Что же касается формы общения и риторики, то здесь опять же, исходя из моего опыта, по другому вы не воспринимаете. И да, мы с моей организацией добились всего сами, даже сами разработали и провели законодательную базу. Госденьгами мы воспользовались всего лишь раз, и-то не из бюджета, а из фонда. И вернули все досрочно в полном соответствии с договором, пройдя при это три проверки.

Министр: Легко Вам говорить, когда у Вас условия лучше, чем в инкубаторе. Попробовали бы Вы в условиях реальной замкнутой экономики заниматься развитием предпринимательства.

Шилов: Даже комментировать не буду. Готов прямо сей-

час приступить к решению этой задачи, без каких-либо назначений или других аппаратных действий. Тем более, мне даже приступить не придется это все уже делается в рамках программы. Напоминаю Вам, что с начала года на малых территориях создано в семь раз больше предприятий, чем в мегаполисах.

Министр: И это все без участия министерства предпринимательской деятельности?

Шилов: Только в качестве процедурного органа, да и-то по трем процедурам, положенным по закону.

Министр: Опять эти Ваши намеки на ненужность моего министерства...

Шилов: Не Вашего, а государственного. И ни на что я не намекаю, все прямо отражено в моих рекомендациях по оптимизации деятельности правительства, разработку которых мне поручил Евгений Генрихович Лобов...

Министр: Вот-вот, вся Ваша резкость, вседозволенность и высокомерие определяется исключительно тем, что Вам покровительствует господин Лобов, который и сам себе, порой, позволяет лишнего.»

Полагаю, именно из-за этой фразы этот министр и был снят, так как этим он напрямую задел Лобова. Иными словами, он проявил открытую нелояльность в отношении одного из первых лиц государства. Вот они, критерии продвижения в верхи по нашей властной вертикали – лояльность, полное послушание и действия исключительно в интересах верхов.

В тех «дебатах», Шилов это явно проявил, поэтому мне это очень хорошо запомнилось.

Глава 15.

У заметил, что мы как-то очень сильно отклонились от хронологии повествования. Разумеется, все эти дополнения чрезвычайно полезны, и все войдет в финальный вариант публикации. Но думаю, что надо к ней возвращаться.

Да, давай возвращаться. А дополнения эти были необходимы, так как мы бы все равно к ним пришли, равно или поздно. Сейчас же, мне кажется, получилось очень уместно. На чем мы там остановились?

У меня зафиксировано, что Шилов, после встречи с представителями малых предприятий, решил создать национальные кооператоры и интеграторы, с целью уравнивания условий относительно крупняка. Также, после отказа от «поста в верхах», в ведении вашей организации остались только ГОИ и программа по капитализации территорий. Плюс маленькая деталь – резко поредел состав учредителей вашей организации.

Да-да, вспомнил, было такое. И к чему возвращаемся?

Поведайте, пожалуйста, про создание этих самых национальных кооператоров и интеграторов.

А, да уж, это один из поворотных моментов в биографии Авдея Наумовича, после которого он стал чуть ли не врагом государства. Но, обо всем по порядку. Мить, начни, пожа-

луйста, ты, надо же объяснить что это за структуры.

Без проблем. Только надо сказать, что неформальный статус «врага государства», точнее врага госаппарата, Шилов получал неоднократно. И так, что же из себя представляли, да и представляют, эти структуры. Они до сих пор функционируют, правда против них напринимали кучу разной пурги, как водится. Так вот, идея была в том, чтобы с одной стороны срезать до минимума издержки, с другой стороны снизить входящую стоимость по всем возможным направлениям. Для первой задачи были придуманы интеграторы, для второй – кооператоры. Сразу читается немой вопрос, а нельзя все это было сделать в рамках одной организации? Например, нашей. Ответ: нельзя. В дебри вдаваться не буду, скажу только, что это было и незаконно, и очень сложно с организационной и технологической точки зрения. А когда отдельно взятая организация занимается отдельно взятым, утвержденным направлением деятельности, то и дополнительных вопросов быть не должно, ни с юридической, ни с организационной точек зрения. Если говорить о кооператорах, то тут, думаю, из названия понятно – организация, которая по поручению множества малых компаний приобретала, аккумулировала и управляла активами или сырьем. Разумеется, по наиболее выгодным условиям. Порядок выгоды был такой: для материальных активов – около тридцати семи процентов; для нематериальных активов – до пятидесяти пяти процентов; по логистике – около двадцати трех процентов.

Согласитесь, очень неплохо. За счет чего эти показатели достигались. Все очевидно и понятно, первое – за счет объемов финансирования; второе – за счет профессионализма и заточенности сотрудников кооператоров; третье – как следствие первого, за счет доступа к другим площадкам и объемам. Надо сказать, что сейчас кооператоры, как вид деятельности, разрослись так, что от них уже больше вреда, чем пользы. Да, и это все стараниями нашей «веселой троицы», дельцы-бракоделы неумемные, но мы не об этом. На первом этапе, было решено сформировать по три кооператора в девяти выбранных территориях. Один занимался средствами производства, другой – финансами, третий – технологиями, и так на каждую из девяти территорий.

А как во все это были вовлечены малые предприятия?

На удивление, прямым и тривиальным способом – через участие в закрытом акционерном капитале, без производных. Тут больше интересно то, как приобреталась и распределялась выгода. Иными словами сама технология работы. И выстроена она была тоже с непосредственным участием малых предприятий. Если говорить просто, то в рамках кооператоров начали реализовываться принципы экономики допроизводства или производственного скальпинга, о котором мы уже подробно упоминали. А именно, была запущена технология оценки потенциального спроса, которая была разработана с использованием данных, полученных при реализации программы по капитализации. Ее главные особенно-

сти: оценка на основании необходимости, а не потребностей; оценка реальных покупательных возможностей, а не истории продаж. Пожалуй, это главное, что нужно знать по этой технологии, все остальное специализированные дебри. Зафиксируйте для себя следующее – данная технология оценки будущего спроса была точнее больше, чем на двести процентов, относительно аналогов. При этом, внедрена и реализована она была в абсолютной тайне от государства. Что уже пунктик к ярлыку «враг государства». Для малых предприятий же, которые были участниками этого всего, а на пике участниками были до восьмидесяти процентов малых предприятий страны, это позволило срезать свои расходы и издержки на сорок-сорок пять процентов, в среднем. И это без учета эффекта от интеграторов. Елена Федоровна об этом расскажет лучше меня, она участвовала в этом, как главный технолог. Лен, расскажи, пожалуйста.

Тоже постараюсь без занудства. Начну с того, что сейчас все интеграторы, практически все, стали либо частью ведомств и госорганизаций, либо стали ими непосредственно. Опять же стараниями троицы вредителей и Лобова. На данный момент осталось всего лишь не более десятка «исконных» интеграторов, в том виде, в котором они создавались нами. В чем же был смысл. Смысл был очень простой: мы «собирали» весь вспомогательный персонал и все вспомогательные процессы; «выводили» их из малых предприятий; формировали на их основе эти самые интеграторы. Иными

словами, освобождали малые предприятия от непрофильной для них деятельности. Скажете, это старый добрый аутсорсинг? Совсем нет, хотя, мы очень хотели, чтобы госаппарату так казалось, и первое время у нас это получалось. Нашей главной задачей было сделать так, чтобы вся «вспомоглака» и «сопроводиловка» для «малышей» была, своего рода, инфраструктурой, чтобы они могли сосредоточиться исключительно на своей деятельности, без отвлечения на процессы, большинство из которых либо рутинные и процедурные, либо необходимы исключительно для государства. На первом этапе было «собрано» девять интеграторов, по одному на каждую из выбранных территорий. Условно, каждый из этих интеграторов состоял из трех больших блоков: все, что связано с деньгами; все, что связано с технологиями; все, что связано с законом. Потом еще добавились блоки, которые также условно можно назвать: «по противодействию крупняку», «по противодействию недобросовестности». Все подробности можно найти в открытых источниках. Правда, как уже отмечалось, в том виде кооператоры и интеграторы не совсем законны. Во всяком случае, проблемы с госаппаратом будут серьезные, если их воссоздать. В общем, к той выгоде, о которой говорил Матвей Сергеевич, добавилась еще пятидесятипроцентная экономия на операционных и организационных расходах. А главный итог формирования кооператоров и интеграторов был такой – малый бизнес начал давать по тридцать-сорок процентов прироста по всем

направлениям.

Как долго это продолжалось?

Для начала, надо рассказать, как мы умудрились создать подобные организации во всех малых территориях, а их было тридцать семь. Не скрою, немного повезло. Ну, не буду забегать вперед, по порядку. На первых девяти территориях все было реализовано достаточно просто, без лишнего внимания, так как мы все эти движения четко уложили в логику действий по программе. Ну, и как следствие, с первыми территориями все прошло гладко, никто из госаппарата не догадался. Точнее, главное, что Лобов не догадался. Дальше случилось «повезло». Дело все в том, что когда мы начали «расширяться» на другие малые земли, случились очередные два фундаментальных дефолта в двух экономиках третьего эшелона, и наши верхи и крупняк, как водиться, были заняты тем, что дербанили остатки этих экономик, наряду с другими госадминистрациями при деньгах. Проще говоря, те четыре-пять месяцев им вообще ни до кого дела не было, ни то что до нас. Мы же за это время развернули кооператоры и интеграторы в полном объеме на всех территориях. И в третий отчетный период после начала разворачивания, малые предприятия выдали такие показатели, что волей-неволей обратили на себя пристальное внимание. Шутка ли, впервые за очень долгое время доля малого бизнеса в бюджете была выше двадцати процентов, причем в реальном выражении. А с точки зрения негласной доктрины

тогдашнего руководства, это было недопустимо, максимум процентов пятнадцать-семнадцать, иначе у «малышей» появлялся другой статус. Отвечая же на твой вопрос относительно продолжительности «беззаботного» функционирования этих структур, то это порядка девяти-десяти отчетных периодов, то есть примерно три года. Пока они обратили внимание, пока вникали, пока определялись что делать.

Нельзя не отметить ту самую консолидацию, о которой говорил Авдей Наумович, без нее мало бы что получилось. И уже точно, не за такие короткие сроки. Главным консолидирующим фактором стало понимание и осознание того, что если это не реализовать, то крупняк всех передавит окончательно. Точнее, не позволит вырасти больше определенных размеров. Вот рост-то, точнее его темпы, и стали причиной обращения не нужного внимания на себя.

Я бы знаете еще что отметила? Что это был один из единичных крупных просчетов Шилова. С одной стороны, конечно, это показывает, что он все-таки человек. С другой, это действительно его просчет, он сам это отмечал. «Слишком уж впечатляющими были результаты, такие, что я поддался азарту, и совершенно перестал задумываться об управлении рисками по отношению к госаппарату. Это непристительно!», такова была его личная оценка. Как только этот просчет был обнаружен, он тут же бросился его закрывать и исправлять, но было уже поздно, госмашина включилась полностью.

Если можно, опишите коротко, что можно было сделать во избежании той ситуации, или что предпринял Авдей Наумович?

На самом деле, не такие уж и сложные движения надо было совершить для предотвращения данной ситуации. Первое: направление двадцати пяти процентов дополнительной прибыли на квази-инфраструктурные разработки такие, как: региональные операционные банки, товарные цепочки без участия крупняка и тому подобное. Второе: как это не покажется странно, но инвестирование еще двадцати пяти процентов дополнительной прибыли в любой крупняк. Поясню, тут получается простой принцип «мы с вами делимся». Шилов об этом высказался как-то так: «Пожадничали мы с вами, господа (малый бизнес).» Ну и, третье: на оставшиеся дополнительные средства, надо было создавать новые не аффилированные предприятия, а не концентрировать все в действующих. Но, это все хорошо «задним» умом, в тот же момент, нас всех, действительно, охватила эйфория. Вот, собственно, это и пытался предпринять Авдей Наумович, но опоздал – началась достаточно жесткая конфронтация, причем в оппонентах был и Лобов.

И какого же было содержание у данного противостояния?

Начиналось все, как обычная пикировка между Шиловым и крупняком, коих накопилось уже, на тот момент, достаточно много. Точнее, сначала был саботаж кооператоров со стороны крупняка, причем достаточно топорными и непри-

крытыми недопоставками и срывами сроков. По деньгам они вполне себе могли это позволить. В ответ на это Авдей Наумович обратился к их советам директоров с демонстрацией того, сколько прибыли на этом саботаже они теряли. Не подумайте, сделано это было не по наивности, советы директоров были в курсе, а чтобы выиграть время, так как они обязаны были произвести соответствующие проверки, из-за публичности. За это время кооператоры организовали закупки недостающего за рубежом. Ну а в дальнейшем, планировалось создание производств по тем позициям, которые были больше всего востребованы. Но, не случилось, так как уже подключился госаппарат с большим комплексным делом о «корпоративном сговоре». Разумеется, подобное развитие мы просчитывали, и легко отбивались на различных комитетах и комиссиях. Например, вспоминается такое вот заседание одного из комитетов: «

Председатель: То есть Вы хотите сказать, что все закупки осуществлялись исключительно согласно всех правил и процедур? Без каких-либо нарушений?

Шилов: Разумеется. Странный вопрос, соответствующие службы вам бы уже сообщили о нарушениях, если бы таковые были.

Председатель: А почему Вы уверены, что таких сообщений не было?

Шилов: Потому, что не было нарушений.

Председатель: Очень странная уверенность. Может в гос-

аппарате есть лица аффилированные с Вами и вашей организацией?

Шилов: Странный вывод. Получается, что достижение результатов, показанных интеграторами и кооператорами невозможно без аффилированности с властными структурами? В любом случае это все легко проверяется через движения по счетам.

Председатель: И у вас там все в рамках?

Шилов: У меня складывается впечатление, что Вы не верите в возможность соблюдения всех норм и требований нашего законодательства. Уж больно вопросы какие-то неконкретные...

Председатель: Оставьте, пожалуйста, нам решать какие вопросы Вам задавать. И Ваши оценки и впечатления тоже, оставьте при себе. Иначе, мы в Ваш адрес еще и дисциплинарное расследование инициируем.

Шилов: Ваше право. Просто я хочу, чтобы это бессмысленное мероприятие уже закончилось, у меня еще очень много задач. А бессмысленное оно потому, что вся информация более, чем доступна, и более, чем открыта. Изучайте, пожалуйста. Я для чего вам нужен?

Председатель: Изучим, не сомневайтесь...»

На том тот комитет был закончен. Вы видите, да? Началось все это противодействие кооператорам и интеграторам с банального изматывания проверочными бюрократическими процедурами. А вот вылилось это в полномасштабную

внутригосударственную экономическую войну, я ее назвала «секторальной войной», так как фактически это было противостояние на уничтожение между крупняком и «малышами». По крайней мере, малые предприятия в мегаполисах уничтожили практически все, под корень. Остались только «дочки» и «внучки» круняка.

Да-да, я подобное определение той цепочки событий слышал, значит оно принадлежит Вам. Можно каких-нибудь ярких подробностей, которые не зафиксированы. Ведь те события преподносятся не иначе, как «победа над вредным посредничеством». И не удивительно.

Подробности можно, но вот само слово «победа» в этой всей истории лишнее. Сейчас поймешь почему. По-порядку. Когда «изматывание» бюрократическими проверками захлебнулось, началась волна исков, исков по разным поводам, задачей было именно затравливание через суды. И надо сказать, что интеграторы, точнее их соответствующие службы показали себя во всей красе.

Вадим, прежде, чем ты продолжишь, коротко отмечу почему так получилось. Особенно, на фоне монстров юридического бизнеса. Дело все в том, что у интеграторов было большое количество «узких» спецов по отдельным областям права, что позволило выстраивать более качественную защиту, чем «стандартные» методы и доводы юридических воротил.

Спасибо, Мить, ценное дополнение. Кстати, это лишний раз демонстрирует эффективность интеграторов в исполне-

нии Шилова. Но, вернемся к «боевым» действиям. После того, как не прошел и измор судебными тяжбами, они взялись за «оружие массового поражения»: демпинг, дефицит ликвидности, противомаркетинг и тому подобное. Началась активная «горячая» фаза. Первым делом была резко уменьшена ликвидность на срочном и денежном рынках. Это было не так страшно, так как к тому моменту мы уже успели накопить резервы, позволившие нам фондироваться за рубежом, хоть и пришлось это все маскировать под возврат капиталов или прямое вливание иностранного капитала. С противостоянием демпингу было все гораздо хуже. Доходило до того, что прибыль получалась только при продажах большого комплекса: продукт, сопровождение, постобслуживание, подбор и так далее. Иными словами, прибыль получалась только на одном из далеко не профильных направлений деятельности, плюс немного выручало инвестирование. При всем при этом можно было пересидеть и перестроиться, но нет, в ход вступила государственная машина пропаганды, со всем ворохом медиа-крупняка. Этому мало, что может противостоять, и мало, что можно противопоставить. Все это противостояние, на полях пиара, находится в открытом доступе. И не удивительно, такой триумф деструктивных маркетинговых технологий. Короче, в результате всего этого у нас осталось только три процента всего рынка, и тот был сосредоточен на малых землях, где платежеспособный спрос еще не был развит. А по-правде говоря, мы стали клиентами сами себе.

С моей точки зрения, самое страшное не то, что рассказал сейчас Вадим Максимович, про черный пиар, демпинг и сокращение ликвидности. Самое страшное, что могло произойти в отношении тех прогрессивных структур для малых предприятий – потеря той самой, консолидации, на которой и были основаны все эти кооператоры и интеграторы. В результате произошел один из самых деструктивных процессов на моей памяти, который вообще нигде не отражен. Сейчас я это и исправлю. Мы уже отмечали, что тот «крестовый поход» против нас возглавила наша незабвенная «троица шутов», с молчаливого согласия Лобова. Что это означало на практике? А то, что все действия были до безумия примитивными, но с максимальным задействованием всех деструктивных и административных возможностей государства. Например, практически все «карательные» комиссии и комитеты состояли из «их» людей. Или, центробанк получил средства для резкого сокращения ликвидности именно из их структур. И таких примеров масса. Но, все это можно было назвать «ковровыми бомбардировками», то есть разрушения были чисто «фасадными». Удары в самую основу были нанесены руками бывших владельцев малых предприятий. Не всеми, конечно, таковых было примерно процентов сорок, но этого было достаточно, чтобы, фактически, уничтожить все начинание. Как же действовали представители Беглого-Ваксина-Пирова? Ничего хитрого – всем участникам консолидации были предложены такие условия: выкуп

по цене, которая была до вступления в консолидацию; должность в какой-то из структур или компаний, подконтрольных троице. За отказ – «опускание на дно», то есть лишение всего до уровня прожиточного минимума. Вот те самые сорок процентов и соблазнились, или испугались, или изначально были неблагонадежными. Это совершенно неважно. Лично я, их не виню. Тут дело в другом, подставили они, в большей степени, не нас с Шиловым, или своих бывших соратников, подставили они, прежде всего, сотрудников кооператоров и интеграторов, большинство из которых сейчас вынуждены батрачить на тех самых Беглого, Ваксина, Пирова. Вот вам и консолидация.

И что же случилось, когда убыли эти самые сорок процентов бывших собственников?

Что-что, обязательства же были взяты наперед, а после такого массового исхода, покрытие этих обязательств легло на оставшихся. А откуда бы мы взяли средства? Вот и случился массовый дефолт, пусть и, во многом, «бумажный». Причем, практически разом. Упомянутые деятели потом это все сгрести и наладили под свои нужды и задачи.

Ну, Авдей Наумович же что-то предпринял?

Ха, правильно мыслишь. Разумеется. И не просто предпринял, это был достаточно ощутимый контрудар. Видишь ли, как мы уже говорили, изначально вся эта затея была очень технично встроена в программу по территориям, что предполагало большее количество опций по этому поводу.

Главной из которых, было то, что базирование на развиваемых территориях возможно только при участии оператора программы, то есть нашей организации. Проще говоря, выдал Шилов их со всех территорий в мегаполисы. Надо сказать, они и не сильно сопротивлялись, так как у них для этого ни базы, ни интереса. Сейчас мы прекрасно видим почему – нынешние кооператоры используются для операций с «короткими» активами, а интеграторы используются для найма на «короткие» контракты. Иными словами – используются они для деструктивных спекуляций.

Вадим, но эффективности контрудара Шилова это никак не отменяет, иначе негативные результаты этих спекуляций отразились бы на территориях гораздо сильнее, чем сейчас. А так, только случился небольшой отток мульти-ресурсов.

Лен, никто не говорит, что контрудар был бестолковым. Я другое хотел отметить, что та «войнушка» стала первым серьезным катализатором процесса тотального расслоения между территориями и мегасами. Такого, что у нас сейчас, фактически, две действительности в рамках одного государственного образования. И Шилов, своим контрударом это усилил.

Лобов в этом вообще никак не участвовал?

Если честно, мы не отслеживали это, не до того было. Но точно помню, что после того, как полномасштабные «боевые действия» закончились, у Лобова с Наумовичем состоялся вот такой вот разговор: «

Лобов: Ну что, Авдей, доигрался со своими противопоставлениями, наполучал под завязку?

Шилов: Евгений Генрихович, не пойму о чем Вы, если честно. Да, не уследил за темпами и показателями поступлений в бюджет от малых предприятий, это целиком и полностью мое разгильдяйство. Все остальные события в этой связи – лишь следствия. Так-что, если я и «наполучал», то только от самого себя. А про противопоставление Вы знаете, я даже в теории это не держу...

Лобов: Ну-ну, опять ты Шилов отнекиваешься, якобы один ты у нас результативный и деятельный. Короче, что делать планируешь со сложившейся ситуацией?

Шилов: Странный вопрос, почему я должен это сообщать одному из главных выгодоприобретателей моих недоработок в этой сфере? Тем более, что Вы по-прежнему будете в выигрыше, как бы ситуация дальше не развивалась.

Лобов: Продолжаешь дерзить? Ладно, я вот хотел предложить провести, так сказать, примирительную встречу а с моими ребятками (Бегловым, Ваксинным и Пировым), но раз ты такой дерзкий, разруливай все сам. А я уж, как ты правильно сказал, в любом случае буду в выигрыше.

Шилов: А я при любых вариантах с этой троицей ни о чем разговаривать не намерен.

Лобов: Но смотри, Авдей, если провалишь программу по территориям, или даже если будет существенная просадка, я тебя из активной деятельности высажу, да так, что склады-

вать полешки домиком для тебя будет за счастье.

Шилов: Почему это должно меня пугать? Вполне созидательное и спокойное занятие...»

После этого разговора, Лобов, в публичном поле, подверг жесточайшему разному деятельности Авдея Наумовича по созданию и развитию кооператоров и интеграторов. А уж «придворные» СМИ раздули это все чуть ли не до «антигосударственной деятельности». Привело это к тому, что в мегаполисах, тем более в столице, с нами не то что дел не хотели иметь, даже возможность контактов заблокировали.

Глава 16.

И как же вы действовали в сформировавшихся беспрецедентно враждебных условиях?

Знаешь, что самое неожиданное было для нас, после того, как началась травля Шилова в «главных» СМИ на предмет интеграторов и кооператоров? Во-первых, отметим, что СМИшники «склоняли» исключительно Авдея Наумовича. Во-вторых: за комментариями обращались только «оппозиционные» СМИ. Но, возвращаясь к вопросу, самым неожиданным было то, что на таком вот фоне Шилова не исключили из генерального госсвета, и у нашей организации в управлении осталась не только программа по территориям, но и управление государственно-общественными инициативами. Понятно почему, для Лобова это было важно, так как это существенная часть его политического капитала, и не

только политического. Да и Шилов, в качестве участника госсвета, показал себя отличным «громоотводом». Но все же, мы думали, что мстительность и желчность со стороны верхов перевесит. Ан нет, капиталы оказались важнее. Что, на самом деле, для нас тогда было позитивной новостью, значит конструктивность в верхах тоже присутствовала, а не только субъективные амбиции.

И все же, вы же как-то перестроились?

Главное перестроение было в том, что мы более, чем на год, сосредоточились исключительно на программе и на ГОИ, «по сторонам смотрели» только по необходимости. Шилов, на этот период, даже игнорировал «ДВиК», и не собирал наблюдательные советы нашей организации. Это было важно по многим соображениям: чтобы не было «просадок», чтобы хоть частично компенсировать потери оставшихся малых предприятий, да и, в конце концов, чтобы саму программу не отняли. Была еще одна существенная особенность того периода, Авдей Наумович отстранился от всего до такой степени, что получилось распределение, при котором он единолично занимался программой, а каждый из нас, самостоятельно занимался ГОИ, за которую он отвечал персонально. Дошло до того, что вторую половину того периода, мы его вообще не видели, а все согласования получали исключительно в кибер-тексте. При всем при этом, это был один из самых спокойных, если не самый спокойный, период нашей активной деятельности. В конце этого периода у нас

было не просто все отлажено до автоматизма, а я бы сказал, что и программа и ГОИ были пугающе автономизированы, то есть была достигнута крайняя степень состояния «сами по себе». Обусловлено это было не только нашим перестроением, но и отношением и восприятием нас со стороны госаппарата, и всего, что к этому прилагается.

Я больше скажу, лично мне, от такого вот «затишья», даже стало как-то не по себе. С другой стороны, за этот период позитивные тенденции по всем нашим направлениям стали настолько стабильными, что наши территории стали мировыми лидерами по долгосрочному инвестиционному климату. А вот этот фактор, в свою очередь, и прервал то спокойствие. Думаю, что уже понятно почему, мы не однократно отмечали менталитет чиновников.

И каков же был выход из того периода?

Елена Федоровна правильно отметила мировое лидерство по долгосрочному инвестиционному климату...

Вадим, можно я один маленький момент отмечу, прежде, чем ты продолжишь. А отметить я хочу то, что этот самый долгосрочный инвестиционный климат, в нашем случае, был достаточно странный. Странность заключалась в том, что климат был, а прироста инвестиций не было. Более того, по сути все инвестирование держалось на том, что Шилов изначально закладывал в программу. Проще говоря, на реинвестировании. Из-за чего сложилась подобная ситуация, тоже, очень просто. Из-за того, что потребление, в самом ши-

роко смысле, на малых территориях было, практически полностью, сведено с минимум. Вот и получилось, что главным катализатором роста на наших территориях было не постоянное оборот, а создание реальных ценностей. И проблема заключалась в том, что ни кто не знал, да и не хотел знать, как инвестировать в таких условиях. Извини, Вадим, продолжай...

Правильное дополнение, Мить. Так вот, данные по мировому лидерству были сформированы тремя независимыми мониторинговыми и аналитическими нейросетями. Проще говоря, наши верхи этого не могли не заметить. Вот Лобов и заметил, после чего связался с Авдеем Наумовичем. Каково было содержание того разговора, мы не знаем, не присутствовали. Но после, у него с нами, состоялась следующая беседа: «

Шилов: ... Ни когда не думал, что скажу такое, но ни по программе, ни по ГОИ обсуждать нечего, достаточно того, что происходит в текущем режиме. Я с вами вот по какому вопросу связался. Впервые за долгое время, у меня состоялся разговор с Лобовым, на предмет недавних данных консолидированных аналитических нейросеток. Говорит, что верхи хотят таких же показателей для всей страны.

Матвей Сергеевич: Мда, ни при каких обстоятельствах не назвал бы Лобова фантазером.

Шилов: Матвей Сергеевич, а это не только его пожелание, это пожелание всей верхушки. Но я не договорил. Что значит

пожелание верхушки в отношении нас, думаю, объяснять не нужно. Сам Лобов называет это пожелание не иначе, как мое и ваше «искупление» за самоуправство с консолидаторами и интеграторами. В общем, задача такая – за год мы должны выйти из умеренно стабильной зоны, в умеренно позитивную. Ваши мнения?..

Я: Глупый, но логичный вопрос – а если нет, то что?

Шилов: Не спрашивал, но могу предположить: вас отправят на досрочную пенсию, меня сделают вечным посмешищем и показательным изгоем. Или около того.

Матвей Сергеевич: Веселая такая перспектива. И что нам в помощь для реализации сего пожелания?

Шилов: Поясни, уточни...

Матвей Сергеевич: Надо же будет что-то менять, реализовывать, они или околосбизнес к этому готовы?

Шилов: Матвей Сергеевич, ну не будь наивным. Все «повзрослому», как обычно: если получится, то все лавры их, если нет, то мы крайние. Мне и так Лобов сказал, чтобы мы радовались тому, что по нам не стали дисциплинаркой лупить и затаскивать по соответствующим структурам и ведомствам, он, вроде как, сам лично за это ходатайствовал.

Елена Федоровна: Так они же не стали нас пропускать через свои карательные жернова только из-за того, что были заняты растаскиванием отобранного...

Шилов: Как бы там ни было, а решать поставленную задачку придется, хотя бы для того, чтобы дать им новое от-

влечение от нас. Иначе они будут не отобранное растаскивать, а нас лично.

Я: Когда и с чего начинаем?

Шилов: Начинаем немедленно, с изучения критериев, алгоритмов, данных и так далее, в общем всего, что связано с этими аналитическими нейронными сетями. Уверен, что будет достаточно определенного набора показателей с конкретными значениями, чтобы получить этот чертов индекс привлекательности инвестклимата. Или как он там называется?»

Такая вот была вводная от Авдея Наумовича по той хотелке верхов. Сразу скажу, что, действительно, достаточно было определенных значений показателей, чтобы нейросети показали то, что было нужно. Только вот, показателей этих было больше сотни. И ни по одному из них значения не были в порядке. Более того, по некоторым показателям данных не было вовсе.

А я правильно понимаю, что с этого началось формирование организации автономного масс-мониторинга? Той самой ОАММ, которую называют не иначе, как главной контрольной и аналитической структурой нашего государства? По хронологии совпадает...

Да, Юр, ты абсолютно прав, мы к этому и подводили. ОАММ началась именно с этого, точнее с разработки методик получения желаемых результатов от международных мониторинговых и аналитических систем. И да, в случае той

хотелки верхов, звучание отражает суть, проще говоря, методики были направлены на подгонку решения под ответ. Это был единственный вариант реализации той хотелки, исходя из условий на тот момент. Разумеется, никто методик и алгоритмов анализа нам бы не предоставил, да и не мог предоставить, потому они и автономные, так как корректируют и обучают себя сами. Поэтому нам пришлось сделать свою нейросеть, полностью моделирующую поведение и методы трех крупнейших на тот момент международных аналитических нейросетей. А уж на основе разработанной нами «имитационной» нейросети, и появилась ОАММ, но мы к этому еще подойдем.

Для понимания, я коротко поясню на счет нашей нейросети. Как уже отмечалось, мы начали с отслеживания поведения тех сетей, под которые нам нужно было «подогнать» результаты для верхов. Оказалось, что они прежде всего реагируют и отслеживают пять базовых аспектов: движение капиталов, миграционные потоки, транспортные потоки, концентрации деловой активности, правоприменительную практику. Конечно, всех аспектов и показателей несоизмеримо больше, но на основе этих пяти формировался, сформулируем так, дальнейший «интерес» сетей, то есть насколько пристально и глубоко будет продолжен дальнейший анализ и мониторинг. После этого понимания, сразу была понятна первичная задача – сформировать условия в перечисленных сферах под «стандарты» нужных сетей.

Мить, тут же еще, что важно отметить. Мы уже упомянули, что получили нужный для верхов результат на малых территориях. Именно поэтому они и поставили нам эту задачу в ультимативной форме. Я к чему. К тому, что достаточно точная имитация работы мировых аналитических нейросетей была достигнута, как раз за счет понимания устройства процессов на малых землях. Хотя, почему понимания? На самом деле, точного знания. Да и по времени формирование имитации прошло достаточно быстро.

Полезные дополнения. А я продолжу про наши дальнейшие действия для решений той задачи. После того, как мы получили результаты имитации, и стало понятно, как работают необходимые аналитические ресурсы, мы перешли к разработке программы действий по достижению показателей, требуемых верхам. Понятно, что если бы госаппарат и структуры, причастные к нему, согласились бы на незначительные изменения методов и подходов, то все было бы гораздо проще. Но, сослагательное наклонение не работает, так что в нашем распоряжении оставались только формальные и операционные инструменты. Да, конечно, плюс еще «ресурсы» неаффилированного бизнеса и общества. Все это также осложнялось тем, что подавляющий акцент надо было сделать на мегаполисах, так как на территориях ничего, по сути, делать и не надо было. Вот с такими вот входящими мы и приступили к реализации задачи. Более того, первое время мы даже не обращались к Лобову, из-за банальной бессмыс-

ленности такого обращения, сказано же было: «мы меняться не будем».

И с чего же вы начали реализацию?

С самого очевидного, с того, что можно было сделать быстро, много и дешево – восполнение самого необходимого: первичная медицина, локации досуга, экология. Короче говоря, долгие вложения с минимальной рентабельностью.

Тут отдельного упоминания стоит то, как и за счет чего были добыты эти самые вложения. Ведь ни о каких дополнительных вложениях, тем более в долгую, со стороны правительства и крупняка не могло быть и речи, а доходы малых территорий полностью изымались центрами. Шилов же нашел достаточно нестандартное решение, которым «убил сразу двух зайцев», даже трех. Решение состояло в следующем: перевод пассивов в активы, но не как обычно – за счет переноса непрофильного в профильное, а за счет полного переформатирования и перестраивания их структуры. Как это происходило на практике: находились объекты, которые либо не использовались, либо использовались минимально; объекты разбивались на мелкие составные части; эти части пересортировывались; создавались новые объекты; вновь созданные активы передавались под заявленные направления. Да, надо пояснить откуда появлялись подобные объекты, которые составляли основу для новых активов. Все очень просто, либо вследствие показухи, либо в качестве дополнения для более крупного объекта, либо вследствие неудачных ре-

шений. В общем, таких объектов было достаточно много. А в результате подобных манипуляций мы решили проблему не только наполнения активами наших задач, но также и разгрузки бюджета, его «очистения», плюс это было очень похоже на «исправление ошибок прошлого». Все это, в свою очередь, нас значительно приблизило к достижению хотелок по инвестиционному климату.

Занимательно! Не спрашиваю, как были использованы высвободившиеся бюджетные средства, и уж тем более, глупо спрашивать, пошло ли что-то из них на реализацию вашей текущей, на тот момент, задачи. Спрошу другое, кто и как вам мешал в решении той задачи? Ведь если никто не помогал, значит мешать должны были точно.

Разумеется, мешали. Только вот на счет высвободившихся бюджетных средств не совсем верно, Лобов предлагал и даже настаивал использовать часть из них на создание контрольно-расчетных центров, но Шилов наотрез отказался. Во-первых потому, что все мы знаем про его отношение к госфинансированию в исполнении того госаппарата. Во-вторых очевидно, что профинансировав эти самые контрольно-расчетные центры, Лобов бы забрал их себе под полный контроль. А так, они хотя бы в какой-то части оставались автономными. А что касается помех, то все было более менее стандартно – в духе «это мое, это не отдам». В этом нам хорошо посодействовал, опять же, Лобов, точнее посодействовал он, прежде всего, самому себе. В общем, он выпустил

внутреннее распоряжение с общим смыслом – «все, что с минусом, отдавайте». После чего, особых проблем не возникало. Самое большое «сопротивление» было со стороны нашей вечно обиженной троицы, которая ну никак не могла отойти от своей линии мелкого вредительства в отношении нас. То они тормозили передачу некоторых объектов, то инициировали нелепые разбирательства по источникам финансирования, и все в таком духе. Дело в том, что в рамках программы и по ГОИ у них больших возможностей нам пакостить не было, а тут они начали отыгрываться по-полной. На определенном этапе пришлось на это все отвлекаться неприлично много, до такой степени, что Шилову пришлось среди них провести примерно такую разъяснительную беседу: «

Шилов: Ребятки, вам внимания не хватает? Если да, то обратитесь к Евгению Генриховичу. Если стесняетесь, то это я могу сделать. Или скажите, чего вы добиваетесь?

Беглый: Авдей Наумович, Вы все еще продолжаете считать себя всемогущим, даже после того, как Вас чуть не приговорили за Ваши аферы с кооператорами и интеграторами.

Шилов: Вы-то здесь причем? Это мой и только мой просчет. На вопрос-то ответьте...

Пиров: Чего тут не понятного? Мы просто делаем все, чтобы Вас вновь не занесло куда не надо. С нас этой функции никто не снимал, да мы бы и сами ее с себя не сняли...

Шилов: Мда, эту бы исполнительность да в созидательное русло... Но, мечтать не умею. В общем, ребяташки, знаю,

что договориться с вами нереально, поэтому таким образом, если вы свой пыл в отношении меня и моей организации не умерите, то я иницирую в отношении каждого из вас оценку эффективности деятельности. И вы прекрасно знаете, что Лобов этому помешать не сможет, так как вы у многих поперек горла. А чтобы было предметно, посмотрите на кредитный портфель вашего общего банка.

Ваксин: И что там?

Шилов: Доказательство серьезности моих возможностей в отношении вас...»

По этому кредитному портфелю ситуация была достаточно простой, даже стандартной для того времени – кредитов частного сектора было менее пятнадцати процентов, что противоречило всему, чему только можно. Это давало основание для определенных действий более, чем десятку «не самых приятных» структур. А то, что эта тройца была, действительно, поперек горла у многих, это факт, даже Лобов с этим ничего не мог поделать. Но тот разговор и аргументы возымел действие, и активность, как с их стороны, так и стороны других структур, снизилась. Правда, это было связано еще и с тем, что была запущена еще одна очередная государственная инвестиционная программа, и, как водится, все кинулись на ее освоение.

А что это была за программа?

Сейчас точно не вспомню. Ее можно найти в официальных дата-банках. Помню, что она была связана с «формиро-

вание единой потребительской среды», что-то в этом роде. Если коротко, то ставилась задача «подтянуть малые территории по доступу к рынкам, на уровень мегаполисов». Разумеется, нормально заработать она не могла изначально, так как принципы, действовавшие на территориях, никак не совпадали и не соотносились с принципами мегаполисов. Кстати, формально эта программы была задумана, в том числе, и для улучшения инвестиционного климата. Но мы отвлеклись, про реализацию хотелки по инвестиционному климату интереснее.

Да-да, конечно, просто сделал уточнение для понимания вашего внешнего фона. Продолжайте...

Так вот, после того, как Шилов ослабил ненужное давление, мы перешли к фазе практической реализации. Начали мы с создания многофункциональных зон досуга – они стали некими «якорями» для всего остального. К ним затем, постепенно, добавлялись многофункциональные центры здоровья, образовательные центры, научные центры и так далее. Замечу, что выстраивали мы все эти структуры не по допотопному кластерному принципу, который только приводил к гигантским диспропорциям по всем направлениям, а по принципу, который Шилов назвал «принцип одеяла». «Если ты хочешь сохранить тепло во время сна, ты же укрываешься весь, а не по частям».

Тут надо пояснить, что Авдей Наумович не был противником «кластерного принципа». Более того, он считал его

достаточно естественным, но «как всегда, кажущаяся стройность и логичность, перечеркивается специфической реализацией», так он высказывался по этому поводу. Если коротко, то кластеры должны формироваться естественным путем из мелких частей, а не втыкаться посреди всего, с единственной целью – «откачать все, что попадетсЯ». У нас, для реализации хотелки верхов, времени для естественного формирования кластеров не было. Поэтому Шилов и придумал «одеяльный» подход, который заключался в равной доступности по ключевым надобностям, с учетом частоты обращений. Проще говоря, в среднем, инфраструктурой досуга мы пользуемся существенно чаще, чем, например, медициной, поэтому и степень присутствия в этих новых зонах у досуга была соответствующей. Вообще, кое-какие «локации равного доступа» еще остались, можете посмотреть, как все это выглядело.

Извините, вопрос по ходу, а где вы места находили?

Ха, на самом деле, вопрос с нехваткой места, в то время, был несколько преувеличен. Понято почему, из-за пресловутого направления бюджетного финансирования. То есть тема с нехваткой места раздувалась именно для того, чтобы что-то выбить из бюджета для этих целей. Но места было достаточно. И я сейчас говорю не о малых или прилегающих к мегаполисам территориях, я говорю именно о местах в самих мегаполисах. Другой вопрос, что их надо было расчищать, адаптировать или переориентировать, а это большая возня,

госаппарат к этому не привык, вот откуда и пошло это нытье про нехватку места. Более того, подавляющее большинство объектов для расчистки были государственными либо околосударственными. Чаще всего это были различные технопарки, выставочные комплексы, дата-центры и тому подобное. Короче, все то, что начиналось возводиться на какой-то волне, но забрасывалось при угасании этой волны. И это, надо сказать, самое яркое проявление реакционности нашего госаппарата – движение исключительно в фарватере амбиций верхов. Но, мы сейчас не про них. Возвращаясь к ответу на твой вопрос, места получали мы достаточно просто – выкупали государственную по остаточной балансовой стоимости, со всеми долгами и проблемами, то есть, практически, даром.

Небольшое дополнение про то, на какие средства это все приобреталось и создавалось. В этом случае Шилов не пошел по своему обычному пути приобретения самого необходимого на негосударственные средства, с последующим реинвестированием. Для задачки по инвестклимату он поступил хитрее. Дело в том, что у околосударственных компаний образовались операционные прибыли, исчисляемые нереальными размерами. Не буду вдаваться в подробности почему. И существенная часть этих сумм была «в плену» у правил, которые они сами себе придумали. Если говорить утрированно, то эти средства нельзя было ни реинвестировать, ни выплатить дивиденды, можно было только по-

крывать долги, но долги окологосударственного сектора это, фактически, оксюморон. Вот Шилов и предложил Лобову пустить эти средства на создание локаций, придуманных нами, а когда будет достигнута хотелка по инвестклимату, «инвесторы» могли бы использовать эти локации на свое усмотрение. Лобов на это достаточно быстро согласился. Еще бы, он везде был в выигрыше: решалась хотелка; получались новые активы, весь геморрой по созданию которых, был на нас; подрастал политический капитал верхов и его лично. Единственным условием Шилова было полное неучастие в этом «веселой троицы».

И как быстро вы начали создавать эти самые локации?

Матвей Сергеевич и говорит, что все прошло на удивление быстро. С другой стороны, по другому и быть не могло, столько задач сразу решалось в пользу верхов и Лобова, они такое сразу же просекают. В течение десяти-одиннадцати месяцев были сделаны около двухсот тридцати комплексных локаций в девятнадцати мегаполисах. После года функционирования, хотелка по общегосударственному инветклимату была достигнута. Более того, результаты, по некоторым показателям, даже превзошли прогнозы. Например, по показателю вовлеченности, по показателю участия реального сектора, по уровню административных издержек.

А самый главный вывод, который можно сделать из решения этой задачи, состоит в том, что – чем меньше государство вмешивается в то, во что ему вмешиваться не надо, тем

лучше это отражается на росте и развитии. Ведь ключевое, что сделал Шилов, при решении этой задачи, это убедил Лобова применять на этих локациях регулирование и администрирование по самому минимуму.

И это же сделало невозможным долгое существование этих локаций, так как методы и принципы, по которым они были созданы, явно демонстрировали ненужность государства в таком количестве, и несостоятельность, как минимум, восьмидесяти процентов его действий. Но, об этом многие догадывались, а вот главное, что в этом всем не устраивало госаппарат, это явная необходимость меняться. Чего, как Вы сами понимаете, они не просто не хотели, они не могли физически. Вот и образовался выбор: либо уровень инвестиционного климата, либо их образ жизни. В пользу какого варианта он был сделан, очевидно.

Глава 17.

Последствия реализации хотелки по инвестклимату были далеко идущими. Этого Шилов тоже не предусмотрел и не просчитал, что является вторым его огромным промахом. В чем же состояли эти последствия? А в том, что осознав свою уязвимость и неприглядность на фоне созданных нами локаций, верхи провели очевидную аналогию с программой по малым территориям и ГОИ. Выводы их были, сам понимаешь, вполне очевидными. И начался полномасштабный про-

цесс установления тотального контроля со стороны чиновничьей машины над программой и инициативами, с параллельным отстранением от управления ими нас и нашей организации.

Не хочу показаться недалеким, но не уже они этого не замечали раньше? Ведь ГОИ и программа существовали достаточно продолжительное время.

Конечно замечали. И, прямо или косвенно, мы это отмечали ранее. Но, принцип «нет ничего нагляднее, чем прямое сопоставление» никто не отменял. А на фоне комплексных локаций вся деятельность власти и «околовласти» выглядела не очень приглядной, мягко говоря. Плюс стали заметными такие процессы, как: отток населения из мегаполисов на территории, автономизация экономики и инфраструктуры территорий, а также куча более мелких процессов без какой-либо привязки в госаппарату. Это все в совокупности и побудило верхи к активным действиям «по разворачиванию ситуации в свою пользу».

Лен, извини, ты так рассказываешь, что может сложиться впечатление, будто на территориях процветали чуть ли не сепаратистские настроения. Это абсолютно не так. Более того, Шилов был противником институционального обособления и противопоставления. «В идеале надо стремиться к тому, чтобы отличались только природные условия, а все остальные, рукотворные, условия должны быть максимально унифицированы. А вот уже в таких условиях социальные еди-

ницы должны быть автономными. Любая другая конфигурация автоматически несет в себе высокий риск конфликтов и конфронтаций. Что же касается ресурсов, то они должны быть выведены в надгосударственные институты, главной целью которых должно стать не их перераспределение, а их преумножение. Прекрасно понимаю всю утопичность подобной конструкции, но сам факт движения в этом направлении приведет к более устойчивым и созидательным конфигурациям.» Я процитировал часть доклада Авдея Наумовича на одной из общегосударственных научных сессий, которые он посещал с гораздо большим желанием, чем любое заседание госсовета. Кстати, эта научно-практическая сессия и была посвящена проблеме того, что на территории нашей страны, фактически, образовалось два государства. Шилов был главным действующим лицом той сессии, и он прямо сказал: «Разделение это только социально-экономическое, и никак не институциональное. Институционального нет и будет потому, что на малых территориях практически полностью отсутствует политика. А социально-экономическое обособление от мегаполисов было сделано намеренно, так как другого варианта реализации программы капитализации территорий и быть не могло.» Почему нельзя было по-другому, мы разъяснили ранее. И про то, куда ушла вся политическая активность, также объяснили. А вот про что мы не упомянули, так это про социальную сторону программы по капитализации территорий.

Благо, объяснить ее достаточно просто. По сути, социальная составляющая программы была логичным продолжением ГОИ, только в более развернутом виде. Фундаментально, по этому направлению, мы решили следующие задачи: наглядно и показательно разъяснить; научить принимать решения; сформировать среду для реализации решений. И самое главное – при всем при этом, не должно быть затронуто «личное пространство» человека, только публичное. Глобально, это привело к тому, что аполитичные жители территорий самостоятельно организовывали свою социальную жизнь пользуясь предоставленной инфраструктурой. Политически же активные – были заняты в «ДВиК». «Не надо бороться с тем, что человек от природы эгоцентричен, надо лишь создать условия, при которых столкновения эго не будут фатальными. А еще лучше, чтобы эгоцентризм проявлялся, как можно реже.» Так Шилов формулировал главную задачу по социальному направлению программы. В результате, была создана социальная среда и инфраструктура, в которых нашлось место практически всем. По крайней мере, на территориях не было районов-изгоев или закрытых гетто, как это было в мегаполисах.

Да, на счет социального фона на территориях, очень полезно.

Только вот в чем парадокс, этот самый социальный фон и сыграл против нас в вопросе отбора у нас управления программой и ГОИ. Но, обо все по порядку. В течение перво-

го года после достижения нужных показателей по инвестиционному климату, наблюдался значительный, даже резкий, прирост иностранного капитала в нашу страну. Как он использовался и распределялся, рассказывать не надо, всем это давно известно. Скажу только, что на деятельности нашей организации этот прирост не отразился ни в малейшей степени. Разве что, на этот год мы снова получили передышку от внимания госаппарата. Но мы-то ладно, мы изначально ни на что не претендовали, а вот международный капитал такого обращения не прощает. В результате, на крупнейшем мировом экономическом совете нашему государственному руководству было прямо сказано, что статус нашего инвестиционного климата пересмотрен и, исходя из этого, были даны соответствующие рекомендации. А самое главное, что мировые аналитические нейросети изменили критерии и методики так, что сделанное нами для «нарисованного» инвестклимата, больше не работало. Точнее, работало – люди пользовались, но без существенных результатов, так как осталось без государственного рычага. И самое скотское в этом всем заключалось в том, что крайними в вопросе «манипулирования» показателями инвестиционной привлекательности, оказались мы, прежде всего Шилов, разумеется. И, надо признать, формально это было действительно так.

Вадим, я бы не стала нагонять жути по этому поводу. Этот риск и сценарий был хорошо просчитан, на такую вероятность мы обращали внимание изначально. И готовились мы в

тот момент к тому, что нас с Шиловым окончательно изолируют в рамках программы и трех ГОИ, с гарантией стабильных поступлений в бюджет. Тогда казалось, что это наиболее вероятный сценарий: ну сделают нас крайними, ну распекут в новостных потоках, от стабильных финансовых потоков при хорошем социальном фоне они же не откажутся. Но нет, случилось то, что Авдей Наумович не просчитал, Лобов, в нашем присутствии, озвучил следующее решение верхов: «

Лобов: Ну что, господа и дама, надо с вами что-то делать. Резонанс-то с инвестклиматом получился очень существенным, с большим негативом.

Шилов: Евгений Генрихович, простите за дерзость, а можно сразу к сути? Без констатации очевидного.

Лобов: Говоришь, очевидное? Вот и для нас с коллегами все очевидно, что-то вы с вашей организацией подустали от постоянной практической деятельности на высшем государственном уровне, часто просчитываться стали: то кооператоры, то интеграторы, то немотивированные отказы от почетных должностей. Теперь вот еще и скандал с манипуляциями показателями, как-то это все нехорошо, мягко говоря. Исходя из всего этого, решение такое – мы отстраняем вас от руководства организацией и, как следствие, от руководства программой и ГОИ. Мы не можем рисковать хорошо отлаженными и функционирующими проектами.

Шилов: Ясно. Мы свободны?

Лобов: Нет уж, Авдей, подожди. Просто так вас никто не

отпустит, особенно, если учитывать, что вы наворотили. Но, и о ваших заслугах никто не забыл, несмотря на твое свое-нравное и вызывающее поведение. В общем, даем вам шанс реабилитироваться, но только не по исполнительной линии. Как уж вы это сделаете, придумайте сами, это у вас хорошо получается.

Шилов. Понятно. Я правильно понимаю, что программа и ГОИ передаются в ведение Вашим «обезьянкам», Пирову, Ваксину и Беглому?

Лобов: Кому и что я передаю, уже не твоя забота. Особенно, учитывая хамский тон твоего вопроса. Ты сейчас думай о себе и своих людях. Срок на обдумывание и придумывание – месяц, не больше, иначе может случиться другой срок.»

Вот такой короткий и однозначный посыл донес тогда Лобов – либо они оставляют нас «вне правового поля», либо мы должны придумать, как мы еще сможем быть полезными, но без непосредственного контакта с ресурсами.

Я прошу прощения, для окончательного прояснения, а как все-таки в вопросе по инвестклимату крайними оказались только вы?

Тут все просто, была выпущена следующая формулировка для информационных потоков: «Для большей объективности и продуктивности по задаче формирования инвестиционного климата нашего государства, была выбрана самая эффективная из организаций, контролируемых общественностью. Соответственно, решение данной задачи осуществ-

лялось ей в автономном режиме, так как невмешательство, в том числе – одно из необходимых условий формирования инвестиционного климата. Никто из органов государственной власти никак не мог обнаружить, что показатели подогнались под нужный результат». Проще говоря, все свелось к достаточно стандартной отговорке: «мы обмануты также, как и все остальные». Кстати, на основании этой линии был сформулирован и официальный повод для нашего отстранения от программы и ГОИ. Звучал он как-то, так: «Учитывая массовое нарушение государственной дисциплины, и нанесенный ущерб международному имиджу, такие-то такие-то отстраняются от управления тем-то и тем-то». Вот так, коротко и сухо.

Мда, даже не могу представить насколько это неприятно и обидно. Ну а как же жители территорий, предприятия на территориях, ученые, деятели культуры? Не уже ли никто не возмутился, хотя бы?

Логичный вопрос, только ответ на него, к сожалению, достаточно однозначный. Во-первых, сам понимаешь, ни у жителей ни у предприятий особых возможностей «для возмущения» не было, в этом вопросе госаппарат уже давно себя подстраховал со всех сторон. Во-вторых, как это ни странно, мы сами никак не пиарили нашу деятельность. Более того, о нашей работе знал достаточно ограниченный круг лиц: Лобов и его окружение, наш наблюдательный совет и их хозяева, видные представители общественных, научных, культур-

ных и бизнес кругов, вот и все, кто был в курсе, предметно.

То есть получается, что в массе все думали, что изменения были связаны с деятельностью государства, так получается?

Да, именно так, и нас это не просто устраивало, мы изначально стремились к такому положению вещей. Вижу твое удивление. На самом деле, ничего удивительного. «Чем менее изменчивы входящие условия, тем более достижим и предсказуем результат. Думаю, это для всех очевидно». И действительно, на момент запуска программы, данный тезис Шилова, для нас был очевиден. И потом, еще раз обращаю внимание, никто из нас не собирался ничего раскачивать, это вредно и непродуктивно, уже не раз доказано. У Авдея Наумовича на этот счет даже был сформулирован некий «псевдо-парадокс» – «Массовое сознание формирует среду. Среда формирует частное сознание. Из частных сознаний состоит массовое сознание. Вопрос, где точка отсчета?». Не пытайся ответить, все равно будешь одновременно и прав и неправ, Шилов разъяснял это так: «Ответ всегда будет субъективным, как и постановка вопроса, поэтому лучшим решением будет искать ответы на естественные вопросы, а не на искусственные или, тем более, навязанные». На практике это вылилось в то, что мы никогда не реагировали ситуационно, а вся всеобъемлющая текучка воспринималась нами не иначе, как обычное проявление субъективности. Проще говоря, чем больше ты основываешься на объективности, тем меньшее значение для тебя имеет субъективизм. Поэто-

му, вопреки официальному мнению, никаким «противостоянием государству» мы не занимались. Просто государство у нас субъективное, которое считает, что если ты его явно не поддерживаешь, значит ты ему противостояешь. Вот мы и стали «жертвой» подобной установки.

И как же, в таком случае, вы, ваша организация и Шилов лично, воспринимались общественностью?

Как и должны были – координаторами и исполнителями государственной программы и государственно-общественных инициатив, наряду с другими такими же организациями. И еще раз повторю, это было сделано сознательно, так как противопоставление влечет за собой ненужный интерес со стороны всего, чего только можно, а это уже сопровождается огромным ворохом лишних задач.

Понятно. Так вот одна из главных причин, почему о вас и Авдее Наумовиче, сравнительно мало упоминаний в официальных источниках?

Я бы сказал, что это главная причина. Именно поэтому, мы так часто подчеркиваем его и нашу непубличность, и даже скрытность.

Теперь для меня все окончательно прояснилось, в этом отношении. Давайте вернемся к отстранению вас от программы и ГОИ.

Небольшая поправка, с этого момента тот процесс я буду определять, не как отстранение, а как банальную узурпацию. Не скрою, ключевым здесь был, скажем так, «фактор

Шилова» – его решение. После того, как Любов сообщил нам о намерении верхов в отношении нас, Авдей Наумович взял тайм-аут, примерно на неделю. Неделя эта прошла в свойственной для него манере – никто его не видел и не слышал. Через неделю он связался с нами, и у нас состоялось следующее обсуждение: «

Шилов: Коллеги-товарищи, обстановку вокруг нас и связанную с нами, я разъяснять не буду, сами все прекрасно понимаете. Главное решение, которое мы должны принять, как быть и куда «плыть» дальше. Для начала, по традиции, слушаю ваши соображения...

Елена Федоровна: Авдей Наумович, у Вас самые большие риски, поэтому я считаю, что главная задача уберечь Вас от них. В связи с этим, предлагаю Вам избраться в Высший общественный совет, так как членство в этом совете предполагает неприкосновенность. Сделать это можно от любой малой территории, проблем это не составит.

Шилов: Признателен за Ваши благие намерения, Елена Федоровна, только вот Ваше предложение только усугубит ситуацию. Мы сейчас всячески должны демонстрировать Любову, что мы ему не конкуренты и не покушаемся ни на что, связанное с ним. А Ваше предложение уверит его в обратном.

Елена Федоровна: Так можно же избраться в качестве главы исполнительного штаба «ДВиК».

Шилов: Сильно это Лобова не разубедит, в этом случае

он будет считать, что у меня появились политические амбиции, а он этого, ой как не хочет. В общем, любые представительные и политические органы не вариант, это обозначение «прямой конкуренции» с верхами. Есть еще соображения?

Я: Можно возглавить какой-нибудь из государственных бизнесов, коих сейчас столько, что никто даже внимания не обратит, а подконтрольность там полная.

Шилов: Теоретически это вариант, Вадим Максимович, только есть один небольшой минус – мы дадим «стайке» наших мстительных «бабуинов» столько вариантов для стирания нас в пыль, что даже мне жутковато становится.

Я: Ваша правда, Пиров дошел до такой степени изощрения в этих вопросах, что на нас будет оттягиваться долго и мучительно.

Шилов: И я о том же. Матвей Сергеевич, а Вы что как-будто не с нами? Поделитесь, пожалуйста, Вашими размышлениями.

Матвей Сергеевич: Если честно, то все мои мысли сводятся к какой-нибудь международной организации. Но это, тем более, будет воспринято, как покушение на конкуренцию с верхами. Поэтому, остается только научная или преподавательская деятельность.

Шилов: Да, это может быть вариант. Правда, тем самым, мы подставим любое учебное заведение или научный центр, в которому будем иметь отношение. Причины этого я уже озвучивал. И мне бы очень не хотелось подобное допускать,

так как считаю, что никто не должен отдуваться за нас и по нашему поводу. Так-что, тоже не пойдет. Все идеи? Тогда, вот, что надумал я, руководствуюсь тем, как услышал Лобова. Главная его установка в том, что мы должны остаться «в его распоряжении», но без прямого отношения к бюджету и ресурсам. В такой ситуации подавляющее большинство аппаратчиков сразу же сказали бы: «делайте с нами, что хотите, только оставьте при делах», и это означало бы переход в режим «полной подвластности». Я считаю, что это совсем не наш случай. Посему, я предлагаю решение, которое, с одной стороны, покажет их полное «доминирование» над нами, с другой – оставит нам «принадлежность самим себе». Решение в следующем, поскольку они считают, что настало время «выжимать» программы и ГОИ, то мы им и отдадим только главные ресурсогенерирующие объекты. Под нашим контролем останутся технологии и все, что с ними связано: данные, обеспечение, сопровождение. Для этого мы должны будем создать новую организацию, но уже исключительно по нашей инициативе, но с одобрением верхов. Предполагаю, что это должен быть некий центр мониторинга и аналитики, но это уже частности. Что на это скажете?

Я: Комплексно... Только вот, почему на это должен пойти Лобов?

Шилов: Правильный вопрос. Ответ такой же комплексный. Во-первых: мы им отдаем главный их объект желания – финансы. Во-вторых: формально, мы признаем себя «край-

ними». Ну и, в-третьих: если на это не пойдет Лобов, то есть пара-тройка его оппонентов, которые нашим предложением точно воспользуются.

Елена Федоровна: Стройно получается, Вы, как всегда, все продумали. В каком качестве Вы видите нас в этом всем?

Шилов: Не соглашусь, что продумал все, особенно помня о совместной инициативе с малыми предприятиями и «инвестклимате». Поэтому, для начала, если включаетесь, вы должны стать соразработчиками и реализаторами этих движений. А впоследствии, вы должны стать кем-то вроде совета директоров в созданной организации.

Матвей Сергеевич: Полностью принимаю. Я давно считаю неправильным то, что Вы один на себя собираете всю ответственность и, фактически, один за это отдуваетесь перед верхами и аппаратом.

Шилов: Благодарю за решение. Оценка уровня моей ответственности не принимается, по показателю «риск/потери» она у вас гораздо больше. Но, не дискутируем. Остальные?..

Я: В одной упряжке въехали, в одной и будем выезжать. Делаем!

Елена Федоровна: Лично я, лучшего решения все равно не придумаю, да и не нужно оно. Едем...»

Теперь нам предстояла самая сложная задача на том этапе – «упаковать» весь этот концепт и прийти к соглашению с Лобовым. Чем мы сразу же и занялись.

И какой фон сопровождал решение той задачи?

Самый, что ни на есть, враждебный. На полную включились технологии и инструменты по нашему «очернению». Количество негативных оценок нашей деятельности и нас лично возросло до такой степени, что можно было подумать, что мы всю свою жизнь занимались только вредительством. Благо система управления и контроля программой и ГОИ была настроена таким образом, что любой пиар-фон, практически никак не сказывался на их функционировании. Да и нашего вмешательства в текучку уже не требовалось, мы занимались исключительно развитием. А вот, что сказывалось на нас лично, и на нашей непосредственной деятельности, так это бесконечные вызовы в различные комитеты, комиссии и ведомства. Конечно, большинство из них были удаленными, но было достаточно и тех, на которые надо было являться лично. Мы даже были вынуждены придумать некую процедуру «достаточности оснований», которая позволила нам свести у минимуму все эту дерготню. Она заключалась в том, что на любой запрос или требование о явке, специальный бот генерировал встречный запрос, в несколько раз больший по объему, чем сам исходный запрос, с основаниями и пояснениями для запроса. Проще говоря, мы были вынуждены перебюрократить бюрократию, и большинстве случаев у нас это получалось.

Не лишним будет еще раз подчеркнуть, что до этого мы в информационных потоках никак не фигурировали, а Ши-

лов появлялся в них пару раз в год. В период же «черного пиара» в отношении нас, какая-нибудь чушь в отношении нас и, прежде всего, Авдея Наумовича, появлялась чуть ли ни каждый день. И все это разрослось до таких масштабов, что начали появляться некие общественные инициативные группы, которые ратовали за инициирование не самых приятных процессов в отношении нас. Разумеется, поддерживались и финансировались такие группы тем самым крупняком, который мы «обидели», не дав эксклюзивных условий на территориях. Но и этот процесс нам удалось нивелировать, направив весь этот «социальный негатив» в русло деятельности комитетов и ведомств, против которых, на тот момент, мы уже научились действовать. А вот к тому, что начало происходить далее не был готов никто, даже верхи. И это уж точно нигде не отражено, ни в официальных источниках, ни в неофициальных.

Глава 18.

Так-так-так, весь во внимании...

Как мы уже отмечали, сам процесс противодействия нам мы не особо контролировали, так как были заняты подготовкой предложения для Лобова, поэтому реагировали исключительно по ситуации. И уж точно, мы не обращали внимание на общий объем негатива в нашем отношении, так как этот аспект воспринимался нами, как несущественный и раз-

дуть. Мы ошибались! Можно, конечно, говорить, что дальнейшие события никак не поддаются прогнозам, но от этого последствия не изменятся.

Вадим, очень долго подводим. Позволь, я уже перейду к сути. А суть, на самом деле, очень простая и подтвержденная временем – мало что может противостоять «силе толпы». Теперь к конкретике. Фактор первый: не смотря на весь негатив в нашем отношении, наивно было бы полагать, что отношение к властям изменится на резко положительное. Особенно, если учитывать все их предыдущие «заслуги». Если ты массовому сознанию говоришь, что социальные массы всего лишь ресурсы и средства, сложно после этого рассчитывать на какую-нибудь лояльность. Вот и на этот раз ничего подобного не произошло. Второй фактор: как правило, из состояния всеобщей апатии, безысходности и отчаяния, происходит резкий переход к состоянию агрессии. А уж когда это приобретает массовый характер, то процесс становится необратимым и плохо контролируемым. Фактор третий: в наше время тотальной взаимной увязки всего со всем, причем, когда эта взаимоувязанность создавалась не для монолитности, а для возникновения большого количества разрывов и перекосов, возникают риски обрушения всей структуры, большие, чем риски разрушения карточного домика. И вот, на основании этих трех факторов, пошло обрушение всей государственной структуры общественных организаций, общественного контроля, в общем, всей системы об-

ществленных институтов государства. Причем, коснулось это прежде всего и в основном, именно мегаполисов, так как на территориях все эта история была не очень-то развитой.

Лен, думаю не лишним будет описать всю картину хронологически. Первым делом посыпались автономные системы мониторинга общественного настроения, оказалось, они не были рассчитаны на экстремальные перекосы. За ними рухнула система персонального реагирования. Все банально, ресурсов на эту систему итак выделялось немного, а в той ситуации она просто «разделила себя на ноль». Далее наступил коллапс в государственных центрах социального мониторинга. После чего пошла паника по «человеческим» общественным организациям и структурам. В результате все общественные институты и организации были парализованы из-за простого отсутствия информации для деятельности. Это, в свою очередь, запустило еще более разрушительную волну – волну физического недовольства населения, перешедшего в активную фазу.

И это все произошло из-за нагнетания негатива вокруг вас и вашей организации?

Конечно же, нет. Ситуация вокруг нас стала лишь финальным катализатором, и это прямой просчет верхов – они не оценили степень взаимоувязанности информационного поля с социальными процессами, плюс было существенное влияние уже накопленного негатива. Вообще, первое массовое недовольство, в рамках того масштабного процесса, нача-

лось из-за запустения тех самых комплексных локаций, которые мы создали для реализации хотелки по инвестклимату. Странно было бы если бы они не загнулись, ведь после провала затеи, ими никто не занимался.

И как же проходила активная фаза?

Началось все с массового отъезды общественных представителей из структур на всех уровнях. Процедура отъезда была достаточно простой – всего-то и нужны были основания и критическая масса, а тогда этого было сколько угодно, поэтому все общественные представители лишались своих статусов немедленно. Проще говоря, институт общественного представительства был «зачищен» в течение двух-трех месяцев. Что, поначалу, очень обрадовало госаппарат, понятное дело, столько сопротивления спало разом. Но, рано они радовались – дело дошло до органов представительной власти. Они коллапснули еще быстрее, чем институты общественного контроля по очень простой причине – «Раз над вами нет контроля, значит и вы функционировать не можете. Кто его знает, что вы там напринимаете.»

Возникает логичный вопрос, а ваша организация тоже была, вроде как, общественной? Как это отразилось на ней?

Вопрос, действительно, логичный и правильный. Поскольку наша организация была учреждена исключительно общественными организациями, то, формально, и она не могла функционировать. Но, так как Шилов изначально знал о неустойчивости любой общественной организации, он с

самого начала заложил в положение об организации пункт о «саморегулировании в отсутствие высшего органа» при условии полной прозрачности деятельности. Закон это позволял, и в нем же были перечислены критерии этой самой прозрачности. На самом деле, мы итак функционировали по принципам прозрачности, даже большей, чем это было предусмотрено законом, поэтому перейти в статус «саморегулируемой» нам не составило труда, достаточно было подключить наши внутренние системы мониторинга к массовым информационным потокам. Сделали мы это легко и просто, после чего статус нашей организации поменялся автоматически. По сути, на тот момент, мы остались единственной действующей общегосударственной общественной организацией. Даже «ДВик», юридически, был парализован.

Получается, что тогдашний хаос был вам даже на руку?

Да, только на очень короткий период в самом начале. Более того, на непродолжительное время общий фон вокруг нас сменился с отрицательного на положительный, что позволило нам в короткие сроки реформироваться самим и несколько перестроить программу и ГОИ. Изменения касались, в основном, процедур отчетности, мониторинга и согласования. Если коротко и упрощенно, то они были переведены из сферы государства в сферу общества. Эти действия позволили нам создать вокруг себя достаточно позитивный фон, и даже стать островком созидательности, когда вокруг много чего рушилось. А это уже было связано с тем фактом,

что в технологическом и управленческом плане мы ничего менять не стали, поэтому и продолжали давать позитивные результаты.

И когда и связи с чем все пошло окончательно не так?

Собственно, эта идиллия на фоне хаоса продолжалась не больше полугода. Потом с новой силой заработали технологии «подрыва массового сознания». Их базовый лейтмотив состоял в следующем: «Они искажают факты, результаты и пользуются ситуацией для того, чтобы стать безальтернативной силой на малых территориях. Или, хуже того, реализуют сепаратистский проект.» Формулировки те еще, но кто будет разбираться по существу? Поэтому, были инициированы общегосударственные общественные слушания по нашу душу. Да, это стало возможно после нашей реформации. До этого нужно было сначала пройти через всех наших учредителей, теперь же мы остались сами по себе. Вероятность такого исхода, конечно, закладывалась, но мы не думали, что до этого дойдет так быстро – мы рассчитывали на то, что госаппарат будет очень долго перестраиваться. Но нет, мстительность в отношении нас возобладала над всем. В общем, надо признаться, что к тем самым общественным слушаниям, которые были своего рода «трибуналом» над нами, мы готовы не были.

И как же проходил этот «трибунал»? Очень интересна именно ваша точка зрения, так как в свободном доступе только официальная.

А нас никто ничего и не спрашивал, после завершения всех этих процессов. Да и не до того нам было. Рассказываем сейчас. Первым масштабным мероприятием в рамках активной фазы отбора у нас программы и ГОИ была расширенная сессия внеочередного генерального госсовета, который в целом был посвящен «стабилизации ситуации с общественными и представительными институтами».

Извините, а можем, пока не начали про «трибунал», отвлечься на такой момент – почему верхи так сильно хотели восстановить прежний статус-кво? Им ведь теперь не надо было преодолевать, пусть и формальные, барьеры представительных и общественных органов.

Давайте отвлечемся... Тем более, что много времени это не займет, так как все достаточно очевидно. Ну, первое: формальные «стандарты» государственности никто не отменял – представительные и общественные институты должны быть, точка. Второе, как это ни странно, отсутствие общественной и представительной власти работам верхам добавляет, причем существенно, а не наоборот. Это связано с тем, что все функции отсутствующих институтов им надо будет взять на себя. Вечный риторический вопрос – оно им надо? Плюс, в этом случае, практически не остается крайних, что тоже для верхов не есть хорошо. И третье, пожалуй, самое опасное явление, которое было порождено тем организационно-политическим хаосом – гипертрофированный анархизм, который вообще никому был ненужен, даже самим анархистам, прав-

да, они этого не осознавали.

А остановитесь, пожалуйста, чуть подробнее на анархизме того периода. Об этом явлении тоже практически ничего нет, по понятным причинам.

Анархия, во все времена анархия. Что касается конкретно того периода, появление его было связано с тем, что во время «остановки» общественных движений и организаций, наиболее радикально настроенные их представители оказались бесконтрольными. Базовые установки подобных личностей строились на том, что «я великий по определению, я не обязан ничего соблюдать, я буду руководствоваться исключительно своими соображениями, не считаясь ни с кем.» И таких было приличное количество, поэтому анархия тогда приняла такие угрожающие масштабы. Основными формами тогдашнего анархизма были кибер-хакерство и кибер-вандализм, причем нарушались и разрушались исключительно клиентские протоколы, чтобы системы не видели запросов и становились бесполезными. В общем, войскам кибер-обороны пришлось тогда поработать на все двести процентов, ведь главная сложность состояла не в самих атаках, а в их количестве, разрозненности и бесконтрольности. Опять же, подавляющее большинство атак шло не с территорий, а из мегаполисов, причем из благополучных районов. Вот тебе и ситуация: социальный фон чернее черного, общественные и представительные институты не функционируют, анархисты в цифровой среде устраивают бедлам. В

этой ситуации верхи вводят режим прямого управления, и подчиняют все президиуму генерального госсвета.

И как же подобная ситуация отразилась в реальном мире?

А вот это один из самых интересных моментов той ситуации – практически, никак не отразилась, если говорить о девяносто шести процентах населения. Были кое-какие перебои в коммерции и финансах, но не фатальные. Кстати, на малых территориях таких проблем не было вообще, мы помним про «принцип необходимости». Но в чем же интерес подобного положения и реакции? А в том, что верхи явно увидели опасность осознания большинством того, что их аппарат чрезвычайно избыточен и ненужен, процентов на восемьдесят. Иными словами, нарисовалась явная и прямая угроза их положению, и это заставило их включиться по-полной, чтобы вернуть былое положение вещей. И какой же метод самый действенный и проверенный для этих целей? Правильно – найти «крайних» и публично наказать, в общем, дать «крови и зрелищ» людям. И в списке «крайних» мы были самыми первыми, по понятным причинам. Только на этот раз распекать нас не доверили каким-то там «обезьянкам» или ручному крупняку, за дело взялся сам Лобов, лично и публично.

Да уж, теперь вся картина, перед «трибуналом» в отношении вас, понятна. Думаю, теперь можно переходить к непосредственным процессам в отношении вас.

Как скажешь, Юр. Тем более, что обстановочка того кри-

зиса будет понятна и из самого содержания мероприятий. Первым из которых было закрытое слушание о ситуации на малых территориях. Закрытым оно было очень условно, так как была допущена якобы «утечка» того, что на ней происходило. Причем «утекли» именно те материалы, которые были выгодны верхам. А вот, приблизительно, что на ней происходило в реальности: «

Лобов: Авдей Наумович, а в Вашем лице ваша команда, у нас и в мыслях не было отрицать экономические результаты вашей деятельности на малых территориях. Ничего не скажешь, поступления в бюджет с территорий впечатляющие, особенно если принять во внимание изначальные вложения. Да и сама капитализация этих земель выросла значительно. Но это если руководствоваться исключительно цифрами. Поскольку мы патриоты и государственники, мы должны принимать во внимание другие аспекты и факторы. Возьмем, для начала, социальный фактор. Практически все жители малых земель получают медицинские, образовательные и иные социальные услуги не в государственном сегменте, а от каких-то там «специалистов» и при необходимости.

Шилов: Что конкретно в этом плохого?

Министр высшего образования: У людей вне мегаполисов отсутствуют фундаментальные знания, а он говорит: «Что в этом плохого?», это ли не антигосударственная деятельность?

Лобов: Господа, поспокойней, оценки потом, сейчас нам

надо определиться с базой для оценки...

Шилов: А можем мы услышать полностью весь перечень того, что вменяется нам в вину? Пока я слышу, что-то вроде: «Да, вы увеличили поступления в бюджет, практически ничего из него не взяв, но методы ваши нам все-равно не нравятся...»

Лобов: Авдей Наумович, не в Вашем положении дерзить. А что касается перечня претензий, подчеркну, пока претензий, то я его и пытаюсь озвучить. И пройдет этот процесс гораздо быстрее, если Вы не будете комментировать каждый пункт.

Шилов: Молчу. Перечисляйте...

Лобов: Значит, по социальной обстановке понятно – жители малых территорий, фактически, лишены общегосударственных благ. Далее, по политической обстановке. Вот есть же позитивный пример с «ДВиК», которое позволило собрать энергичных, политически активных людей и направить этот потенциал в позитивное русло. И все было нормально, пока я лично занимался управлением движения. Но нет, как только я переключился на стратегические задачи, Вы проморгали целое крыло враждебных анархистов. И понятно почему, потому, что занимались какими-то аферами с сомнительными коммерческими структурами (это он про кооператоры и интеграторы). Про показатели инвестиционного климата я и вспоминать даже не буду. Этого уже достаточно для серьезных обвинений, в частности во вреди-

тельстве в государственных масштабах. Но, как я уже говорил, учитывая ваши экономические заслуги, мы с коллегами решили обойтись серьезными дисциплинарными мерами. У Вас есть, что сказать по этому поводу?

Шилов: Прошу внести в протокол слушаний, данный цикл мероприятий мной лично воспринимается исключительно, как формализация процесса отстранения меня и моих сотрудников от управления программой по капитализации малых территорий и государственно-общественных инициатив. Все, якобы деструктивные факторы, перечисленные Вами, надуманы и интерпретированы в вашу пользу. В связи с этим, не вижу смысла отвечать на предъявленные Вами доводы. Также прошу провести все мероприятия в отношении нас в ускоренном формате...

Лобов: Господин Шилов, Вы, как никогда, чрезмерно много себе позволяете. Как нам поступить в отношении вас, мы разберемся сами. А Ваша поспешность и категоричность привела Вас к нынешнему положению, и не только Вас, но и ваших сотрудников. Мы спешить не будем – мы люди ответственные, поэтому все необходимые процедуры пройдут в полноформатном режиме. Что же касается Вашего нежелания отвечать на поставленный вопрос, то это Ваше право, это действительно экономит много времени.

Шилов: А что тут отвечать? Пускай независимая экспертная группа проведет соответствующие оценочные мероприятия, тогда и видно будет степень «деструктивности» наших

действий. Только группа должна быть реально независимой, и реально экспертной.

Лобов: Опять эти Ваши намеки и полунамеки. Если прямо отвечать отказываетесь, то и принимать во внимание подобные суждения мы не будем. Нет ответа? Тогда продолжим...»

Дальше Шилов молчал, а Лобов продолжал «навешивать» все, что мог навесить. Нет, мы не сдались, мы готовились к следующему бою, окончательно поняв план действий противника. Аппарат же, в лице Лобова, нашел в Авдее Наумовиче и в нас вместе с ним, идеального кандидата на роль «крайнего». Тут надо отдать должное дальновидности Евгения Генриховича в вопросе наделения Шилова функцией «эффективного громоотвода», мы о ней упоминали. Воспользовались ей верхи в самый нужный момент, с самым максимальным эффектом.

Это точно, эффект очевиден даже для меня, через некоторое время. А что же на счет «ответного удара» Шилова?

Ну, тут Авдей Наумович рассудил следующим образом: «Мы вряд ли сможем изменить правила игры, но точно сможем изменить место действия, так как «инквизиторы» последуют за нами куда угодно, как хищники за запахом крови». Правда, для смены места действия, и Шилову пришлось кое-чем поступиться, и не просто кое-чем, а своей непубличностью. А новым местом действия была выбрана международная конференция по проблемам малых социальных

групп, которая, на тот момент, являлась одной из самых крупных и представительных конференций в мире. Главой группы нашей страны на ней, был как раз Лобов. А Авдей Наумович и мы были приглашены, как носители уникального опыта, без привязки к чему-либо и кому-либо. Вообще, нас и Шилова давно на нее приглашали, но мы в ответ только отправляли им материалы, а тут надо было решать конкретные задачи, вот Авдей Наумович и принял приглашение. Но ключевое не в этом, а в том, что подавляющее большинство участников конференции поддерживали и позитивно отмечали наши действия и достижения на малых территориях. Иными словами, то, что нашими верхами вменялось нам в вину, одобрялось созидательной частью мира. На самом деле, в рамках конференции уже давно сформировались два противоборствующих лагеря, с одной стороны правительства крупных государств, с другой – малые государства и созидательные социальные организации. Разумеется, под созидательными мы подразумеваем никак не экстремистские или радикальные организации, эти-то, как раз, были на противоположной стороне, так как, фактически, и были ею созданы. Другая же сторона, узнав о нашей ситуации, сразу же высказалась о нашей поддержке, поэтому обращение Шилова с просьбой предоставить ему площадку конференции в качестве места «ощутимого ответа», было все-сторонне одобрено. Короче, Авдей Наумович был центральной фигурой на той конференции.

Да, подтверждаю, выступления господина Шилова на той конференции, до сих пор пользуются огромной популярностью среди малых социальных групп во всем мире. Как в позитивную, так и в резко негативную сторону. И да, сторонниками идей Авдея Наумовича являются исключительно представители традиционных взглядов. А какое мероприятия, в рамках той конференции, запомнилось больше всего лично вам.

Как это не странно, но лично мой выбор прост и очевиден...

Вадим, ты про «круглый стол о новых социальных функциях государства»?

Да, Мить, о нем.

В таком случае, надо сделать небольшую подводку. Дело все в том, что главной целью правительств крупных государств на ту конференцию было не допустить распространение идеи социальной самоорганизации на основании общедоступности базовых нужд. Мотивы их понятны – если это допустить, то придется пересматривать все структуру государственности, и сокращать полномочия, чего они допустить не могли. Вот они, до начала конференции, и договорились выступить единым фронтом против этого. Аргументация их было довольно примитивная, но понятная: «Это очень дорого. Кто за это заплатит?», «Кто и как будет обеспечивать справедливость распределения?», «Как будут формироваться социальные институты?» и тому подобное. Сразу

скажу, что у нас ответы на все эти вопросы были. Но, у нас не было, и не могло быть, возможностей государства. А выступление на конференции давало возможность хотя бы представить нашу аргументацию во всеуслышание. Вот в этом контексте и проходил тот круглый стол. Плюс, задачу смягчения последствий «трибунала» над нами никто не снимал.

Все так. Содержание же самой интересной части того круглого стола было, примерно, вот таким: «

Ведущий: Господин Шилов, значит Вы утверждаете, что социальные функции государства можно сократить вдвое, без ущерба?

Шилов: Зачем Вы играете на стороне крупнейших правительств? Я считал, что Вы должны быть нейтральным... Ладно, уточняю... Не социальные функции, а социальные процедуры и нормативную базу. И не в два раза, а в четыре, так как половина из них абсолютно не социальные, а еще четверть вообще не работает. А-то из Вашей постановки получается, что с государства надо снять половину социальных обязательств...

Глава какого-то правительства: Никто этого делать и не собирается. Социальные обязательства всегда были и будут для нас в главном приоритете. Вы лучше скажите на чем основаны Ваши тезисы?

Шилов: Мои тезисы всегда основываются на опыте и результатах, которые приведены в материалах к этому круглому столу. А что касается приоритетов крупнейших прави-

тельств, то реализуются они исключительно через призму домыслов и интерпретаций, я же предлагаю свести подобное положение вещей к минимуму.

Ведущий: И как же Ваши предложения позволят свести все эти, якобы «перекосы», к минимуму?

Шилов: Все предельно просто и, на мой взгляд, понятно – убираются функции, которых у государства быть не должно, и добавляются те, которые подавляющее большинство правительств сознательно избегало.

Лобов: Все же, хотелось бы конкретику, а не общие фразы.

Шилов: На счет общих фраз, мне было у кого учиться. А что касается конкретики, то пожалуйста. Не должно быть у государства, например: функции определения прожиточного минимума и обязательного соцпакета, функции медицинского страхования, содержание социальных объектов, создание организаций взаимопомощи и все в таком духе. И кое-что, что правительства должны на себя принять: реабилитация и социализация людей с отклонениями, обеспечение социальных лифтов, профилактика тунеядства, создание центров досуга и тому подобное. Логика понятна? Правительствам пора перестать быть только лишь коммерческими корпорациями в социальной сфере, и не только в социальной. А-то в крупнейших экономиках как устроено и заведено – если есть прямая выгода и денежные потоки, то там есть и государство, а там, где их быть не может там и государства нет. С моей точки зрения, это уже совсем наглость...

Ведущий: Держитесь, пожалуйста, в рамках приличия, оставьте подобные оценки при себе. Мы Вашу мысль поняли: Вы предлагаете вернуться к допотопному «Государство мне все должно!» В таком случае интересно, а где правительства на все это должно средства брать?

Шилов: Ожидаемо, вы слышали то, что и хотели услышать. А мысль-то моя очень простая – крупнейшие правительства сбросили с себя, фактически, все социальные функции, что привело к ситуации, которую переживает сейчас наша страна. Чтобы подобного не было, я предлагаю, хотя бы, вернуть в функции социальную защиту, пусть и формальную.

Глава одного из враждебных правительств: Господин Шилов, насколько мне известно, а ведь Вы и являетесь одним из виновников той ситуации, которая сложилась у вас в стране. Как Вы вообще можете нам что-то вменять?

Лобов: Я бы попросил без преждевременных выводов и оценок. Особенно, в отношении внутренних дел. Идет разбирательство, и даже мы, пока, никаких оценок не даем...

Шилов: Мне, в общем-то, без разницы ваше отношение и восприятие меня. Еще раз говорю, что я всего лишь предупреждаю и обращаю внимание на то, что процессы, происходящие у нас стране, могут стать глобальными, вот и все. Выводы делать, безусловно, вам.»

Далее вся дискуссия скатилась к форме «в ответ на аргументы мы получаем «Я здесь босс!», это все легко можно

найти. Ключевой же момент заключается не в озвучивании Авдеем Наумовичем на весь мир очевидных вещей, которые, кстати, озвучивались и до него, а в том, что тем самым Шилов заявил о себе во всеуслышание на весь мир. И что же, конкретно, он заявил? А заявил он достаточно простую вещь – «я решаю действительно существующие задачи, за которые никто не берется». Для верхов, Лобова и всех наших «обвинителей» это означало, что мы могли спокойно уйти под «патронат» любого другого правительства так, что никто бы из вышеупомянутых нас бы не достал. Сразу оговорюсь, что ни у нас ни, тем более, у Авдея Наумовича, мыслей валить из страна не было даже близко.

А почему вы считаете, что уход под «потронат» был возможен? Ведь другие большие правительства также жестко выступали против Шилова.

Юра, ну Вы же прекрасно понимаете, что это политическая показуха. Для всех, без исключения, стояла задача снятия социальной напряженности, которая, конечно, к революциям бы не привела, но кое-какие локальные коллапсы устроить бы могла, в чем также нет ничего приятного. А мы, на тот момент, были чуть ли не единственные в мире, кто мог решить подобную задачу в государственном масштабе. Кстати, не правда ли показательно, что изначально мы брались за решение вполне прикладных экономических задач, даже коммерческих, а это привело к результатам по решению гораздо более комплексных задач? И не удивительно,

так как в современной действительности настолько туго все переплетено, что касаясь одного, ты непременно касаешься всего остального. И тут же удивительно другое, как, при этом всем, крупнейшие правительства умудряются решать все достаточно однобоко, только в пользу своих политических и финансовых интересов? Лично мне это не понятно.

Матвей, а по мне, так ничего удивительного. Во-первых, они изначально отгораживаются по всем направлениям от остальных вопросов. Во-вторых: общество за не одну сотню лет уже привыкло к подобному положению вещей.

Тема интересная, но думаю, что надо возвращаться к вашему «трибуналу» в наших общих родных пенатах.

Глава 19.

Да согласен, тем более, что после той конференции, как ты понял, мы уже вернулись в несколько другом статусе. Это привело к примечательному результату. Дело в том, что в любом госаппарате есть группа людей, для которых мнение «мирового сообщества» критически важно, точнее, им важно, как они выглядят в глазах этого самого сообщества. Среди наших чиновников таковых было довольно заметное количество. И все они, опосредованно, либо встали на нашу сторону, либо заняли нейтральную позицию. Случилось это, прежде всего, из-за принципиального тезиса большинства крупнейших мировых общественных организаций: «Нель-

зя осуждать за сопутствующий риск, при котором получаются заметные позитивные результаты. Особенно, если сами осуждающие постоянно допускают промах за промахом.» Иными словами, для упомянутой части чиновничества появился реальный риск быть названным «не прогрессивным», а это серьезно бы повлияло на их самоощущение. Конечно, верхи, Лобов или «веселая троица» подобной чуши не подвергнута, но заметная часть давления на нас снялась.

И к каким последствиям это вас привело?

Самым заметным, на том этапе, стало расформирование, фактически ликвидация, нескольких инспекционных и оценочных групп, сформированных исключительно в отношении нас. По факту, остались только постоянные комиссии и инспекции. Уже стало легче – ушел риск самого жестокого и неблагоприятного для нас сценария, который заключался в исключении из любых процессов, в плоть до лишения свободы. После этого, самым большим риском для нас стала принудительная изоляция в каком-нибудь бестолковом ведомстве на низших должностях, без возможности заниматься чем-нибудь своим. Но, как мы уж отмечали, после конференции у нас поменялся статус, поэтому, в большей степени, мы были уже не обвиняемыми, а стороной переговоров. Проще говоря, «трибунал» переqualificировался в сделку. Сложную, многоступенчатую, но сделку. А это уже территория «не безраздельного владения» госаппарата. Так-что мы, банально, начали готовить соглашение с верхами, тем более,

опыт у нас в этом был уже достаточно большой.

А что же социум и массы? Как поменялись настроения?

Я бы поставила вопрос несколько по другому, как вели себя глобальные информационные потоки в контексте нашей ситуации? А вели они себя, после конференции, очень просто – государственные и окологосударственные информпотоки всеми силами старались перекрыть независимые потоки, так как по ним проходили все самые социально ориентированные тезисы и идеи. На самом деле, так случилось всегда после конференций подобного рода, это произошло не только в отношении выступлений Шилова. Чем перекрывались все «независимые мысли»? Очень просто, перекрывались они раздутыми сообщениями о сиюминутной шкурной выгоде, о новых псевдо-возможностях, о «небывало высоком» уровне жизни, ничего нового. Только запущено данное муссирование со стороны проправительственных потоков было с такой синхронизацией и в таких объемах, что все альтернативные потоки были перекрыты с легкостью. Что же касается ситуации у нас, то на самом деле после разгула анархических настроений и взятия этого процесса под контроль, широкие массы про нас и думать забыли, да и госСМИ перестали нас «поливать», так как уже было понятно, что поддержки со стороны общества у нас не будет. А уж после экстремальной активизации глобальных «официальных» потоков мы вообще пропали из массового поля зрения. Можно даже сказать, что нас из него исключили, так что для соци-

ума и масс мы попросту не существовали. Процесс по нам перешел в полностью кулуарное, закрытое состояние.

И я это заметил. Вот теперь, объясните мне, и не только мне, пожалуйста, как так получается, что вы во главе с Авдеем Наумовичем кратно повысили уровень жизни и статус жителей территорий вне мегаполисов, и никто, даже «ДВиК», не выступил в вашу поддержку?

Юр, так вот и ответ на твой вопрос – у людей были свежи воспоминания о том, как они жили и кем они были, кто же захочет терять появившийся уровень жизни? Плюс влияние масс-медиа, выставлявших нас паразитами, о чем мы очень подробно рассказали. За себя лишь добавлю, что я не то, что зла или обиды на людей не держу, я считаю это абсолютно нормальной реакцией, отнесся к этому с полным пониманием, и даже не очень-то обратил на это внимание. Думаю, и друзья-коллеги согласны. Вон, кивают. А с «ДВиК» вообще отдельная история. Хотя, почему отдельная? Нас просто исключили из него сразу же, как только пошел первый серьезный негатив в отношении нас, причем в одностороннем порядке, без нашего присутствия. Шилова в первую очередь. Потом, после того, как мы договорились с верхами, нас слезно просили вернуться. После того, как неоднократно получили отказ, все движение стало нашими «жесткими оппонентами». Вот и вся история нашего участия в «ДВиК», на тот момент.

И тем не менее, не уже ли люди не понимали, что новые

кураторы программы и инициатив ничего в их пользу и с учетом их интересов делать не будут?

И на этот вопрос ответ достаточно простой – подавляющее большинство людей живет сегодняшним днем, настоящим моментом, и это абсолютно нормально. Поэтому, даже если они это понимают и осознают, делать-то им что? Это должен быть прямой и осознанный выбор – помимо всего прочего я еще занимаюсь отстаиванием, например, нынешнего положения дел в социальной сфере, не говоря уже о ее развитии. Но, мы же с вами знаем, какой подход у подавляющего большинства: «если я это должен делать, то зачем мне государство? Пусть оно этим и занимается.» Опять же, я это говорю не критики ради, действительно, социальное развитие прямая, приоритетная и безусловная функция государства, только вот, давно известно, что государство это те же люди, но со специфическими личностными качествами и установками, мы об этом говорили в самом начале нашей беседы, так-что эти руководствуются еще более простым принципом – «почему я должен положить свою жизнь на благополучие других?» Вот мы и оказались в ситуации «одни не могут, другие не хотят».

Это понятно. Не понято только то, почему социум на территориях так быстро принял официальную позицию, и начал вас также нещадно «поливать»? При том, что вы-то как раз учитывали общественные настроения и мировоззрение в своей деятельности.

Небольшая поправка, мы эти настроения не то, чтобы учитывали – для нас они были некими базовыми входящими условиями. Причем у нас никогда не было задачи менять их насильно, мы просто адаптировали под них все, что надо и можно было адаптировать. А то, что большинство перешло в настроениях и оценках на сторону властей, так это нормально, так и должно быть – мало кто хочет анархии, тем более в нашем сверх виртуальном мире. В общем, отношению со стороны общества значения мы особого не придали, поэтому, лично я, не могу тебе что-то определенное на твой вопрос ответить. Может коллеги смогут?

Вадим, нет, ты все верно говоришь. Более того, я вообще считаю, что абсолютно бессмысленно противостоять общественному мнению, а особенно сознанию, на него может повлиять только «среда жизнедеятельности», и нечего больше. Вот мы, в рамках программы и ГОИ, и занимались изменением этой самой среды. И то, что общественное настроение обернулось против нас означает, что мы изменили ее недостаточно, то есть это целиком и полностью наша недоработка, и если на кого и пенять в этом вопросе, то только на самих себя. Больше мне добавить нечего.

Ясно. Возвращаемся к «трибуналу» в отношении вас. Вы уже сказали, что на тот момент самый негативный сценарий перестал быть возможным, и все перешло в форму переговорного процесса при начальных условиях «все в пользу государства». Можете вспомнить самые яркие моменты тех

«переговоров»?

Для начала, тот факт, что процесс перешел переговоры, уже было в нашу пользу, так как, если ты помнишь, именно при таких условиях велись и самые первые переговоры Шилова с Лобовым, и переговоры по ГОИ, и по программе. В общем, ситуация была для нас абсолютно знакомая, так-что мы, в какой-то степени, оказались на своей территории. Что же касается ярких моментов, то весь процесс был запоминающимся, так как для всех нас это был очередной переломный момент. Прежде всего, я бы вспомнил первый разговор Авдея Наумовича и Лобова после конференции. Мне кажется, что в нем Лобов показал свое осознание того, что у него нет безграничной власти над Шиловым, и его это категорически не устраивает. Дело было так: «

Лобов: Ну что, Авдей, теперь ты звезда мирового масштаба? Стоило он того? Сейчас ты настроил против себя не только моих коллег, но и другие ведущие мировые правительства. Нет, я все понимаю, тебе опасаться не за кого, можешь позволить себе такой риск...

Шилов: Евгений Генрихович, при всем уважении, можно обойтись без лирики и обозначения Вашего отношения ко мне? Мне оно прекрасно известно. Хотелось бы ближе к сути...

Лобов: Ты, Авдей, дерзить прекращай, я ведь могу и по-другому... Ладно, хочешь сути? Получай. Признаю, засветиться на мировом уровне – хороший ход. Да еще так, что-

бы практически никто не вспомнил про инвестклимат, кооператоры, интеграторы и прочее. «Разобрать» мы теперь тебя не сможем, хоть такой задачи и не было никогда, кем бы ты нас не считал. С другой стороны, ты сам подписался на публичность, которую так старательно избегал. Не знаю просчитывал ты это или нет, но это скорее против тебя, так как теперь нам требуется предложить тебе какую-то публичную должность. Поэтому, возвращаемся к давнишнему разговору – придумывай чем будешь теперь заниматься. Условия тебе все известны: вне исполнительного поля, без госресурсов и так далее, все сам знаешь.

Шилов: Да, это все я прекрасно осознаю. Не сомневайтесь, предложение будет, и будет оно в самое ближайшее время...

Лобов: Только ты имей в виду, что мне, если ты базовые условия учтешь, без разницы, что будешь делать, а вот некоторые мои коллеги «крови у тебя попьют». И еще, с момента твоего перехода, скажем так, к другим занятиям, я перестану быть твоим куратором – достал ты меня. Не знаю, кто будет, мне все равно. Вот и узнаешь такая ли уж я тварь, как ты меня рисуешь.

Шилов: Евгений Генрихович, это Ваши умозаключения на предмет того, кем я Вас считаю. Комментировать не буду. А за информацию спасибо!

Лобов: В общем, торопитесь, чем раньше определитесь, тем меньше от вас «откусят». Обида на вас серьезная.»

Мы действительно догадывались и про степень обиды, и про «базовые» условия, и даже про то, что Лобов хочет отказать от нашего курирования. Правда, не потому, что мы его «достали», а потому, что мы ему дали больше, чем достаточно, а контролировать ему нас было все тяжелее и тяжелее. Для нас же все вышеперечисленное было хорошим шансом «найти себе место без прямых кураторов».

Ага, только вот, чтобы такое место себе организовать, мы должны гарантировать «ненападение» верхам. То есть, предусмотреть максимально возможное количество вариантов, которые они бы расценили как «нападение». Единственным решением было, по крайней мере нам тогда так казалось, создать публичную организацию по мониторингу и анализу. Или, как выразился Шилов: «Удовлетворить необходимость в альтернативной аргументированной точке зрения. Такая необходимость была есть и будет всегда.» А тут и наш опыт и наработки по инвестклимату оказались кстати, тем более, они не то-что были невостребованными, про них просто напросто забыли, что не удивительно. Почему не возвращение в бизнес, в случае Авдея Наумовича? Сами понимаете, кто бы им дал заниматься? «Задушили» бы. А так, и при осознанном и востребованном деле, и верхи спокойны. Опасения на счет политических амбиций Шиловы были уже не актуальны – по известным причинам. И потом, даже самые законченные параноики среди верхов понимали, что при анализе и мониторинге политическая подоплека скорее

во вред. Короче, мы приступили к подготовке соглашения и всех необходимых бумажек по новой организации.

И как же, в тот период, обстояли дела с программой и ГОИ?

А мы разве не сказали? Исправляемся. Что касается текущих процессов, то там все происходило на автомате, так как все было настроено и подогнано с максимальной эффективностью. Более того, с точки зрения устойчивости текущих процессов, все было настолько крепко, что даже случившийся организационный кризис на них не повлиял. Другое дело, отношение людей, которое никак учесть нельзя, хоть мы и максимально возможно снизили его влияние. В общем, все катилось по инерции, да такой, что она еще сохранялась лет пять после нашего ухода. Что же касается самого факта перехода, то все было очень буднично: было подписано верховное распоряжение о смене операторов программы и ГОИ; управление и контроль были переданы структурам «веселой троицы»; нас исключили из всех структур, в которых мы состояли в связи со статусом операторов. Вот так все прозаично и быстро.

Получается процедура, в точности приведенная в официальных источниках...

А она и была абсолютно официальной и бюрократичной, точно так, как написано в многочисленных положениях и предписаниях, по другому и быть не могло. Тут ведь как, один из немногих факторов, за которым госаппарат следит

сверх внимательно – это недопущение даже малейшей возможности оспаривания легитимности их присутствия. Проще говоря, все процедуры должны быть соблюдены и произведены с такой точностью, чтобы ни у кого не было даже малейшего сомнения в законности положения вещей. Именно поэтому наше законодательство в сфере назначений и передачи такое консервативное – оно очень хорошо отработано, а значит риски, в этой части, минимальны.

И что, даже не было никаких едкостей и колкостей со стороны новых операторов?

Им было не до этого, уж очень жирный и большой кусок на них свалился. К тому же, как мы уже неоднократно отмечали, и программа, и ГОИ, были так организованны, что любому бы потребовалось немало времени и ресурсов, чтобы перенастроить все под свои цели и задачи, не говоря уже о недалекой троице. Да и Авдей Наумович такой возможности не оставил, подписав все документы дистанционно. Мы ведь тоже были сильно заняты созданием нового «рабочего места» для себя.

Сейчас к этому вернемся. Но все же, каковы были эмоции Авдея Наумовича и лично ваши в связи с передачей программы и инициатив? Это же целый период жизни.

Что касается Шилова, то по нему вообще не было заметно, что он испытывает по этому поводу какие-то эмоции. «Все документы по передаче программы и ГОИ подписал. Надо ускорятся с новой организацией и соглашением». Это един-

ственное, что он нам сказал по этому поводу, допытываться и расспрашивать мы не стали. Если говорить лично обо мне, то моя самая сильная эмоция по этому поводу – это обида за нереализованный потенциал. Но тут уж, как говорится, «сложно двигать стены лбом». Вероятность подобного исхода всегда была в поле зрения, хоть мы и просчитались со сроками и причинами. Думали, что это произойдет в конце очередного электорального цикла и в связи со «сменой приоритетов». А получилось очень шумно и резонансно.

Да уж, Вадим, это точно. У меня вообще сложилось впечатление, что эти шум и резонанс можно было использовать в нашу пользу, уже ощущалась определенная усталость от постоянного противостояния и конфронтации с разного рода элементами, типа той же «веселой троицы», да и всего госаппарата в целом. И потом, большая часть нашей деятельности перешла в рутину, а новое развитие никто бы не позволил, оно было опасно для верхов, по понятным причинам. Это все и нивелировало эмоциональное восприятие передачи управления. Для Елены Федоровн вот, это даже стало неким облегчением.

Да, Матвей, это правда. Крайние два года руководства своей ГОИ я пребывала в состоянии серьезного диссонанса между результатами реальными и результатами потенциальными. Плюс еще то, что я превратилась, фактически, в робота – приписка инициативы, а это точно не мой вариант. Более того, если бы не организационный кризис, я бы сама по-

просила перевести меня на более активный участок деятельности. Так-что, снятие нас с программы и инициатив, оказалось, в какой-то степени, мне на руку. И потом, Авдей Наумович нас всех очень хорошо научил минимизировать эмоциональную составляющую в нашей деятельности, так-что все наши мысли были заняты не переживаниями по поводу отстранения, а созданием новой организации и соглашения под него. В общем, на память от программы и инициатив нам осталась только «жаба», которая была поставлена на прикол на какой-то из дальних территорий.

И даже не было попыток кого-то из вас или вас всех переманить?

Как это не было. Лобов, например, неоднократно пытался вернуть к себе Матвея Сергеевича, с простым назначением – контролировать «веселую троицу», а-то их деятельность приобрела такую степень отморозенности, что уже было сложно успевать ее пресекать. Елена Федоровна вообще была заветной целью главного кадрового управления, были даже предложения на должность замминистра. Меня же, в основном, подбивали на главу крупных коммерческих структур. Предвосхищая твой вопрос, скажу, что не соглашались мы по одной простой причине, точнее выбора, который поставил перед нами Шилов: «Вы прекрасно знаете, никого из вас удерживать против воли не собираюсь, ни к чему это. При этом прекрасно понимаю всю сложность вашего возможного выбора – они вам предлагают статус, вли-

ание, деньги, я же вам могу предложить только очень заметные результаты на большом масштабе. Решайте, поддержку любое решение». Лично для меня, выбор был очевиден – зачем мне жизнь в режиме защиты и постоянного беспокойства за условный статус и непонятые деньги?

Да, Вадим, и мы того же мнения. Поэтому, в моменты когда кого-то из нас просто одолевали с предложениями об «альтернативном» трудоустройстве, Авдей Наумович давал на это такие ответы, что больше предложений от этих организаций не поступало. Кстати, надо сказать, что в материальном плане никто из нас обделен не был, доходы каждого из нас были сопоставимы с доходами руководителя банка или крупного производства. Да и в целом по организации уровень материального достатка был приличный. В общем, материальный аспект ни при каких вариантах не был для нас определяющим. А каковы были доходы самого Шилова от деятельности в организации, и были ли они вообще, никто не знает. Очень велика вероятность того, что он жил на средства, которые он создал будучи предпринимателем, а за программу и ГОИ не получил ничего, дабы не давать дополнительные рычаги воздействия Лобову и остальному госаппарату.

И на территориях никто не отреагировал на смену кураторов программы?

Была конъюнктурная реакция со стороны тогдашнего руководства «ДВик», которое, в основном, состояло из «пере-

бежчиков» по делу кооператоров и интеграторов. Суть его была, примерно, такой: «К сожалению, не каждая позитивная инициатива имеет достойную реализацию, вот и государственно-общественные инициативы и программа по капитализации малых территорий за столько лет под руководством Авдея Наумовича Шилова едва перешагнула рубеж в семь процентов в доходной части бюджета, хотя должна была уже дойти до пятнадцати процентов. Поэтому, мы очень поддерживаем смену руководства данных программ, и уверены, что необходимые показатели будут достигнуты в ближайшее время.» Да, это заявление было специально написано таким корявым языком, чтобы спроса не было. И да, если считать по международным стандартам, принятым тогда, наш вклад в бюджет был около двадцати процентов, правда в бюджет реальный, без учета финансовых операций. Но кто считал. Главное – конъюнктура и общий фон. Кому нужно это скучное реальное положение дел?

Да и «ДВиК» к тому моменту, превратилось в обычную политическую корпорацию, точнее Лобов его сделал таким. Но, надо отдать должное, работало оно в этом качестве чрезвычайно эффективно. Например, в процессе нашего отстранения руководство движения участвовало самым активным образом. Понятно, что это было поручение Евгения Генриховича, но исполняли они все даже лучше, чем пресловутая «троица». Особенно памятно их объяснение почему нас исключили из движения сразу после того, как мы

были смещены с руководства программой и инициативами: «Решение об исключении из «ДВиК» господина Шилова и его команды продиктовано тем, что их взгляды, деятельность и результаты начали прямо противоречить с сутью нашего движения. Мы были очень снисходительны к их ошибкам и просчетам, и поддерживали их даже тогда, когда этого больше никто не делал. Но, видимо, менять свои методы подходы они не собираются, а это уже прямой вред и ущерб для движения. В связи с этим и было принято решение об исключении». Не удивляйтесь размытости и отсутствию конкретики, даже мы ее не добились, хотя и требовали сформулировать основания для исключения в нормальном виде. Разумеется, мы понимали, какими были реальные основания: требование Лобова, «плохой фон» с нашей стороны, формальная «бесполезность». И конечно же, никто из нас не пытался удержаться в движении, даже наоборот. Но, обоснованность – дело принципа, которого нам так и не удалось добиться.

То есть даже в «ДВиК» не было тех, кто вас поддерживал и отстаивал?

А откуда им взяться? К тому моменту Лобов полностью вычистил движение от «неверных» и «инакомыслящих», сделав из движения очередную политическую корпорацию такую же, как любое заметное общественно-политическое движение или партия того времени. Мы же оставались в движение исключительно в качестве «группы созидательных деятелей», пока это было возможно. Затем нас тут же переве-

ли в разряд «крайних», и получили максимальный эффект от нашей дискредитации. Вот и весь итог нашего участия в «ДВиК».

Опять получается – созданное вами обернулось против вас?

Ну, не нами, а Шиловым. И да, так и есть – при работе, взаимодействии, «сотрудничестве» с госаппаратом это самый вероятный сценарий. Каждый из нас, и, прежде всего, Шилов, это прекрасно знали. И это уже не закон дикой природы, в природе перекосов до такой степени, не бывает. Это уже злоупотребление, переходящее в истребление, которое уравнивается исключительно остатками противодействия, в лице таких людей, как Авдей Наумович. Так, что-то я пафосной жути нагнал. Давайте возвращаться к основной линии...

Глава 20.

Да, конечно. Мы остановились на процессе создания ОАММ и соглашения по нему...

На самом деле, аббревиатура ОАММ появилась несколько позже, тогда мы всю задумку называли просто «независимая группа экспертного мониторинга», или просто – «наша группа». И, хоть мы и говорили о создании организации, в самом начале мы хотели остаться просто группой независимых аналитиков, так как это давало больше мобильности, гибкости и

автономности. Но, в процессе формирования нового соглашения, стало понятно, что такой степени автономности нам никто не даст, поэтому пришлось вернуться к задаче по созданию организации. Дело было в том, что законодательство с сфере организаций предполагает гораздо большее влияние государства и госаппарата, и, как следствие, больше рычагов и способов воздействия.

Была еще одна существенная проблема. Как ни странно, это был отказ Лобова от нашего кураторства. Проще говоря, мы лишились покровительства на высшем уровне, пусть и до безумия конъюнктурного. Это означало только одно, что теперь абсолютно любой аппаратчик мог на нас наехать. Надо было изначально свести к минимуму эти проявления, и весь возможный негатив от них. Конечно, можно было бы найти нового «покровителя», это не составило бы труда, хотя бы потому, что было много желающих сделать своего рода подлость Лобову, но мы уже довольно сильно устали от кураторства со стороны кого бы то ни было, поэтому решили пойти по другому пути. Он заключался в следующем – мы подписывались под нахождением решения задач, за которые никто не брался. Да, это звучит так, будто мы добровольно накинули на себя удавку, так как многие задачи были не просто без материального интереса чиновничества, а даже предполагали деятельность ради нематериального результата. Более того, большинство этих задач или проблем были порождены самим госаппаратом, так-что изначальные условия были

просто самоубийственные. Но, мы были вынуждены на это пойти, иначе мы бы вновь стали инструментом в реализации чьих-то сугубо субъективных амбиций.

А, для примера, какие это были задачи?

Такие, как: формирование культуры постоянного обучения и переобучения, формирование массовых инвестиционных накоплений, улучшение экологии зон около мегаполисов, «расчистка» информационных потоков, развитие трансграничной инфраструктуры и так далее. Перечислять можно очень долго, все эти задачи, помимо того, что они все без прямых материальных поступлений конкретным лицам, они еще и очень долгие с большими усилиями. Проще говоря, ни один типичный «уважающий себя» чиновник за них не возьмется. Вот поэтому предложили взяться мы, так сказать «предъявили свою ценность». Разумеется, в случае чего, мы, по доброй традиции, становились бы крайними, автоматически. На основании всего этого мы и начали собирать окончательный вариант соглашения и структуру будущей организации.

Оставался еще один вопрос – каким образом на это все получить «добро»? Через Лобова был не вариант, он на тот момент занимался распределением потоков и процессов во вновь приобретенных активах, до нас ему дела не было. Заход через госсовет означал бы притягивание очень много чего ненужного. Общественные организации нас опасались, мы были для них «токсичными». Оставался единственный

вариант – через научные круги, благо у Авдея Наумовича с ними всегда были прекрасные отношения. А уж все формальные и неформальные признаки научности в нашем соглашении и организации были соблюдены.

Тут, думаю, надо чуть более подробно объяснить, почему мы пошли через науку. Для начала, обратимся к событиям начала века. На нескольких больших научных конгрессах того периода очень активно обсуждался проблема того, что финансировалась и поддерживалась исключительно прикладная часть научной деятельности, фундаментальная наука существовала исключительно на средства меценатов, и по формальным признакам, то есть на какие-то крохи из бюджетов. Это все привело к тому, что наука, как и многие сферы, стала очень конъюнктурной и политизированной, что противоречило самой сути науки. Поэтому, после ряда общемировых мероприятий, было принято решение об автономизации всей научной деятельности, выведение ее в надгосударственный уровень, с целью минимизации конъюнктурности и политического контекста. Всей, кроме внутрикорпоративных разработок. Поэтому, научные организации стали очень автономными структурами, финансирующиеся из саморегулируемого общемирового научного фонда, пусть и под исчерпывающим контролем правительств. В связи этим, наш заход через научное сообщество был очень логичным и обоснованным, так как не принять во внимание его обращение верхи не могли. И с другой стороны, даже если бы наше

соглашение и организацию не приняло бы правительство, у нас были бы хорошие шансы реализовать все это исключительно от науки, опять же из-за личности Шилова. Но этого не потребовалось.

Понятно. И как выглядел сам процесс? Я почему спрашиваю, дело в том, что записи нескольких установочных мероприятий по ОАММ есть, а вот описания самого процесса я не нашел.

Там ничего мудреного. Мы обратились в главный государственный академсовет, состав которого Шилов знал давно и лично. Они сделали обращение в правительство, правительство назначило дату первичного слушания. Чтобы не было инсинуаций со стороны аппаратчиков, академсовет уведомил мировое научное сообщество, и через статьи и напрямую. Плюс к этому были проведены ряд консультаций с самими академиками, скорее для их понимания. В ходе этих консультаций были высказаны некоторые пожелания, преимущественно процедурного характера. Большинство из них мы учли в нашей организации, так как они никак не влияли на суть нашей будущей деятельности. Собственно, после всего этого начались слушания в правительстве.

Вадим, ты один ключевой момент забыл упомянуть. Оно и не удивительно, произошло это событие достаточно буднично. Событие было в том, что по ходу всего этого подготовительного процесса, Авдей Наумович сам вошел в состав академсовета, не будучи при этом академиком. Сам Шилов не

очень этого хотел, так как считал, что тем самым он подставит под удар весь совет. На что, один из глав академсовета, ему ответил в том духе, что: «Авдей Наумович, Вы по этому поводу не беспокойтесь, наука, в том или ином виде, всегда будет одной из основ. Это государство всего лишь функция, пусть и доминирующая. Так-что решение о включении Вас в состав академсовета очень взвешенное, можете смело соглашаться». И Шилов с таким доводом согласился. Человеком, сказавшим это, был, пожалуй, главный соратник Наумовича в то время в научных кругах, академик Геннадий Евсеевич Видов. Видов – человек очень заметный не только в научных кругах, но и в самом широком смысле и формате. Заметен он, прежде всего, своей бескомпромиссностью, точностью языка и формулировок, а также надгосударственным мировоззрением. Что не удивительно, так как его научной специализацией являлась макрофизика. Сама же процедура включения в состав прошла достаточно быстро, без особых церемоний, так как возражающих не было. Фактически это и означало, что академсовет берет на себя ответственность за «присмотр» за нами, верхи это устраивало.

И как же проходили слушания в правительстве?

Как всегда, показательным будет содержание одного из таких слушаний. Мне лично, вспоминается финальное установочное слушание, проходило оно достаточно бодро, дополнительно сказывалось присутствие Видова. Тезисно, вот как это было: «

Видов: Уважаемые господа из министерств и ведомств, вы уже которые слушания пытаетесь засыпать Авдея Наумовича и его команду пустыми вопросами, еще и прибегая к неуместным апелляциям ко мне. Ради общего блага и сохранности времени, давайте уже переходить к сути. Или прямо выскажите ваши опасения.

Какой-то министр: Главные опасения как раз и связаны с личностью господина Шилова и его ближайших сподвижников. А тут еще и Вы, Геннадий Евсеевич, добавляетесь, опасный тандем получается. По самой сути проекта возражений нет, мониторьте и анализируйте сколько угодно, тем более, что это не за счет бюджета. А вот гарантии того, что вы не будете «раскачивать лодку» и заниматься дестабилизацией мы с вас потребовать обязаны.

Шилов: Интересная постановка. Мы-то гарантируем это полной и абсолютной прозрачностью нашей деятельности не только для правительства, госсовета и общественности, но для всего мирового сообщества. Все методы и способы достижения этой прозрачности достаточно подробно описаны в установочных документах. Но, исходя из вопроса, в чем ваши гарантии того же самого? Понятно, что вы сейчас будете ссылаться на конституцию и другие законодательные акты. Но если сравнить формулировки и уровень конкретики нашей и законодательства, то разница будет очень заметна. Вот вам и дополнительные гарантии.

Тот же министр: Вот об этом я и говорил. Это, по-вашему,

не раскачивание?

Видов: Знаете, если каждую невыгодную «генеральной линии» риторику называть «раскачиванием», то это уже какой-то тоталитаризм получается, от которого вы, официально, так старательно отмахиваетесь. Вот и докажите на практике, что никаких тоталитарных поползновений нет, и что у нас «цветет диктатура общественных интересов и выгод». Принятие инициативы Авдея Наумовича будет прямо об этом свидетельствовать.

Шилов: Вы всегда можете сказать, что мы не правы и делаем все не так. Вы это и без нас понимаете.

Зампред правительства: Это точно, мы все понимаем, поэтому поступим просто – вы делаете все данные открытыми для нас и закрытыми для других, пока мы их не согласуем.

Шилов: Опять мы к этому возвращаемся. По ходу всех согласований об этом говорим. Исходя из этих требований получается, что вы хотите наложить «цензуру» на результаты нашей деятельности. Мы вас спрашиваем, тогда в чем ее смысл? Ответа нет. Из чего я делаю вывод, что нынешние данные и показатели не соответствуют действительности, а значит официальная деятельность правительства не совпадает с реальной. Так получается?

Видов: К тому же, вы подобными требованиями позволяете себе вмешательство в науку. А это недопустимо, так как эта сфера деятельности ничего не подрывает и безопасности не угрожает.

Зампред правительства: Упрекаете в саботаже? Ладно. Я-то всего лишь хотел предостеречь, прежде всего Вас, Авдей Наумович, от будущих неприятностей, коих у Вас за Вашу профессиональную деятельность накопилось не мало. Но Вы, как всегда, пренебрегаете этими предостережениями. Будь по-вашему, все нормы и требования соблюдены, в течение десяти дней будет принято постановление о разрешении на деятельность вашей организации. Только потом не сетуйте на то, что Вас постоянно выдергивают на множество заседаний и слушаний.

Шилов: Спасибо за беспокойство! Справимся...»

Как ты понимаешь, аргумент с сомнением номинального и реального, был ключевым. Не то чтобы это было откровением, все все прекрасно понимали, но чтобы были настолько явные основания для перепроверки сверху до низу, такого аппаратчикам было совсем не нужно. Вот они и решили, что лучше разрешить создание нашей новой организации, и объявить нас в перманентной оппозиционной предвзятости, чем позволить нам воспользоваться предъявленным аргументами для перепроверки, только уже во всеуслышание. Страх – один из главных стимулов, классика.

И что, они действительно вам позволили все реализовать без дополнительных препон?

Ха, это бы были не они. Козней они понаделали кучу, но ничего существенного, так, для самоутверждения. Даже так скажу, главная трудность была не в самих препонах, а в их

количестве, наше законодательство дает большой простор для этого. Правда, нельзя сказать, что и мы к этому не были готовы, опыта общения с госаппаратом у нас больше, чем достаточно, поэтому все проходило с достаточной долей автоматизма.

Вадим, но ведь была еще одна существенная причина для такого количества подножек, кроме дежурного «я начальник – ты дурак». Оказалось, что этого потребовал Лобов, точнее он потребовал, чтобы нашу регистрацию оттянули на четыре-пять месяцев, так как ему надо было закончить перестройку управления нашими бывшими программой и ГОИ, так как он опасался, что мы воспользуемся нашими знаниями против него. А у нас и в мыслях этого не было, незачем.

А как вы об этом узнали?

Сам Лобов и сказал, в день учреждения нашей организации. Кстати, тот его разговор с Авдеем Наумовичем получился довольно примечательным: «

Лобов: Ну что, Авдей, продрался?

Шилов: А разве были варианты? Вы же сами поставили задачу, чтобы я был «под присмотром», и придумал как...

Лобов: Да-да, это все твоя кривая интерпретация. Ладно, сделал, так сделал. Хотя, признаться, думал бросишь, когда я на тебя лучших бюрократов поставил. Смекнул?

Шилов: Разумеется, никто кроме Вас такие бюрократические редуты выстраивать не умеет. Я даже подозреваю в связи с чем. Чтобы отвадить от программы и ГОИ?

Лобов: Не сомневался, что догадаешься, поэтому еще раз и связался лично. В общем, если какие-то неуместные поползновения в ту сторону с вашей стороны будут, никаких шансов и снисхождений я больше не оставляю. Прозрачно?

Шилов: Куда уж прозрачней? Только вот, к вопросу об интерпретации, как я определю уместность или неуместность своих действий?

Лобов: А это уж рассчитывай на свою проницательность и опыт. А еще лучше на инстинкт самосохранения. Короче, больше предупреждений и реверансов не будет, пользуйся тем, что есть.»

После этого разговора, насколько нам известно, у них неофициальных контактов не было, да и не нужны они были. Можно сказать, что с того самого разговора мы реально остались без куратора на высшем уровне, стали существовать на общих основаниях с научным сообществом, чему были очень рады. Да, безусловно, возможности госаппарата над нами стали несравненно больше, но и свободы действий прибавилось, пусть и исключительно в аналитическом поле. Как сказал сам Шилов: «Лучше я буду с боями пробиваться со своими решениями, чем гладко реализовывать чьи-то сугубо личные амбиции.» Вообще, у всех у нас накопилась огромная усталость от этой самой вечной реализации чужих амбиций, в частности Лобова. Но, ближе к делу, где-то через тридцать дней, вместо десяти, после устного постановления зампреда правительства, юридически наша новая орга-

низация была создана. Также было подписано тройственное соглашение между нами, правительством и академсоветом о целях и порядке деятельности вновь созданной организации.

Да-да, я ознакомился с этим документом. Могу отметить, что в нем очень прозрачные, четкие и конкретные формулировки, это очень заметно на фоне языка законодательства...

Юрий, а этому есть очень простое объяснение – когда то, что ты заявляешь целиком и полностью совпадает с твоими реальными намерениями, не надо и изощряться в формулировках. А наша деятельность на двести процентов совпадала с уставными документами. Кстати, именно поэтому к нам было чрезвычайно сложно подступиться с юридической точки зрения, даже с помощью административного ресурса. Правда, этим же мы вызывали дополнительное раздражение у госаппарата, но об этом позже.

Понятно. Вы упомянули, что широко известная аббревиатура ОАММ появилась несколько позже, как же вы назывались изначально? И какой у вас был статус?

Изначально мы были просто группой мониторинга, обработки и анализа потоковых данных, сокращенное наименование даже воспроизводить не буду, как уже говорили мы называли себя просто «наша группа». Статус у нас был соответствующий, сформулирую так – главный поставщик концентрированных, сортированных потоковых данных для научного сообщества. Реализовывали мы эту задачу достаточно просто, помог огромный объем уже имевшихся зарабо-

ток. Если коротко, то мы объединили все свободные ресурсы академсовета, которых, благо, было больше, чем нужно, в единый комплекс мониторинга. Встроили в этот комплекс уже разработанные и оптимизированные аналитические алгоритмы. И, наконец, подключили всю эту систему к всем общедоступным информационным потокам. После всего этого нашей задачей было только систематизация и распределение отчетов и ответов на запросы.

Вы все это делали вчетвером?

Нет, конечно. И в этом еще одна существенная польза взаимодействия с научным сообществом – всегда можно найти необходимое количество заинтересованных, квалифицированных сотрудников. Под наши задачи это было сделано очень быстро, особенно после распоряжения Видова. Нам даже не пришлось озадачиваться с оплатой их труда, так как они все уже были трудоустроены в различных институтах, и каждый из них формировал отчеты именно для своей отрасли знаний: физики для физиков, биологи для биологов и так далее. Ну как формировали, видоизменяли алгоритмы составления, исходя из научной специфики. Мы же, в свою очередь, делали общую макро-аналитику определяли тенденции, прогнозировали, обращали внимание и так далее. В общем, либо формулировали задачи, либо предоставляли почву для проблематизации. Казалось бы, то же самое делали достаточно большое количество государственных ведомств и структур, по крайней мере номинально, но, во-пер-

вых, мы это делали, используя совершенно другие методики, а самое главное, что мы всегда прилагали программы действий по всем задачам и проблемам.

И какое же у вас было распределение по сферам ответственности?

Все очень банально и просто: Елена Федоровна занималась государством, Вадим Максимович – бизнесом, я – обществом. Авдей Наумович же занимался развитием и усовершенствованием нашей деятельности, а также формированием тех самых программ действий. Надо сказать, что эти зоны ответственности оставались за нами на протяжении всего периода существования этой организации. Вообще, главные заказчики нашей деятельности – научное сообщество, были полностью удовлетворены нашей работой, так как до этого им приходилось делать этот самим, да еще и в очень узком сегменте. После того, как этим занялись мы это стало делаться на регулярной основе, без отвлечения их ресурсов, да еще и в самом широком спектре.

Да-да, с продуктами вашей деятельности я хорошо знаком, пользовался неоднократно. И не только я, все независимые СМИ пользуются ими до сих пор. И зависимые, думаю тоже.

В том-то и дело, что конъюнктурность и действия в угоду отдельно взятым лицам привели к тому, что степень предвзятости и неправдоподобности официальных данных была такой, что их можно смело охарактеризовать «хуже, чем

ложь». Это же, в свою очередь, привело к большим проблемам и перекосам в других секторах деятельности. Мне лично, вообще не понятно, почему статистические и аналитические службы кому-то подчинены, да еще и централизованы. Но, это отдельная дискуссия, сейчас не об этом. Возвращаясь к нам, скажу, что наши результаты и данные расходились с официальными настолько, что первое время даже Видов удивлялся, а с ним и все научное сообщество. Даже были сомнения в полезности наших данных, но после того, как Шилов пару-тройку раз приводил множество показательных примеров в пользу правдивости наших результатов, эти сомнения отпали. Например, когда возникли сомнения в том, что у подавляющего большинства людей очень узкий круг интересов, а у пугающей части населения примитивное существование стало осознанным выбором образа жизни, поднялся такой вал критики и неверия, что не помог это успокоить даже авторитет Видова. Шилов же перевел это все на понятный всем язык арифметики, показав совокупность данных по предварительным настройкам персональных ИИ, которые очень редко меняются. Если коротко, то эти данные демонстрировали подавляющее превалирование развлекательного контента над всем остальным. Пояснять, думаю, тут ничего не нужно. И таких примеров Авдей Наумович, да и мы тоже, приводили сотни, и даже тысячи.

Признаюсь, такие подробности мне не встречались.

И не удивительно, все это происходило исключительно

внутри научного сообщества. И, как следствие, сохранилась эта информация только в архивах академсовета, а копаться там, то еще удовольствие, пусть и систематизировано там все лучше, чем где-либо. Кстати, систематизация этих архивов, частично, тоже наша заслуга. Я даже больше скажу, первые год-полтора информация, а тем более результаты нашей деятельности никуда, кроме научного сообщества не уходили. Проще говоря, на этот период мы, как бы перестали существовать и для госаппарата, и для социума, и для бизнеса. Если честно, мы этому были откровенно рады, так как получили передышку от ненужного и вредного внимания со стороны кого бы то ни было. Можно даже сказать, что для нас тот период был своего рода отпуском после бесконечных боев за то, что мы делали. Даже Шилов, который казалось был готов всегда и ко всему, и-то полностью ушел в деятельность по оптимизации и усовершенствованию наших текущих методик и технологий.

Отпуск отпуском, но я считаю, что не совсем во благо это нам пошло, расслабились мы больше, чем можно было. Вот и допустили новый виток ненужной, деструктивной активности вокруг нас, да так, что опять пришлось стать «видимыми». Поэтому пришлось реорганизовываться в ОАММ, опять принимать участие в этих бесконечных советах, и в целом увеличить неприятные контакты с госаппаратом. А ведь можно было всего этого избежать.

Лен, я собственно и подводил к этому «фазовому переходу».

ду». Соглашусь с твоей оценкой, что его можно было избежать. Признаться, мне этого очень бы хотелось, так как те полтора года были, пожалуй, единственным периодом, когда я занимался только своей непосредственной деятельностью, без отвлечения на всякие посторонние ненужности. Но, я также убежден, что потеря такого режима деятельности целиком и полностью наша вина – в той ситуации мы должны были все это контролировать, а не Авдей Наумович.

А никто и не говорит, что это один из редких промахов Шилова. Я как раз и хотела сказать, что заметив сверхконцентрацию Авдея Наумовича на вопросах развития, мы должны были взять на себя функцию контроля за «внешней средой», а мы, уподобившись ему, сами закопались в своих направлениях деятельности, что, чуть было, не привело нас опять к «трибуналу», который был бы для нас еще печальней в силу еще не совсем угасших эффектов от предыдущих процессов в нашем отношении.

Друзья-коллеги, а я вот лично считаю, что это все было неизбежно, и создание ОАММ было вопросом времени. Следи за внешним фоном, не следи, результаты той нашей деятельности, пусть и опосредованно, но затрагивали и реальный сектор и социум, и уж точно они затрагивали госаппарат. Мы же помним какие баталии были по вопросам целевого использования грантов, особенно в части изменения направлений исследований и разработок, в частности, в сферах с высокой долей человеческого участия. Ведь все эти груп-

пы исследователей и разработчиков ссылались на нас в качестве обоснования для смещения акцентов в их деятельности. На вопрос же: «Почему перестали применяться официальные данные?», даже Видов не смог ответить ничего лучше, чем: «Мы вправе пользоваться теми данными, которые считаем нужными». Ни к чему другому, кроме как к сокращению участия государства в деятельности академсовета это привести не могло, даже при том, что правительство должно было выделять на науку не менее двух процентов бюджета по-умолчанию. Вот вам и конфликт, и все нити этого конфликта вели к нам, и, несмотря на все усилия Геннадия Евсеевича, нам бы, в первую очередь Шилову, пришлось бы включаться в любом случае.

Мить, может быть и так, но обратить внимание на это мы должны были, и помочь всем этим группам сделать это самое «смещение акцентов» в их работе не таким явным. Мы же этого не сделали. А так, получился явный плевок в сторону всех официальных данных и всех, кто с ними связан.

Господа, господа, я так понял, что эта ваша дискуссия уже подводит нас к новой активной фазе в противостоянии Авдея Наумовича и госаппарата?

Глава 21.

Да, так и есть. Только, если быть точным, еще раз подчеркну, что Шилов госаппарату не противостоял, не было

у него никогда такой задачи. Здесь просто имеет место диаметрально противоположное расхождение в мировоззрении, подходах, методах и средствах. Как уж это воспринимал госаппарат, мне лично без разницы. А в целом, вся тогдашняя наша концентрация на текущей деятельности привела к тому, что мы опять попали в состояние открытой конфронтации с государством. Произошло это, прежде всего, из-за того, что результаты нашей деятельности становились достоянием все более широких кругов. Дошло даже до того, что некоторые государственные структуры перестали пользоваться государственными данными и полностью перешли на наши. Разумеется, это были далеко не ключевые ведомства, но сам факт очень серьезно задел верхи, да так, что нам назначили слушание в госсовете в комиссии по дезинформации.

Вадим, надо сказать, что и до этого были неоднократные запросы со стороны госструктур на предмет обоснования тех или иных данных. А мы просто отвечали формально, что в рамках научного сообщества мы вольны пользоваться теми данными, которые посчитаем нужными. Только вот проглядели момент, когда все это вылилось за пределы научной деятельности. И формулировки типа «это было неизбежно» здесь не проходят, можно было этого всего избежать. Но, условное наклонение на то и условное наклонение.

Точно, не к чему сейчас устраивать эти разборы полетов, мы говорим о фактических событиях. А по-факту слушание в комиссии по дезинформации вылились в целую серию, ко-

торая и послужила формальным катализатором для дальнейших серьезных изменений. Проще воспроизвести главную часть самого первого слушания. Вот, что там происходило: «

Председатель комиссии: Господин Шилов, опять вы занимаетесь расшатыванием ситуации и подрывом государственного авторитета?..

Шилов: Это обвинение?

Председатель комиссии: Нет, пока еще...

Шилов: В таком случае, ваши оценки не уместны. Я подключился к данным слушаниям для разъяснений и обоснований, как и было указано в прошении, поэтому готов отвечать только на это.

Председатель комиссии: Вижу вся Ваша дерзость осталась при Вас. Ладно. Разъясните, тогда, вот что: Как так вышло, что во время Вашего провала с формированием инвестиционного климата ряд показателей, по-вашему, считались позитивными, сейчас же те же самые показатели считаются негативными?

Шилов: Конкретизируйте, пожалуйста.

Гендиректор госстата: Да вот хотя бы, показатель структуры расходов собственников. Когда-то вы прямо говорили, что высокий уровень расходов на содержание собственности позитивный сигнал для экономики. Сейчас же, Ваша точка зрения прямо противоположна, и это четко видно в Ваших данных.

Шилов: А вы поднимите материалы, я вот отчетливо помню свою заключение по этому поводу, звучало оно следую-

щим образом – высокая доля расходов на содержание собственности в общей структуре расходов, формирует ситуацию, при которой резко возрастает спрос на продукты финансового сектора. Все, больше я не говорил ничего, уж тем более я никаких оценок не давал, так как, банально, у меня не было задачи давать оценки.

Гендиректор госстата: Но сейчас-то Вы даете...

Шилов: А сейчас, соответственно, есть задача по оценке, и не просто по оценке, а еще с развернутыми рекомендациям, сценариями и программами действий.

Председатель комиссии: Авдей Наумович, что Вы устраиваете этот контекстный саботаж? Все мы прекрасно знаем Ваше отношение к государственным структурам и их действиям, поэтому не надо прикрываться формулировками.

Шилов: Исходя из этого, я правильно понимаю, что на данном мероприятии я присутствую как раз из-за своего отношения к государственным структурам, его действиям и данным?

Председатель комиссии: Ну, вообще замечательно, теперь Вы нам приписываете еще и преследование за идеологическое расхождение. Надо это все заканчивать. Наше заключение следующее: настоятельно рекомендуем Вам позаботиться о том, чтобы результаты вашей деятельности оставались исключительно внутри научного сообщества.

Шилов: А сейчас как? Все наши заключения и отчеты и уходят исключительно в научные структуры. Другой вопрос,

что я не могу сделать доступ к ним закрытым, это противоречит всем принципам как академсовета, так и всей научной среды.

Председатель комиссии: Мы Вас уведомили, другого решения не будет.»

И это решение, впоследствии, было оформлено официально и направлено в соответствующие ведомства. Таким образом мы вновь привлекли к себе внимание госаппарата, которое редко бывает уместным. Да еще и подвели под это Видова, как не пытался Авдей Наумович этого избежать.

Правда, не сказать, что для Геннадия Евсеевича это было неожиданностью, он был целиком и полностью к этому готов. Более того, он с охотой включился в эти процессы. Его мотивация была простой: «Это уже далеко не в первый раз, хоть и не припомню, чтобы такие ресурсы были задействованы. Оно и к лучшему, отпор будет ощутимее, а он должен быть. Наука – всегда должна быть над государством, так как это самая объективная сфера человеческой деятельности, ее нельзя позволять подминать. А вот уж, как продукты науки применяются, пускай государство и следит.» Проще говоря, никто в научном сообществе нам не пенял, что мы привлекли ненужное внимание со стороны государства, даже наоборот.

И в чем это выразалось?

Ну, например, в том, что Видов сразу же подготовил ответ на заключение комиссии, за подписью всех членов ака-

демсовета. В нем очень подробно, аргументированно и мотивированно было описано почему это решение не признается, и почему оно не будет исполнено. Все подписавшиеся безусловно понимали, что это прямая и открытая конфронтация с госаппаратом, но пошли на это абсолютно осознано. У некоторых даже наблюдался энтузиазм по этому поводу. Причины очевидны – по-сути, новое направление деятельности, да еще и адреналиновое.

И реакция госаппарата на этот ответ не заставила себя долго ждать. Буквально на следующий день, Видов был выведен на связь с председателем правительства. Содержание этого разговора мы, конечно же, не знаем, но после этого разговора Геннадий Евсеевич сообщил нам следующее: «Побщался с первым министром. Разумеется, были дежурные упреки в расшатывании, ударах исподтишка, и тому подобное. Это привычная история. Ключевое в следующем: они требуют, перед публикацией ваших результатов, пересылать их сначала в правительство, и только потом, с некоторой задержкой, опубликовать их в обычном режиме. Формально, речь не идет о цензуре, речь идет о том, чтобы они знали к чему готовится, и даже для выводов о своих данных. Я, конечно же, отметил, что это слабоватые аргументы в пользу данной просьбы. На что получил ответ вроде того, что это, скорее, наше обязательство, чем их просьба. Короче, в связи со всем этим, предлагаю такую формальность – пропустайте все ваши потоки через главную нейро-сеть академсо-

вета, разрешения я вам дам, а дальше все, как обычно. Пусть знают, что имеют дело со всем мировым научным сообществом.» Такие действия, как Вы понимаете, были прямым и явным неподчинением требованию правительства, пусть это требование и было высказано в устной форме. Хотя, надо отметить, что ни формально ни реально с нашей стороны закон не нарушался. Исходя из этого, можно догадаться о следующих действиях аппарата правительства – они сочинили и начали проталкивать закон или постановление, сейчас уже не помню, о том, чтобы все информационные потоки проходили через саморегулируемую общественную нейро-сеть, читайте, через сеть, работающую по их алгоритмам.

Ну, это само собой. Меня, к сожалению, в моей профессиональной деятельности тоже коснулось желание верхов знать содержание публикаций до самих публикаций. Как же поступили вы?

Видишь ли, Юр, в наше время тебя всячески бы принуждали проходить «оценку препринта» публикации в специальных службах, иначе твои материалы не выпустили бы в основные информационные потоки. Проще говоря, остался бы ты с аудиторией несколько тысяч человек. Сейчас же заблокировать выход в основные инфорпотоки они не могут, это делают сами сети по «оценке посылки материала». И в этом, чуть-чуть, есть наша заслуга, точнее заслуга Авдея Намовича и Видова. Из ответа на твой вопрос будет понятно, о чем я. При первом же обнародовании черновика постановле-

ния для нас стало очевидно основные задачи, которые верхи им решают – выпускать свои данные раньше остальных, инициировать всевозможные разбирательства относительно наших данных, всячески дискредитировать наши данные. Разумеется, этому нужно было помешать, причины очевидны. Что же придумали Шилов и Видов, прежде всего Авдей Наумович, полагаю, Матвей Сергеевич расскажет лучше меня.

Без проблем. Начну с того, что в общемировом законодательстве существует такое понятие, как «не специальный мониторинг и анализ». Проще говоря, это вид сбора данных, который не подразумевает никакого контекста, конъюнктуры, политического «окраса» и так далее. Организации, которые занимались такой деятельностью, подчинялись исключительно нормам мирового законодательства. Более того, местные правительства не имели право вмешиваться в деятельность таких организаций. Понятно, что спектр деятельности у данных структур был чрезвычайно ограниченным, и предполагал только сбор и сортировку данных, Авдею Наумовичу и Геннадию Евсеевичу этого было достаточно. Они в кратчайшие сроки, с помощью мирового научного сообщества, учредили и зарегистрировали подобную организацию. Завели на нее все наши средства и технологии сбора и обработки информации. Встроили ее в общемировую систему работы с данными. Провернули мы все это до вступления постановления в силу, так как то, что оно будет реализовано, ни у кого сомнений не было. Тем самым, Шилов и Видов доби-

лись того, что, по крайней мере, существенная часть нашей деятельности была выведена из под удара верхов. Вновь созданную организацию, формально, никто не возглавлял, она состояла из пяти-семи человек, подчеркнуто, из социальной сферы, бывшие учителя, социологи, психологи, которые следили за состоянием системы сбора и анализа данных. Мы и Шилов остались на своих позициях в научном сообществе.

Мить, ты один существенный момент упустил. Вновь созданная организация называлась – организация автономного масс-мониторинга, или тот самый ОАММ!

А разве до ОАММ таких организаций у нас в стране не было?

Разумеется, были, и не одна. Но ОАММ была первой отечественной структурой подобного рода. Видите ли, никто из верхов не догадался, как из данных организаций извлекать прямую выгоду, поэтому никто и не стал с этим связываться. Тем же структурам «независимого» мониторинга, которые уже существовали, «скармливалась» такая чушь, точнее конъюнктурная информация, что отчеты этих структур рисовали исключительно «полнейшую стабильность». Это всех устраивало. Так продолжалось, пока не появилась ОАММ, в работу которой были заложены алгоритмы поиска информации из первоисточника. Как именно это работало, объяснять долго и бессмысленно. Скажу только, мы по-полной использовали наши знания и опыт работы по программе и ГОИ. Да, воспользовались тем, что сами и создали, никакого крими-

нала в этом не вижу. Это все и привело к тому, что на основании данных ОАММ получалась картина, сильно отличающаяся от той, которую рисовали уже действующие подобные организации. Конечно же, это не было сюрпризом ни для нас, ни для верхов, мы об этом уже сказали, но был один существенный аспект – теперь все эти данные автоматически становились общемировым достоянием. Оговорюсь, что ни у Шилова, ни у Видова не было самоцели «выносить мусор из дома», правительство само это спровоцировало. Вот и получили соответствующий новый информационный фон и, как следствие, новое восприятие их мировым сообществом.

Я правильно понимаю, что для вас это обернулось серьезными последствиями?

Разумеется, иначе и быть не могло. Только, обо всем по-порядку. После того, как мы запустили ОАММ, к нам, неожиданно, обратились несколько иностранных научных сообществ для анализа и оценки их данных, по их странам. Мы подготовили и отправили для них все аналитические выкладки, наше видение и предложения, в том же виде и с теми же подходами, которые мы применяли для своих данных. Где-то через месяц после этого, к нам, точнее к Видову, обратились еще несколько иностранных научных сообществ. Мы все сделали точно также, только на это раз среди обратившихся была «неудобная» часть научного сообщества одного из ведущих государств. «Неудобной» она была, исключительно для своего правительства. Надо сказать, что и у нас

в стране были «провластные» научные группы – некая оппозиция академсовету. Нам это не мешало, так как наука была сферой не очень «интересной» верхам, мы об этом упоминали в самом начале, поэтому появилась одна из ГОИ. Собственно, оппозиция академсовету сформировалась из участников и «реализаторов» научной ГОИ, эти научные группы подпитывались и наставлялись «веселой троицей». А вот в крупнейших мировых экономиках «оппозиционная» наука имела реальную силу, так как она и была самой прогрессивной и результативной. Так вот, наши изыскания по одному из лидирующих мировых государств были опубликованы в качестве «взгляда со стороны». Не было подчеркнуто, что это именно наша работа, но источник данных был указан явно, иначе бы публикации не было. Это привело к гневному разговору главы правительства того государства с первым министром нашего правительства, как я понял в духе: «Какого черта, вы не можете разобраться со своими бунтарями?» А уж данный разговор привел к внеочередному созыву Суверенной Коллегии. Да, вот такой серьезный оборот это все приняло. Ты же понимаешь, что Суверенколлегия собиралась по вопросам, касающимся суверенитета государства? То есть, последствия могли быть очень печальными.

Прекрасно это осознаю, даже не могу представить ваше состояние на тот момент...

На самом деле, никакого «состояния» у нас по этому поводу не было, мы были заняты своими задачами. Действия в

той ситуации продумывали исключительно Шилов и Видов, они же сообщили нам про процесс Суверенколлегии в отношении нас, и о том, какая планируется линия поведения. Вообще, надо сказать, что на тот момент Суверенная Коллегия уже долгое время использовалась только в двух случаях, либо запугать кого-то, как правило, какое-нибудь правительство малого государства, либо придать чему-нибудь «особый» статус, например, статус административных центров присваивался именно это коллегией. Вот и в нашем случае было очевидно, что нас хотят серьезно запугать. Почему только запугать? Потому, что в противном случае придется признать «угрозу» суверенитету, а это уже целая тяжелая процедура, включающая отстранения в правительстве и спецслужбах, никому это не было нужно. Но и навешивание нехороших ярлыков, тоже довольно ощутимая неприятность. В этой связи Видов и Шилов вытащили из законодательной базы о Суверенной Коллегии все, что только может сыграть за нас, а на основании этого подготовили подробные сценарии возможных мероприятий. Нам оставалось только «залить» их в свои персональные ИИ. В общем, ко всем подающимся анализу ситуациям в Суверенколлегии мы были подготовлены.

Я так понимаю, эта подготовленность в конечном счете вас и выручила?

Так очевидно же, что лучше действовать осознанно, чем наугад. В нашу пользу еще сыграло то, что не было супер-

специалистов по процедурам и функционированию этой самой Суверенной Коллегии. Проще говоря, в части бюрократии, мы разбирались в происходящем чуть ли не лучше, чем сам состав Коллегии со всеми своими аппаратами. В качестве примера приведу приблизительное содержание первого заседания Суверенколлегии с нашим участием: «

Генсекретарь коллегии: Вы, господин Шилов, все никак не уймется. Уже докатились до подрыва суверенитета...

Шилов: Прошу прощения, это официальное заключение Коллегии?

Генсекретарь коллегии: Пока нет, до официального заключения еще дойдем. А Вы, впредь, извольте выслушивать до конца. Так вот, к предмету сегодняшнего заседания, разъясните нам с чего вы решили, что можете без существенных оснований вмешиваться в дела других стран? Да еще и проводя при этом параллели и взаимосвязи с нашим правительством.

Видов: Господин Генеральный секретарь, хотелось бы реальные факты и цитаты, а-то получается какая-то субъективная интерпретация.

Генсекретарь: Пытаетесь уличить в предвзятости? Ладно, вот вам факты – как прикажете трактовать фразу: «... прямой интерес иностранных чиновников в данной отрасли составляет порядка девятнадцати процентов, причем это прямые издержки отрасли...»? Когда это вы стали мировой финансовой спецслужбой?

Шилов: Для того, чтобы сделать такой вывод не нужно быть спецслужбой, достаточно восстановить структуру цены. Тут возникает другой вопрос, с каких это пор Вы стали заступником формально недружественных нам правительств?

Генсекретарь: Не передергивайте, речь, еще пока, идет лишь о том, что вы позволяете себе вольности во всеуслышание на международном поле, не согласовывая это со своим законным правительством.

Видов: Это происходит потому, что вы всячески бы мешали разработке и отправке обсуждаемого сейчас документа. Об этом говорит весь мой опыт многих лет работы с государственным аппаратом. Это во-первых, а во-вторых, подобная постановка вопроса – прямое покушение на независимость фундаментальной науки...

Генсекретарь: Можете не продолжать, знаем мы Вашу позицию и отношение. Ближе к делу, нам в любом случае по данному прецеденту нужно решение принять. Поскольку вы в штыки воспринимаете все, что мы произносим, предлагайте вы.

Шилов: Интересный подход – надо вам, а предлагайте мы! Ладно, дабы не усугублять положение, предлагаем следующее – все иностранные вне научные обращения к нам мы будем перенаправлять через международный секретариат и Коллегию, и будем полностью раскрывать весь информационный обмен по таким запросам. Устраивает?

Генсекретарь: Сейчас Вы ответ не получите. Более того, быстрого ответа не ждите, мы гораздо серьезнее относимся к своим решениям. Ждите, с вами свяжутся...»

И «мариновали» они это предложение около месяца, скорее всего, просчитывали со всех сторон. В итоге, было принято соответствующее соглашение с незначительными дополнениями. Разумеется, у государства никаких обязательств по нему не было. Да, как ты, наверное, понял, Юр, то предложение с Шиловым не было спонтанным, они вместе с Видовым его также достаточно долго просчитывали.

Так иметь предложения, вообще очень характерно для Авдея Наумовича. «Нужно быть всегда готовым что-то предложить, и не одно. Особенно при общении с госаппаратчиками, иначе будешь вынужден реализовывать чьи-то субъективные амбиции.» И у него они были всегда, и в большом количестве, по каждой сфере, которой он когда-либо касался. Можно даже сказать, что это было, своего рода, хобби для него – разрабатывать и просчитывать идеи для сфер, не входивших в его профессиональную деятельность. «Может эти идеи и предложения никому и не пригодятся, с большинством из них так и будет, за-то работа над этим улучшает мое понимание и расширяет кругозор». Это его «хобби» привело к тому, что он стал компетентен практически в любой сфере. Хотя, сам он себя называл «Вечно находящий ответы на несуществующие вопросы». И в этом он находил понимание только у нас троих и у научного сообщества, хотя сам он се-

бя ученым не считал, даже близко.

Яркое дополнение, Елена Федоровна. И как же отразилось на вас принятие того соглашения с Суверенколлегией?

Для начала, нам всем пришлось побегать с этим соглашением, провести его через ряд слушаний. Обычная бюрократическая волокита, конечно, но время и нервы это отнимает. В день же самого принятия соглашения у Шилова состоялся неожиданной, даже для него, разговор. На связь вышел сам Лобов. Мы были свидетелями этого разговора, так как в этот момент находились у Авдея Наумовича, он нам разъяснял новую диспозицию в связи с соглашением. Вот чем примечателен был это разговор:

Лобов: Приветствую, Авдей! И все-таки ты камикадзе. При твоём «багаже», такое себе позволять. Я удивляюсь тому, как ты из таких ситуаций выползаешь. Да ещё и без моей протекции. Ладно, я не за этим. Ты же за нашими успехами по территориям и по ГОИ следишь? Наверняка, следишь. Короче, мне этот «ДВиК» поперек всего огромным балластом висит. Надо что-то делать. Я готов целиком и полностью предать его тебе, только чтобы меня это больше не касалось. Порешили?

Шилов: Добрый день, Евгений Генрихович! По-порядку. Ваши эпитеты я опущу, и не такое от Вас слышал. За вашими действиями по программе и ГОИ не слежу. Скажу честно, прискорбно было бы за этим наблюдать. Якобы успехи ваши, обусловлены исключительно административным ресурсом и

направлены исключительно на выгоду узкого круга лиц. Что же касается «ДВиК», получается, что Вы его хотите повесить на меня?

Лобов: Ты, Авдей, границы-то дозволенного не нарушай. Я не какой-нибудь отставник из Суверенколлегии, размажу так, что не соскребешь. А не размазал до сир пор потому, что много полезного для меня ты сделал, от этого не отказываюсь. Но, благодарность моя не безразмерна. А задача по «ДВиК» остается, решай, месяц тебе даю. В противном случае, оберну все против тебя. Ты знаешь, я могу.»

Реакция Авдея Наумовича на этот ультиматум была простой и понятной: «Еще одна задачка до кучи. Нормально, зато в тонусе буду.» После этой фразы он опять переключился на инструкции, которые он давал нам до разговора с Лобовым. Собственно, до появления решения по «ДВиК», мы об этой проблеме больше и не слышали.

И каково же было решение?

О, это была многоходовка, целью которой было преобразование движения из политического в практическое. Если утрировать, то Шилов задумал из него сделать некий исполнительный актив ОАММ. Это было очень актуально, так как уже на тот момент наблюдался ощутимый дефицит исполнителей. Дальше он бы только усиливался, принимая во внимание плановый объем решаемых задач. Из научной среды этот дефицит не мог быть закрыт, так как во-первых: и в научной деятельности нужны были исполнители, во-вторых: не

под то была «заточка» этих людей. Поэтому, Авдей Наумович отнесся к этому ультиматуму Лобова, как к хорошей возможности для решения одной из ключевых текущих задач. Правда, как обычно, не все было так безоблачно, существовала гигантская проблема – как высадить лишних «пассажиров», коих за время существования движения набралось ну очень много. Вообще, ситуация с большим количеством ненужных «пассажиров» свойственна всем общественным и политическим организациям, главное, чтобы это не было бесконтрольно, а «ДВиК» к тому моменту уже года три, как существовал сам по себе, без единоначалия, без четких ориентиров. Короче, был похож на слабо организованное собрание. Так-что, для начала предстояло решить задачу, своего рода, мобилизации движения, чтобы четко понимать, кто лишний, а кто нет. И уже на этом основании производить дальнейшие действия.

Глава 22.

Кстати, давайте немного отвлечемся от основной линии. Не могли бы вы кратко рассказать о том, что происходило с «ДВиК» все время без вас. А потом мы вернемся к процессу его преобразования в часть ОАММ.

По этому поводу рассказывать особо нечего, но кое-какие ключевые моменты припомнить можно. Как ты помнишь, в процессе снятия нас с программы и ГОИ, официально

«ДВиК» занял позицию против нас. На самом деле это были происки и работа Лобова. То решение движения для нас было не удивительно, так как к тому моменту «ДВиК», по сути, перестал быть движением, а превратился в очередную политически-коммерческую корпорацию, каковыми были все, без исключения, общественно-политические силы в стране. Мало того, «ДВиК» было еще чрезвычайно не самостоятельным движением, чаще всего это выливалось в то, что его использовали в качестве разменной монеты или «до кучи» в своих политических задачах либо Лобов, либо другие верхи с позволения Лобова. Формальное руководство движения было просто «говорящими головами». Да и чего можно ожидать от бывшего главы госбанка, бывшего директора госслужбы, и главы второстепенного комитета госсовета? В общем, Лобов намеренно превратил «ДВиК» в пристанище политиканов, госотставников и прочих демагогов с непомерно раздутым самомнением. Само же движение стало обычной массой, необходимой для проведения того или иного решения. Именно потому, никто из «ДВиК» никогда не был избран в представительные органы, присутствие было обозначено только в общественных и социальных институтах, а до представительных органов «ДВиК», банально, не допускался, не нужно было.

Складывается такое впечатление, что движение было тем самым одним из немногих просчетов Шилова.

Формально, нет, так как задачу отвлечения «политически

гиперактивной части» населения малых территорий от программы оно решало. Скорее, оно было неким стыдом Авдее Наумовича. Да он и сам неоднократно говорил: «Стыдно и обидно мне за «ДВиК», но альтернативы я не вижу, и создать ее не готов.» В общем, Шилов признавал то, чем стало движение, и ответственности с себя не снимал. Но тут, опять же, по его собственному выражению: «Либо оздоровление движение, либо серьезная уязвимость программы. Про отсутствие политических амбиций я говорил неоднократно, поэтому выбор в пользу программы очевиден». Вот и пришлось закрыть глаза на все деструктивные метаморфозы, связанные с движением. Это быстро привело к тому, что «ДВиК» обернулся против нас, и в вопросе с интерграторами и консолидаторами, и в вопросе оценки нашей деятельности по программе и ГОИ. Более того, когда начался кризис общественных институтов, в движение пришло огромное количество анархистов, собственно, подавляющее большинство анархистов пришло именно в «ДВиК», так как стать его участником не представляло никакого труда, но при всем при этом это была, какая-никакая, «трибуна». Так что, после всего описанного, движение стало еще и «токсичным» для самих хозяев – Лобова и «веселой троицы». Это все только усиливало их желание избавиться от движения. Но, просто так, чисто технически это было сделать невозможно – слишком заметно. Сами они этим заниматься не хотели, понятно почему – все, что не приводит к прямой сиюминутной суще-

ственной личной выгоде, должно делаться чужими руками. Крайнего долго искать не пришлось, тем более, Авдей Наумович опять засветился.

И все же, почему Лобов перекинул эти задачи именно на Шилова? Он же мог под видом супер подарка подподлить кому-нибудь из своих конкурентов или оппонентов.

Вот, Вы уже и сущность Лобова понимаете. Хороший вопрос. Ответить на него не сложно. Ну, первое: все конкуренты и оппоненты Лобова совершенно не дураки, и такие варианты тоже просчитывать умеют. Второе: Евгений Генрихович очень долго находился в верхах, поэтому стилистика его действий была всем хорошо известна. И третье: «ДВиК» стал до такой степени токсичным, что вообще никто связываться не хотел. Поэтому Вадим Максимович и сказал о том, что тут-то и подвернулся проверенный крайний, каковым являлся Авдей Наумович, и мы вместе с ним.

Понятно. И как же вы решали все обозначенные вами задачи, связанным с «ДВиК»?

Для начала, надо еще раз отметить, что у всех у нас было понимание, что от этой «головной боли» нам не отвертеться. В противном случае, действительно, выиграла бы мстительность Лобова, а там уже велик риск того, что это все перекинется и на научное сообщество. Кстати, Видов был бы не против такого развития, он открыто презирал Лобова, а подобная конфронтация позволила бы ему легитимно реализовать все это презрение. Но, не об этом. Я это все к тому,

что ситуация «не отвертеться» стала фундаментом для всех дальнейших решений по «ДВиК». В том числе поэтому, Шилов в этом всем нашел пользу и применение. Правда, было еще одно существенное, так сказать, «отягчающее» обстоятельство – после того, как мы передали программу и ГОИ, Шилову, формально, запрещалась любая деятельность, кроме научной и коммерческой, и-то не публичной. А этот статус, как ты понимаешь, ну никак не вязался с общественно-политическим движением. Не учитывать это было нельзя. За-то у нас троих таких ограничений не было. Кстати, даже не знаю почему. Ну, и ладно, сейчас это не важно, будем считать, что повезло, должно же хоть в чем-то везти, не все же тащить. Так вот, самым логичным было поставить нас во главе всех процессов, связанных с «ДВиК». Только это предполагало еще большую публичность, чем у нас была на тот момент, так-что перед началом активных действий по движению, нам предстояло вынести нас на видные роли. «Даже если не сыграет с «ДВиК», в любом случае будет полезно, давно вы уже в тени засиделись», так нас напутствовал Авдей Наумович. Вот мы и начали нашу раскрутку и пиар, параллельно занимаясь разработкой преобразования «ДВиК».

Тут еще вот, что важно отметить – мы втроем выступали и «раскручивались» именно как единое целое. Это было сделано для большей эффективности и ускорения процесса раскрутки, так как подбавляющее большинство сограждан уже поняли то, что единоначалие, практически всегда, пре-

вращается в автократию, считай в безальтернативное ручное управление, которое зачастую приводит к откровенной тирании. Вот и наш основной посыл, можно даже сказать политическая платформа, заключался в том, что нельзя давать безграничную власть одному человеку, это естественно приводит к злоупотреблению ею. Мы предлагали модель профессионального реагирования и развития по узким сферам деятельности. Если говорить проще и конкретнее, то наши тезисы или наша принципиальная модель была следующей:

1. Елена Федоровна – знает как обеспечить устойчивое технологическое развитие.

2. Вадим Максимович – знает как обеспечить устойчивое экономическое развитие.

3. Я – знаю как обеспечить устойчивое правовое развитие и грамотную законотворческую деятельность.

4. Социальная сфера, научная сфера и бизнес – должны быть саморегулируемыми в рамках общих правил и принципов.

5. Каждому должно быть гарантирована максимальная реализация созидательного потенциала.

Собственно, наш «политический слоган» и звучал, как «Созидание на благо личного в интересах общего». Разумеется, весь этот концепт был разработан при непосредственном участии Авдея Наумовиче и при поддержке научного сообщества. Видов даже как-то сказал: «С такой вот базой, я бы задумался над тем, чтобы пойти дальше, чем просто стать

во главе общественно-политического движения.»

Матвей, сказать-то он сказал, но, думаю, он понимал, что у нас подобных планов и быть не могло, так как Шилов «выжег» из нас без остатка все политические амбиции, поэтому все эти «пляски с движением» мы воспринимали не иначе, как технические процедуры, пусть и многоходовые.

И с чего же начался ваш пиар в этом качестве?

Как уже отмечалось, нас нужно было вывести в широкую публичную сферу до того, как должны были начаться основные процессы по «ДВиК», чтобы не сложилась ситуация «передаем непонятно кому», как это бывало неоднократно, и на самом высоком уровне. Мероприятие же для нашего заявления было выбрано самое, на тот момент, очевидное – внеочередной общегосударственный научный конгресс, и тема его была соответствующей: «Преимущества саморегулирования перед единоначалием». Для освещения этого мероприятия были задействованы все возможности научного сообщества, как внутригосударственного, так и общемирового, так-что распространение и резонанс получились существенными. На этом конгрессе мы озвучили сказанные ранее тезисы, а также каждый из нас выступил с сорокаминутным докладом по своему направлению, заявленному в тезисах. Завершался тот конгресс огромным количеством подготовленных нами наглядных примеров, доводов фактов и кучей разной конкретики, которую можно найти в архивах академсовета. Не скрою, что абсолютное большинство ма-

териалов было основано и взято из нашей деятельности по программе и ГОИ. А как иначе? Конечно, можно было бы истолковать это использование нашего опыта «работы на государство» против него же, чего мы, по итогам «трибунала» над нами, обязались не делать, но формально и юридически это было сделать очень сложно. Вот ни госаппарат, ни Лобов лично, делать этого не стали, хотя подобный вариант Шиловым рассматривался и учитывался. Так-что результаты того мероприятия можно назвать успешными.

Так и есть. А потом начались бесконечные подключения к информпотокам, виар-конференции и публикации, публикации, публикации. Благо, для всего этого у нас, опять же, были опыт и материалы по программе и ГОИ. Но суть не в этом, я лично не думала, что эта пресловутая публичность отнимает только времени. Нет, я, конечно, догадывалась, что быть публичным – отдельный образ жизни, даже отдельный вид деятельности, но чтобы до такой степени. И кстати, после этого я еще больше начала понимать и разделять позицию Шилова относительно публичности. А есть ведь те, которые этой публичностью бредят, не понимаю. Да и не должна я это понимать.

А можете припомнить самые запоминающиеся подключения к информпокам? Для каждого из вас.

Конечно, можно. Лично для меня это не составит труда. Видишь ли, взялись мы вместе с Шиловым за наш пиар со свойственной нам основательностью. В результате, это все

приобрело такой масштаб и охват, что начало доставлять некий дискомфорт верхам, вот они и решили нас «остудить» типа дебатами с их «ручными» прокачанными болтологами. Одним из таких болтологов, с которым мне довелось «подебатировать», был президент фонда крупнейшей на тот момент политической партии. Имея его даже вспоминать не буду, сам найдешь, но содержание разговора было занятным: «

Президент фонда: То есть Вы утверждаете, что любая политическая партия в нашей стране является коммерческой корпорацией?

Я: Это утверждаю не я, а Авдей Наумович Шилов, и я с ним солидарен. А я утверждаю, что модель и структура под названием «политическая партия» уже давно себя изжила. На данный момент гораздо более актуально формировать движения по сферам деятельности, которые бы вбирали лучшие практики, вне зависимости от политических взглядов. И вообще, степень политизированности всего и вся такая, что многое работает на политику, а не наоборот.

Президент фонда: Странная логика – уничтожить эффективные консолидированные структуры, а вместо них создать некие «проходные дворы». Это во-первых, а во-вторых, кто вам мешает создавать подобные движения при наличии политических партий?

Я: Вы меня, как всегда не слышите, собственно, Вы и не должны слышать, это нормально. Для получателей потока разъясняю: политические партии стали общегосударствен-

ной издержкой, мы с вами их оплачиваем во всем, они присутствуют в цене всего, что мы покупаем. А оценка типа «эффективные консолидированные структуры» это только их субъективная оценка...

Президент фонда: Знаем мы все эти приемы «я говорю не с вами, а с людьми» – это ничто иное, как уход от прямого конкретного вопроса. По-факту получается, все Ваше предложение сводится к тому, чтобы все разрушить и ничего не делать...

Я: А если и так, то даже такой подход даст лучшие результаты, чем есть сейчас. По крайней мере, политика начнет выстраиваться в интересах чего-то, а не мы будем подстраиваться под политику.

Президент фонда: Отличные рассуждения, надо отрезать руку, чтобы перезапустить организм.

Я: В случае гангрены – да.

Президент фонда: И чем же таким, по-Вашему, политические партии заражают государство? Ведь, мы и есть государство.

Я: Многовато Вы на себя берете, тем самым подтверждая мой тезис о том, что сейчас все для политики, а не политика для всего.»

Дальше было много долгих интерпретаций того же самого. Тут надо отметить, что я не случайно сослался на Шилова, это он просил, даже требовал, так делать. С какой целью он это просил, достоверно сказать не возьмусь, но предпо-

лагаю, чтобы в случае чего неудачные ходы и высказывания «адсорбировались» на нем.

Юрий, Вадим, прошу прощения, но мне кажется, что мы немного забежали вперед. Прежде чем вспоминать про включения в информ-потоки, надо кратко рассказать принципиальный концепт будущего «ДВиК». Проще говоря, что мы с ним собирались сделать, так как вопрос по передаче был уже решен, ну очень оно мешалось Лобову и «веселой троице». А концепт был простым, и заключался он в следующем: «Будем исходить из названия движения «Для всех и каждого», поэтому цель сделать движение действительно для всех и каждого, без всяких членств и прочей корпоративной интеграции. Для этого, в рамках движения, мы создадим несколько саморегулируемых рабочих направлений, которые вы будете координировать и доносить решения и предложения во всеуслышание. А дальше действуем, как по программе и ГОИ», такую вот простую, но емкую, установку мы получили от Авдея Наумовича. Собственно, это отстаивал и развивал Вадим Максимович с этим партийным функционером. А что касается «дальше действуем, как по программе и ГОИ», тут на сто процентов очевидный и разумный ход. Зачем что-то придумывать, если уже все это проходили, пусть и в другом виде? Тем более, другие задачи с нас никто не снимал.

Матвей Сергеевич, а для Вас какое публичное включение до реформы «ДВиК» было самым запоминающимся?

Если честно, то я ко всем ним относился, как к проходным рутинным мероприятиям. Но, было одно, которое меня чуть не вывело из равновесия. И, как ни странно, было оно с одним из «веселой троицы», Беглым – самым подчеркнуто наглым из них. Тема была, что-то о юридическом статусе государственных корпораций. В общем, вечный спор – особый он ли нет. И вот момент, на котором я чуть не высказал о нем все, что думаю: «

Беглый: Матвей Сергеевич, Вы несете какой-то несусветный бред, что не позволительно для человека с Вашим опытом в юриспруденции. Ну что это за термины «тираническая олигополия» или «межкорпоративный каннибализм»? Давайте вернемся в рамки определений закона.

Я: С радостью бы вернулся, это единственно верный подход, только вот вся законодательная база написана под вас и в вашу пользу. Разумеется, странно было бы, если бы было по-другому, но вы же, пользуясь этим, «выжигаете» все вокруг себя. Спрашивается, если вам итак «зеленый свет» во всем, зачем еще вокруг себя все «выжигать»?

Беглый: Ну вот опять, «выжигать», что это за термин такой? Давайте возвращаться в область нормальных юридических терминов, или эта дискуссия бессмысленна. По оценке многих международных рейтинговых и экспертных организаций у нас созданы оптимальные условия для деловой активности в любой сфере, в том числе и в законодательной. Вы же руководствуетесь какими-то своими субъективными

соображениями и доводами, при обсуждении данной темы это не позволительно.

Я: Вот только в конечном итоге все сводится к реальному положению дел, которое прямо показывает, что темпы капитализации госпредприятий, даже не в разы, в десятки раз выше, чем у любых других...

Беглый: Разумеется, так и должно быть, это стратегические, ключевые предприятия, на них и работают лучшие из лучших, отсюда и результаты. И да, к некоторым ресурсам и возможностям у госсектора больше допуска, но, как я уже сказал, на нем и ответственности существенно больше.

Я: В чем же это проявляется?

Беглый: Ну, это уже к теме дискуссии не относится. Если говорить обо всем, это пустой треп получается. Может это связано с Вашими собственными неудачами на малых территориях или ГОИ? Более того, Вы ведь и сами некоторое время возглавляли, пусть и не большое, но государственное предприятие, что-то тогда Вы не заикались про несправедливо особые условия для подобных организаций.

Я: Я могу привести Вам тысячи задокументированных свидетельств обратного, но это бессмысленно, так как всей нынешней дискуссией Вы показываете, что у предприятий госсектора принцип один: «у нас все хорошо, а остальные нас не волнуют». Это естественно, только есть одна проблема для вас, в случае чего, вы не сможете изолироваться или отвергаться, это я Вам гарантирую.»

Признаю, что последняя фраза была похожа на угрозу, и была лишней. Собственно, это мне и бросил Беглый, прервав свое подключение, дескать на «языке угроз» они не общаются. А из равновесия меня вывела именно его вселенская безразмерная наглость, типа он на что-то способен, он только на эту наглость и способен. Соглашусь, что не надо было реагировать, но это все вылезло на фоне очень большого количества задач. И надо сказать, что ни Шилов, ни Видов, ни друзья-коллеги мне по этому поводу вообще ничего не сказали, как-будто не заметили. Очень им за это благодарен, а я уж выводы про себя сделал.

Матвей, а нам-то, что на это реагировать? Каждый из нас мог оказаться в подобной ситуации. Вот и я, если вспомнить о самом ярком моем пиар-мероприятии в информпотоках, нарвалась на одну чрезвычайно стервозную и высокомерную губернаторшу мегаполиса. Вопрос был что-то типа о технологичном переустройстве и переоснащении мегаполисов. Тема сама по себе чрезвычайно дискуссионная и острая, а тут еще ее замашки «повелительницы урбанизации». В общем, вот, как мне это запомнилось: «

Я: Зачем нагромождать такое количество, да еще и слабо динамичных технологий, если можно создать несколько крупных сверх динамичных самообучающихся ядер?

Губернаторша: Елена Федоровна, Вы еще и специалист по настройке технологической инфраструктуры мегаполисов? Что-то я не припомню, чтобы Вы когда-то имели к этому от-

ношение. Поэтому, любое Ваше мнение относительно этого вопроса является дилетантским. У Вас уже был шанс проявить в себя в рамках управления мегаполисами, когда занимались этой вашей аферой с локациями досуга. Напомнить результаты?

Я: Будьте добры, напомните. Напомните про: снижение заболеваемости в короткие сроки, ранее диагностирование, снижение количества разбойных преступлений и так далее. Напомните. Также напомните про: технологическую отсталость наших мегаполисов, даже не от мегаполисов соседних государств, это характерно и для столицы; необоснованно высокую плотность застройки, связанную с патологическим нежеланием расширять инфраструктуру; «золотые» коммунальные ресурсы. Напомните про все это, пожалуйста.

Губернаторша: И что толку от того, что Вы сейчас все это перечислили? Лично я, все эти вопросы поднимала неоднократно, и добилась немалых результатов. Да, есть большое количество нерешенных вопросов, но не я их создала, и не за один день они решаются, а огульно критиковать проще всего.

Я: Верно, решаются они не за один день, но и не за десятилетия, которые были у Вас в распоряжении. Но я несколько не ратую за Вашу отставку, и уж, тем более, к это не призываю. Я всего лишь обращаю внимание на то, что в управлении мегаполисами, и не только в этом, очень много внимания уделяется показным вещам, и практически не уделяется

внимание вещам насущным. Прекрасно понимаю, что такое положение вещей сформировалось давным давно, и Вы, почему-то, считаете это неким оправданием, только это все ведет прямо к коллапсу, от которого пострадают все.

Губернаторша: К такому же коллапсу, какой был при кризисе общественных институтов? Кризисе, к которому Вы имеете непосредственное отношение, и катализатором которого послужили Ваши действия, в том числе? После этого Вы имеете наглость заявлять нам что-то о коллапсах.

Я: Это все трактовки и интерпретации, от того, кто эту проблему озвучивает, проблема не исчезнет. У нас есть предложения с хорошо просчитанными результатами. Не устраиваем мы, есть еще пару групп с адекватным видением. Вы же просто этот вопрос, фактически игнорируете. Но проблема эта наступит, не сомневайтесь, и Вы будете первой, на ком это скажется. Собственно, мне без разницы, со своей карьерой Вы разберетесь без меня, а вот парализованные мегаполисы могут стать проблемой для всей страны.

Губернаторша: И все же, одним из самых главных залогов того, что подобный коллапс не случился является то, чтобы держать Вас и подобным Вам подальше от вмешательства в эти процессы.

Я: А кто же в таком случае будет крайним?

Губернаторша: Я отказываюсь вести дальнейшую дискуссию в подобном ключе...»

На этом включение было завершено. А главный его итог,

да и всех остальных подобных включений, заключался в том, что промахи с интеграторами, кооператорами, инвестклиматом и кризисом общественных институтов нам будут вспоминать до скончания времен, что предсказуемо и понятно, но надо было как-то минимизировать негатив от этого. И первым решением было провести своего рода «работу над ошибками» и опубликовать в свободном доступе результаты этой работы.

Да уж, задачка была веселенькой. С одной стороны в этой работе мы ни в коем случае не должны были компрометировать госаппарат, и даже его касаться, с другой стороны содержание должно было быть настолько понятным и прозрачным, чтобы его интерпретация была непосильной задачей. Вот мы и решили публиковать по одному аспекту за раз, так и началась та самая серия статей, которая потом переросла в большой цикл, и благодаря которой мы втроем получили необходимый пиар-эффект. Содержание этих статей Вам хорошо известны, некоторые из них стали хрестоматийными.

Я вам больше скажу, благодаря этим публикациям, во многом, сформированы мои взгляды на общество, бизнес и государство. Пожалуй, во время моей учебы эти статьи были единственной здоровой альтернативой «официальной образовательной линии» в плане государственного устройства.

Ну-ну, ты, Юр, преувеличиваешь, просто эти публикации были до такой степени конкретны, показательны и обезличены, что резко выделялись на фоне всего остального, что

тогда публиковалось. С моей, точки зрения интереснее то, как эти статьи писались. Алгоритм написания был довольно стандартный, хоть и требовал обработки огромного количества информации и данных, благо, таковые в нашем распоряжении имелись. В общих чертах, алгоритм состоял в следующем: отфильтровывались все данные, согласно выбранного аспекта, по нашей деятельности; отфильтровывались все данные, согласно выбранного аспекта, по деятельности государства; данные обезличивались и абсолютизировались; данные накладывались друг друга; выявлялись и описывались проблемные места при наложении. Финальная редактура, разумеется, была за Шиловым. Более того, в самых спорных и «опасных» местах он делал прямую ссылку на себя. В результате всего этого получалась статья с очень прозрачными и понятными ответами на вопросы: «Что делать не надо» и «Как надо делать», по конкретному узкому аспекту функционирования связки «общество-бизнес-власть».

Глава 23.

А это самопожертвование Шилова было специальным и осознанным, или это было неотъемлемой частью его характера?

Вы о просьбе или предложении сослаться на него в случае чего? Он точно не считал это самопожертвованием. Это был обычный расчет и один из вариантов разрешения «опас-

ных» ситуаций. Такой подход объясняется несколькими причинами, во-первых, самая очевидная, Авдей Наумович был гораздо известнее и авторитетнее нас, а его репутация говорила о том, что лучше с ним лишний раз не сходитесь в прямых дискуссиях, особенно если позиции очень шаткие, как у большинства аппаратчиков, поэтому они старательно избегали публичных контактов с ним. Во-вторых: на Шилова итак было завязано много негатива, в связи со всем тем, что мы уже рассказали, так-что тут рассуждение простое – «один негативом больше одним меньше», Авдей Наумович спокойно это все принимал, и даже многое использовал в свою пользу. «Абсорбировать весь негатив лучше на ком-то одном, чем «размазывать» его ровным слоем по всем», таков был аргумент Шилова по этому поводу. Плюс ко всему Авдей Наумович был с самых истоков настроен на подобное положение дел, так-что можно сказать, что для него противоположная ситуация была бы странной и непонятной.

Понятно. А когда, по-вашему, завершился этап вашего широкого пиара?

Ха, пиар – процесс постоянный и непрерывный. Но, если говорить о тогдашних текущих нуждах «ДВик», то в течение полугода мы стали узнаваемыми на уровне самых известных представителей выборных органов, этого было достаточно, чтобы спокойно представить нас в качестве нового руководства движения. Это и было сделано, причем без всякой помпы, пафоса и прочих атрибутов, свойственных веду-

щим политическим организациям, и не только им. Процедура передачи прошла очень буднично, даже рутинно: «веселая троица» написала заявление о выходе, «в связи с пассивностью движения, на фоне их активности»; голосующие участники движения, практически единогласно, так как не было альтернативы, избрали нас высшим руководящим органом; мы подписали соответствующее соглашение и все, начался период, когда мы были лидерами «ДВиК». После всей этой ускоренной передачи, мы начали сразу же реализовывать все те тезисы, о которых было сказано раньше. Происходило это все, разумеется, при непосредственном и активном участии Шилова, иногда подключался Видов. В частности, Геннадий Евсеевич предложил нам эффективный механизм по выявлению «деструктивных элементов», после применения которого были выявлены практически все анархисты, «шпионы троицы» и просто праздно шатающиеся.

И как же вы в отношении них поступили?

А ничего особого мы выдумывать не стали, мы их сделали, номинально, публичным активом. Проще говоря, они проводили согласованные виртуальные митинги, дискуссионные площадки, «одобренные» пикеты и тому подобное. Конечно же, тематикой всех этих акций был чистейший популизм и демагогия, но главная задача в отношении этой части движения решалась – удовлетворялась потребность в чувстве собственной важности. Мы же могли спокойно сосредоточиться на реализации главных задач. Например, мы

достаточно быстро смогли сформировать наполнение персоналом для ОАММ из участников движения. Для многих это даже стало профессиональным занятием.

Очень хорошо, что Вы вернулись к ОАММ. Сам хотел предложить это сделать. Как же функционировала связка ОАММ-«ДВиК»?

А очень связано они функционировали, тут по другому и не скажешь. ОАММ, в том числе с помощью сил движения, собирал и обрабатывал данные, делая на их основании отчеты, выкладки и прогнозы по различным сферам и направлениям. «ДВиК» же выступал легитимной площадкой для оглашения данных и выводов. Более того, теперь даже научное сообщество и академсовет могли использовать движение для публичных обсуждений вопросов, по которым раньше была с этим проблема.

Тут, думаю, надо пояснить почему была проблема. А проблема была из-за, якобы, низкого интереса к информации и публичным мероприятиям научного сообщества со стороны широких масс. Проще говоря, все информационное поле, персональные ИИ, информационные потоки были настроены и заточены исключительно под развлекательный и «быстро продающий» контент. Ресурсы научного сообщества просто не могли через это пробиться, то есть были, как бы, невидимыми для подавляющего большинства. У общественно-политического движения же было свое гарантированное законом место в «видимом» информационном про-

странстве. Этой возможностью мы также воспользовались.

Возможно глупый вопрос, но как этим вам позволили воспользоваться верхи?

Отнюдь, вполне логичный вопрос. Мы, признаться, тоже были в некотором недоумении по этому поводу. А ответ на него был достаточно простой, хоть и комплексный. Во-первых, очевидно, фактор административного и государственного ресурса никто не отменял. И давно уже никого из аппаратчиков не волновало, что этот административный ресурс, как правило, применялся в интересах частного во вред общему, это давней болезненный вопрос, не будем его сейчас развивать. Второе, все-таки объем покрытия и охват официальных и государственных информпотоков был несравненно шире нашего информпространства, мы могли претендовать только на не самые заметные ссылки с государственных ресурсов. Ну, и третье, роль «крайних» лучше всего реализуется теми, кто всегда на виду. Как ты что-то свалишь на никого? А тут пожалуйста, известные, медийные персоны, тут тебе и резонанс, и распространение, и пиар-эффект, в общем, все, что угодно. Да еще и с нашим послужным списком, при неразрывной ассоциации с Шиловым. То есть, наше постоянное нахождение на виду верхам было выгодно, да до такой степени, что они даже начали нас приглашать на расширенные мероприятия госсовета. В качестве, как им казалось, «шутов», разумеется. Мы это понимали, поэтому, чтобы не давать им возможности закрепить за нами подобную роль, в

дискуссии и полемики не вдавались, а оперировали только фактами, и ставили вопросы на основании реальных данных.

Вадим, думаю, что для демонстрации подобных типичных мероприятий госсовета с нашим участием, можно вспомнить примерное содержание какого-нибудь мероприятия. Мне вот, например, вспоминается обсуждение вопроса применения данных в государственной деятельности. Если позволите, приблизительно суть нашего выступления я озвучу. Только, для начала, надо обозначить, что наши выступления всегда жестко регламентировались, и даже не по времени, а по объему информации, так-что мы всегда были вынуждены подгонять наши доклады под дозволенный объем. Вот, что это из себя представляло: «

Председательствующий: Традиционно, как в любом цивилизованном государстве, даем высказаться представителям альтернативных и неофициальных точек зрения. Руководители «ДВиК», пожалуйста.

Вадим Максимович: Всех приветствуем! Много времени не займем. В очередной раз вынуждены обратить внимание, что официальные данные расходятся с данными ОАММ на десять-пятнадцать процентов минимум, в сторону выгодную государству. Это уже становится некой нерушимой закономерностью. Особенно это примечательно в контексте заявленной темы. Вот вам и принципиальный ответ на многие озвученные здесь вопросы – с какими данными работаете, такие результаты и получаете. И это не говоря уже о пробле-

ме подгонки данных под нужные значения.

Председательствующий: Предложения, Вадим Максимович, предложения, а-то от вас постоянно только критика.

Вадим Максимович: Предложение простое, вы хотя бы из всех доступных данных выводите среднеарифметические значения, и уже будут несколько другие результаты, гораздо более объективные и отвечающие общественным интересам. А-то когда государство делает все только в свою пользу, страдает, прежде всего, самого государство, об этом говорят множество фактов, приведенных в пояснительных материалах к нашему сегодняшнему выступлению. Елена Федоровна же, коротко озвучит предложения по сегодняшней повестке.

Елена Федоровна: Действительно, очень коротко. Первое, рекомендуем брать консолидированные данные с частных предприятий, они более объективные. Второе, упростите процедуру доступа к данным, не сопряженных с безопасностью суверенитета, это позволит выявлять неточности на ранних стадиях. И третье, необходимо использовать специальный набор данных под соответствующие задачи, а не руководствоваться только макроданными.

Председательствующий: Елена Федоровна, мы все это слышали от Вас и вашей группы уже не раз, наше отношение к данным предложениям Вам известно. Есть что-то более конкретное? А-то получается некий сломанный речевой бот в Вашем исполнении.

Елена Федоровна: А вот на счет этого, в частности, отно-

сительного исполнения и обязательного принятия к сведению альтернативной информации и альтернативных данных, поведает Матвей Сергеевич. Матвей Сергеевич, представьте, пожалуйста, ситуацию по данному вопросу.

Я: Собственно, с этим аспектом все просто, принятия решений, заключений и протоколов в сами данные включаются, но в финальных решениях к исполнению они не учитываются. Об этом говорит не только наш мониторинг, но даже службы внутреннего мониторинга некоторых государственных ведомств. Причем, альтернативные данные не включаются по-умолчанию, то есть нет никаких официальных контраргументов или обоснований. Это является прямым нарушением, как минимум, двух международных конвенций и около десятка внутренних нормативных актов, среди которых есть прямые директивы председателя госсвета. Показательным и вопиющим является пример, когда одна из государственных монополий для государственных субсидий формирует запрос исключительно исходя из своих данных, игнорируя даже данные правительства. И при этом, этот запрос удовлетворяется. И таких примеров масса. В этом, по моему мнению, и есть одна из главных проблем по заявленной сегодня теме.

Председательствующий: Ясно, вы предлагаете устроить информационный хаос при принятии решений.»

Далее слово было передано другим выступающим. Но чем примечательно именно то мероприятие? А тем, что нас, в

большей степени Шилова, очень сильно не устроило последнее высказывание председательствующего. Да так, что мы решили организовать в отношении него процесс о допустимости и правомочности подобных высказываний и суждений.

Не могли бы Вы нам это остановиться чуть подробнее?

Я к этому и веду. Тем более, много времени это не займет. Собственно, сам процесс был довольно бюрократичный и процедурный, и примечателен не он, а его результаты, которые были оглашены на финальном слушании. И это было первое за долгое время появление Авдея Наумовича в высших государственных структурах, пусть и не публичное. Процесс, как Вы понимаете, был закрытым. Финальное слушание проходило в Верховной комиссии по этике, и вот его основная суть: «

Глава комиссии: Авдей Наумович, в качестве основного заявителя, выскажете официальное прошение комиссии.

Шилов: Прошу комиссию, на основании предоставленных и рассмотренных материалов, отстранить указанного государственного служащего от занимаемой должности с запретом занимать любые должности в государственном секторе в течение трех лет.

Глава комиссии: Прощение понятно. На основании рассмотренных материалов, в виду существенных доказательств и систематичности указанных нарушений со стороны обвиняемого, комиссия постановила: удовлетворить про-

шение группы лиц об отстранении от должности и запрете на работу в государственном секторе указанного гражданина. Решение комиссии носит настойчиво-рекомендательный характер и передается в главный секретариат государственного совета.»

Данное решение для нас было очень неожиданным. Максимум, на что мы рассчитывали, было вынесение предписание о внесении корректив в поведение. Но чтобы прошение было полностью удовлетворено, даже близко такой вариант не рассматривался.

По-началу, мы даже думали, что это чье-то сведение счетов. Но если чуть углубиться, то становится понятно, что данный процесс был слишком сложный и долгий для «стандартного» сведения счетов в государственном секторе. Нам ничего не оставалось кроме, как согласиться с тем, что мы действительно представили неопровержимые доказательства, аргументы и доводы, а самое главное, убедили в прямом вреде государству от подобных действий со стороны данного чиновника, в результате чего его отстранили по всем существовавшим на тот момент правилам. Более того, поскольку мы не рассчитывали на то, что наше прошение удовлетворят и указанное лицо снимут сложности, мы не продумали, как будем нивелировать его месть и ответные шаги, а они последовали. Разумеется, для нас все его потуги на этой почве не стали проблемой. Да и что он мог, находясь, пусть и в официальной, опале? Тем не менее, кое на что нам отве-

чать пришлось, а вот если бы мы были готовы, то до этого вообще бы не дошло. Я это вспомнил лишь для того, чтобы еще раз проиллюстрировать на сколько подавляющее большинство тогдашних чинуш были мелочными и склочными, как уж сейчас не знаю, и знать не хочу.

А вот после того, как мы «сняли» с должности этого достаточно высокопоставленного чиновника еще и отбив, при этом, все его мстительные нападки, да еще и используя только объективные, на сколько это возможно, аргументы, произошло событие из области фантастики. Точнее, мы тогда считали его фантастическим, это сейчас мы понимаем, что по другому и быть не могло, но обо всем по-порядку. После той «маленькой победы» над бюрократической машиной у нас, даже близко, не было никакой эйфории, мы спокойно продолжили заниматься текущими задачами ОАММ. Шилов своими, мы своими. И где-то через месяц после оглашения вердикта по прошению, Авдей Наумович собрал нас на срочную виар-конференцию. Вот ее примерное содержание: «

Шилов: Буквально вчера произошло событие, которое, признаться, не то что предположить не мог, у меня даже на горизонте подобных вариантов не было. К сути, со мной связался руководитель внутреннего управления госсвета, и вот по какому поводу – предлагает нам, то есть ОАММ, стать главной организацией по оценке и анализу комплексной ситуации внутри государства. Ваши соображения?

Я: Какова мотивация и аргументация?

Шилов: Да-да, упустил, исправляюсь... Мотивация простая: давно хотели и была необходимость, но не было достойной команды. В процессе со «снятием» чиновника подобного ранга, мы показали, что достойны. Аргументация еще сильнее – настояние Самого.

Матвей Сергеевич: Ясно – настоятельная просьба с обязательным исполнением. Что тут рассуждать? Надо исполнять. Какие варианты?

Шилов: Это все понятно, вопрос в том, как, в каком виде? Видение надо предоставить через неделю.

Елена Федоровна: Сделаем, не проблема. По-сути, нам надо адаптировать нашу существующую модель под их хотелки. При этом обязательно и без остатка учесть весь опыт с инвестклиматом.

Шилов: Целиком и полностью согласен, только вот поскольку для меня подобное предложение абсолютная неожиданность, я даже предположить не могу, какие у них могут быть хотелки.

Матвей Сергеевич: Может это происки Лобова?

Шилов: Очень сомнительно. Он бы сам уже давно связался, да и занят он сейчас совершенно другими заботами.

Елена Федоровна: Давайте исходить из явных интересов Верховного. Каковы они?

Я: Это-то, как раз, не сложно – чтобы вся «свора придворная» его не «загрызла». Какие у его еще могут быть интере-

сы?

Елена Федоровна: И как в этом ему можем посодействовать мы? При том, что мы ну никак не его сторонники.

Матвей Сергеевич: Полагаю, что только превентивным воздействием располагаемой информацией, других вариантов я не вижу. Полномочий же нам никто не даст.

Я: Мить, поясни, не уловил.

Матвей Сергеевич: Да просто все, разыгрывается следующий оборот: «вот тебе последний шанс образумиться, поизучай и прими верные решения; если нет, то готовься к соответствующим процессам в отношении тебя».

Я: Теперь понял. А сейчас-то почему они так не могут?

Шилов: Это-то как раз понятно – они не знают, что требовать к выполнению. У меня картинка сложилась, у вас я вижу, тоже. Картинка нормальная, действуем исходя из нее. Реализацию описанного Матвеем Сергеевичем «оборота» и предложим.»

И весь этот концепт мы упаковали, расписали и визуализировали за три дня, да так, что было понятно даже школьникам. Оставалось представить его руководителю управления и ждать ответной реакции. Причем, мы все же оставляли вероятность того, что это может быть негативно для нас, поэтому и к этому мы тоже подготовились. Но, к вопросу о полномочиях, все прошло, можно сказать, в позитивном неожиданном для нас ключе – наш концепт был не просто принят, были даже даны небольшие полномочия в вопросе

пресечения искажений и неправильного использования данных. Правда, было одно существенное условие – во всех своих отчетах и выводах мы должны были убеждаться, что называется, воочию, и все, что могли устранить самостоятельно, применяя наши полномочия, должны были устранять. Но, я бы не назвал это каким-то отягощением, даже наоборот, Шилов воспринял это с некоторым воодушевлением.

Так и есть. Только вот, как водиться, совсем без неприятностей не обошлось. И первой из них было проявление Лобова. Разговоры с ним никогда не были приятными, особенно после передачи программы и ГОИ, а тут, в этом контексте, да еще и, как оказалось, без его ведома, ну совсем получился разговор на грани его самообладания. Состоялся он, по-случайности, в нашем присутствии, когда мы с Авдеем Наумовичем составляли консолидированный план действий ОАММ, с учетом новых обстоятельств и задач. Содержание его было, приблизительно, следующим: «

Лобов: Ты Авдей, со своей бандой, хотите заставить меня жалеть о том, что я вас репутационно не уничтожил, когда у меня была возможность?

Шилов: И Вам здравствуйте, Евгений Генрихович! Нельзя пропустить часть с угрозами, и перейти непосредственно к сути?

Лобов: Авдей, ты себя неприкасаемым возомнил? Тебе разуверить в этом? Сам решу, что и как мне делать. В общем так, ребятки, слушайте внимательно и внимайте, если хоть

какое-то малейшее поползновение в сторону моих интересов, или я увижу, что вы пользуетесь своей осведомленностью о программе и ГОИ, я вас с вашей конторкой захлопну так, что про вас уже точно никто и никогда не вспомнит.

Шилов: Господин Лобов, мы будем действовать в точном соответствии с нашими договоренностями с Управлением, и никаких исключений, особенно основанных на угрозах, мы делать не будем. Если Ваша деятельность, на основании наших данных и выводов, не будет представлять интереса для соответствующих служб, то и опасаться Вам нечего. Это все зависит от вас. Могу гарантировать, что предвзятости к Вам с нашей стороны не будет. Более того, наша деятельность не подразумевает анализа чего-то или кого-то конкретного, мы занимаемся комплексным мониторингом...

Лобов: Знаю я, чем вы занимаетесь. Будем считать, что мы друг друга услышали. Не делайте из меня врага, с которым не справитесь.»

На этом Лобов разорвал подключение. У нас же по итогам этого разговора сформировалась только одна мысль – и это каждый аппаратчик, в случае негативных выводов для него, будет принимать все на свой личный счет. Мы, конечно же, другого и не ожидали, но данный разговор с Лобовым нам явно проиллюстрировал, как это может быть. И с этим надо было что-то делать. Лучшим решением на тот момент было приглашать кого-нибудь из Управления к участию в таких вот разговорах, пускай разбираются между собой в сво-

их кругах.

Я правильно понимаю, что именно после этих событий, связанных с соглашением с Управлением, ОАММ стала главной независимой структурой государства по мониторингу и аналитике?

Ну, можно сказать и так. Хотя, не скрою, что в самих верхах, да и среди всего госаппарата, мы воспринимались, как организация, которая делает их грязную работу, чтобы их руки оставались чистыми. Проще говоря, роль крайних с нас никто не снимал, даже наоборот, она за нами еще больше закрепилась, так как, в случае чего, всегда можно было сказать: «это не мы, это они», пусть и все все понимали. Тут ведь еще какой аспект присутствовал, публичности-то нашей деятельности для Управления никто не давал, и не собирался давать, это уж точно не в интересах верхов. Точно также, как не было большой огласки в случае снятия с должности того чиновника. Так-что для широких масс и обывателей мы так и оставались, лидерами «ДВиК», а ОАММ некой аналитической структурой. Про Шилова к тому моменту уже практически забыли, так как тогда, если не появляешься в публичном пространстве больше недели-двух, то все, выпадаешь из поля зрения главных информационных потоков. Сам Авдей Наумович, разумеется, считал это благом для себя, и не только потому, что был нелюдимым, а еще и потому, что это была, своего рода, перезагрузка его общественного образа. «Всем известно, что лучше всего запоминается первое

и последнее. А еще лучше это все запоминается, когда средняя часть не вспоминается вовсе», этого его точное восприятие происходящего. Конечно, были неоднократные попытки и нашей стороны, и со стороны Видова вытащить Наумовича из информационной тени, даже изоляции, но на все эти попытки он отвечал односложно: «Не вижу резона». И правда, особого смысла в этом не было, скорее мы руководствовались наших субъективным пониманием должного положения вещей.

Глава 24.

И каковы же были ваши первые существенные результаты в вашем новом, пусть и не официальном, статусе?

Почему же неофициальном? Вполне официальном, только не публичном. Достоверно известно, что наши отчеты рассматривались наравне с отчетами государственных ведомств. Но, для начала хотелось бы остановиться не на первых серьезных результатах, а на том, как мы реализовывали все эти вновь возникшие задачи. Во-первых, стало понятно, что «сидением на одном» месте мы не обойдемся, надо было ездить по стране и наблюдать все воочию. По этому поводу, Авдей Наумович вновь запустил «жабу», живучая все-таки машина оказалась. Правда, на этот раз, мы ему компанию не составили, так как: «Вы уже давно самостоятельные, самодостаточные фигуры, нечего вам меня сопровождать.

Для оценки на месте достаточно только моих глаз.», с такой установкой он начал свой, казавшийся бесконечным, объезд страны. У нас, конечно же, тоже были разъезды, но, как правило, они совмещались с задачами, связанными с «ДВиК». И уж явно не в таком безвылазном режиме, как у Авдея Наумовича. Мне лично кажется, что состояние «постоянно в пути», наиболее соответствовало его характеру и мировоззрению на тот момент.

И сколько в общей сложности длился этот объезд?

Более четырех лет, с небольшими перерывами для участия в мероприятиях госсовета, академсовета и наших крупных мероприятиях. Тут важен еще такой момент – во время своего объезда Шилов параллельно основным задачам проводил, своего рода, ревизию или инвентаризацию всего, что важно было учесть в масштабах государства. Физически такого давно никто не делал, все полагались на данные различных ИИ, нейросетей, виртуальных аналитиков и так далее. «Человеческий мозг ничто и никогда не заменит. Иногда полезно и субъективное восприятие». Так появился, пожалуй, самый главный научно-аналитический труд его жизни «О положении дел через призму крайностей», который стал одной из основ всего современного «альтернативного мышления». И современный «ДВиК» и подавляющее большинство современных неорганизованных альтернативщиков основывают свои доктрины и тезисы именно на этом труде.

Вот и для меня «О положении дел...» является базой для

понимания реального государственного устройства и функционирования. Но, мы можем вернуться к этому труду позже? Когда к этому подойдем хронологически. Хотелось бы продолжить о том, как работала сформированная вами, на тот момент, система, и как вы решали весь этот широчайший спектр задач.

Позже, так позже. Продолжаем про повседневность ОАММ. А самым интересным во всей этой повседневности, как раз таки и была, так сказать, экспедиция Шилова, что не удивительно. В ОАММ к тому моменту моменту было все отлажено до автоматизма, даже с учетом новых задач от Управления. Нам оставалось только развивать все это: разрабатывать новые методики, формировать новые формы отчетов, расширять спектр исследований. Все это было так же не сложно сделать, так как все вытекало из логики текущей деятельности. Что же касается «ДВиК», то тот темп и те объемы мероприятий, которые были взяты при нашем «первичном пиаре», мы продолжали и даже немного наращивали. На основе рассказанных ранее принципов, движение окончательно было преобразовано из популистского, в движение, которое может «проанализировать, предложить и сделать». Мы даже допустили практику, при которой многие участники движения параллельно участвовали в деятельности других организаций и даже политических партий, разумеется не провластных и, тем более, не крайних взглядов. Кстати, подобный подход себя оправдал со всех сторон, во влиятель-

ности мы от этого только выиграли. Но, сейчас не о «ДВиК».

Да-да, к нему мы еще вернемся. Если вы утверждаете, что самым ярким в деятельности ОАММ была «экспедиция» Авдея Наумовича, то можно о ней чуть подробнее? Каким был первый запоминающийся момент из того периода?

На самом деле, яркие и запоминающиеся моменты начались сразу же с первой «остановки» Шилова. Начать он свою экспедицию решил с самого северного мегаполиса страны, как он выразился «самого забытого и депрессивного скопления людей в нашем государстве». В рамках первых оценочных поездок, перед ним стояло три основные задачи: оценить реальную реализацию базовых и гарантированных прав; оценить общее состояние инфраструктуры; оценить деловую среду. Да, надо сказать, что в каждом из пунктов Авдей Наумович останавливался не больше, чем на два-три дня, этого ему было достаточно. И еще один немаловажный аспект, с Шилова было взято обязательство сообщать о необходимости принятия срочных мер. Так вот, на второй день пребывания в том северном мегаполисе, Шилов сообщил Управлению и, автоматически, нам о том, что очень плохо реализуется, а в некоторых случаях даже саботируется реализация программы «северных дотаций». В результате чего, структура расходов, как частных так и муниципальных, очень сильно отличается от остальной части страны. Потенциальные последствия и фактическое положение, думаю разьяснять не нужно. По этому поводу к Авдею Наумовичу

была направлена направлена специальная группа по урегулированию этого вопроса, с нас, соответственно, нужны были предложения по этому урегулированию. Лично нам их делать не пришлось, Шилов сам с этим прекрасно справился. Тем более, что решение было достаточно простое – целевое первоочередное финансирование. Если чуть подробнее, то средства, выделенные в рамках этих дотаций предлагалось расходовать на социальные нужды до расходования средств мегаполиса. Прибывшая от Управления группа такое предложение приняла, лишь существенно сократив направления расходования, и, что не удивительно, существенно бюрократизировав процесс. В общем, программа «северных дотаций» была полностью переподчинена группе, считай центру в лице Управления. Чиновники же, занимавшиеся этой программой на постоянной основе в мегаполисе, остались не у дел. И вот, после отладки программы по новой схеме, был проведен «разбор полетов» по этому поводу, с отстранением соответствующих лиц, точнее несоответствующих. Этот разбор и стал первым ярким запоминающимся событием в рамках нашего сотрудничества с Управлением.

И что же на нем произошло?

А это, я думаю, Матвей Сергеевич расскажет лучше, он был непосредственным участником того процесса.

Да уж, это действительно был процесс, даже более комплексный, чем любой судебный. Собственно, вот, что примечательного произошло: «

Шилов: Да, я подтверждаю, что для бесперебойной реализации данной программы никаких мер принято не было, и программа фактически не исполнялась. Матвей Сергеевич, может это проиллюстрировать на примере положения о программе.

Глава Управления: Не нужно, мы хорошо ознакомились с выводами Матвея Сергеевича, предоставленными ранее. Вопрос несколько в другом – возможно ли управление данной программой из центра?

Шилов: Возможно, но крайне не эффективно.

Глава Управления: Спрошу по-другому, при условии реализации нововведений в программе, результаты будут лучше?

Шилов: При прочих равных, да. Субъективные аспекты и влияние никто не отменял.

Глава Управления: А с этим никто и не спорит. Ваше мнение мы слышали.»

Вот такое сжатое, сухое мероприятие вышло. Но из этого события можно сделать ряд достаточно однозначных выводов. Почему оно и запомнилось. Первое – мы окончательно убедились в своей роли составителей оснований для снятия тех или иных персон. Второе – никто из верхов не собирался ничего менять глобально, их интересовали локальные изменения удобные для них. Ну, и третье – началась очередная волна централизации.

На счет этих самых «волн централизации», надо пояс-

нить. Вообще, если говорить образно, в историческом масштабе наблюдается некое «дыхание» государственной структуры – оно то централизуется, это своего рода «вдох», и децентрализуется, это своего рода «выдох». Вот наше сотрудничество с Управлением и выпало на начало фазы «вдоха». Самое примечательное здесь то, что все периоды централизации в нашей стране были связаны с очень негативными событиями: войнами и различными кризисами. Понятно, что в случае войны централизации не избежать, да и нельзя, наверное по другому воевать. А вот в случае с другими кризисами, сама централизация их и порождала. Вот и в нашем случае мы заключили, что раз войны, к великому счастью, ничего не предвещает, значит будет очередной внутригосударственный кризис. Осталось только понять с чем он будет связан и в чем он будет заключаться. А сверхзадачей было понять, как избежать или минимизировать последствия этого «дыхания», ведь без него государство «задохнется».

Если говорить о фазах централизации и их негативе, то и при фазах децентрализации было полно малоприятных моментов, мягко говоря. Хотя, если сопоставлять напрямую «вдох» и «выдох», то больший позитив наблюдается именно во втором случае. Оно и понятно, ведь, например, удары в боевых искусствах делаются на выдохе, так достигается наибольшая эффективность удара. Но, что мы перебрали с аллегориями. Если кратко подытоживать, то в подавляющем большинстве случаев централизация всегда сопровождается

и серьезной мобилизацией госаппарата. Только вот для чего была эта мобилизация, нам на тот момент не было понятно. Поэтому мы в режиме «для себя» начали прикидывать различные варианты развития подобной ситуации.

И какие же сценарии вами рассматривались в первую очередь?

Таких сценариев было всего два: первый и самый явный – внешняя угроза, второй – прореживание государственно-го аппарата. На самом деле, к этим сценариям было прийти достаточно просто. Особенно, если учесть, что это была середина электорального цикла, которая практически исключала все движения, связанные с заменой, подменой или сменной правящей верхушки. Мы склонялись к тому, что второй сценарий был наиболее вероятен, так как для внешней угрозы было ну очень мало предпосылок, даже если их «притягивать за уши». А вот возможные причины возможного прореживания государственного аппарата нужно было понимать. Мы сошлись на трех главных факторах этого процесса: растущая очень быстрыми темпами виртуализация и автономные синтетические интеллектуальные системы, высокая степень подконтрольности жизнедеятельности, нехватка человеческих ресурсов в реальном секторе. Все эти факторы напрашивались сами собой. Только вот до этого, даже при наличии этих факторов, госаппарат планомерно разрастался, вопреки всему, так что у нас не было уверенности в реалистичности данного сценария, поэтому мы выработали еще и

третий. Этот сценарий основывался на переворачивании нашей логики в возможную логику верхов, на основании нашего сверхбогатого опыта общения и взаимодействия с ними. По нему получалось, что все эти мобилизационные процессы нужны были для окончательного и бесповоротного закрепления их в текущих статусах. Проще говоря, нами рассматривалась еще одна попытка реализации давней мечты многих поколений верхов – «передача должности и статуса по наследству». И в эту логику наши задачи, связанные с Управлением, вписывались очень гармонично.

Это означает, что третий сценарий оказался верным?

Не совсем, точнее, в будущем сам поймешь и сделаешь выводы. Конечно, мысли о возрождении «престолонаследия» в головах верхов присутствовали всегда, иначе это были бы не они. Но, на тот момент мы сконцентрировались на вопросе – к каким последствиям это может привести. Кстати, в этом вопросе мы пришли к выводам, что последствия не будут однозначно негативными или однозначно позитивными, а самое примечательное, что наши изыскания не показали каких-либо существенных изменений для той части населения, которая не относится к государственному сектору. Что это означало для нашей деятельности? Все просто – ни смотря ни на что мы должны были выявлять и устранять максимально возможное количество неэффективностей, перекосов, саботажей и так далее. Иными словами, ничего не поменялось, кроме одного – понимания того, что всю нашу

деятельность, в случае необходимости, обязательно используют и против нас, для реализации своих корыстных намерений. Также, как это было с Лобовым, только в гораздо более экстремальном варианте. Вот с такой вот установкой и новыми вводными мы продолжили свою деятельность.

И каковы были первые существенные для вас результаты?

Я бы вспомнила не первый существенный, а первый широко заметный результат, он связан с ликвидацией целой организации, пусть и небольшой. Случилось это где-то через четыре месяца после «дела о северных дотациях». Авдей Наумович перебрался в крупнейший сельскохозяйственный район страны, собственно, который мы и создали в рамках программы по территориям. И это был первый случай, когда мы, в рамках сотрудничества с Управлением, напрямую пресеклись с интересами и сферой влияния Лобова, да еще и на почве того, что когда-то было под нашим руководством. В общем, веселенькие условия складывались. Задачи по этому региону у Шилова были абсолютно такие же, как по любому другому, мы их уже озвучивали, и я могу гарантировать, что ни малейшей предвзятости, ни в этом случае, ни в любом другом, Авдей Наумович не проявлял. Как Вы понимаете, Лобов был другого мнения. Но, по-порядку. После проведения всех необходимых оценочных мероприятий и процедур, прежде всего были выявлены ряд, и большой ряд, стандартных отклонений и перекосов, под общей логикой – «каждый из должностных лиц делал то, что и как он

считал нужным». Подобные вещи Управление мало интересовали, они из без наших изысканий про это все были достаточно хорошо осведомлены. А вот, что действительно выделялось, даже на фоне «массовой интерпретации должностных обязанностей», так это деятельность организации, которая должна была обеспечивать сопровождение, обновление и полное обслуживание сельскохозяйственных технологий. Кстати, которые мы с Авдеем Наумовичем так скрупулезно восстанавливали и воссоздавали. Оказалось, что «веселая троица» выбила под эту организацию государственное финансирование, но фактически деятельность не велась. А зачем? Сельхозпродукция ведь выпускалась, пусть и со значительным снижением объемов, но это всегда можно списать на неблагоприятные условия. Вообще, сельское хозяйство достаточно долго может функционировать по инерции, при определенных условиях, которые мы и создали. Так вот, обо всем этом, без всякого приукрашивания и нагнетания, Шилов и отправил свой отчет в Управление, и спокойно отправился в другой регион. Он даже как-то признался, что вообще не рассчитывал ни на какой эффект в результате данного отчета, особенно зная про близкое взаимодействие Лобова и Управления. Но нет, через неделю после выявления факта непонятного использования средств на технологическое сопровождение сельского хозяйства, Шилова пригласили к участию в разборе данного факта в Управлении.

Да-да, я очень хорошо помню тот разбор, так как был

содокладчиком Авдея Наумовича, причем в качестве первого учредителя рассматриваемой организации. Со стороны «веселой троицы» ответчиком выступал Пиров – человек с невиданным пофигизмом. Насколько я понимаю, он был постоянным участником подобных мероприятий со стороны Лобова, так как был вообще не восприимчив к тому, что в отношении них говорили. Суть того разбора это хорошо продемонстрирует. Вот, примерно, как все обстояло: «

Глава Управления: Авдей Наумович и Вадим Максимович, давайте сразу для всех закроем вот какой вопрос – вы оба являетесь первыми учредителями рассматриваемой организации?

Шилов: Да, это никогда не скрывалось.

Глава Управления: Как вы можете гарантировать отсутствие предвзятости с вашей стороны?

Шилов: Во-первых, мы уже больше пяти лет не имеем к этой организации никакого отношения, это легко можно проследить. Во-вторых, в автономный алгоритм сбора и анализа данных за последний месяц не вносилось никаких изменений, а направили Вы меня для данной проверки только десять дней назад. Ну, и в-третьих, у нас нет и не может быть никаких выгод, связанных с сегодняшним разбирательством.

Глава Управления: Господин Пиров, Вы слышали? Чтобы не было инсинуаций по этому поводу.

Пиров: Никто и не планировал никаких инсинуаций. У

нас большие вопросы и несогласие с самими выводами и заключениями.

Глава Управления: Тогда, излагайте свое несогласие.

Пиров: Собственно, главное несогласие заключается в том, что нет критериев обязательного обновления технологий. Проще говоря, если все нормально работает, зачем что-то обновлять или менять? Тем более, что в тестовом режиме новые технологии закупались, но не была определена необходимость их применения. Что же касается обновления, то тут все, как положено.

Глава Управления: При всем при этом, у нас наблюдается всестороннее падение сельхозпроизводства.

Пиров: Так это не только у нас.

Глава Управления: Господин Шилов, дополните ваши доводы.

Шилов: На самом деле, главный аспект, на который, видимо, не обратил внимание господин Пиров, заключается в том, что главной задачей рассматриваемой организации является самостоятельное создание и разработка новых технологий в сельском хозяйстве, чего последние три года вообще не происходит, а ресурсы на это направление были сокращены до минимума. В связи с этим важно отметить, что государственное финансирование на восемьдесят процентов выделялось именно на разработки.

Глава Управления: Мы также обратили на это внимание, и четких, вразумительных ответом от Вас, господин Пиров,

мы так и не получили. Может сейчас есть, что ответить?

Пиров: На мой взгляд все очевидно. Направление разработки не было заморожено, а было приостановлено в связи с существенным снижением темпов роста данного сектора. Средства, выделенные для этих целей были аккумулированы в надежных источниках, под хорошую доходность, бюджет от этого никак не пострадал. Возобновится рост, возобновятся и разработки.

Шилов: А вот у нас сложилась несколько другая картина. Вадим Михайлович, озвучьте, пожалуйста, наши главные выводы.

Я: Средства действительно были аккумулированы в государственных и региональных займах. Правда с этим есть одна существенная проблема, половина из этих средств исключительно целевые, то есть не могут подлежать никакому иному применению кроме, как для разработки и усовершенствования технологий в сельском хозяйстве. Вторая часть выделялась под финансирование капитальных фондов организации, чего сделано не было. И вообще, складывается странная история «давать в долг государству из государственных денег»...

Шилов: В общем, средства, выделенные на обновление и создание новых технологий в сельском хозяйстве были направлены куда угодно, только не по целевому назначению.

Глава Управления: Это мы поняли, и вынуждены согласиться с вашими выводами. Дальнейшего вашего участия в

этом разбирательстве больше не потребуется. Продолжайте работу.»

После этих слов нас отключили. Решение по этому разбирательству было следующим: вернуть все без остатка в бюджет, временно заморозить финансирование рассмотренного направления, в принудительном порядке обеспечить рост сельхозпроизводства. Переводя на человеческий, это значило – мы вас уличили, больше так не делайте, верните игрушки и нарисуйте нам позитивные циферки. Впрочем, другого мы и не ожидали. Уже было хорошо, что мы, хоть и формально, заткнули достаточно существенную дырку в бюджете, пусть и местном.

Не мог не обратить внимание, Вас действительно Авдей Наумович перебил, или это у Вас такое повествование получилось?

А, это... Да, он действительно перебил, точнее, целенаправленно не дал договорить. Но, это было совершенно оправданно. Дело все в том, что у нас к тому моменту не было ни малейшего представления о том, как весь госаппарат реально функционирует, имеется в виду, с точки зрения конкретных схем, подходов и уловок. Были только догадки. Да-да, не удивляйся, за весь опыт общения с аппаратом, который у нас был на тот момент, мы так этим вопросом и не озадачились, надобности не было, да и других вопросов было больше, чем достаточно. А тут сами обстоятельства к этому подтолкнули. Перебил же меня Авдей Наумович из-за того,

что было еще очень рано раскрывать эту нашу деятельность и ее результаты. А схема «взял из бюджета финансирование, отдал в долг ему же это финансирование» была очень распространенной, и не время было это озвучивать, не понимая весь масштаб.

Вадим, разреши тебя немного подкорректировать, а-то ты так рассказываешь, будто мы компромат на государство собирали и хотели это использовать в своих корыстных целях. Нет, так действует только номенклатура. Нашей главной задачей было, понимая, как все устроено на тот момент, предложить, своего рода, реформатирование для гораздо лучших результатов, как раз таки без революций, переворотов и потрясений. И да, это было возможно, но для этого нам нужна была исчерпывающая, полная картина реального устройства и функционирования государственной машины, и работа на Управление была как нельзя кстати. Мы еще дойдем того, что из этого вышло. На тот же момент нам нужна была достоверная картина «кто, кому, куда, чего». Собственно, мы ею и занимались.

И что, Управление не было в курсе этой вашей дополнительной параллельной деятельности?

Наверняка было, даже сто процентов было. Но, думаю, что и им такая картинка тоже была нужна, так как они были ее частью и не могли посмотреть на все со стороны, поэтому с их стороны нам помех не было. И потом, мы же не пытались этим воспользоваться, а если бы и попытались, то с нами бы

очень быстро разобрались, в этом мы полностью отдавали себе отчет.

А что же Лобов, после того разбирательства?

Ха, очень уместный вопрос. Разумеется, ему надо было направить на нас свой совсем не праведный гнев. Причем на этот раз именно на нас троих, без участия Авдея Наумовича. С чем это связано? Скорее всего с тем, что таким образом он хотел «отдалить» нас от Шилова. Впрочем, это только догадки, можешь сам рассудить из сути разговора: «

Лобов: Ребятки, вы что-то распоясались и совсем страх потеряли. Ну ладно Шилов, у него не все с головой в порядке. Вы-то куда? Ведь ясно же всем дал понять.

Я: Евгений Генрихович, не могли бы Вы конкретизировать причину Вашего негодования?

Лобов: Вы мне эти шиловские замашки бросьте, понахватались. Я вас очень однозначно предупреждал на счет таких вот ваших финтов. Вы думаете, что Управление за вас вступится? Так это только пока вы у него в «милости». А что будет, когда эта «милость» исчезнет? Я же у вас все моментально отберу.

Матвей Сергеевич: Господин Лобов, мне это все известно лучше, чем кому бы то ни было. Только вот отбирать, фактически, у нас нечего. А чтобы подобных ситуаций больше не случалось, банально, заставьте своих «видных последователей» лучше работать, точнее, просто работать, а не заниматься повсеместно примитивным схематозом.

Лобов: Мить, ты что это, сильно осмелел? Или охамел? Ты мне будешь говорить, что мне делать? В общем, смотрите ребятки, это было самое последнее предупреждение.»

Злость и даже испуг Лобова был понятен, из-за отмо-роженности «веселой троицы» он мог лишиться достаточ-но большой сферы влияния и источников финансирования. Мог ли он что-то с этим сделать? Не понятно, да и все рав-но было нам. Только чем еще важно то разбирательство и последующая реакция Лобова? А тем, что это было началом ухода Лобова на «вторые роли», с одной стороны, и началом восхождения на большие государственные должности «весе-лой троицы», с другой. И тут главное не сами должности, а влияние, которое они получили.

Эти два процесса вы связываете со своей деятельностью?

Конечно же, нет. Это было нереально. Скорее, мы немно-го поучаствовали в формировании оснований для этих про-цессов. Проще говоря, внесли свою лепту в «аргументы за и против», так как оба эти процесса были, безусловно, управ-ляемыми сверху. Если честно, нам бы, тем более Шилову, несколько бы не польстило участие в любом из этих процес-сов.

Глава 25.

А на вас все эти изменения в верхах, как-то отразились? Скорее не изменения, а банальные перестановки, коих

случается не мало. Не знаю достоверно с этим это связано или нет, но расширили полномочия, теперь мы могли по мелким вопросам сами принимать решения и вносить изменения в текущую деятельность. Мелкими вопросами, по сути, являлось все, что относилось к низовому уровню, проще говоря, вся текучка. Как ты уже, наверное, успел сообразить, Управление этим просто перекинуло на нас ворох вопросов, который их отвлекал, но существенного влияния ни на что не оказывал. Как выразился Шилов: «Теперь мы стали еще и уборщиками мелкого бюрократического хлама. Но это всем только на пользу пойдет». И действительно, у нас это много времени не отнимало, так как нам было достаточно приводить все в соответствие с действующими нормами, исполнение которых легко было проследить. А эффект от этого получался довольно ощутимый, так как многие публичные задачи начали сдвигаться с мертвой точки, так как ситуация перешла из разряда «бюрократической прокрастинации» в ситуацию «бюрократической реализации».

Вадим, я думаю, что Юра спросил несколько не об этом, а том, как происходили метаморфозы с «троицей» и Лобовым, с нашей точки зрения. Юрий, я права?

Прошу прощения за неточную формулировку. Разумеется, наиболее существенными для меня и для материала является именно ваша деятельность. Но, раз уж речь зашла об изменениях в верхах, то хотелось бы, коротко, услышать и ваш взгляд на эти события. Поэтому, если можно, давайте

остановимся на этом, а потом вернемся к вам.

Без проблем, тем более, что на хронологию и логику нашего повествования это практически не повлияет. Как ни крути, это все взаимосвязано. Начальной же точкой «восхождения веселой троицы» и одновременного ухода Лобова на второй план была даже не ситуация с организацией по технологическому сопровождению сельского хозяйства, это все дополнительные поводы, реальные причины лежали исключительно в плоскости взаимоотношений в верхах. Оно и понятно, у нас по другому просто не бывает. Разумеется, достоверной информации о том, что там происходило у нас нет, и быть не может, мы можем только догадываться и делать выводы на основании косвенных признаков, которые до нас доходили. И наделение нас полномочиями для урегулирования в низах, как раз и есть один из таких косвенных признаков. Самым же ярким признаком была та самая мобилизация-централизация, о которой мы подробно рассказали ранее. И все это в совокупности могло свидетельствовать только о двух вещах, либо появился новый сильный субъект влияния, либо старые решили перегруппироваться для каких-то изменений. Принимая во внимание весь наш опыт взаимодействия с госаппаратом, а также все исторические аналогии, первый вариант оказался наиболее вероятным. И, через некоторое время, он подтвердился.

Вадим, извини, но мне кажется до подтверждения еще достаточно далеко. Считаю, что надо чуть более подробно

остановиться на моментах нашего привлечения к этому процессу. Как ты уже сказал, нам подкинули дополнительных полномочий, но это было далеко не все наше участие. Первое, что мне вспоминается из существенного по этому поводу, это то, как мы реализовали обозначенные полномочия для упорядочивания работы автономных производственных комплексов по переработке отходов. Тут важна уникальность ситуации, так как эти производственные комплексы находились на, так называемых, «отчужденных территориях», то есть были полностью автономизированы и регулировались собственной правовой базой. Находились эти предприятия в ведении как раз таки Лобова, но именно в ведении, а не в собственности, и нормы, действующие в отношении этого сектора, позволяли четко это разделять, в отличие от других сфер. В других сферах, как Вы понимаете, все, кто имел возможность, пользовались всеми лазейками, так-что до восьмидесяти процентов экономики, по факту, находились в собственности верхов. Вот эта вседозволенность Лобова его и подвела. Возвращаясь к урегулированию в секторе вторпереработки, там все было очень топорно сделано – девяносто процентов расчетов, вопреки всему, проходили мимо бюджета. Мы просто никак не могли не обратить на это внимание, и заставили операторов этих комплексов делать все в рамках норм, чем вызвали негодование сначала у Ваксина, он на это был поставлен.

И «вылил» он это свое негодование на меня, так как

распоряжение было мое, хоть оно и подкреплялось блокчейн визой Управления. Разговорчик, кстати веселым вышел, примерно такого содержания: «

Ваксин: Елена Федоровна, Вам полномочия голову вскрыли? Почему Вы себе позволяете такие радикальные директивные меры?

Я: Господин Ваксин, выражайтесь, пожалуйста, конкретнее?

Ваксин: Не надо включать «благостное непонимание», со мной это не проходит, я не ваш приспешник из «ДВиК». Вы прекрасно понимаете, что я про предприятия вторпереработки.

Я: Меры вполне соответствуют сложившейся ситуации. Более того, все согласовано со всеми компетентными органами. Что же касается радикальности, то ничего радикального, мы просто все привели в соответствии с действующими нормами. Меня же, в свою очередь, интересует другой вопрос – а Вы-то от чего так всполошились? Подконтрольные Вам структуры вроде только технические операторы. Или Вы хотите, чтобы разбирательство приобрело другой оборот и масштаб?

Ваксин: Значит хотите противостояния? Будет вам противостояние...»

На этих словах он отключился. Думаю, он понял, что этот разговор был лишним и не совсем осторожным, но его аппаратная сущность уже «включила режим противостояния»,

так-что дальше все начало скатываться в открытую конфронтацию.

Да, только на это раз, как выяснилось позже, это была инициатива исключительно «веселой троицы», без участия Лобова. Вообще, насколько я понимаю, после того эпизода с комплексами по вторпереработке эти трое решили, что Лобов сдает, или уже сдал. Я думаю, именно поэтому они для начала решили отодвинуть Лобова, чтобы тот не мешал им в их разборках с нами. Как подметила Елена Федоровна, зачинателем этого всего был, скорее всего, Ваксин, хотя у двух других, скорее всего, были похожие настроения.

Вадим, с другой стороны, все их «размежевания» с Лобовым обеспечили нам, как минимум, пол года спокойной работы. А поскольку они устроили достаточно публичную склоку по этому поводу, это нам дало еще и время хорошо подготовиться ко всем поползновениям с их стороны, которые, кстати, тоже не отличались большой изыщностью и изобретательностью. До сих пор удивляюсь, как им удалось «свалить» Лобова. Может и правда, что он сдал?

Может и правда, сути это не меняет. А происходило это, если коротко, следующим образом... На ближайшем же госсовете эти трое устроили разборки, причем публичные, на предмет регулирования достаточно серьезных секторов экономики, которые курировал Лобов. Кстати, что смешно, пользовались они в том числе, и прежде всего, нашими материалами и данными. Но это так, небольшой штришок. Дви-

гаемся дальше. А дальше они устроили масштабное «публичное нытье», что вокруг все не так. Разумеется, все это действие было постановочным, и направлено «в огород» Генриховича. После этого, ожидаемо, поднялась волна из разряда: «А действительно, почему это?», которая запустила волну из множества заседаний, рассмотрений, слушаний и тому подобного. Кстати, ни «ДВиК», ни ОАММ во всех этих разборках никак не участвовали, как бы их не старались в это затянуть. И я считаю, что это к чести наших организаций, так как изначально во всем этом процессе начали применяться грязные пиар-технологии и прочие искажения фактов. В итоге, все это плавно перетекло в противостояние верховных групп влияния.

Кстати, могу сказать, что в этом всем был один позитивный момент лично для нас. Заключался он в том, что мы четко для себя поняли и зафиксировали ответ на вопрос: «Кто, с кем и против кого?» на самом высоком уровне. А бонусом ко всему этому было то, что мы получили явное подтверждение того, что Управление подчинялось и действовало исключительно в интересах Верховного. Что, в свою очередь, свидетельствовало о том, что решение по нашей роли, функциям и полномочиям принималось им лично, и именно это, скорее всего, стало причиной того, что нас так и затянули в эти разборки, хоть мы их, вроде как, и спровоцировали.

А вот на счет конфигурации и расстановки сил в верхах, можете сделать краткий обзор, как картина у вас сложилась?

Ведь очень может быть, что она и сейчас такая же.

Очень вряд ли. Хоть ключевые персоны там меняются достаточно редко, и взгляды их достаточно устойчивые, но между собой они реорганизируются очень часто, так как часто меняются условия и ситуации. Особенно сейчас, когда произошло серьезное обновление этих самых верхов. На тот момент же, с нашей точки зрения, мы выявили пять вполне отчетливых групп влияния. Первая группа – откровенные инагенты, то есть подсадные от других влиятельных государств и крупных межгосударственных объединений. Внутри данной группы, в свою очередь, были разделения согласно того, кто откуда, но это не существенно. Главное, что все они действовали не в интересах нашего государства, причем зачастую откровенно. Вторая группа – назовем ее «изоляционисты», то есть те, кто исповедовал подход: «ото всех закрыться, никого не пускать, сами разберемся». Их главную движущую силу можно сформулировать, как: «пусть и болото, главное, чтобы только я командовал». Третьей группой были так называемые «техно-абсолютисты», которые грезили о том, чтобы все управлялось неким общегосударственным ИИ под их контролем с их исходными кодами. Четвертую группу мы условно назвали «самореализаторы», проще говоря, это те, для которых первичным и самым важным было само «ощущение власти». Эти были больше всех подвержены влиянию других групп, и были чрезвычайно разрознены, оно и понятно, когда у тебя в голове только твой власт-

ный статус. Ну, и пятая группа, надо сказать самая малочисленная, но при этом самая влиятельная – госбизнесмены, их интересовали, только цифры на их счетах, причем для многих из них эти цифры были самоцелью, образом жизни. Лобов, безусловно, относился именно к пятой группе.

Матвей, тут надо оговориться, что все мы, и прежде всего Шилов, начав изучение этого вопроса, до последнего рассчитывали на то, что мы обнаружим среди верхов тех, кто действовал в интересах общества, народа, в целях его сохранения и развития. Более того, мы даже, что называется, у себя в сознании «притягивали за уши» отдельных персонажей под эти критерии, но даже так нам не удалось получить из этого группу влияния. Понятно, что каждый из верхов считал себя просто эталоном деятеля во благо государства, но мы-то судили по результатам, которые в подавляющем большинстве случаев говорили об обратном. Нет, конечно же были такие, которые соответствовал нашим критериям патриотизма более, чем на половину, но таковых была пара-тройка человек, и не с тем уровнем влияния. В общем, получалось, что процессы централизации и «отодвигания» Лобова наложились, но были они не в интересах большинства. Собственно, как и любые процессы подобного рода.

Очень печально. Я правильно понимаю, что Беглый, Пиров, Ваксин были сторонниками, или частью, группы госбизнесменов?

В общем и целом, да, правда, как мы отмечали, эти все

группы влияния очень условны. Безусловным для них для всех является лишь работа на постоянное подпитывание и раздувание собственного эгоцентризма, других там практически нет, причины этого назывались уже не раз. Вот этих троих отличали крайние формы подобных проявлений. Надо сказать, что это, пожалуй, единственное в чем они преуспели. Я про раздувание их собственного эго. А если мы берем в качестве главной и единственной движущей силы это самое раздувание, то и результаты получаются соответствующие. На счет же «печально», тут вспоминаются следующие рассуждения Шилова: «Лично мне без разницы, что ими там движет. Главное, чтобы у них не было возможности выходить за рамки. Проще говоря, над всем должна превалировать созидательная системность. То есть, если ты что-то делаешь согласно требований такой системы, то на выходе ты и получаешь позитивный результат с точки зрения системы. В противном случае система тебя выкидывает. А у нас в стране не система, а целенаправленно созданная контролируемая бессистемность, а точнее банальная благоприятная среда для отдельной узкой группы лиц. Это не система, когда все происходит по пинку или необходимо постоянное вмешательство.» На мой взгляд, вполне логичные рассуждения, которые многое расставляют по своим местам.

А еще надо понимать, что обновление нужно всему, даже тому болоту, которое сложилось в верхах. Вот «веселая троица» и стала ярким примером подобного обновления по

заведенным там правилам, которые предполагают обязательные жертвы среди «старых». Не могу сказать, что Лобов стал уж прям жертвой, так как сузилась, и существенно сузилась, сфера его влияния, но совсем из верхов он не выпал.

Мы можем вернуться к этому процессу сокращения влияния Лобова?

Да, я к нему и возвращался. После того, как начался этот до боли знакомый хай, типа «все не правильно, все не так, давайте все сносить», определяющая группа, назовем их «самые верхи», испугалась повторения ситуации с кризисом общественными и представительными институтами, который очень дорого им обошелся, во всех отношениях. В связи с этим, были начаты прямые переговоры самых верхов с этими тремя зачинщиками, чтобы не допустить дальнейшей эскалации, так как она была вообще не предсказуема. Подробности этих переговоров никто из нас, разумеется, не знает, но глава Управления с каждым из нас, скажем, консультировался на их счет. Например, со мной был приблизительно такой разговор: «

Глава Управления: Вадим Максимович, Вы ведь давно знакомы с господами Беглым, Ваксиним и Пировым? Как можете их охарактеризовать?

Я: Скажу прямо ничего хорошего, с моей точки зрения, сказать о них не могу. Если говорить чисто технически, то: сильнейшей стороной Беглого является быстрое и точное ситуационное мышление; Пирова – нечеловеческое самообла-

дание, скорее всего связанное, извините за выражение, с пофигизмом; Ваксин же очень хороший переговорщик с аналитическим складом ума. Но все эти сильные стороны направлены исключительно для получения личной выгоды.

Глава Управления: Благодарю за объективность! Я правильно понимаю, что Вы их считаете вашими оппонентами, или даже врагами?

Я: Если честно, то лично для себя я их вообще никем не считаю. Так, очередные, или одни из, жадных помех общегосударственному созиданию.

Глава Управления: Ясно. В таком случае, как вы добивались результатов во время вашей совместной работы?

Я: Очень просто, был очень серьезный сдерживающий, нивелирующий фактор в лице Авдея Наумовича Шилова.

Глава Управления: Спасибо за информацию!»

Вон коллеги подтверждают, что и с ними были подобные разговоры. И уж точно, такой разговор был с Шиловым, только вот его содержания мы, к сожалению, не знаем. А оно, наверняка, отличалось. Да, и не удивляйся моему тону и риторике в разговоре с главой Управления, это его собственное требование: «Я не светская барышня, я конкретные задачи решаю, нечего мне тут лишние этикетки разводить», так он это в свое время сформулировал.

Интересно. И что же в итоге?

В итоге получилось, что на волне, которую эти трое подняли, им были предложены должности, занимаемые ими по

сей день. Напомню: для Беглого это президенство в Госресурсах, для Ваксина – руководство Гострансконцерном, для Пирова – министр развития малых земель. Точнее, самое примечательное в это всем то, что с нуля были созданы две очень крупные организации и целое министерство. Разумеется, три эти структуры взаимодействуют очень тесно, фактически они представляют из себя единое целое. Как я уже сказал, сделано все это было из-за опасения самых верхов еще одного масштабного организационного кризиса, который, видимо, мог помешать планам главного руководства. В частности, вся эта буча, поднятая «веселой троицей», ну никак не укладывалась в логику начавшейся централизации. Но, думаю, не только это двигало верхами, когда они принимали решение о создании этих трех структур. Мне кажется, что они, например, этим самым решали еще и задачу по перетряхиванию активов, которую необходимо периодически делать. Наверняка, еще какие-то задачи решались. Я лишь озвучил самые очевидные.

А я вот думаю, что не лишним будет вкратце рассказать, как создавались эти организации. Тем более, что мы, и прежде всего Авдей Наумович, были к этому также причастны, как ни странно.

Да-да, это будет очень уместным.

Собственно, наше участие определялось просьбой, обязательной для выполнения, которая поступила напрямую от главы Управления, а значит с самых верхов. Просьба заклю-

чалось в том, чтобы дать предложения о том, как и по каким направлениям можно централизовать всю деятельность по малым территориям. Признаться, даже Шилов на тот момент не догадывался для чего была эта просьба. «Честно скажу, достоверно не знаю для чего это им. Да и не скажет этого мне никто. Могу предположить, что их начало напрягать огромное количество «дырок» в программе по территориям, и они хотят резко сократить их количество и поставить программу под тотальный контроль. Зная этих троих, не могу сказать, что решение не оправданное. Поэтому, делаем предложение, согласующееся с логикой Управления и дополняем его нашими прошлыми наработками, которые могут быть ими реализованы.» Примерно такую установку мы получили от Авдея Наумовича. В результате, наше предложение состояло из следующих пунктов: создать на основе секции в госсовете, посвященной малым территориям, ведомство уровня министерства; сформировать общественную контрольную группу развития малых территорий на основе действующих общественных институтов малых земель; сформировать отдельный целевой бюджет для малых территорий. Да, наши предложения были похожи на создание государства в государстве, пусть и в очень усеченном виде, но, к сожалению, другой логики ни в Управлении, ни в администрации, ни в секретариате госсвета не поняли бы, поэтому нами был применен прямолинейный государственно-бюрократический подход. Повторяю, мы не подозревали для чего это все делаем.

Если бы знали, то, разумеется, сделали бы все по-другому. Но, сделали, как сделали. После того, как сделали, забыли об этом месяца на три, так как своих текущих задач было полно.

Кстати, о текущих задачах, Авдей Наумович к тому времени «обличил» уже три структуры, находившихся в ведении Лобова. Так-что, и в вопросе «задвигания» Лобова, мы продолжали принимать опосредованное, но достаточно активное участие.

Если не возражаете, к Лобову мы еще вернемся. Можем мы закончить сначала со структурами для Беглого, Пирова и Ваксина? А-то процессов, в которых вы участвовали, очень много, не хотелось бы запутаться.

Без проблем. По прошествии трех месяцев, как мы передали наше предложение по просьбе главы Управления, было объявлено о создании министерства развития малых земель, что уже, признаться, для нас было удивительно. Но, когда мы узнали что оно создается на базе структуры, которую возглавляет Пиров, и он же будет министром вновь созданного министерства, у нас наступил легкий шок. Шок был от того, что у нас было небезосновательное предположение того, что информацию о них, в тому числе и у нас, собирали для, того чтобы предложить что-то, что уберет их «на задворки» госаппарата, с целью вместо них поставить других. Мы никак не ожидали, что их вытащат на более весомые роли, по сравнению с тем, что у них были до этого. И уж тем более, наше удивление усилилось, когда мы узнали о должностях

для Ваксина и Беглого. Фактически, каждый из них получил статус министра, пусть и не первого эшелона.

Как вы думаете, для чего это нужно было верхам?

Про задвигание Лобова повторяться не будем, уже этот момент обозначали. Второй момент, о котором также уже упоминали, это получение прямого контроля над их деятельностью...

Матвей, извини, что перебиваю, но думаю, что уместнее было бы поставить вопрос – почему верхи пошли именно по этому пути, и воспользовались именно этими методами? Мотивы же, с моей точки зрения, достаточно понятны и прозрачны. А вот, что касается избранного подхода, то тут, думаю, дело, во-первых, в пресловутой централизации – лучше назначить тех, кого знаешь ты и кто знает возглавляемые структуры, чем тех, кого придется долго и упорно изучать. И второе, самый «дешевый» способ в противостоянии с кем-либо – противопоставить ему ближайших «сподвижников», этим, как раз таки, верхи нанесли ощутимый удар Лобову. Да такой, что, приходя в себя, он растерял даже больше, чем у него «откусили», переманив «веселую троицу».

Не уже ли Лобов, как бы это сформулировать, так в этих троих верил?

Ну конечно! В среде, где вращался Лобов, доверие, а тем более, вера в кого-то, практически не существующее явление. Там все построено исключительно на личных интересах, компроматах и видении ситуации, как целой, так и ло-

кальной. Лобов же просто заигрался во «всемогущество», уверовав в то, что для него не осталось не решаемых вопросов. Это, в свою очередь, отразилось на его поведении и действиях по отношению к среде его обитания. Вот эта среда и ополчилась на него. А с этими тремя все еще проще, Лобов считал их своими вечными слугами, но никто не защищен от бунтов против господ. Эти-то уж точно, долго к себе подобного отношения терпеть бы не стали, и как только поступило предложение, соответствующее их амбициям и замашкам, они тут же сдали, точнее отrekliсь, от предыдущего хозяина. А дальше все было делом техники: наделяем статусом, создаем структуру, загоняем под эту структуру, ставим во главе – все, у тебя новые боевые единицы, с одновременным ослаблением конкурента.

Извините, за недалекость, если это все так просто, как вы рассказываете, почему такого раньше никто не провернул?

Юр, это не недалекость, это нахождение на отдалении от госаппарата, что не плохо, даже хорошо. Отвечая же на твой вопрос, мы же тебе и говорим, что Лобов очень много начал на себе брать, и играть в неуязвимого, проще говоря, противопоставлять и превозносить себя относительно других верхов, а там этого ой как не любят. Вот его и опустили из мечты в суровую реальность, в самый неожиданный для него момент. На самом деле, он был далеко не первый, с кем так поступали, история знает массу подобных примеров. Другой вопрос, почему он этого не учел? Но это уже его персональ-

ные проблемы.

Я бы еще добавила, что предупреждения и сигналы о том, что он прет против того, с чем не сможет справиться, Лобову поступали неоднократно, но, видимо, когда мнишь себя полубогом, на подобное внимание не обращаешь. Один только Шилов на моей памяти раза три или четыре прямо говорил ему, что слетит он вверх тормашками со своего пьедестала, если не сменить образ действий. Правда, было это еще, когда мы рулили программой и ГОИ, и нам было очень выгодно, чтобы нас продолжал курировать Лобов, так как любой, кто придет на его место, разумеется, начнет все ломать под себя, а нам это совершенно было не нужно, по понятным причинам. В общем, даже Авдей Наумович пытался предостеречь Лобова, но вышло, как вышло.

Глава 26.

И чего же лишился Евгений Генрихович в результате всех этих событий?

Как мы уже отмечали, потери его были приличные. Первое, это уже упомянутые структуры, перешедшие под полный контроль «веселой троицы». Но это не самое серьезное для него, так как нельзя было назвать это невозполнимым или безвозвратным. Самыми существенными были потери в авторитете и влиянии, пусть и формально он остался при тех же должностях, но мы же понимаем, что должности в верхах,

это лишь условности, обосновывающие нахождение этих людей у верховной власти, для широких масс. В реальности же, даже мы ощутили резкое сокращение влияние Лобова, хотя бы в части уменьшения бюрократических препон для нас со стороны его структур, или бывших структур. Да и в целом, активность всех его организаций очень резко снизилась. В общем, хотел он этого или нет, но ему пришлось перестраиваться, и серьезно перестраиваться.

Я бы даже сказал, что в какой-то момент Лобова накрыло отчаяние. Почему я так решил? Потому, что он обращался к каждому из нас. В частности, он обращался ко мне лично, и вот как это произошло: «

Лобов: Матвей, привет! Ну что, довольны вы теперь, когда мое же, созданное мною, обернули против меня? И чего вы этим добились? В чем ваша выгода? Считаете лучше быть под Управлением? Я вам самостоятельность предоставил, а вы опять покровителей ищите, вот ведь рабское сознание. В общем, думаю ты прекрасно помнишь откуда ты вышел и кому обязан. Просьба есть, наделай-ка мне исков против Госресурсов и Гострансконцерна, основания сам найдешь.

Я: Евгений Генрихович, никогда и ни при каких обстоятельствах лично у меня не было цели действовать против Вас. Все мои действия обусловлены исключительно реализацией задач, стоящих передо мной. Я прекрасно понимаю и помню откуда я вышел и кому обязан. Единственный, кому я действительно обязан, это Авдей Наумович Шилов.

Все остальное – Ваши личные домыслы. Что касается Вашей просьбы, то единственное, что я могу предложить, это проинформировать Вас, если будут какие-либо открытые разбирательства в отношении упомянутых Вами организаций. В части составления исков, не имею возможности Вам посодействовать кроме, как проверкой грамотности их составления.

Лобов: Значит и ты пошел по пути Шилова, ладно. Ты не подумал, что будет, когда я восстановлю былые позиции? А это лишь вопрос времени. В общем, решил так, значит так, потом не ной...»

Да, своему поведению Евгений Генрихович так и не изменил, как было оно заносчиво-нагло-вызывающим, так и осталось. Что же касается его угроз, то я был полностью спокоен. Во-первых, потому, что тех, кого задвинули, больше не выкарабкиваются, за редким исключением. И потом, даже если бы произошло подобное чудо, самое страшное, что он мог сделать, это убрать меня в «заштат». Но мы все находились под этим риском постоянно, поэтому я легко его принял.

Вадим Максимович, Елена Федоровна, и с вами подобные разговоры были?

Да, Матвей Сергеевич все верно сказал. И содержание было то же, примерно. Только от меня он требовал «поднять на уши» «ДВик» на предмет «сверхрегулирования» и всего, что с этим связано.

А от меня, инициировать проверку на техтребования в от-

ношении этих самых двух вновь созданных госпредприятий. И ответ мой был в том же духе, что и ответ Матвея Сергеевича. По другому и быть не могло. А такое поведение Лобова, действительно, можно назвать отчаянием. В конечном итоге все закончилось тем, что его было ни видно, ни слышно, как минимум, год. Даже мероприятия, на которых он обычно присутствовал или возглавлял, проходили без него.

И что это означало для вас?

Как мы уже говорили, к тому времени мы уже давно не обращали внимания отдельно на Лобова, мы рассматривали все верхи в целом. Да и зачем было не него дополнительно отвлекаться, когда уже привязки к нему не было? Хотя, признаюсь, лично для меня было не привычно отсутствие Лобова в систематических масштабных мониторинговых выкладках, которые мы регулярно составляли и для Управления, и лично для себя. А вот сами эти выкладки с каждым разом показывали нам то, что процесс централизации все усиливался. Кстати, Лобов был не единственным, кого отодвинули в рамках этого процесса. Правда, без сомнения, он был самым влиятельным из всех. И да, в каждом из случаев такого «отстранения» мы, по указанию Управления, готовили соответствующие материалы. Можно ли сказать, что таким образом мы стали неким инструментом изобличения неугодных? Может быть и так, но лично я ничего плохого в этом не вижу. Если предоставилась только такая возможность для оздоровления государства, то почему ей было не воспользоваться? Бо-

лее того, после процесса по Лобову, нас даже начали всерьез опасаться. Это явно было заметно и в общении, и в чрезвычайно возросшем количестве «позитивного» внимания, которое выражалось в бесконечных поздравлениях по любому поводу, запросах типа «посоветоваться», постоянных подарках и тому подобное. Дошло даже до того, что Шилов сделал массовую рассылку примерно такого содержания: «Уважаемые коллеги! Прекратите, пожалуйста, поток контактов с праздным содержанием, так как мы считаем это попытками оказать на нас корыстное влияние. Если этого не будет сделано, то я буду вынужден сделать подобные контакты достоянием общественности.» И все эти контакты, на которые указал Авдей Наумович, быстро прекратились. И случилось это потому, что аппаратчики не привыкли к такой реакции и к таким обращениям, в следствие чего, они сами не знали, как на все это реагировать и как к этому относиться. В общем-то, на то у Шилова и был расчет. А если подводить глобальный итог всем этим процессам, то в госаппарате нас стали считать действительно опасной структурой, и начали вести себя соответственно. Даже «веселая троица», даже с учетом их новых должностей, возможностей и статусов, лишней раз с нами предпочитала не связываться. В общем, наш статус существенно поменялся, если можно так выразиться, «потяжелел».

И что же это дало вашей деятельности?

Как это ни странно, первым, кто отреагировал на измене-

ние статуса нашей организации был Видов. Он увидел в этом очень хорошую возможность для расширения влияния науки на все процессы внутри государства. «Я считаю, что у нас появился очень хороший шанс добавить фундаментальности и основательности в деятельность нашей государственно-бюрократической машины.» И это, кстати, не вызвало никакой эйфории со стороны Авдея Наумовича, более того, он даже с опаской отнесся к этой инициативе Видова. «Геннадий Евсеевич, не мне вам рассказывать про взаимное влияние и взаимопроникновение. И чем сильнее оно с одной стороны, тем оно больше с другой. Я это к тому, что мне бы точно не хотелось усиления влияния нашего госаппарата на научную среду. И это не смотря на то, что я большой сторонник увеличения научности в действиях государства, точнее основательности и дальновидности.» В общем, между Видовым и Шиловым по этому поводу разгорелась целая дискуссия. Пересказывать мы ее не будем, очень в ней было много специальных терминов и сложных оборотов и тезисов. В итоге они сошлись на том, что спор этот не имеет смысла, без практических подтверждений. Поэтому, они решили для начала в качестве эксперимента «подвести ближе к государственным процессам» самые социальные дисциплины, такие, как, например, социологию, антропологию и психологию. Забегая вперед, скажу, что психологи тоже быстро смекнули про взаимное влияние, и быстро отказались от этой затеи, с формулировкой типа «наша задача быть всегда в стороне». Короче

остались только социологи и антропологи, с ними и было решено осуществить этот эксперимент. Причем, им так и было об этом заявлено, что это эксперимент, целью которого является выяснение возможности усиления влияния науки на деятельность государства.

Вообще, Шилов очень рисковал с таким экспериментом. Во-первых потому, что властямущие, как Вы понимаете, явно не приветствовали никаких экспериментов, ни над собой, ни над тем, что они называют «системой». Во-вторых, как ни крути, это отвлечение от основной деятельности, точнее от деятельности необходимой верхам. Ну и наконец, ход самого эксперимента был мало предсказуемым. В общем, это все могло обернуться против Авдея Наумовича очень серьезными последствиями, так как в части вмешательства верхи проступков не прощают. И мы и Видов рисковали в гораздо меньшей степени, так как мы были защищены посредством «ДВиК», а Видов, как был лидером научной среды, так им и оставался, со всеми вытекающими преимуществами. Но, несмотря на все это, и на то, что он изначально не был сторонником подобной затеи, Шилов согласился на проведение такого эксперимента, с подключением ОАММ. Точнее, с ОАММ, в качестве главной части эксперимента. Его мотивы до си пор для нас загадка, даже не буду предполагать, почему он на это пошел.

Но эксперимент был осуществлен?

Еще как, Авдей Наумович ведь включился. Но, есть су-

щественная оговорка, решено было проводить эксперимент не в отношении всего государственного аппарата, а только в отношении тех, кого верхи считают просто ресурсом. Это было сделано, как раз таки для того, чтобы избежать ненужного негатива с их стороны в части обиды за эксперименты над ними. Поэтому, первым нужно было определить, кого верхи считают «своими и нужными», а кого просто «ресурсом». Кстати, решение этой задачи и переориентация эксперимента с учетом этого аспекта, позволили расширить полученный результат, так как появлялось понимание можно воздействовать на бюрократическую машину без участия верхов. До этого еще дойдем. Пока же предстояло решить задачу по ранжированию госаппарата на «своих и чужих» по отношению к верхам. И в этом нам очень помогло проведенное ранее исследование по составу верхов, о котором мы уже рассказывали. Так вот, на основании этого исследования была реконструированы реальные процедуры и «карты» проведения решений от каждой из пяти групп влияния. Были выделены «ключевые» фигуры и масса исполнителей. «Ключевые» фигуры были определены к «заменяемым» и «незаменимым». Вот как раз с «ключевых заменяемых» фигур было решено начать эксперимент.

Надо сразу же сказать, что параллельно с этим составлялись программы деятельности для социологов и антропологов. Точнее, они их составляли сами, никто из нас даже не думал вмешиваться в этот процесс. Мы, лишь адаптирова-

ли их программы под ход эксперимента. В результате, на бумаге вышло все достаточно стройно. На деле же, особенно с учетом менталитета бюрократа, все оказалось куда более несуразно. Реализация всей этой конструкции началась в момент, когда Шилов наводил порядок в одном из ведомств министерства правоприменения, это была структура, главной задачей которой была постоянная ревизия законодательства. Кстати, на тот момент, собственно, как и сейчас, существовали так называемые «формальные министерства». Это понятие не очень известно широкой аудитории, такими министерствами назывались те, которые нужны были исключительно по формальным соображениям, их деятельность ни на что не влияла, и практически нигде не учитывалась. Существовали они исключительно по требованию международных норм. Как следствие, в таких вот министерствах и ведомствах и находилось большинство тех самых «ключевых заменимых» фигур, потому что все ведомства были такими. Но, при всем при этом, чиновники есть чиновники, со всеми своими амбициями, карьеризмом, личной выгодой и прочими атрибутами. В общем, повышения своего статуса и положения хотели все в госаппарате, в этом и состоял наш заход. В рамках своих мероприятий Шилов предложил главе того ведомства участие некой профессиональной группы, с целью улучшения результатов деятельности ведомства, и демонстрации личной полезности со стороны его главы. Той группой, как раз и была часть социологов и антропологов,

участвовавших в разработке программы эксперимента.

Думаю, что надо пояснить в чем же состояла суть, конкретно того предложения. А суть сводилась к простому, дело в том, что то ведомство в своей деятельности совершенно не учитывало поведенческий фактор. На самом деле, его никто в аппарате не учитывал, ну может кроме самых верхов. Мы же предложили решение данного вопроса, с четким обоснованием того, что результаты существенно улучшаться. Разумеется, человек возглавлявший ведомство, быстро согласился – забрезжило перспективами, так сказать. К тому же, никаких дополнительных ресурсов от него не требовалось. Мы же, очевидно, получали возможность влияния на оценку законотворчества, что являлось очень неплохим подспорьем для продолжения и развития эксперимента.

Немного отвлекусь, любопытства ради, а как же можно учесть этот самый поведенческий фактор?

Тут-то, как раз, все достаточно просто. Давно известно, что поведение – модельно, даже, в некоторой степени, стандартизировано. Поведенческие макромодели очень аккуратно и логично ложатся на определенные социальные макрогруппы, так как каждой такой группе соответствует определенные поведенческие шаблоны и клише, особенно сейчас, когда поведение определяется не только статусом, средой воспитания или рабочей средой, но еще и влиянием технологий и виртуальной реальности. В общем, для сведущего человека, считается это все достаточно просто. Вот мы и при-

менили такую считалочку в рамках оценки законотворчества и правоприменения. И надо сказать, получилось все довольно складно: появилось достаточно четкое понимание и обоснование, почему что-то не работает, и более того, какие надо внести коррективы, чтобы большая часть заработала, как задумывалось. Хотя, в отношении правительственных законов, все достаточно однозначно, к сожалению – «сделать все, чтобы потом ничего не делать», точнее заниматься тем, что они считают достойным для себя. Тем не менее, даже в этом контексте, наша считалка работала.

Ясно, интересный заход. Продолжим по дальнейшему ходу эксперимента... Каким был следующий этап?

Погоди, перед следующим этапом была еще реакция Управления. Не думал же ты, что оно эти все наши движения оставит без внимания? Реакция была довольно примечательной. Они даже собрали отдельную коллегия, чтобы обсудить и дать свою оценку этим всем нашим потугам. И вот самое главное, что там произошло: «

Глава Управление: Надеюсь, у вас нет иллюзий на счет того, что мы не заметили ваших действий по привлечению научного сообщества к вашей деятельности. Более того, мы также наблюдаем, что вы хотите увеличить влияние фундаментальной науки на деятельность исполнительского штата государства, посредством корректив, которые вы вносите на основании вашего анализа и мониторинга. Не буду спрашивать почему вы не сочли необходимым подобное решение

согласовать с нами, так как у вас были все основания прогнозировать отказ с нашей стороны в этом вопросе. Спешу вас удивить, мы считаем, что данная ваша инициатива будет весьма полезной, поэтому считайте, что у вас есть согласование с нашей стороны для подобной работы. Но, впредь требуем согласования с нами ключевых решений. В противном случае, мы будем вынуждены принять меры воздействия. Это понятно?

Шилов: Предельно понятно. Непонятно другое, с какой целью была собрана специальная коллегия? Не только же, чтобы сообщить нам ваше разрешение?

Глава Управления: Не спешите, Авдей Наумович, до всего дойдем. Нам важно понимание с вашей стороны того, что мы внимательно наблюдаем и контролируем все, что вы делаете. Основной же целью данного собрания коллегии является доведение до вашего сведения специального распоряжения и расширение соглашения между нами и вашей организацией. Подробный текст вам пару минут назад отправили. Срок подписания три дня. На словах же хочу передать, что если наше Управление хотя бы отдаленно заподозрит в вашей деятельности малейшие признаки дестабилизации, против вас будут применены меры, с которыми вы раньше никогда не сталкивались.

Шилов: А разве изначальные условия не были таковыми? Мы их приняли. Более того, у нас нет и не может быть мыслей о какой-либо дестабилизации, на мой взгляд, мы это до-

казали и доказываем всей своей деятельностью.»

На самом деле, главным опасением Управления была не дестабилизирующие действия с нашей стороны, а потенциальное усиление влияния со стороны научного сообщества, в частности и прежде всего, со стороны Видова, в нем они видели политическую угрозу. Но и запретить нам наш эксперимент они не могли. Так как, во-первых, верхам нужен был новый фундаментал для обновления процессов внутри себя. А его у них не было, да и быть не могло, по понятным причинам. Все, что они делали несколько десятилетий в этой части – всего лишь перетряхивали зоны влияния и подстраивались под внешнюю обстановку. Ну, и во-вторых, что бы мы о них не говорили, но альтернативная основательная точка зрения на все происходящее их интересовала всегда. Особенно это касалось точки зрения научного сообщества, которую они всегда получали по-факту и в очень урезанном виде.

То есть получается, что ваш эксперимент стал, если можно так выразиться, полностью легитимным?

Формально, да. Но, если честно, в нашем случае это не сильно влияло на что-либо, так как риски были те же. А вот Видову подобное положение вещей очень не понравилось. «Нормально так получается, то есть я должен отчитываться перед корыстной солдатней?», такой была его реакция. На что Авдей Наумович ему спокойно ответил, что либо так, либо никак, а отчитываться будем мы. А уж в том, как отчиты-

ваться, мы имеем полное понимание и представление. В общем, авторитет Видова от этого никак не страдал. Видов согласился, особых вариантов у него не было, но его недовольство подобным положением так и не прошло. И мы продолжили вносить научную фундаментальность в функционирование самого низового звена государственного аппарата.

Не могли бы вы привести пару-тройку конкретных примеров этого?

Собственно, любая текущая задача Шилова в тот период, может являться таким примером. Мне вот, почему-то, сразу вспоминается реорганизация структуры по поиску, отбору и сопровождению профессиональных спортивных сборных. Данная организация привлекла внимание Управления по банальной причине – снижение уровня спортивных результатов, а уж о спортивных достижениях того периода я вообще молчу. Это все при том, что финансирование было на прежнем уровне. Про значение спортивных результатов лишний раз рассказывать не буду, оно очевидно. Главной же проблемой, которую выявил Авдей Наумович, были сильно устаревшие методы и принципы отбора. Оно и понятно, если все итак финансируется, зачем что-то менять? Вот никто ничего и не менял, в отличие от ведущих спортивных держав, у которых систематическое обновление всего и вся, было одним из ключевых направлений деятельности. Если коротко, то суть сводилась к следующему: действующий тогда подход предполагал «военный подход», то есть международные со-

ревнования воспринимались, как боевые действия, что было не актуально уже лет пятьдесят. Современный же спорт уже давно превратился в индустрию сродни потоковому шоу бизнесу. Проще говоря, спорт уже давно перестал быть спортом, а стал образом жизни или его частью для фанатов и болельщиков. И это в современном спорте определяет все: подготовку, стратегии, тактики и так далее. В общем, находить и готовить надо было не спортсменов, а фигур, способных гибко, всесторонне и самостоятельно реагировать на все изменения. Кстати, эту концепцию нам донесли именно антропологи, участвовавшие в эксперименте. И они же были всецело привлечены к реализации задачи по изменению соответствующей структуры. Что было изменено конкретно пересказывать не буду это очень долго, нудно и неинтересно, тем более, что все это описание есть в свободном доступе в главном архиве академсовета. Скажу только, что все эти изменения дали эффект буквально через два года, что, с учетом запущенности этой сферы, было просто феноменально. И ключевым здесь было то, что мы верхние уровни вообще не затронули. Ни то, чтобы Управление совсем бы этому воспротивилось, даже в большинстве случаев было бы как раз наоборот, просто лишний раз пересекать задачи с прямыми интересами и кадрами верхов ну совсем не хотелось. А тут, мы самими себе доказали, что возможно получение результата и без подключения Управления, и это был первый осязаемый позитивный эффект эксперимента.

В таком случае, можно сразу же привести в качестве примера и последовавшую после этого задачу, которая заключалась в нормализации деятельности структуры по взаимодействию с частными фермерскими хозяйствами, коих, несмотря ни на что, на малых территориях появилось достаточно много. К слову, это был прямой эффект от наших действий, когда программой управляли мы. Но не об этом. И да, это была очередная организация подконтрольная «веселой троице». Основной проблемой той организации, которую нам предстояло решить, и причина, по которой на нее обратило внимание Управление, состояла в том, что продукция частных фермерских хозяйств куда-то пропала, то есть ее было очень сложно приобрести. Не то, чтобы верхи в лице Управления сильно заботились о положении частных фермеров, но это был очередной очаг потенциального общественного кризиса, поэтому в верхах было принято решение принять превентивные меры, по-видимому. Вот нас и бросили на эту задачу. Сама по себе задача формулировалась просто – сформировать комплекс «информирование, приобретение, доставка» для частных фермеров. Собственно, этим и должна была заниматься обозначенная организация, но чего она не делала, по понятным корыстным причинам. На деле же задача оказалась не очень радужной, точнее совсем не радужной. Все дело в том, что крупняк беспросветно забил все каналы маркетинговой информации, доставки и поддержания контактов с конечными покупателями. И это не толь-

ко по продовольствию, а вообще по всем группам товаров, да так, что частники вообще не знали с какой стороны подступиться, так как персональные ИИ просто не пропускали их рекламу. Вот и приходилось им реализовывать все по каналам крупняка. А там ведь как – поставил им по навязанной цене, и можешь забыть про отслеживание. Поэтому продукции частных фермеров и не было видно, что, в свою очередь, приводило к постоянно нарастающему недовольству с их стороны. Это нам и предстояло решить.

При решении этой задачи, надо сказать, хорошо сработали социологи, при правильной и четкой установке от Шилова. Решение же сводилось к простому подходу: не биться с крупняком за место в их сбытовых механизмах, а просто-напросто переориентировать фокус внимания конечных покупателей с потокового потребления на избирательное. Каким образом? Также просто – сделать выбор продуктов частью досуга, которая формирует ощущение подконтрольности потребления. Разумеется, только в части продуктов питания, замахнуться на все нам бы никто не позволил. Что же касается организации, призванной решать эти вопросы, то она была преобразована из агрегатора для крупняка, в единую торговую площадку для частных фермерских хозяйств, с уклоном в маркетинг и медиа. Это позволило и обойти необходимость взаимодействия с крупняком, и сделать частное фермерство существенно более прозрачным и понятным. Именно социологи указали нам на запрос со стороны конеч-

ных потребителей о новых формах потребления. Сами бы мы этого не увидели, по банальной причине – никто из нас, особенно Авдей Наумович, потребителями, в общепринятом понимании, не являлись, и все процессы, связанные с этим, для нас были чужеродными.

Глава 27.

В этой связи очень интересна реакция тех, кого вы называете «веселой троицей».

По большому счету никакой реакции и не было. Оно и понятно, для них та организация была мелочью, да и заняты они были совершенно другим – самоутверждением в новом статусе и постоянными стычками и выяснениями с теми, кто в этом статусе пребывал уже давно. В общем, на то, что мы перестроили одну из организаций, находившихся в их ведении, они просто не обратили внимание. А то, что потенциально это могло привести к изменению всего потребительского поведения, так кто же об этом думал. Все «стратегическое» мышление у подобных этим троицам сводится к вопросу: «что нужно будет делать, если ситуация обернется против меня?» Короче, насущное для них, всегда важнее перспективного.

И надо сказать, что глобального изменения потребительского поведения так и не произошло, хоть шанс для этого был очень хороший. Сейчас-то я понимаю, что по другому и

быть не могло, у нас, банально, не было для этого ресурсов. А что касается реакции, то совершенно неожиданно для нас, она последовала со стороны Видова. Точнее, сама реакция была для нас неожиданной. Он обрушился на нас, прежде всего на Шилова, с гневной критикой на предмет того, почему мы никогда не «дожимаем» возможности и «не выжимаем» из ситуации максимум. Поясняю, дело в том, что мы старались действовать исключительно в рамках поручений Управления, хоть и применяя наши методы и подходы. Иными словами, как бы выразиться, мы не использовали так называемые «широкие заходы», чтобы побольше зацепить, и на большее оказать влияние. А не устраивало это Видова потому, что у него были околополитические амбиции, связанные с выстраиванием государственных процессов, основанных на научном фундаменте – некая государственная система, «правильная» с научной точки зрения. Впрочем, этот факт мы уже отмечали. В общем, все сводилось к тому, что мы во главе с Авдеем Наумовичем не выполняем главной договоренности – не внедряем научный фундаментал в госаппарат. С нашей же точки зрения, все было диаметрально противоположно, во всяком случае все группы от научного сообщества только этим и занимались.

Матвей, думаю проще будет пересказать содержание одного из споров по этому поводу, коих было множество. Правда, суть у них была одна и та же. Происходило это как-то так: «

Видов: Ребятушки, вы что-то халтурите. Нет, Управление-то в полном шоколаде, как никогда. Оно, благодаря нам, стало чуть ли не самой влиятельной структурой нашего государства. А науке и обществу от этого что? А наука тратит на решение этих задачек Управления не мало своих ресурсов. Не считаете ли, что надо эту ситуацию менять?

Шилов: Геннадий Евсеевич, мне лично странно от Вас это слышать в очередной раз. По сути, Вы нас просите о прямом противостоянии не только с Управлением, но и со всем госаппаратом. Говорю откровенно, ни у меня, ни у ОАММ, ни у «ДВиК» таких возможностей нет. Может быть они есть у научного сообщества? Но затягивание его в беспросветное бодание с госмашиной – дело очень расточительное, с моей точки зрения. На данный момент кроме, как действовать точно, я других подходов не вижу.

Видов: Боюсь, Авдей Наумович, дело не в этом, а том, что в Вас глубоко засела боязнь, которая развилась из Вашего опыта взаимодействия с государством, сформированная из всего того негатива, который Вы прошли. Понимаю! Правда, понимаю. И все же, нынешний образ действий никак не соответствует нашим перспективным задачам. И я настаиваю на том, что надо что-то менять.

Шилов: Ничего не вижу плохого в осторожности, тем более, в отношениях с государством. Именно она мне позволила быть сейчас тут, и решать эти задачи. И именно она позволила научному сообществу получить влияние на государ-

ственные процессы, которого у него ранее не было. Простите за нескромность, а Вы предлагаете рискнуть всем этим ради, извините за прямоту, неких теоретических выкладок относительно государственности, основанной на науке. По меньшей мере, это не конструктивно.

Видов: В том-то и дело, что Вы предлагаете вообще не рисковать. Не мне Вам рассказывать, что так не бывает, и на какой-то риск пойти придется, если мы собираемся реализовывать наше видение.

Шилов: Я-то как раз и считаю, что мы сейчас находимся на пределе риска, и еще более рискованные действия приведут только к ненужным для нас ответным мерам со стороны Управления. И в этом я прошу Вас довериться моему опыту. Это ведь для Вас и всего научного сообщества все наши предложения являются непреложными истинами с научной точки зрения, для чиновников и бюрократов это далеко не так. Подавляющее большинства этих самых предложений воспринимается ими не иначе, как прямое вредительство, причем лично им. И Вам об этом прекрасно известно.

Видов: И поэтому надо растягивать все задуманные нами изменения на десятилетия?

Шилов: Только не затягивать, а развивать. И это, по-моему, вполне по-научному. Ведь главная задача – изменить мировоззрение, а на данном этапе надо определиться с тем, на сколько это вообще возможно.

Видов: И сколько времени это займет, по -Вашему?

Шилов: Честно? Не знаю. Я даже не представляю, как такое можно спрогнозировать. Если Вы готовы поделиться с нами сроками и точным поэтапным планом, то охотно готовы выслушать и принять все, что можно. Впрочем, как и всегда.

Видов: Авдей Наумович, ну не надо таких постановок. Я всего лишь говорю о более смелых и настойчивых действиях.

Шилов: На это я могу лишь пообещать, что мы будем действовать с максимальной интенсивностью в рамках формирующейся ситуации.»

И подобных разговоров было множество. Может показаться, что они ничем не заканчивались, но на самом деле это не так, потому что после каждого из таких разговоров становились все более явными и «осязаемыми» позиции как Авдея Наумовича, так и Геннадия Евсеевича – главных фигур во всем этом процессе приведения госаппарата к более научно обоснованным решениям.

И это проявление ясности в позициях демонстрировало все большее их расхождение. Категорически, не могу сказать к сожалению так это или нет, но коррективы это вносило в эксперимент ощутимые. И явное во всем этом было то, что Шилов все больше руководствовался реакцией и поведением аппаратчиков на те или иные действия с нашей стороны, Видов же, как мне кажется, все больше шел на поводу у своего мировоззрения и представлений. Субъективно, я считаю, что подход Шилова был более конструктивным, и гораздо больше соответствовал духу эксперимента. Но, суть в другом

– в том, что все непосредственные реализаторы эксперимента придерживались точки зрения Авдея Наумовича, что привело к существенному снижению влияния Видова на его ход. А это, как Вы понимаете, ну никак не могло устроить Геннадия Евсеевича. Отсюда произрос небольшой конфликт, который заключался в том, что академсовет, под влиянием Видова, резко сократил обеспечение ресурсами нашего эксперимента, прежде всего кадрами. И это все при продолжающемся расширении количества и спектра решаемых задач. Разумеется, у нас в активе был «ДВиК», который мы и задействовали для восполнения недостающих ресурсов, но качество их было несколько не то.

Позвольте уточнить один момент. Вы сказали, что количество и спектр задач расширились, да так, что вам пришлось более широко задействовать «ДВиК». Как же на все это реагировало Управление?

Мы уже отмечали, что все эти процессы были с ведома, точнее с молчаливого согласия Управления, по другому и быть не могло. Вот и все это расширение было инициировано ими. Мотивация их была очень простая: хоть они и элита среди госаппарата, но даже они не могли пройти мимо дармовых кадров, которые приносят ощутимые результаты, да еще и не претендуют на их позиции. Ничего не напоминает? Именно. По тому же самому принципу осуществлялось наше управление программой и ГОИ. И этого в Управлении не могли не знать, особенно в разрезе того, что подобная форма

сотрудничества принесла Любовь. Плюс ко всему, на сколько я могу судить, наша деятельность очень хорошо укладывалась в логику и мотивы продолжавшегося процесса сверхцентрализации. В общем, на бумаге, для Управления одни сплошные плюсы и профиты. Что это давало нам, думаю уже объяснять не нужно, все более, чем подробно разъяснили.

Да, с вашими интересами все предельно понятно. Возвращаясь к Видову, к чему в итоге привело расхождение в видении хода эксперимента между ним и Авдеем Наумовичем?

Если коротко, то привело это к прямым контактам Геннадия Евсеевича с управлением. Это он так решил взять «дело в свои руки». Достоверно не известно, но выход его на Управление был следующим. Первым его шагом в этом направлении, была очень объемная публикация под названием, кажется, «Резюме научных взглядов на государственные процессы», или как-то так. Публикация получилась достаточно резонансной. Все главные информационные потоки, в связи с ней, начали спекуляции на тему: «У научного сообщества появились политические амбиции». Затем была пара-тройка коллегий на эту тему, пусть и закрытых, но нас и Авдея Наумовича на них пригласили.

Традиционно, можете коротко пересказать содержательную часть этих коллегий?

Без проблем. Там ничего мудреного, на самом деле, не было. Проходили они все, как одна, примерно в таком ключе: «
Председательствующий: Геннадий Евсеевич, по действу-

ющему общемировому соглашению между научным сообществом и национальными политическими элитами, вы не можете использовать науку для реализации политических амбиций. Либо Вы занимаетесь наукой, либо оставляете все научные предпочтения, и меняете свою сферу деятельности. Таков смысл всех международных договоренностей и соглашений в этой сфере.

Видов: По-прежнему продолжаю считать, что это все всего лишь интерпретация соглашений со стороны этих самых элит, которая основывается исключительно на боязни конкуренции со стороны научных деятелей. Что же касается данного мероприятия, то считаю его бессмысленным, так как моя публикация никаких норм не нарушила и нарушить не могла. Публикация представляет собой подборку мыслей и соображений относительно государственных институтов, и все. На подобное изъяснение мысли имеет право каждый.

Председательствующий: А давайте поинтересуемся у нейтрального эксперта? Как он считает? Авдей Наумович, какова Ваша оценка публикации господина Видова?

Шилов: Лично для меня публикация является исключительно познавательной. И я согласен с Геннадием Евсеевичем в том, что публикация не нарушает никаких соглашений. Но главное, почему данная публикация не несет никакой угрозы заключается в том, что она исключительно теоретична, даже чрезмерно. В ней нет никакой фактологии, сплошные умозаключения и тезисы, основанные на домыс-

лах. Исходя из этого, я считаю, что господина Видова очень сложно упрекнуть к каких бы то ни было политических амбициях.

Председательствующий: То есть, Вы считаете, что реализация отраженного в публикации невозможна?

Шилов: Все возможно, особенно в науке. Но, относительно мыслей, изложенных в публикации, нет ни оснований, ни ресурсов, поэтому я склонен считать данные материалы информационно-историческими, если можно так выразиться.»

Казалось бы, Авдей Наумович всячески пытался прикрыть Видова, и отгородить его от дальнейших нападков по этому поводу, но Геннадий Евсеевич был очень недоволен риторикой Шилова, даже обижен. «Думаете Вы, Авдей Наумович, доброе дело мне сделали? Нет. Вы меня демагогом и старым маразматиком выставили.», это практически достоверная реакция Видова. На что Авдей Наумович ему очень спокойно ответил: «Я прекрасно осознаю, как это выглядело, и как было воспринято аппаратчиками, но я, прежде всего, руководствовался необходимостью решения наших задач, как текущих, так и стратегических. Собственно, как Вы этого всегда и требуете. А подобную линию поведения я посчитал самой оптимальной. Уж простите за то, что пришлось выслушать некоторые неприятные вещи.»

И что в итоге?

В итоге Видову сделали формальное предупреждение, и настоятельно попросили в будущем, как минимум, согласо-

вызвать подобные публикации. С Шиловым, после всего этого, они не общались месяца три. Но, надо отдать должное Геннадию Евсеевичу, как-то вмешиваться или создавать помехи для нашей деятельности он не стал. Да и не в его интересах это было. А вот Управление содержание той публикации очень заинтересовало. Заинтересованность была, прежде всего, в сформулированных основаниях для некоторых мер, которые верхи давно собирались осуществить, но никак не могли сформировать для них контекст. А в публикации были обозначены приемлемые логические линии.

Можете привести пример?

Для примера буду брать то, что реализовано. Скажем логика для перестройки системы контроля за деятельностью представительных органов была взята именно из той публикации. И выстраивалась она следующим образом: главная задача контрольных мероприятий в отношении представительных институтов заключается в демонстрации степени выполнения электоральных обещаний, соответственно – такая система контроля должна сводиться к тому, чтобы фиксировать эти электоральные обещания и соотносить их с реальными действиями и результатами. На самом деле, все очень просто и логично, только никто этого не делал. А вот тот состав Управления захотел это реализовать. Правда, как Вы понимаете, не в интересах избирателей, а в интересах верхов. Проще говоря, задумало Управление следующее – обязывать любого кандидата в любой представительный ор-

ган формулировать и подписываться под, скажет так, электоральными обещаниями для верхов, то есть собирали некие предварительные обязательства. И чьи обязательства будут наиболее привлекательными, тех и будут поддерживать.

И надо сказать, реализовали они этот механизм блестяще. Как раз для этого им Видов и понадобился, для того, чтобы сделать всю необходимую теорию из публикации практически применимой. Всей подноготной и конкретики мы, разумеется, не знаем, но интенсивность его взаимодействия с Управлением, в тот период, была выше, чем с нами. Можем лишь с точностью сказать, что в результате взаимодействия Геннадия Евсеевича и Управления, научное сообщество получило в распоряжение достаточно существенные активы, вплоть до целых территорий. В частности, три крупнейших заповедника нашей страны – следствие того взаимодействия.

Помимо реформирования контроля деятельности представительных органов, можно еще вспомнить всестороннее укрупнение государственных корпораций, да так, чтобы не было оснований для антимонопольного противодействия. Формальным поводом для этого было то, что деятельность этих корпораций направляется на международный рынок, а не на угнетение внутреннего. Наряду с этим, вспоминается еще и так называемый «инфраструктурный сдвиг», когда приоритетной стала не социальная инфраструктура, а инфраструктура ИИ. Здесь основание тоже лежало на поверх-

ности – формируем максимальную объективность государственного устройства. И все это было реализовано, причем в достаточно сжатые сроки. Эту бы продуктивность в другое русло. Но, тут уж не до причитаний. В общем, вот вам наглядное отображение того, для чего нужна была вся эта централизация.

Я так понял, для того, чтобы повысить уровень контроля и осведомленности?

Да, Юр, вот так вот все примитивно. По сути, верхи прямо сказали: «Такой ситуации, какая сложилась с Лобовым, мы больше не допустим, так как это дестабилизирует нас самих.» А это дополнительное и существенное подспорье для их конкурентов, коих хоть и было чрезвычайно мало, но все же были. Плюс внешние угрозы нужно всегда держать во внимании.

И роль Видова во всем этом мы прояснили – дать основания. И да, такого тесного взаимодействия одного из глав академсовета с государственными верхами я не припомню. Но лично для меня, гораздо более удивительной было наше положение во всем этом. По сути, получается, что во время всех этих реформаций мы оставались единственной организацией, способствовавшей хоть какому-то бесперебойному государственному функционированию, пусть и на низовом уровне и под тотальным контролем Управления. Под организацией я подразумеваю симбиоз ОАММ и «ДВиК». Без лишней скромности скажу, что если бы не мы, то корпо-

рации бы сначала разнесли все, что касается непосредственного взаимодействия с гражданами, а потом самое ходовое подмяли бы под себя и начали бы реализовывать втридорога. А сделать все это нам удалось одним нехитрым методом, использование которого Авдей Наумович добился у Управления «под соусом» минимизации угрозы дестабилизации в низах. Хотя, почему «под соусом»? Так оно и было на самом деле, мы не давали осуществиться этой самой дестабилизации. Метод же заключался в следующем – запретить вносить любые коррективы и изменения в действующие модели, без предварительных тестов, которые должны были делать мы. Метод, надо сказать, достаточно древний, и применялся еще в середине двадцатого века, но он был работающий, а также имел свою отражение в публикации Геннадия Евсеевича. Думаю, что второе и сыграло решающую роль в получении одобрения со стороны Управления в применении данного метода. Этим методом, или, если хотите, принципом, мы, фактически, мешали корпорациям коммерциализировать низовые государственные функции, воспользовавшись тем, что верхи отвлеклись на описанные ранние процессы.

И разумеется, больше всех в этом упорствовала «веселая троица». Но и им не удалось эти все меркантильные задумки протащить. Пусть даже они позволяли себе в отношении нас прямые угрозы. Но, если честно, у нас как-то изначально, боязнь или страх в отношении них никак не проявля-

лись, точнее, ее просто не было. А уж в отношении других дельцов подобного плана, тем более. Справедливости ради отмечу, что и мы сами ничего существенного, в рамках применения данного метода, не привнесли. Главной причиной этому было то, что мы не знали чем завершаться и к чему приведут процессы, происходившие тогда в верхах. Следовательно, все изменения, внесенные нами, могли не просто светиться к нулю, такой риск для нас был всегда приемлемым, а обернуться против граждан, а вот на такой риск мы пойти не могли. Во и мы и зависли в позиции «одних не пускаем, других ждем».

А Видов, как я понял, в это время полностью переключился на взаимодействие с верхами?

В целом, да. Но я контекста вопроса не понимаю...

Верно, прошу прощения, не точно сформулировал вопрос. Вы ведь, прежде всего Шилов, могли этим воспользоваться для усиления своего влияния в научной среде, и стать гораздо менее зависимыми от Видова.

У, Юр, да ты в разговорах с нами сам стал подкованным политиканом. Мысль верная. Могли, и мы, и, тем более, Авдей Наумович. Но тут все просто – принципы. Шилов против своих принципов никогда не шел, и нам запрещал. Хотя эти самые принципы не редко шли во вред. Нет, я не буду говорить про высокий морально-этический облик Авдея Наумовича, тем более наш. Все мы люди – этим все сказано. В том смысле, что мораль и нравственность тоже субъектив-

ные категории, к сожалению. Например для таких, как Беглый, Ваксин или Пиров, постоянное стремление к наживе является приоритетом и оправданием всего. Это единственное, что они уважают. Но, речь не о них. Речь о том, что в этом вопросе опять проявился поход Авдея Наумовича. «я не стремлюсь к обладанию ради обладания, я даже этому противлюсь.» Плюс, опять же, отсутствие политических амбиций. А ведь научная среда, не научная среда, если ты находишься на иерархических вершинах, то никак ты политики не избежишь, из какой бы сферы эта иерархия не была – чем выше уровень, тем больше политики, по-другому не бывает.

Следовательно, и Видов мог настроить против вас Управление, раз он так тесно начал с ними сотрудничать?

Да, Юр, ты точно поднаторел, тебе уже можно прям в верхние эшелоны власти, с таким-то пониманием политических переплетений. Ну, это юмор, ты на своем месте хорош. Если серьезно, то разумеется, технически, у Геннадия Евсевича была такая возможность. Фактически, мы уже неоднократно упоминали про прямую выгоду Управления, а мы ему были очень выгодны. Вообще, на самом высоком уровне стандартная практика использовать все и всех в своих интересах и для своих нужд, создавая при этом видимость, что все взаимовыгодно. И работает все это по одной простой причине – из-за перекоса в сторону силы. Проще говоря, более сильный пользуется более слабого – ситуация стара, как

мир. И она возведена в разряд абсолюта, даже на межгосударственном уровне. Если же говорить о возможностях Видова в отношении Управления, то как-то повлиять на его отношение к нам он мог только предложив, что-то более выгодное, чем то, что делали мы. А этого он не мог, поэтому и у нас не было переживаний по поводу того, что Геннадий Евсеевич на что-то повлияет в этом направлении.

Но отношения между вами и Видовым испортились?

Видишь ли, в научной среде, фактически нет таких категорий, как «отношения испортились», и уже давно, тем более на самом высоком уровне. Есть обоснованные претензии и аргументированное расхождение во взглядах. В случае Видова и Шилова, было второе. Принципиально, это расхождение заключалось в банальной вещи – Авдей Наумович действовал в рамках того, что изначально намечалось, а вот у Геннадия Евсеевича же проявились те самые политические амбиции. Ты можешь сказать, что увеличение «научности» в государстве это тоже политические амбиции, но я скажу, что как раз наоборот повышение «научности» ведет, как раз таки к снижению уровня «политичности». А вот Видов стремился к тому, чтобы в государстве доминировала политическая наука и наука о политике. Чувствуешь разницу? Разница такая же, как между диктатом закона и законом диктата. Вот мы стремились к первому варианту, а Геннадий Евсеевич хотел возвести науку в некий абсолют, противопоставляемый вообще всем человеческим стремлениям, в том чис-

ле и созидательным, то есть наука ради науки, познание ради познания. Устроило бы тебя такое положение вещей? Вот и нас не устроило. Понятное дело, что верхи этого всего бы реализовать не дали, но там, где не было их прямых интересов, вполне могли бы дать все это осуществить, локально. Хотя, они и дали, передав огромные территории под заповедники и заказники. Правда, с другой стороны они поручили нам контроль и мониторинг происходящего там, так что мы позаботились о том, чтобы эти территории использовались исключительно под то, подо что были переданы.

Тут нельзя не сказать, что подобным прецедентом захотели воспользоваться корпорации, особенно со стороны «веселой троицы». А хотели они создать частные рекреационные зоны. Думаю, понятно чем бы это обернулось – в результате бы появились огромные территории, недоступные для «простых смертных». Понятно, что есть закрытые полигоны, или производственные земли, но частные рекреационные зоны означали бы полный возврат к феодализму. Не хилый такой регресс получается. Нам такое точно ни к чему. Кстати, думаю, что и верхи это осознавали, поэтому и зарубили все это в зачаточном состоянии. Корпорации хотели было поднять по этому поводу «волну» на предмет, того что «зажимают инициативу по сохранению природного наследия», но, ожидаемо, ее никто не поддержал, у всех были более насущные проблемы.

Глава 28.

И что же это были за проблемы?

Вопрос очень уместный, так как в том числе и нам во главе с Шиловым пришлось их решать. Главной из них была проблема перехода от «фазы централизации» к «фазе систематизации». Проще говоря, от «ручного управления» к «системному управлению». На самом деле, проблема довольно стандартная и давняя, правда толком ее так никому решить и не удалось, особенно в нашей стране, все время возникали какие-то перекосы, самым ярким из которых был – «много руководителей и советчиков, мало исполнителей и реализаторов». Сразу скажу, что вообще-то решается данный перекося достаточно просто – включается принцип «сам напридумывал, сам и реализовывай». Но, просто это только на словах, тут же надо его закрепить и обязать этому следовать, вот где настоящее «поле боя». Ведь, не забываем – чиновничество работает по принципу «сделать все, чтобы ничего не делать», вот тебе и главная проблема в построении любой созидательной системы, или хотя бы системности.

И как же вы были задействованы в решении данной проблемы?

Погодите, Юрий, это мы для себя формулировали данную проблему в подобном ключе. Самое ключевое и существенное, как ее формулировали и определяли для себя верхи. Разумеется, достоверно известно нам об этом быть не мог-

ло, но, по факту действий, мы можем предположить, что самым насущным для них на тот момент было, скажем так, снять с себя «непрофильные» или неинтересные направления деятельности. Например, такие, как: высшее образование, глобальная экология, локальная транспортная инфраструктура, социальное обеспечение, культурное наследие и тому подобное. Иными словами, все то, что не приносило быстрых денег, но было очень затратным в реализации. Да, подобное стремление ровесник самого государства, но каждый раз оно реализовывалось по разному. В тот раз, как мы понимаем, было перекинуть все это на общественные организации, с мотивировкой – «мы расширяем функции и влияние общественных организаций и инициатив». Кстати, на счет инициатив, «наши» бывшие ГОИ, точнее то, что от них осталось, было решено тоже передать в ведение общественных организаций. Но, во главе общественных организаций находится достаточно большое количество сообразительных людей, для которых было очевидно, что на них хотят перекинуть большую «головную боль» себе в угоду. Конечно же, они этому воспротивились. Стал маячить очередной кризис общественных институтов. Не такой, конечно, какой был до этого, но все же...

Если Вы говорите об общественных организациях, то как во всем этом участвовало «ДВиК»?

И мы, как главы движения, и все движение в целом, старались во всем этом никак не участвовать. Нет, мы, ко-

нечно, выпустили официальное заявление, главным тезисом которого было: «При совместном однонаправленном решении задач достигается максимальная продуктивность», но на практике мы были сосредоточены на решении задач по ОАММ, параллельно просчитывая развитие событий и возможные исходы. Тут ведь еще надо принимать во внимание наше положение, как по отношению к научному сообществу и академсовету, так и по отношению к Управлению, а оно ну никак нам не позволяло занять сколь-нибудь жесткую позицию в этом вопросе.

При этом, надо заметить, что в предложении о перекидывании «невыгодных» направлений с государства на общественников, верхи, в первую очередь, руководствовались именно способом взаимодействия между нами и Управлением. Не побоюсь даже сказать, что мы подали им подобную идею, и выступили прообразом того, как можно это проверить. И поверьте, никакого позитива у нас по этому поводу не было. Мы начали думать, как это все предотвратить, при этом не вступая в конфронтацию с верхами, прежде всего с Управлением. Разумеется, Авдей Наумович взял это на себя, попросив нас еще более тщательно решать задачи по ОАММ и «ДВиК», чтобы у Управления не возникло даже малейшего подозрения в том, что мы собираемся им противодействовать. А действовать надо было как можно быстрее, чтобы процесс «скидывания маловыгодных направлений» не стал необратимым. Шилов взял на обдумывание па-

ру неделю, «без отрыва от производства».

И какое же решение было найдено?

Концепт, который предложил Авдей Наумович, заключался в том, чтобы показать, что затраты на реализацию и поддержание стабильности подобного положения, перекроют все возможные выгоды. Но, самое примечательное заключалось именно в способе реализации этого концепта, точнее в том, что для его реализации предполагалось привлечь и Видова, и даже Лобова. Суть реализации же сводилась к следующим шагам: выбрать отдельное муниципальное образование, обозначить его экспериментальным; реализовать на нем все предложения верхов в части передачи «неликвидных» направлений общественным организациям; показать реальные цифры по затратам и отдаче через год. Только надо иметь в виду, что это я сейчас так легко это все формулирую. На самом деле, сложности в связи этим планом, возникли уже на нулевом этапе. Например, с выбором экспериментального места. Дело в том, что в искомом муниципальном образовании должно было действовать как можно больше общественных организаций, и не только обязательные палаты, а еще и узконаправленные, отраслевые и секторальные. Таким могли похвастаться только мегаполисы, и-то самые крупные, на которых, как Вы понимаете, никто экспериментировать не позволит. Соответственно, оставался только один вариант – выбрать муниципалитет на территориях, и затащить туда, как можно больше этих самых общественных

организаций...

Матвей, мне кажется, что ты немного вперед забегаешь. Еще же ведь был момент с тем, что нам надо было, чтобы весь концепт и план по нему был принят Управлением и верхами. И этот момент был ключевым на том этапе, так как в противном случае все, что мы рассказывали о снятии с госаппарата «неликвидных» направлений, просто-напросто бы реализовалось. При всем при этом нам надо было убедить Управление в том, что наше предложение носит исключительно исследовательский характер. И вот уже для этого нам понадобился Геннадий Евсеевич, который на тот момент был чуть ли главным консультантом Управления, то есть имел самое большое влияние на верхи среди тех, с кем мы могли договориться. И Авдей Наумович решил изложить Видову все наши соображения и опасения, о которых мы рассказывали ранее. Причем это был их первый прямой разговор за долгое время, после того, как они не сошлись на предмет влияния науки на государство. Мы тоже стали участниками того разговора, и вот как это происходило, примерно: «

Видов: Все, что вы мне сейчас изложили я сам прекрасно понимаю и осознаю, и так же, как и вы, пытаюсь найти решение. То, что вы предлагаете может быть подвергнуто большому количеству интерпретаций и искажений. Нам же нужны однозначные выводы, которые будут очевидны даже для ребенка.

Шилов: Полностью согласен на счет однозначности выводов. Только не очень понятно, как наш план этому противоречит...

Видов: Авдей Наумович, ну вот зачем Вы опять представляете свои решения, как единственно верные и безальтернативные? Я ведь тоже не просто так являюсь сопредседателем академсовета второй десяток лет. Это осознали даже на самом верху, и вы именно из-за этого обратились ко мне, я это прекрасно понимаю. Я лишь говорю о том, что ваш план слишком прямолинеен, и он сразу же раскрывает его смысл, а он должен быть известен только нам.

Шилов: Обратились мы к Вам не только из-за Вашего влияния, но не суть. Уже хорошо, что мы с Вами сходимся в необходимости недопущения сбрасывания с себя государством большого количества социальных функций. А на счет методов недопущения, готовы выслушать Ваши предложения. За этим и обратились.

Видов: И правильно сделали, а-то бы только все усугубили. А если бы изначально пошли пути увеличения научности в государстве, предложенным мной, то вообще бы обсуждаемой проблемы не возникло. Предложение же мое сводится к тому, чтобы опять развернуть все в сторону более научного подхода в государственном управлении. Тем более, что я в этом серьезно продвинулся, пока вы решали локальные задачи. А конкретнее, я предлагаю смасштабировать ваш план на всю страну, добавив туда процедуры, упущенные вами при

его составлении.

Шилов: Но это же реальный риск кризиса и временной остановки функционирования нижнего исполнительного звена госаппарата, как это было недавно...

Видов: Не отрицаю, так и есть, но вынужден констатировать, что по другому они не поймут и не осознают масштабыности всех последствий для себя. А мы и должны показать чем это грозит лично для них. Нет, конечно есть и другой вариант.

Шилов: Просветите, пожалуйста...

Видов: Все просто – они все это скидывают, вы подхватываете и тянете лямку, в конце концов, вы им подобную идею и подали. Но, согласен, это будет не правильно. Поэтому, считайте меня сторонником в вопросе недопущения снятия с себя государством их прямых обязанностей. А по методам и подходам надо договариваться.»

Договоренности договоренностями, но время поджимало, действовать надо было уже «вчера», поэтому было принято достаточно радикальное и неожиданное решение – смасштабировать концепт Шилова не на всю страну, а реализовать его в рамках той самой программы по развитию малых территорий. Да-да, она к тому моменту еще была жива, по крайней мере формально. И да, номинально ее все еще курировал Евгений Генрихович Лобов, за которым к тому времени уже закрепился статус «командующий вчерашним днем». В общем, его влияние тогда было сжато раз в пятьдесят относи-

тельно того, каким он было на пике, мы уже об этом рассказывали. Но, программа уж очень была необходима для реализации шиловского концепта, поэтому Авдею Наумовичу предстоял разговор с Лобовым. И не просто разговор, его еще надо было убедить подключиться к реализации концепта, во что бы то ни стало. А это было ни сколько не проще, чем создать сам концепт. Фактически, нам предстояло вернуть программу по территориям под свое управление. И хоть она уже давно никому не была нужна, сделать это было не просто, с учетом былых предписаний нам, и нашего формального статуса.

Плюс дополнительный фактор Видова, фактор Управления и все в этом духе. Я не хочу нарисовать безысходность, просто, пожалуй, это самая трудная отправная точка, которую я помню, за мою карьеру уж точно. Думаю и друзья-коллеги сразу и не припомнят, была ли сложнее. Вот, соглашались. И мы, точнее Авдей Наумович, решили пойти по пути взаимной компенсации диаметральных точек зрения. Уточняю, нам нужно было сбалансировать четыре стороны: Видова – с его научно-политическими амбициями; Лобова – с его мстительностью и жадой вернуть былые позиции; Управление – с его до конца не понятными мотивами; совокупность общественных организаций, в которых вообще был перманентный разброд и шатание. Кстати, большинство общественных организаций все же сходились в одном – в отношении к нам с большой опаской, со времен их попечи-

тельства а программе и ГОИ. Вот такой был расклад на нулевом этапе. Радовало одно, что было очевидно кто, кого и чем уравнивает: Видов уравнивал Лобова, прежде всего, на почве амбициозности; «ДВиК» должно было справиться с уравниванием общественных организаций; мы же, а именно ОАММ, должны были нивелировать воздействие Управления, та еще задачка. И все это надо было сделать до начала реализации концепта. А поскольку разговор с Лобовым назрел в любом случае, решено было начать с уравнивания Видова за счет Лобова, параллельно перехватывая управление программой.

Надо сказать, что на тот момент Лобов представлял из себя типичного верховода в отставке или на пенсии, то есть «великодержавные» замашки никуда не делись, а ресурсов и возможностей практически не осталось. При всем при этом, он считал себя преданным всеми, и видел он это предательство даже не со стороны «веселой троицы», а со стороны Авдея Наумовича, считая его чуть ли не главным виновником того положения, в котором он тогда находился. Это я так, чтобы еще раз подчеркнуть атмосферу предстоящего разговора. И разговор вышел под стать описанному. Мы на нем присутствовали для статусности, что ли, чтобы показать коллективность и серьезность обращения. Сам же разговор вышел, примерно, таким: «

Лобов: Что прижало вас ребятки? Тут-то вы про меня и решили вспомнить? Излагайте, что у вас, хоть тоску разго-

ню...

Шилов: Евгений Генрихович, собственно, мы, помня о Ваших былых заслугах перед нами, решили Вам предложить возможность частичного восстановления Ваших былых позиций...

Лобов: Если бы я с вами не связался, не надо было бы ничего восстанавливать. Но, продолжай, может действительно что-то толковое предложите...

Шилов: Есть такая фигура, как Геннадий Евсеевич Видов, с мыслями и мировоззрением которого, Вы прекрасно знакомы по его нашумевшей публикации о «научности в государственном управлении». Да и его деятельность в качестве сопредседателя академсовета говорит очень о многом. Вы прекрасно знаете, что сильные оппоненты, делают каждого из них еще сильнее. Так вот, зная Вашу глобальную позицию, мы бы хотели предложить Вам стать главным публичным оппонентом господина Видова. Ресурсы и сопровождение за нами...

Лобов: Хочешь в отношении меня провернуть то же, что и в отношении этих троих, когда ставил их во главе «ДВиК»? Не слишком ли мелко это все?

Шилов: Ну, во-первых: методика работает, они же до сих пор являются более, чем легитимными лидерами движения. Во-вторых: уровень и накал противостояния предполагается несколько другой. Да и, если прямо, какие у Вас варианты?

Лобов: Да, не меняешься ты, Авдей, все пытаешься сха-

мить, даже тому, к кому обращаешься. Ладно, допустим интересно. Почему именно я, что сам-то себя не противопоставишь? Ты же все-равно только это и делаешь.

Шилов: Странно от Вас слышать подобную оценку, но мне она не принципиальна. Почему не я? Отвечу прямо – потому, что у меня нет Ваших амбиций, известности и связей. Это главные факторы, из-за которых мы к Вам обратились.

Лобов: Прямее некуда, ценю. А что же ты этого всего не нашёл за всю свою деятельность? Можешь не отвечать, не интересно. Излагай план.

Шилов: Подробный план мы Вам переслали. Если коротко, то мы делаем Вас главным приглашенным экспертом ОАММ, это открывает перед Вами множество дверей, а дальше Вы делаете то, что умеете, не забывая, что Ваш главный оппонент – Геннадий Евсеевич. Не мне Вас учить, как всем этим пользоваться. Как я уже сказал, подпитку мы Вам обеспечим.

Лобов: Не бойтесь, что против вас могу пойти?

Шилов: Воля Ваша, останетесь без ресурсов.

Лобов: А как же Управление? Оно Вас за такое благодарить не станет, мягко говоря. А я вместе с вами отгрести не собираюсь...

Шилов: Об этом не беспокойтесь, у них сейчас гораздо более насущные задачи, чем Вы. Извините за прямоту, они, первое время, могут Вас вообще не заметить.

Лобов: Ладно, буду надеется, что у тебя все продумано,

как всегда, этого у тебя не отнять. Когда приступаем?

Шилов: Уже приступили...»

Мы и правда, к моменту этого разговора, уже запустили процедуру назначения Лобова нашим «главным экспертом», так как были полностью уверены в том, что он не откажется от такой возможности вернуться. И, очевидно, были правы. И именно по этой же причине разговор получился такой прямой – чем меньше бы было недосказанного, тем выше вероятность получения согласия. Дальше нам предстояло противопоставить «ДВиК» всем общественным и представительным организациям на территориях.

Мить, мне кажется, что прежде, чем рассказать о том, как мы настроили «ДВиК» под упомянутую задачу, нужно вспомнить о том, что мы же собирались вновь перехватить управление программой. И, должна сказать, оказалось это не так уж и сложно, как предполагал Авдей Наумович. С Лобовым проблем не было, так как она для него была скорее обузой, особенно, в свете предстоящих событий. Но, статуса она ему придавала, так-что с курирования программы мы его снять не могли. На самом деле, не особенно и стремились. Вообще, на тот момент, программа представляла из себя вяло текущий набор процедур, который каким-то чудом исполнялся по инерции, и рассматривался на генеральном госсовете не чаще одного раза в год. Собственно, только тогда Лобов на нем и появлялся, в последнее время. Нам же предстояло переформатировать программу в некое на-

глядное отображение ошибочности подходов верхов к своим низовым и социальным функциям, а в крайнем случае, в главный инструмент противодействия верхам в этом вопросе. Но, для начала, как я уже сказала, нам нужно было перехватить управление. Вопрос с Лобовым был решен, оставался вопрос нашего статуса, который не позволял нам напрямую руководить программой. Решение было очень неожиданным, но не очень сложным в организации – мы попросили Лобова передать управление программой представительным организациям на местах в территориях. Эти организации очень обрадовались и ухватились за это предложение, в кой-то веке им было предложено управлять чем-то действительно статусным. Возмутилась только «веселая троица», так как программа находилась под формальным управлением их структуры. Хотя, на самом деле, никто в этом направлении ничего не делал. Честно говоря, ничего уже и не надо было делать, так как программа себя давно изжила, и уже давно было пора переходить к третьей или даже четвертой фазе нашего изначального плана по ней, но это я так, к слову. Что же касается возмущения назойливой троицы, то поскольку предложение о передаче управления программой местным было проведено и согласовано с Управлением, то и возмущение этих троих быстро сошло на нет. Убедить же Управление в таком решении, оказалось также не очень сложно, так как контекст данного предложения мы полностью уложили в логику их мировоззрения и действий, ука-

зав, что данным решением они ускоряют начатые ими процессы реформации системы.

И вы не видели для себя опасности в подобном решении и конфигурации? Ведь структуры, которым вы передали управление программой не были подконтрольны вам, более того, они были чрезвычайно разнородны, насколько я понимаю.

Правильно понимаете, Юрий. На разнородность и был расчет. Разнородность не позволяла им сформировать единый подход к управлению, что позволяло нам провести необходимые перестроения, которые предлагались, как устраивающие всех альтернативные предложения. Таким образом, мы и не нарушали наши соглашения относительно программы, и решали задачи по перестроению ее под наши задачи. Для представителей же местных, первичным было получение серьезных выходов для реализации своих персональных задач. Поясню, в то время существовало только два пути построения карьеры в госаппарате – либо через госкорпорации, либо через рабочие группы, утвержденные госсоветом. Вариантов пробиться по бюрократической вертикали практически не было, а по тем двум направлениям конкуренция было просто жуткая. Мы, по сути, дали третий, альтернативный вариант построения карьеры в госаппарате, и те, кто действительно нам мог мешать в реализации наших задач относительно программы, сосредоточились на решении своих личных карьерных задач.

То есть получается подход такой же, какой изначально был применен для создания «ДВиК»?

Да, что-то подобное, только в случае движения была сформирована очень четкая и исчерпывающая концепция – зачем, как, методы, принципы и так далее. При передаче управления программой этого сознательно не было сделано, более того, распоряжение об этом было подчеркнуто размытым и не конкретным, чтобы не дать даже малейшей возможности для какой-либо консолидации. Тут надо пояснить, что мы, тем более Авдей Наумович, ни в коем случае не считали местные представительные органы каким-то злом или деструктивным элементом, просто управление программой ну совершенно не их функция, и вероятность вреда от их управления была гораздо выше, чем пользы. Об этом свидетельствует сама история – все, что передавалось в управление представительным органам, превращалось лишь в поле для политиканства, без какого-либо продвижения вперед. Плюс надо не забывать, что мы очень сильно рисковали и так, поэтому оставлять место для каких-то неожиданностей было бы опрометчиво. Вот мы и решили в этом вопросе пойти, так сказать, по авторитарному пути.

Я правильно понимаю, что таким образом было сделано еще и с учетом того, что вам нужно было соответствующим образом перенастроить и противопоставить «ДВиК»?

Да, так и есть. Чем стабильней оппонент, тем проще ему оппонировать. Но, движение никогда не было оппозицией в

классическом понимании, оно, скорее, было структурой анализирующей и объясняющей происходящее, а также заостряющей внимание на тех или иных аспектах, не только политики или экономики, но любых других сферах. Хотя главной функции – подпитка кадрами и персоналом ОАММ, с нее никто не снимал. Для решения же задачи противопоставления новоиспеченным управляющим программой, нам нужно было только сформировать и подготовить специальную группу, которая бы подвергала прозрачной, конструктивной и исчерпывающей критике все действия новых управляющих. Разумеется, с предложениями, чтобы обязательно была обратная реакция. Такую группу было решено сформировать из бывших чиновников, уволившихся по собственному желанию и пришедших на работу в «ДВиК» или ОАММ. Почему они? Банально, потому, что у них уже не было особого страха перед госаппаратом, но в то же время они понимали, чего можно ожидать от аппаратчиков, и знали как с ними выстраивать дискуссии. Разумеется, во главе всего это «противопоставления» стояли мы, по другому и быть не могло. Но, предполагалось, что подключаться мы будем только на самом высшем уровне, либо когда ситуация будет требовать нашего вмешательства. И пару раз действительно пришлось вмешаться, но все это было прогнозировано.

А вот, что мы не смогли спрогнозировать, так это дальнейшее поведение и действия Управления относительно всей нашей возни. Вообще, Управление это такая структура, ко-

торая очень сложно поддается каким бы то ни было анализам и прогнозам, даже его состав и структуру практически никто не знал, не говоря уже о его планах. Собственно, в этом нет ничего удивительного, на то оно и Управление. Другое дело, что по их фактическим действиям и результатам можно было достаточно точно определить направления их деятельности. Вот и в отношении задачи по сбрасыванию государством с себя низовых и большинства социальных функций мы посчитали, что делается это для того, чтобы верхи могли сосредоточиться на том, что считают важным для себя, в основном на международных геополитических «игрищах». Оказалось, что...

Вадим, теперь ты вперед забегаешь. Реальные планы Управления и верхов Авдей Наумович вычислил уже тогда, когда его концепт работал на полную. А до этого нам еще предстояло этот самый концепт запустить. Мы ведь только изложили первоначальную диспозицию. При запуске же всего обозначенного ранее, был один назойливый и раздражающий фактор – госкорпорации, в лице «веселой троицы», я бы даже сказала, во главе с ними, так как получив свои назначения, о которых мы упоминали ранее, она начали массово и практически беспрепятственно «консолидировать» огромное количество активов. Беспрепятственно потому, что их действия полностью укладывались и согласовывались с процессами централизации, происходившими в тот период. Проблемы они нам создавали и ранее, мы об этом

упоминали не раз, но в ходе реализации концепта Шилова, противодействие нам стало чуть ли не одним из основных направлений их деятельности. Поначалу мы думали, что это связано с их опасениями относительно восстановления позиций Лобова. Но нет, оказалось это связано с тем, о чем начал говорить Вадим Максимович.

Глава 29.

Я правильно понимаю, что помимо всех обозначенных противовесов, вам нужно было еще решать неожиданный вопрос по противовесу госкорпорациям?

Именно! И единственным вариантом, на тот момент, было противопоставление госкорпорациям не конъюнктурного, то есть независимого, научного сообщества. И в этом вопросе уже было недостаточно только лишь авторитета Видова, или репутации Шилова, тут должен был возникнуть реальный и нематериальный интерес у самого сообщества. Иными словами, обычные директивные меры или апелляции к научному любопытству тут уже не проходили, надо было предложить что-то гораздо существеннее. И таким предложением или, если хотите, мотивацией стала возможность, точнее реальный шанс, получения некоторых секторов экономики под науку. Поясню, имеется в виду курирование наукой некоторых узких секторов деятельности: применение научных подходов, получение новых источников финанси-

рования и материальной подпитки, развитие прикладной науки под контролем научного сообщества, а не бизнеса и тому подобное. А таким секторами, например, могли стать: динамическое обновление персональных ИИ, создание «изолированных» персональных пространств в Сети, персонифицированная селекция агрокультур и тому подобное. Иными словами все то, что связано с максимальной персонализацией. Если честно, то все эти сверх персонализированные вещи госкорпорациям и крупняку были вообще не нужны, даже мешали, и логичнее всего было бы, что бы этим занимались малые предприятия, но у них не было ни средств, ни доступа, ни технологий. Вот Шилов и посчитал, что «спайка» науки и малого бизнеса в данных сегментах может быть чрезвычайно продуктивна и интересна, как одним, так и другим. Но это уже детали потенциально возможного устройства, главной же задачей было реализовать все это. А противостояние между научным сообществом и госкомпаниями, в этой связи, как Вы понимаете, вырисовывалось достаточно явное.

Только еще предстояло донести это все до самого научного сообщества. И, как ни странно, формат академсовета для этого не подходил, так как решение о противостоянии государственному бизнесу не должно было быть директивным. Поэтому, решено было пойти несколько издалека: было предложено каждому научному течению, каждой научной сфере высказаться в форме публикации на предмет негативного влияния крупняка на соответствующие сферы. Нашей

же задачей было предание наибольшей огласки этим публикациям. Таким образом, решалась и задача начала противостояния науки и госкорпораций, и задача понимания научным сообществом получения под его контроль некоторых секторов экономики. И надо сказать, что реализовано это было достаточно быстро, так как к тому моменту у нас уже были каналы широкого информирования, как собственные, так и появившиеся в связи с участием Лобова. Эффект же получился вполне ожидаемым, вплоть до того, что госкомпания обвинили науку в том, что она недобросовестно пользуется своим привилегированным положением для получения материальной выгоды. Кстати, данное обвинение сильно позабавило широкую общественность, в контексте «кто бы говорил». В общем, процесс противостояния науки и крупняка был запущен, оставалось только перевести его в конструктивное русло, а именно выдвинуть госкомпанию из обозначенных секторов, причем посредством именно конкурентных преимуществ, точнее более точного считывания конечных ожиданий потребителей, в этом наука точно превосходила крупняк. И взялось за эту задачу научное сообщество с осязаемым энтузиазмом, так как очень давно не предоставлялось возможности прямой конкуренции науки и крупного бизнеса. Нам же оставалось следить, чтобы от этого противостояния не пострадали малые предприятия, точнее, чтобы все свои действия в данном направлении наука осуществляла исключительно через малый бизнес. В принципе, по дру-

гому и нельзя было.

А параллельно с этими событиями, происходило увеличение активности верхов по сбрасыванию с себя «неинтересных» им функций. Значит, и реализация концепта Шилова по противодействию этим процессам набирала обороты. И уже на первых парах нам стало понятно, что в этом вопросе верхи пошли по достаточно примитивному, но максимально выгодному для себя пути – коммерциализации этих самых «лишних» функций, и передаче их на откуп тем самым, пресловутым госкорпорациям. Проще говоря, они хотели разом, и снять с себя все, что им было не интересно, и получить дополнительные доходы. Признаться, мы ожидали чего-то более изощренного, но тут, видимо, сказалось влияние «веселой троицы», которая, неформально, курировала все эти процессы со стороны крупняка. Правда, не могу сказать, что это упрощало нам задачу, но понимания и осознанности действий это знание, безусловно, добавляло.

Я бы еще добавил, что приступив к реализации концепта Авдея Наумовича, мы выяснили, что среди «низовых» государственных функций, от которых верхи хотели себя избавить, были и такие, которые вообще были либо устаревшими, либо ненужными, либо избыточными. Проще говоря, такие функции, из-за которых непомерно раздувалась армия чиновников. Обнаружив это, мы и, прежде всего, Шилов, решили, что может Управление решило провести ревизию государственных и бюрократических функций и процедур, и

избавиться от ненужных? А мы зря начали эту бурную деятельность по противодействию им? Но нет, после того, как начались выступления высокопоставленных лиц в государственных информационных потоках с таким формулировками, типа: «надо предоставить полную самоорганизацию населению в вопросах совладения», «общественные организации должны принимать гораздо большее участие в местном самоуправлении», «нужно расширить возможности и интерес бизнеса для участия в социальных программах» и тому подобное, нам стало понятно, что в оценке происходящего мы не ошиблись. Казалось бы, вполне позитивные утверждения и тезисы, только вот весь наш совокупный опыт говорил нам о том, что если госаппаратчик высказывается в подобном ключе, значит делаться все будет либо диаметрально противоположно, либо только с учетом интересов госаппарата. В общем, все подобные высказывания послужили для нас явным сигналом к тому, что нам надо было активизироваться. И начать мы решили с усмирения круняка и госкомпаний в лице «веселой троицы», дабы лишить верхи, скажем так, коммерческой подпитки в этом вопросе, я, прежде всего, имею в виду технологии блок-чейн-маркетинга и потребительского влияния на персональные ИИ. А так как, противопоставить мы госкорпорациям решили научное сообщество, то и первое значимое действие по реализации концепта было совершено со стороны научного сообщества.

И координатором этого «действия» выступила я. Заклю-

чалось он в том, чтобы создать автономную инфраструктуру социального бизнеса, подчеркиваю – социального, без кого бы то ни было участия государственного или иного крупного бизнеса. Точнее, не то, чтобы создать, а обозначить возможность. Причем, ключевым была именно реальная возможность создания такой инфраструктуры, которая была полностью просчитана и смоделирована научным сообществом, да так, что даже у самых отъявленных скептиков не нашлось бы сколь-нибудь сильных аргументов против этого. Собственно, после того, как демонстрация этой модели была распространена по всем доступным нам каналам, конъюнктурных карманных «скептиков» слышно и не было. А вот общественные организации, «оседлав эту волну», начали «накат» на госаппарат на предмет того, что «Давайте, делать!». Таким образом, мы запустили сразу два процесса: противостояние научного сообщества и корпораций, и противостояния общественных организаций и госаппарата.

Дальше нам предстояло подключить ко всему этому «ДВик», раз уж включились общественные организации. И движение было подключено со следующим тезисом: «Пусть каждый сам определяет насколько ему нужна и важна социальная инфраструктура, а исходя из этого и должен формироваться вклад каждого в нее. И не обязательно материальный. А чтобы не было тунеядства, иждивенчества или узурпации, должен быть, как минимум, трехсторонний контроль». В общем, ситуация начала накаляться, что не могло

не привлечь внимание верхов, поэтому было решено провести внеочередной генеральный госссовет по этому поводу, с целью немного ее охладить, посредством небольших показушных уступок. Собственно, для нас это означало только то, что концепт Авдея Наумовича работает, и внимание и ресурсы верхов, в вопросе сбрасывания с себя «ненужных» им функций, были отвлечены и сам этот процесс был приторможен.

А о каких уступках шла речь?

Я думаю, что сам верным будет ответить на это примерным кратким пересказом того самого госссовета. На котором, кстати, Шилов не присутствовал, по понятным причинам, он должен был оставаться, как можно дальше и дольше в стороне от всего этого. Так-что, фактически, это был наш первый генеральный госссовет без его непосредственного участия, ведь мы-то были приглашены к участию в качестве лидеров «ДВиК». И вот каким вышло наше участие в нем: «

Первый секретарь: Давайте предоставим слово лидерам крупнейшего общественно-политического движения на территориях. Господа и дама, мы все знакомы с вашей официальной позицией по рассматриваемому вопросу. Не могли бы вы ее представить более развернуто?

Я: С нашей точки зрения, все предельно просто... Первое: должно быть оказано противодействие, вплоть до прямого запрета, на использование социальной сферы в интересах крупного бизнеса. Достаточно того, что они безраздель-

но владеют коммерческой сферой. Второе, сделать социальную сферу максимально удобной не только для пользования, но и для участия в ней граждан. И третье, реформировать социальную сферу исключительно на принципах соучастия, без превалирования одной стороны над другой.

Первый секретарь: Проще говоря, вы поддерживаете видение, предложенное научным сообществом?

Елена Федоровна: В качестве фундаментальных основ, да. Но, предложения научного сообщества очень террористические, собственно, как и должно быть. Мы же предлагаем вполне конкретные решения и программу действий.

Профильный министр: Только вы не предлагаете, а противопоставляете свои предложения, а вместе с ними и себя, официальному курсу...

Представитель общественников: И не только официальному курсу, но всей сложившейся системе, в том числе и общественным организациям.

Профильный министр: И это тем более настораживает, из-за того, что вы уже были первопричиной глубокого кризиса в этой сфере.

Матвей Сергеевич: Ознакомьтесь, пожалуйста, с официальными выводами по этому вопросу. Там даже близко нет того, что Вы утверждаете. Да и сфера несколько другая. И мы, как раз предлагаем, вариант, при котором удастся избежать подобного кризиса в будущем в социальной сфере. Нынешняя система, а точнее, контролируемая бессистемность

прямо к кризису и ведет.

Лобов: Согласен с выводами новых лидеров движения, которое когда-то возглавлял. Нельзя отдавать все на откуп какой-то одной стороны, ни бизнесу, ни общественникам, ни исключительно государству. В конечном итоге, каждый из нас является пользователем этой социальной инфраструктуры, так-что вовлечены должны быть все заинтересованные. Точнее те, у кого есть возможности внести качественные позитивные изменения в данную сферу.

Беглый: Я правильно понимаю, Евгений Генрихович, что Вы хотите с одной стороны добавить нагрузку на бизнес в этой связи, с другой стороны вообще лишить его участия в этой сфере? Как-то однобоко получается, не считаете?

Лобов: Во-первых, никакому бизнесу, кроме социально-го, в этой сфере нечего делать. Во-вторых, судя по недавним отчетам крупнейших компаний, что-то не сильно они нагружаются...

Первый секретарь: Господа, давайте не менять тематику дискуссии, нам нужно принять решение конкретно по социальной инфраструктуре. И на данном этапе оно будет таковым: запустить в экспериментальном режиме на ближайшей к столице малой территории модель социальной инфраструктуры, предложенной научным сообществом, сроком на один год; настройку осуществлять по ходу; привлечь к реализации все присутствующие здесь стороны.»

Как видно по заключению, решение у верхов было еще до

начала того госсовета, собственно, как и всегда. Их главной задачей в отношении того вопроса было, как можно быстрее сбросить его с себя, так как набирал обороты процесс «сбрасывания неинтересных функций», и они считали, что озвученное решение полностью укладывается в логику этого процесса. На самом деле, мы на что-то подобное и рассчитывали.

Да, и теперь оставалось поставить реализацию решения под наш полнейший контроль. И тут, как раз, и подключился Авдей Наумович. Кому, как не ОАММ заниматься контролем? Так-что теперь участие Шилова во всех этих событиях было полностью легитимным и обоснованным. Разумеется, ни он, ни мы не были наивными, чтобы полагать, что Управление не знало об участии Наумовича, но его деятельность и результаты для них были настолько ощутимыми, что они легко закрывали глаза на какое-то там «шуршание на низовых уровнях». Тем более, опять же, считая, что вся эта бурная деятельность полностью в их интересах. И первым же шагом, который намеревался сделать Авдей Наумович в «официальном статусе», было распространение принятого решения на все малые территории. Казалось бы, все движется идеально с изначальным его концептом, даже были задействованы не все территории, а только одна локальная, пусть и ближайшая к столице. Но, в процессе осознания того, что нужно делать, пришло и понимание того, что распространиться это все должно на все территории, в против-

ном случае это не будет заметно для верхов, а нам ведь нужно было, чтобы негатив от того, что они собрались сделать, ощутили на себе самые самые. Поэтому, как это не странно, для решения задачи по расширению на все территории, на конкретной локальной территории должны были быть продемонстрированы ошеломительные результаты. Это означало, что на данную территорию должны были быть привлечены самые созидательные кадры, которые мы только себе могли позволить. Для чего? Для того, чтобы все действия осуществлялись с опережением как аппаратчиков, так и госкорпораций с общественниками. Плюс, опять же, фактор времени – осязаемые результаты мы должны были показать уже через год. Это же понимали и остальные заинтересованные лица, так как, в случае позитивного исхода, это сулило получением большего влияния, так сказать, «большого веса» в глазах верхов. Вот мы все на этот год и свели к этой самой территории. Концентрация была такая, что получилась следующая конструкция: курирование осуществлял Лобов; надзор – Видов; Шилов вел мониторинг и учет; Управление направило специальных людей для выявления «нежелательных элементов»; все крупнейшие общественные организации страны занимались «выработкой» мер для данной территории; все государственные представительные органы, по сути, создали свои филиалы. В общем, все хотели возглавить процесс перестраивания социальной инфраструктуры в государственном масштабе, правда с совершенно разными це-

лями.

Да, если честно, то полностью нам были понятны только наши цели. Собственно, другие были и не очень-то важны. И вот вся эта толпа накинулась на одну не очень большую территорию, которая специализировалась на допроизводстве ширпотреба для столицы. Как ни странно, по всем «заветам» Авдея Наумовича. Это говорило о том, что «веселая троица» даже ничего не перестроила на территориях, после того, как получила контроль над программой. Хотя, зачем, если и так формируется устойчивый денежный поток? Кстати, на счет программы, задачу возврата контроля над ней никто не отменял. Мы упоминали, что она координировалась Лобовым, формально. На самом же деле, реальный контроль был за этими тремя паразитами, так как экономика территорий была полностью завязана на крупняк и госкомпания, посредством того, что сбыт был возможен только через них. Но, даже если и так, забрать управление программой было необходимо, хотя бы для более эффективного противостояния тем же самым госкорпорациям и крупняку. Тем более, что в сложившейся ситуации, Лобову программа была скорее обузой. В общем, управление программой нужно было возвращать, и чем раньше, тем лучше. Только как это было сделать, если у нас и Шилова было соглашение с верхами о том, что мы больше никогда не будем иметь отношения к программе? Решение было мудреное и рискованное, собственно, как и любое решение, рассчитанное на

несколько результатов. Заключалось оно в том, чтобы переориентировать программу на переделывание социальной инфраструктуры на всех территориях, и передать управление ей многосторонней группе с множеством представителей, от крупных государственных ведомств до малых предприятий. Таким образом решалось сразу множество задач: концепт масштабировался на все территории, программа практически лишалась контроля со стороны «троицы», выполнялось обещание Шилова Любову на предмет усиления его статуса и приближению его к былым позициям, и тому подобное. Мы же возвращали себе фактическое управление программой за счет того, что это был тот уровень, на котором Управление нам еще позволяло принимать самостоятельные решения, пусть и не во всем. А мониторинг управления программой, безусловно, был поручен именно нам, тут вариантов не было.

Я правильно понимаю, что ваше фактическое управление программой основывалось на том, что у формального органа управления не было единой позиции и понимания, как это делать?

Да, признаем, к нашему огромному сожалению и стыду, тогда это стало главным фактором нашего управления программой. Но, в той ситуации и в тех условиях, выбирать не приходилось. Точнее, на выстраивание многоходовых комбинаций, которые бы привели к максимальной правовой прозрачности, просто не было времени – работал ста-

рый, как мир принцип «кто первый, у того и инициатива», а роскошью переделывать условия под себя мы не обладали. Первой же задачей, после фактического возврата управления, была нейтрализация поползновений «веселой троицы», а точнее устранение беспредельного выкачивания финансов с территорий. А тут, как ты понимаешь, получался конфликт не только с «троицей» но и с верхами, так как эти финансы предназначались и им. Но это вечная тема, создается такое ощущение, что верхи считают все своим. Нас это волновало мало, финансы, по крайней мере большую их часть, необходимо было оставить на территориях, иначе концепт не возымел бы должного эффекта. Вот мы и решили, точнее Авдей Наумович предложил, сделать такие старые новые структуры, как научные корпорации. Да, где-то сто лет назад уже был такой опыт, со всеми этими безразмерными массивами данных, автономными секторальными ИИ, «гармоничными» макромоделями и всем прочим, ничем хорошим, как мы помним это не закончилось, так как превратилось вся эта конструкция в фундаментально-научный технократический диктат, и не скажу, что это было неожиданно. Собственно, с того и началась автономизация научного сообщества, иначе получался научно-технический прогресс ради научно-технического прогресса. Мы же предлагали не делать из этих корпораций сети, а делать их обособленными, как закрытые лаборатории по определенным предметам исследований. Главным же побуждающим мотивом для верхов

по передаче «бюджетной прибыли» территорий от «троицы» в научные корпорации были гарантии прозрачного их аккумуляирования и приумножения большими темпами, чем давали структуры этих трех паразитов. На самом деле, давать темпы больше, чем ноль, для нас не представляло никакого труда, но это так, лирическое отступление. Гораздо более сложной задачей было дать это приумножение уже через год и в «живых» деньгах, вот это была проблема – наука, знаешь ли, дело долгоиграющее. И вот тут-то нам и пригодились амбиции Видова на предмет его влияния на государство.

Считаю, что тут надо дать короткие пояснения относительно этих самых научных корпораций. Как уже отметил Вадим Максимович, эта идея была, мягко говоря, не нова, но хороша была она тем, что главным результатом их деятельности были научные достижения, и все подчинялось в них именно этому. Но, что не менее важно – даже существовал давно забытый, но действующий закон о деятельности научных корпораций, который подразумевал аккумуляирование всех активов в них до тех пор, пока не будут получены заявленные результаты научной деятельности. Уж не знаю, изначально так планировал Авдей Наумович, или по ходу сообразил, но нам это было очень даже на руку, так как мы получали время и возможности для основательного запуска концепта на всех малых территориях. Оставалось только получить добро на учреждение таких корпораций от Управления, то есть от верхов. Каково было наше им предложение,

Вадим Максимович уже упомянул, а вот как мы убедили Видова, это отдельный эпизод, в котором были задействованы не только мы, но еще и Лобов, даже прежде всего он. Без Видова, как Вы понимаете, было нельзя, так как в подобного рода вопросах он оставался ключом, как к Управлению, так и к научному сообществу. В общем, вот как проходило это убеждение:«

Шилов: Геннадий Евсеевич, есть очень хороший вариант по укреплению влияния науки на государственное строительство...

Видов: Уже наслышан, Вы про научные корпорации? Это пройденный этап и прошлый век. Ничего, кроме дестабилизации научного сообщества подобные структуры не принесли, а мы не можем себе позволить дестабилизировать науку – она должна всегда быть последним оплотом стабильности.

Шилов: А никто и не говорит, что мы будем действовать по-старому...

Лобов: Погоди, Авдей, в конкретику ударишься позже. Геннадий Евсеевич, выбор простой – либо мы позволяем виртуальному сектору установить окончательный тотальный диктат над всем, что происходит, либо воспользуемся шансом «смешать» все сферы в нужных пропорциях. Выбирайте. Только, на сколько я знаю, наука ни в какие времена не стремилась ни к какому тоталитаризму, кроме тоталитаризма истины. Не думаю, что доминирование виртуального сектора этому будет способствовать.

Видов: Красиво говорите, Евгений Генрихович, интересно, когда это Вы стали поборником сбалансированности? Я это к тому, что воспринимаю все Ваши слова исключительно в контексте того, что Ваша главная задача вернуть былое влияние, и Вы для этого будете использовать любые методы и пути.

Лобов: Я этого не скрываю, правда это никак не мешает мне верить в то, что я Вам только-что сказал. И потом, что плохого в том, что я буду Вам обязан своим возвращенным влиянием? А я буду Вам обязан. А если я обязан, то все обязательства выполняю. Вон Авдей не даст соврать.

Шилов: Реализуете Вы, правда, этот принцип через свою интерпретацию, но действительно, исполняете, что есть, то есть. Суть же в том, Геннадий Евсеевич, что реализуя наше нынешнее предложение, Вы не просто получаете влияние – Вы становитесь реальным конкурентом в принятии решений, вплоть до непосредственного конечного принятия решений.

Видов: Это каким же образом?

Лобов: Я в научных вопросах мало, что ведаю – готов передать весь контроль за деятельностью корпораций Вам, оставив за собой лишь курирование. Это для Вас к лучшему, все политические вопросы я беру на себя, Вам остается чистая наука.

Шилов: Более того, научное сообщество получает дополнительные ресурсы и возможности. Плюс ко всему, реализуя

то, что мы предлагаем, наше национальное научное сообщество станет пятым по влиянию в мире, а это на три строчки выше, чем сейчас.

Видов: Допустим... И как же это все вы собираетесь реализовывать?

Шилов: Договоренности уже есть, не только нас достали Беглый, Ваксин, Пиров и им подобные. Вам достаточно только подписаться под тем, что вы берете на себя контроль.

Видов: То есть стать вашим надзирателем от Управления? Ладно, попробуем...»

Глава 30.

И этого было достаточно, чтобы управление разрешило вам воспользоваться законом о научных корпорациях?

Юра, еще раз повторяем, во-первых, «троица» своим беспределом уже всех достала, а во-вторых, ну не до этого верхам было. Проще говоря, воспользовались моментом, и это был еще один из немногочисленных случаев, когда нам несказанно повезло. Таким образом, у нас было все, чтобы развернуть концепт Шилова на все малые территории. С научными корпорациями проблем не возникло, так как предметов исследований было столько, а научная среда была настолько зажата, что на том этапе это старое новшество стало прямо-таки организационно научным прорывом, во всех смыслах. Из малозначимых, с коммерческой точки зрения, сфер на территориях научные корпорации выбрали «тради-

ционные» достаточно быстро. Крупняк, по своей узколобости, точнее из-за заточенности исключительно на прибыль, значения этому не придавал. А зря, такие сферы, как ни странно, залог стабильности главных, с точки зрения прибыли, сфер – на подобии того, как натяжные тросы держат высокие башни. Это и привело к неустойчивости, сначала крупных, а потом и крупнейших корпораций. Точнее, не столько к неустойчивости, сколько к необходимости тотального пересмотра структуры их бизнеса, а они это разучились делать. Зачем, когда есть болванчики, типа часто упоминаемых троек, которые зеленый свет по всем направлениям зажигают. А тут появилась та самая конкуренция, о которой Шилов рассказывал Видову. В общем, у крупняка вместе с «веселой тройцей» появилась серьезная насущная проблема, которую нужно было решать. Так-что концепт Авдея Наумовича, особенно в части противостояние корпорациям начал работать по полной программе. Дело оставалось за главным, ради чего этот концепт задумывался – «забрать неинтересные государству функции» и продемонстрировать что же получится.

И эти «неинтересные» государству функции было решено передать именно государственным корпорациям, как это ни странно. Вообще, данное решение не было частью концепта, изначально предполагалось, что эти функции заберут на себя общественные организации, как мы уже отмечали, но поскольку мы выяснили, что верхи хотят передать эти функции в корпорации, то мы решили продемонстрировать по-

следствия самым наглядным способом. Более того, для этой «передачи» у нас уже был очень складный контекст – возмещение корпорациям потерь от развертывания деятельности научных корпораций, а для Управления и верхов – стабилизация ситуации и недопущение корпоративных воин. Причем, было предложено для этих целей создать организации с нуля, как, собственно, в верхах и любят – наплодить кучу структур, чтобы никто не разобрался. Для общественных организаций и предстательных институтов было предложено делегировать своих представителей в наблюдательные советы вновь создаваемых организаций, типа для общественного контроля. Более подробно это все отражено в многочисленных публикациях по этому поводу, которые начали в бешеных объемах выходить после полной реализации концепта. В целом же сложилась ситуация, когда все, кроме мегаполисов, контролировалось, процентов на девяносто, многочисленными корпорациями: коммерческими, государственными, научными, общественными. Иными словами, номинально было реализовано одно из давних стремлений верхов – тотальное управление через корпорации. Разумеется, они не могли не заметить, что к этому порядку еще имели отношение многочисленные субъекты, но верхи, по обыкновению, считали, что разберутся с этим. Так-что какое-то время полностью контролировали и влияли на этот процесс только мы, и из этого надо было извлечь максимальный эффект, поэтому мы сосредоточились на том, чтобы изолировать каждый

мало-мальски значимый объект сложившейся системы. Это нужно было для того, чтобы максимально исключить, или, по крайней мере, усложнить возможности слияния, так как это, с одной стороны смазало бы показательность, с другой стороны породило бы очередных корпоративных монстров, с которыми было бы гораздо тяжелее справляться, а у нас был всего год. Вот в связи со всем этим, Авдей Наумович и предложил: для получателей социальных услуг – для населения, оставить процедуры их получения прежними, а всем многочисленным организациям и структурам разрешить пользоваться только инфраструктурой. Проще говоря, получается следующий алгоритм: получатель формирует запрос, инфраструктура разбивает его и раскидывает по соответствующим изолированным организациям, потом она же собирает «ответ» на запрос и выдает его получателю. Для верхов это выглядело очень логично.

Небольшое уточнение, а как вы аргументировали необходимость неперенной изоляции и обособления каждого из элементов структуры?

Юрий, не поверите, банальным принципом «разделяй и властвуй», и в этом нам сильно поспособствовал Видов. Он для Управления подготовил целый научный труд, который доказывал, что изолированные системы на этапе развития развиваются быстрее и стабильнее, чем те, которые сразу подключаются к глобальным процессами. Правда, мы, точнее Видов по нашей просьбе, опустил, что это актуально

только если есть задача получить «чистый» экспериментальный результат, так сказать, без «примесей». Проще говоря, когда система или структура создается исключительно для получения какого-либо жестко определенного результата, то есть исключительно для научных или экспериментальных целей. В принципе, по сути, мы не схитрили и не ввели в заблуждение, так как все, что мы на тот момент делали экспериментом и являлось. И результат, как мы уже говорили, у нас был вполне фиксированный и определенный – не дать верхам сбросить с себя социальные обязательства и функции. Поэтому, настаивание на том, что каждая структура вновь созданной «системы» должна быть изолирована, на тот момент было чрезвычайно оправданным. В противном случае мы бы просто получили неконтролируемый хаос, без всякого понимания, чем это может закончиться. А ведь понятно, что ничем хорошим неконтролируемый хаос закончиться не может.

Это точно. Наша же задача состояла в том, чтобы создать прямо противоположную ситуацию – неукоснительного исполнения всех инструкций без каких-либо отклонений, причем для каждой из изолированных структур набор этих инструкций был уникальным. Иными словами, мы искусственно создавали ситуацию «полной заостенелости». Была с этим еще одна проблема, о которой нельзя не упомянуть. Дело в том, что на эту самую изолированность и ее поддержание требовалось такое количество усилий и ре-

сурсов, что некоторые структуры, созданные в рамках концепта, до восьмидесяти процентов времени тратили исключительно на поддержание своей изолированности. Казалось бы, для нас это должно быть позитивным моментом, но это была слишком очевидная причина, почему созданная «система» не справляется, и прежде всего это было очевидно для Управления. Поэтому, ни смотря ни на что, мы должны были решить незапланированную задачу по укрупнению и слиянию структур, которые тратили на изоляцию много усилий, с теми структурами, которые тратили на это значительно меньше усилий. И сделать это надо было, чтобы никто не догадался. Поэтому и был разыгран этот спектакль с конкуренцией между научными корпорациями, и последующими поглощениями. Думаю понятно, почему спектакль? Между научными корпорациями конкуренции, по крайней мере в классическом виде, быть не может, так как они, как уже отмечалось, создаются для определенного, достаточно узкого объекта исследований. Об этом, впоследствии, очень подробно написал Видов, поэтому не будем на этом останавливаться. Тут важно другое, то, что верхи эту «конкуренцию» восприняли как должное, и даже с любопытством, поэтому проблему с отвлечением ресурсов на обособленность мы благополучно спрятали.

Насколько сильно это повлияло на концепт?

На сам концепт – никак, просто дополнительная задача, а вот на конечный результат еще как повлияло. Точнее, не на

сам результат, а на срок его получения – первый осязаемый эффект был получен через семь-восемь месяцев, а не через год-полтора, как это закладывалось в концепт. Эффект состоял в том, что общественные организации на территориях не могли ничего реализовать, так как все свои действия они должны были осуществлять исключительно, через вновь созданную инфраструктуру, а многие ее элементы, скажем так, «заклинили», то есть замкнулись на самих себя. Следовательно, то, что попадало в такие структуры, попадало, как бы в бесконечный цикл. И общественные организации тут же подняли по этому поводу огромную волну возмущения, тем сам еще и существенно осложнив работу представительных институтов, так как все это возмущение должны были разгребать именно они. И начались бесконечные комиссии, слушания, разбирательства и тому подобное – начал маячить новый кризис общественных институтов, что не могло не привлечь внимание верхов. А какова первая реакция верхов? Правильно – собрать внеочередной тематический генеральный госсовет. И этот госсовет был примечателен тем, что это было первое на нашей памяти мероприятие, на котором Авдею Наумовичу пришлось, скажем так, «играть роль», то есть говорить не то, что он думает, ради того, чтобы решить главную задачу концепта, ради чего все это затевалось. Да, еще это был, пожалуй, самый представительный госсовет на моей памяти. Народу было приглашено столько, что даже государственные каналы трафика пло-

хо справлялись со всеми подключенными. И вот, при таких исходных, содержательная часть того мероприятия получилась следующей: «

Первый секретарь: Господа, повестка у нас сегодня очень обширная, но все сводится к одному – к решению вопроса функционирования социальной сферы на территориях. Предлагаю сначала высказаться Геннадию Евсеевичу Видову, о научном видении ситуации. Пожалуйста, Геннадий Евсеевич.

Видов: Ирония заключается в том, что никакой научности данный вопрос не предполагает. Научные корпорации целиком и полностью справляются со своими функциями и назначением. А сложившаяся ситуация на самом деле говорит всего лишь о следующих проблемах: невероятном количестве так называемых «инициатив», полной абстрактности большинства инициатив, конъюнктурности этих инициатив. Проще говоря, подавляющее большинство этих социальных инициатив создаются не для решения каких-либо объективных задач, а для удовлетворения чьих-то субъективных хотелок...

Один из лидеров общественников: А мы вот считаем, что научные корпорации как раз и являются продуктом Ваших сугубо личных амбиций. И вообще, зачем создавать какие-то дополнительные надстройки в итак перегруженной системе?

Видов: Вот она и перегружена бесконечным количеством, так называемых, общественных организаций. Дошло до того

уже, что невозможно никакое решение провести из-за бесконечного количества согласований, у всех ведь особое видение...

Первый секретарь: Геннадий Евсеевич, давайте ближе к сути, каким Вы видите разрешение ситуации?

Видов: А я и говорю исключительно по сути. Решение же мое следующее – передавать алгоритмы и процедуры общественных организаций в научные корпорации, чтобы уже они формировали реально работающие системы, а не так, как сейчас – у трех общественных структур что-то не прошло и все, решение отменяется.

Тот же от общественников: Проще говоря, Вы предлагаете диктатуру научного сообщества?

Видов: Я предлагаю диктатуру здравого смысла, в отличие от вакханалии, которую устроили общественники.

Первый секретарь: Так, для полемики и споров у вас было достаточно времени, сейчас мы уже выслушиваем предложения каждой из сторон. Евгений Генрихович, каково Ваше видение решения проблемы?

Лобов: Для начала, я считаю, что проблема как раз таки и заключается в отсутствии системы, а точнее, в помехах со стороны коммерческих корпораций, их лоббистов в представительных органах, и да, тех же общественников, сформировать эту самую систему. Им дай волю, они все поставят на коммерческий поток. Но, в социальной сфере это недопустимо, поэтому, как это ни странно, мы и пошли на созда-

ние научных корпораций, как реальной альтернативы всем этим коммерческим монстрам. В связи с этим, я вынужден настаивать на таких радикальных мерах, как: запрет коммерческой деятельности в социальной сфере, обязать увеличить социальные бюджеты для крупнейших корпораций, полная прозрачность финансирования общественных организаций...

Пиров: Как же быстро, Евгений Генрихович, вы меняете свои убеждения и взгляды. Еще пару лет назад Вы призывали чуть ли не к полной олигополизации экономики, а сейчас представляете себя борцом за социальную справедливость...

Лобов: Господин Пиров, у Вас еще будет возможность высказаться. А все Ваши нападки подобного рода не имеют под собой никакого основания, собственно, как и деятельность всего вашего министерства...

Первый секретарь: Ну опять мы пускаемся в ненужные пикировки, это не то место, где это допустимо. Ваше видение ясно, Евгений Генрихович. Давайте узнаем мнение того, кто осуществляет контроль и мониторинг за все происходящим. Авдей Наумович, насколько я помню, Вы вообще не высказывались по данной проблематике, хотя и формируете картину происходящего для нас. Каково Ваше видение разрешения сложившейся ситуации?

Шилов: Не высказывался я именно потому, что свое видение на постоянной основе мы передаем во все заинтересованные органы и структуры. Резюмируя их, можно сказать,

что с нашей точки зрения, существует три базовых подхода для решения обсуждаемых сегодня вопросов: самый простой и очевидный, консенсус и полное реформирование. В первом случае речь идет о том, чтобы все вернуть на круги своя, то есть передать все государству. Второй подход предполагает выборку самого рационального из предложений всех заинтересованных сторон. В третьем случае необходимо будет все начать с изначальных позиций, пытаться, пытаться, пытаться, пока не получится, без всяких гарантий результата.

Первый секретарь: И к какому варианту склоняетесь лично Вы?

Шилов: Все варианты рабочие, но самый простой и низкотратный – первый.

Пиров: Не слишком ли в этом случае получается загруженным государство, на котором итак весит бесконечное количество обязательств?

Первый секретарь: Господин министр, еще раз вынужден напомнить, время дискуссий по этому вопросу прошло, настало время принятия решений. Авдей Наумович, на сколько я знаю, было еще одно предложение по обсуждаемому вопросу, не могли бы Вы его озвучить?

Шилов: Да, пожалуйста. Только оговорюсь, что оно было озвучено в рабочем порядке на одном из обсуждений в правительстве. Заключается оно в том, чтобы разделить базовые функции: разработку нововведений поручить научным

корпорациям, контроль оставить за общественниками, обратную связь поручить представительным институтам, ну а исполнение вернуть государству...

Пиров: Вы забыли про финансирование.

Шилов: Нет, я про него не забыл. Просто, хотел бы чуть подробнее остановиться на этом моменте. Дело в том, что до сих пор финансирование социальной сферы, в любом виде и из любых источников, считалось чуть ли главной издержкой. Мы же предлагаем сделать эти затраты инвестиционными, и не просто законодательно, а точнее номинально, поменять статус этих расходов, а в действительности получать инвестиционную отдачу.

Пиров: И как этого добиться?

Шилов: Если не будете постоянно перебивать, то все услышите. Так вот, для того, чтобы этого добиться, много не требуется, требуется только убрать из цены товаров и услуг расходы, не связанные с их непосредственным производством или получением добавленной стоимости. Дополнительные средства, остающиеся у людей, они потратят на саморазвитие, прежде всего социальное, это подтверждено данными всех научных корпораций за весь период. Да и большинство обращений в представительные институты говорит о том, что населению именно этих средств, прежде всего, и не хватает.

Первый секретарь: Предложение понятно...

Пиров: То есть Вы хотите вмешать в дела частных компа-

ний, навязать им из вне ценообразование...

Первый секретарь: Господин Пиров, Вы и меня уже перебиваете. Я отключаю Вас от участия в госсвете, но перед этим напомню, что по закону «об экономической целесообразности» у государства итак есть подобные полномочия. Да, и за подобное поведение, в отношении Вас будет проведено дисциплинарное разбирательство.»

Думаю понятно, почему так охамел Пиров? Потому, что Авдей Наумович, прежде всего, покушался на то, что издавна называется «панты» – личное транспортное сообщение, обособленные жилые и рабочие территории, персональные провайдеры и так далее. И все это закладывалось в конечную цену товара.

Но не это главное, а главное то, что Шилов предложил во всеуслышание новую схему распределения, по крайней мере в социальной сфере. Разумеется, до упомянутого госсвета у нас были долгие и обстоятельные обсуждения по этому поводу, и в Управлении, и с каждым из представителей верхов в отдельности. Основным аргументом для них было то, что госаппарат могут банально вытеснить из всех сфер, связанных непосредственно с человеком. И они станут не просто придатком крупняка, а большая часть аппаратчиков просто будет не нужна.

Я прошу прощения, но вы, и Авдей Наумович прежде всего, и были сторонниками существенного сокращения госаппарата?

Да, конечно, но мы уже обращали внимание на то, что в тех обстоятельствах выбор был: либо «наши» аппаратчики, либо транснациональные конгломераты. С нашей точки зрения, выбор вполне очевидный. И потом, Вы же помните, что случилось, когда мы запустили транснациональный капитал в якобы развитие территориальной инфраструктуры? Мы этой инфраструктурой и лишились. Собственно, этот фактор и явился одной из причин упадка, а точнее полной заброшенности территорий на протяжении почти полувека. Поэтому уж точно не стоило допускать, чтобы мы лишились социальной сферы, это привело бы к катастрофическим последствиям, которые даже трудно просчитать. В случае же с аппаратчиками, они хоть как-то ее будут поддерживать, хотя бы для того, чтобы не лишиться своих должностей, и было основание для построения карьеры. А эти условия для нас очень знакомы, с этим можно что-то сделать. Против транснационального капитала же ни у кого реальной силы нет.

И верхи этого всего изначально не понимали? Для этого этого нужно было реализовать то, что вы называете «концептом»?

Понимаю Ваше негодование и недоумение, Юр. Боюсь, что понимали и осознавали, в этом-то и самое страшное. Но еще больше они опасались очередных масштабных внутренних кризисов, и-то из-за того, что много работы без личной выгоды. Вот нам и пришлось устроить контролируемый коллапс, чтобы предотвратить гораздо более фатальную ката-

строфу, но это мы уже повторяемся.

Да, давайте вернемся к событиям после госсвета по этой тематике.

Собственно, как мы уже сказали, все было согласовано еще до этого госсвета, само мероприятия стало формальным закреплением всех согласований. После него была еще закрытая встреча между Шиловым, руководителем Управления, Лобовым и Видовым, но о ее содержании нам не известно, Авдей Наумович не передал нам ее содержание, только сказал: «теперь нам надо лавировать между тремя сверхконцентрациями амбиций, отбиваясь при этом от назойливых общественников». Проще говоря, наше положение усложнилось втрое, в сравнение с тем, как было до этого, так как раньше нам приходилось «сопротивляться» кому-то одному, либо Лобовоу, либо «троице», либо Управлению. Теперь же мы были вынуждены согласовывать и договариваться сразу с тремя чрезвычайно влиятельными силами.

То есть Лобов полностью вернул свое влияние?

Скажем так, он получил сопоставимое влияние в другой сфере, в среде общественников. Фактически, он стал представителем всех «бесхозных» общественных организаций в верхах. А как ты понимаешь, после всех описанных изменений в рамках концепта, все этим «бесхозные» общественники стали достаточно ощутимой силой, хотя бы в количественном отношении. Это стало возможным в виду того, что в сложившихся условиях корпорациям стало не выгодно со-

держат армию общественных организаций, так как по крупным задачам корпорациям и так не было альтернативы, а кроме крупных задач других и не было, даже низкорентабельная мелочь также была связана с крупняком. Поэтому большое количество общественных структур стали «бесхозными», а Лобов нашел им применение, точнее мы придумали условия, при которых стало возможным это новое применение.

Я правильно понял, что новая конфигурация получилась следующей: Видов с помощью научных корпораций разрабатывает, развивает и тестирует социальные процедуры; государство эти процедуры исполняет; Лобов с общественниками контролирует это исполнение; представительные институты, по сути, остаются представительными институтами, для них, номинально, ничего не изменилось?

Да, в целом, все верно.

Я только не пойму двух вещей: куда делись корпорации и, самое главное, какова была ваша роль?

Понимаю Ваш вопрос на счет корпораций, нам самим тогда не верилось, что удалось подвинуть госбизнес. Но, это действительно было так, научные корпорации вытеснили госкомпании и крупняк из социальной сферы, которая ими контролировалась через общественников. Из этого следует логичный вопрос – почему они не смогли вернуть контроль через государство? Ответ простой – потому, что в сформированной конфигурации верхам было гораздо выгоднее

обходится без каких-либо промежуточных звеньев, так как речь теперь шла не о выкачивании средств, а об их высвобождении, причем в объемах, превышающих получаемую ранее выгоду. А там, где нет существенных финансовых потоков – нет и интересов верхов, соответственно и интересов крупняка. Вот так все банально и поверхностно.

Да, а что касается нашего участия, то мы остались при своем. ОАММ во главе с Авдеем Наумовичем как была, так и осталась главной структурой по детальному мониторингу и внесению точечных корректировок. Мы же, как лидеры «ДВиК», контролировали, на сколько могли, вновь созданную конструкцию в социальной сфере. Но, если честно, делали это формально, так как наши задачи в рамках деятельности ОАММ были гораздо существеннее. Устойчивость же созданной социальной сферы была обеспечена концептом, года на три минимум, иными словами, даже если бы кто-то ее целенаправленно раскачивал, то она за счет заложенных механизмов смогла бы сопротивляться не менее трех лет. Но, поскольку в конструкции присутствовали факторы Видова и Лобова, они не позволяли ее расшатать, уж очень сложившаяся ситуация была им на руку.

И потом, если говорить о нашем участии, точнее наоборот, неучастии в сформированной системе, то условие максимального формального дистанцирования от этого всего, с нас никто не снимал, пусть, фактически, контроль над программой мы вернули себе.

Проще говоря, получается, что, так или иначе, выгоду получили все кроме вас, и прежде всего Авдея Наумовича, который и создал всю эту конфигурацию?

Юр, мы уже говорили, что для Авдея Наумовича, да и для нас, главной задачей было не допустить сбрасывания с себя государством его социальных функций и обязательств. Эта задача в конечном итоге и была решена. А то, что выгодоприобретателями, скажем так, вещественных благ пришлось сделать всех, кроме себя, то таковы были изначальные условия. Более того, думаю ты уже успел понять, что вопросы с государственным аппаратом по другому и не решаются, либо ты им должен предложить что-то существенное для них, либо они тебя пускают по замкнутому бюрократическому кругу. Подобное положение вещей сформировалось очень за долго до нас, и будет оставаться таковым и после нас.

Глава 35.

Вы не раз упоминали, что фактически вернули себе контроль над программой по территориям, и даже кратко описали то, что она из себе представляла на момент реализации социального концепта Шилова. Не могли бы вы чуть подробнее остановиться на вашей работе по программе после возврата контроля над ней.

Без проблем. Как мы уже отмечали, на момент возврата контроля, программа была «бумажной». Это значит, что эти

трое паразитов превратили ее в банальный перечень законодательных оснований для получения государственного финансирования в свою пользу. Иными словами, они все наши достижения в противостоянии с госаппаратом обернули на наращивание своих собственных капиталов. В общем, к тому моменту, как мы вернули в программу, реальная деятельность по ней не велась уже больше пяти лет. По сути, нам пришлось запускать ее с нуля, да еще и без формального отношения к ней, плюс, опять же, вопросы и задачи по ОАММ и «ДВиК» с нас никто не снимал. Вот мы и решили, дабы не расплытаться, объединить программу, ОАММ и «ДВиК» в единое поле деятельности. При этом надо понимать, что: социальная сфера была уже полностью занята, нашими стараниями; девяносто пять процентов коммерческой сферы, в том числе и производство, на территориях были заняты крупняком, спасибо «троице»; плюс что-то удалось «откусить» себе общественным и политическим движениям. В итоге, оставались только, скажем так, «незадействованное» население территорий и все, что с ними связано. Это те люди, которые не очень-то участвовали в политике, общественной жизни, не были активными участниками экономических процессов, и таких на территориях было почти шестьдесят процентов. Вот Елена Федоровна называет эту группу «инертной массой»...

Только не подумайте, что я, собственно, как и мы все, относились к таким людям негативно, это не так. В конеч-

ном итоге мы приняли то, как их называл Авдей Наумович – «смиранные». «Эти смианные люди являются главным фактором «живой» стабильности, если бы каждый рвал и метал, то мы бы уже давно сами себя уничтожили. Ведь посмотрите, подавляющее большинство из них не бездельники, не бездарности, не деструктивные личности, просто далеко не для всех складываются условия, при которых воспитывается «сверхконцентратор» всего, что только можно. Оно и к лучшему. Поэтому, Елена Федоровна, эта самая «инертность», скорее благо, чем негатив.», такими словами Шилов поменял мое восприятие этой части населения. Что же касается формирования единого поля деятельности для программы, движения и ОАММ, то вот мы и решили свести его деятельности в интересах этой самой смианной части населения территорий. И главной задачей этой деятельности стало поддержание и развитие, как выразился Авдей Наумович, «живой стабильности».

Думаю, надо пояснить, что вкладывалось в это понятие. Уже очень долгое время стабильность является чуть ли не синонимом стагнации, когда сформированы условия, при которых колоссальные блага получает только чрезвычайно маленькая группа людей с определенными качествами или происхождением. Вот ситуацию, противоположную этой, Шилов и называл «живой стабильностью». Это ситуация, при которой происходит стабильное, эволюционное, всестороннее развитие, отсекающее при этом все дестабили-

зирующие и деструктивные факторы. Понимаю, звучит, как утопия или мечтания. Признаюсь, лично я изначально это так и воспринял, я даже подумал, что Авдей Наумович «начал сдавать», но тезис о том, что: «... для этого достаточно создать условия, при которых естественная конструктивность будет сильнее естественной деструктивности», заставил нас, пусть и робко, поверить в возможность таких условий.

Иными словами. Авдей Наумович, в рамках его концепции «необходимой достаточности», предлагал сконцентрировать все то созидательное, что есть у малоактивной или, как он выражался, смиренной части населения?

Юра, да ты за время нашего общения фантастически продвинулся в понимании логики Шилова. Да, именно это он и предлагал, даже мы лучше бы не сформулировали.

На самом деле, я очень внимательно готовился к встрече с вами, а информация об этом периоде вышей деятельности наиболее открытая, поэтому совокупность всех данных и позволила мне сформулировать вашу главную задачу на тот момент. Но, речь не обо мне. Хотелось бы узнать, как Авдей Наумович сам описывал решение такой амбициозной, даже «утопической» задачи.

Немного покорило слово «амбициозной», это вообще не про Наумовича, мы об этом не раз говорили. «Все, что я делаю никакого отношения к амбициям не имеет, это всего лишь очевидная необходимость, пусть и субъективная. Если

бы мной двигали амбиции, я бы все свел к обслуживанию самого себя.» И действительно, даже самому предвзятому судье сложно было бы обвинить Шилова в том, что он действует не в общих интересах. Даже на многочисленных сфабрикованных процессах против нас этого доказано не было.

А что касается решения задачи по инертному большинству, то содержание установочного совещания было примерно таким: «

Шилов: Когда я предлагал вам новую сверх задачу, после реализации предыдущего концепта, я не мог не обратить внимание, что вы на меня смотрели, как на сумасшедшего. Во-первых: должен сказать, что это всего лишь предложение. Второе, я не предлагаю реализовать ее именно в этом виде, сегодняшняя встреча и посвящена тому, чтобы загнать ее в реализуемые рамки. И третье, ваши доводы и аргументы всегда принимаются, я не Управление, чтобы было всегда по моему. Слушаю вас...

Я: Авдей Наумович, предполагаю, что подобная реакция возникла у нас из-за усталости от предыдущего концепта. Плюс мы не успели все перенастроить и сами перенастроиться на новую ситуацию, пусть и во многом созданную нами же. Видимо, поэтому наша реакция и выглядела такой, какой вы ее описали.

Шилов: Да какие вопросы, если хотите перерыв, или считаете, что я спешу, пожалуйста, давайте передохнем.

Елена Федоровна: Авдей Наумович, как там наши предки

говорили: «покой нам только снится»? Мы прекрасно понимаем, что не можем себе позволить никаких перерывов, иначе нас просто выметут отовсюду. Просто мы пока не можем осознать предлагаемую вами задачу для решения. Извините за прямоту, уж слишком все гипотетически.

Шилов: За это извиняться не стоит, именно прямоты я от всегда и прошу. А на счет того, что мое предложение еще на уровне размытой гипотезы, так это я признаю. Давайте и постараемся наполнить его чем-то вещественным и существенным.

Матвей Сергеевич: Признаться, лично я даже не знаю, как к ней подступиться. Ведь на это самое инертное большинство и заточена существующая государственная система, точнее, она заточена под то, чтобы инертное и оставалось инертным, иначе госаппарату пришлось бы выполнять предписанные им должностные обязанности. Причем складывалась данная ситуация веками, соответственно, и нам придется залезть в такие дебри, что как бы там самим не заблудиться.

Шилов: Предлагаете объединить и сосредоточить три наших главных актива на чем-то другом?

Я: Нет, так как мы прекрасно понимаем, что сосредотачиваться на чем-то более мелком будет очень расточительно и даже подозрительно. Просто, Вы же сами понимаете, что самый сложный шаг – первый, вот мы не можем, пока, понять как и куда его сделать.

Шилов: Ладно. Тогда, как на счет того, чтобы дать возможность людям самим формировать архитектуру своих персональных ИИ?

Матвей Сергеевич: То есть, фактически, Вы предлагаете дать возможность людям самим формировать свою виртуальную среду? Но это же означает пойти войной против всего государственного аппарата и всех верхов, без исключения.

Елена Федоровна: Матвей, а предыдущие долгие годы мы чем по-твоему занимались?

Матвей Сергеевич: Да, но это же прямое противостояние. И в случае чего, мы уже в научном сообществе не спрячемся, мы вообще нигде не спрячемся.

Шилов: Лично я, нигде прятаться не собираюсь. Более того, в случае негативного исхода, у меня не будет возможности вывести вас из под удара, к сожалению...

Я: Никто этого и не просит, сами уже кое-чему научились. В общем, я участвую, надо делать, ничего не делание тоже ничем хорошим не заканчивается.

Елена Федоровна: Согласна, прозябать до конца дней в этой ситуации, как-то не для меня.

Матвей Сергеевич: Да, делать интереснее, чем не делать. Но и опасаться лучше многого, чем ничего не видеть.

Шилов: А никто и не собирается приносить себя в жертву...»

На счет последнего Авдей Наумович был не совсем прав, он всегда рисковал и стягивал негатив на себя больше чем

надо. Как правило, распределение риска было следующее: две трети на нем, одна треть на нас троих.

Да, это так, только с определенного периода он нас просил избавить его от любых контактов с «веселой троицей». «Для отмахивания от мошкары тоже требуется энергия, а у меня ее не так уж и много, и лучше я направлю ее на что-нибудь более созидательное», примерно так звучала его просьба об этом. Но вернемся к нашей новой сверх задаче, уже четвертой по счету. Все наши три главных актива: программа, «ДВиК» и ОАММ, функционировали стабильно, можно сказать, на автомате. И даже тот факт, что Авдею Наумовичу все еще приходилось перемещаться на «жабе» по стране и лично решать задачи по мониторингу и реорганизации того, что ему было позволено, никак не выпадал из определения «на автомате», так как мониторинг уже давно осуществлялся в автономном режиме, а реорганизация сводилась к трем-четырем детально отработанным сценариям. Так-что, у нас были и время, и возможности, и ресурсы, чтобы приступить к реализации новой инициативы.

И локальная ситуация этому способствовала. Верхи были заняты перегруппировками в результате централизации. Плюс Лобов с вновь обретенным влиянием добавлял там волнений, параллельно воюя с «троицей» за отобранное. Всем им приходилось очень часто отвлекаться на постоянные нападки Видова. Крупняк пытался избавиться от научных корпораций, которых становилось все больше и боль-

ше. Представительные институты и общественные организации «вошли в клинч» на предмет того, кто из них «новая власть». Это все парализовало «политическую» часть госаппарата, нормально функционировала только бюрократия, на то она и бюрократия. Короче, до нас, в первые за очень долгое время, не было никому дела. Чем не сигнал к действию?

А что, разве «ДВик» не был задействован в упомянутых вами разборках?

Формально и номинально, разумеется. Но эти задачи мы поручали людям с соответствующим мировоззрением и навыками. Мы их между собой называли «неугомонные», это люди, которые смысл своего существования видели в бесконечных политических противостояниях, причем ради самого противостояния, без конкретной цели. Вот таких мы и направляли на бесконечные слушания, заседания, советы и прочую формальщину, не имевшую отношения к принятию решений. И по большому счету, нам было наплевать, что они там говорят, лишь бы придерживались генеральной линии, которая заключалась в том, чтобы продвигать идеи «разумной достаточности», которые были сформулированы Шиловым, и о которых мы упоминали много ранее.

Пока же мы планировали сделать первый шаг в нашем новом начинании – разделить инфраструктуру персональных ИИ территорий и мегаполисов. Это бы нам позволило стать более свободными в своих действиях. И надо сказать, что для этого были все возможности и основания, да-

же действующее на тот момент законодательство позволяло это сделать. Только никто этого не видел, а Матвей Сергеевич увидел. И Вы конечно же подумали, что мы планировали взять под контроль вновь созданную инфраструктуру, в случае ее отделения? Но нет, мы намеревались сделать ее максимально самодостаточной, в противном случае эффект инертности сохранился бы, так как количество алгоритмов, естественным образом, свелось бы к минимуму. Иными словами, контроль, с чей бы то ни было стороны, приводит к некоему единому стандарту, а нам этого не нужно было. Мы хотели добиться противоположного эффекта.

И мы опять пошли по проторенной дорожке «разгрузки» бюджета. Хотя, разгрузка действительно была, но не такая уж существенная. Сложнее было придумать увеличение поступлений в бюджет. Вы уже успели понять, что любые подобные инициативы с нашей стороны должны были приводить не только к экономии, но еще и к увеличению доходов? Проще говоря, без двойной выгоды для себя верхи не шевелятся. В связи с этим, мы предложили им, через Управление, банальную вещь – платные дополнительные опции. Казалось бы, предложение примитивное, но как показывает практика, там где появляется возможность дополнительных опций, там начинается бурный рост этих самых опций, причем не подконтрольный никому, даже правительству. Так-что, было достаточно даже такого маленького импульса, как дополнительные опции от государства, чтобы количество этих опций

начало увеличиваться в геометрической прогрессии. И увеличение это происходило не за счет корпораций, они на это не имели права, а за счет бесконечного количества ведомств, каждое из которых считало обязательным выдвинуть от себя какую-нибудь опцию, а-то и несколько. Оно и понятно – очередная возможность честного отъема денег, как не воспользоваться. Вот они и пользовались, по полной, а нам это и было нужно. В общем, в течение двух-трех месяцев степень уникальности персональных ИИ на территориях увеличилась многократно. Да, вот так, относительно легко, но тут, как уже говорилось, много чего сошлось.

Это точно. То был только первый шаг, дальше стало все намного сложнее, точнее, как обычно. Вторым шагом нам предстояло сделать некий «центр обработки нестандартных запросов», причем создать мы его хотели в секторе научных корпораций, но тут проявился Лобов, который после возвращения в верхи, стал гипертрофированным параноиком, еще больше, чем был раньше. Он усмотрел в этом нашу «игру против него в пользу Видова», как он сам выразился. Пришлось делить этот «центр» пополам, чтобы не разжигать ненужных разборок. Структуры Лобова занимались сбором таких запросов, научные корпорации – обработкой. Правда, при такой конфигурации степень различных искажений возрастала многократно, но на тот момент нас это не сильно заботило, главное было нам самим получать неискаженные первичные данные. Эту возможность мы у Лобова получи-

ли. Эти данные нам были нужны для понимания менталитета и мировоззрения тех самых «смиранных». Первые же полученные результаты нас несколько озадачили.

Разрешите я о них расскажу? Благодарю! Так вот, первые результаты показали нам следующее: любая деятельность и была смыслом, а не ради какого-то смысла; решения принимались обдуманые и взвешенные, но абсолютно форматные, не осозанные; самым распространенным вопросом был – «Возможно ли?» и тому подобное. Мы-то думали, что вся эта «смиранность» бессмысленная, необдуманная, поверхностная, ан нет, в этом всем была достаточно глубокая «философия». Самое главное – принцип достаточности среди «смиранных» процветал. Правда вот, достаточность эта была не осознанная, а вынужденная. И вся «философия» как раз и строилась на установке, что-то вроде: «хоть это есть, и на том спасибо». Лично я не могу сказать, что эта установка какая-то плохая или чему-то не соответствует, тут о соответствиях говорить не приходится, но и конструктивно с созидательным в ней маловато. При всем при этом, мы прекрасно осознавали, что, мягко говоря, далеко не всем дано стать «яркими созидателями», да и не нужно этого, так как большое количество таковых приведет только к негативу, ввиду постоянного сокращения поля деятельности для них. Поэтому мы решили никак не пытаться изменить саму «философию», а просто расширить рамки необходимости. Причем расширить не в стороны потребительства, а в сторо-

ну персональных нематериальных возможностей: навыком, знаний, кругозора.

Как ты, Юр, уже наверное догадался, мы уже пытались проверить что-то подобное, когда запускали ГОИ, но тогда задачи были несколько другие, гораздо менее масштабные. После того же, как мы получили данные, о которых рассказал Матвей Сергеевич, для нас стало очевидно, что применение нашего опыта с ГОИ – лучшее, что мы можем сделать для реализации новой задачи. Только вот, формально вернуться к формату ГОИ мы не могли из-за известных условий. Надо было придумать что-то новое. Сходу мы придумать этого не смогли, поэтому решили пока просто собирать данные, это затянулось у нас на несколько месяцев. Когда набралась, скажем так, некая «критическая масса» этих данных, следующий шаг для нас стал очевиден. Точнее, сначала он стал очевиден для Авдея Наумовича. Дело в том, что полученный объем данных сформировал достаточно подробный образ обычного «смиренного», главными чертами которого были: форматные слабовыраженные амбиции; вера в абстракции и недоверчивость к конкретике; ненавязчивый, но агрессивный эгоцентризм и так далее. На основании этого всего можно, пусть и утрированно, сформулировать главную персональную установку этой группы людей – «я все воспринимаю так, как мне удобно, и делать с этим ничего не буду». Далекое не самая плохая установка, по мне так лучше, чем установка тех же верхов – «все должно быть моим», но не

об этом. Я к тому, что понимание этой установки, помогло Авдею Наумовичу определить следующий шаг, который заключался в том, чтобы восприятие осуществлялось исключительно через созидание, а не через простое наблюдение и бесконечные обсуждения происходящего. Проще говоря, созидательные действия, причем любые, должны были стать новым «главным смыслом».

Признаться, я даже не подозревал, что Шилов мог формулировать задачи в подобном, если можно так выразиться, философском ключе.

Да, в последнее время он все больше и больше философствовал. Станешь тут философом, когда приходится неимоверные усилия тратить на то, чтобы отбиваться от всяких оборзевших... Ладно, мы их уже подробно охарактеризовали. Но, надо отметить, что при всех этих философствованиях, Авдей Наумович нисколько не потерял своей прагматичности и ясности мыслей и действий. При всей метафизичности задачи, план по ее реализации был достаточно конкретный. И очередным шагом по этому плану было создание ситуации некоего вакуума, лишения привычного для того самого подавляющего большинства населения на территориях. «Нужно создать ситуацию, при которой вся эта общность непременно начнет что-то создавать, и самым эффективным вариантом будет лишение чего-то. К сожалению, более эффективного и действенного варианта я не нахожу. Просто «выведения из зоны комфорта» не достаточно, так как слиш-

ком много альтернатив и заменителей понаделали.», такой была постановка этой задачи с его стороны. Но, также нам нужно было избежать любых потрясений и, тем более, революций, поэтому лишения должны были быть мягкими, с постепенным наращиванием интенсивности. В связи с этим, на первом этапе решено было сформировать необходимость в физическом труде, вызвав усталость от развлекательных потоков. Разумеется, необходимость в физическом труде на себя и для себя, как раз для того, чтобы ослабить сознание эксплуатируемых.

И вот тут мы столкнулись с первой серьезной проблемой по данной задаче. Дело в том, что практически все развлекательные потоки были вотчиной крупняка, они их использовали в качестве одного из самых серьезных инструментов своего «маркетингового» навязывания, и любые действия в отношении этих потоков для этих корпораций были очень чувствительны. Поэтому, не успели мы заикнуться о необходимости внесения неких изменений в развлекательные потоки, как весь крупняк, без исключения, встал на дыбы. А мы всего лишь предложили исключить из этого сектора любое государственное финансирование, лишив возможности эти потоки получать статус художественной ценности. И такая проблема действительно существовала, то есть мало того, что развлекательные потоки использовались ради навязывания, так еще часть затрат компенсировалось из бюджета. Вот на это и было прямо указано нами, точнее ОАММ, Управле-

нию в присутствии Лобова, чтобы не отверглись. Это указание подняло целую волну, начатую Беглым, дескать благодаря этому финансированию в развлекательных потоках есть хоть что-то культурное, без этого останется сплошная похабщина. Мы решили использовать подобную постановку вопроса себе во благо – предложили сформулировать критерии культурности, на основании их принимать решения о государственном финансировании развлекательных потоков. Решение было обусловлено тем, что даже если нам не удастся исключить подпитку из бюджета для развлекаловки, мы сможем существенно поднять уровень культуры для этих потоков, что тоже было бы положительным результатом.

И надо сказать, эти самые «критерии культурности» у нас уже были, как Вы помните, мы управляли соответствующей ГОИ. Вообще материалы, накопившиеся в рамках инициативы «культурная среда», были самыми объемными данными в сфере государственной культуры, на тот момент. Это было нашим существенным преимуществом в данном вопросе, так как мы не дали времени корпорациям разработать свои критерии, сразу предъявили свои, зная, что Управление предпочитает работать с тем, что есть. В результате, как Вы наверно уже догадались, было назначено заседание секции госсовета по культуре, на котором должны были утвердить эти самые критерии. Но, неожиданно для всех, это мероприятие было сорвано из-за деятелей культуры, с общим тезисом: «действительно серьезные вопросы культуры не подни-

мались и не обсуждались уже давно, а участвовать в использовании культуры в конъюнктурных задачах мы не будем». Сразу скажу, что вообще-то они были правы, после фактического закрытия ГОИ по культуре, вся культурная сфера находилась в упадке. В общем, нам пришлось решать и эту задачу, так как все остальным участникам данного процесса, как Вы понимаете, было абсолютно безразлично, что там себе думают эти деятели культуры. Сама же промежуточная задача состояла в том, чтобы вопросы культуры стояли в общегосударственной повестке хотя бы наравне с вопросами спорта. И как бы незначительно эта задача не звучала, на самом деле, чтобы ее решить требовалось приложить немалые усилия, так как культура в ее исконном значении уже давно перестала быть интересной с коммерческой точки зрения. Проще говоря, нам предстояло существенно поднять статус всей культурной сферы.

Глава 32.

А вот эта ситуация мне очень хорошо знакома, я этим вопросом очень подробно занимался. Мне хорошо известно, что в то время, собственно, как и сейчас, высокая культура требует соответствующего уровня интеллекта, а такой интеллект сейчас роскошь, в силу того, что «много будешь размышлять, ничего не успеешь». В связи с этим, все, что осталось от культуры используется исключительно в конь-

юнктурных целях. Если говорить прямо, то вся «культурная жизнь» свелась к гламурно-пафосным показушным сходкам.

Да, Юрий, к огромному сожалению это так. Но еще печальнее другое, если у большинства нет ни интереса ни возможности «прикоснуться» к чему-то действительно культурному, то такое общество обречено на крошечную низкопробность. И это уже слова не Шилова, а я своим умом дошел до этого вывода. Возвращаясь же к задаче по поднятию статуса культуры, просто придания коммерческого интереса и потенциала было не достаточно, нужно было сделать так, чтобы она воспринималась, как безапелляционная необходимость. А это уже не просто применение каких-то технологий или законодательных норм, это изменение сознания, что сами понимаете, звучит не очень реалистично. Но, эту задачу решать нужно было обязательно, иначе вопрос с инертностью вряд ли бы решился. Благо, Авдей Наумович вовремя определил, что нужно менять сознание не у всего государственного аппарата, а достаточно поменять его у людей с возможностями, прежде всего финансовыми, которые были отдалены от верхов и аппаратчиков. Прежде всего, это были частные инвесторы, финансовые спекулянты, трейдеры, в общем весь частный финансовый сектор.

Правда изначальный наш заход на них был не через сознание, а вполне себе через «шкурный интерес». Им было предложено приблизиться к государственным процессам, как раз через культуру. Это предложение Шилов им сделал на встре-

че с крупнейшими частными финансистами, которую мы тихонько провели в перерыве между нашими баданиями с госаппаратом. Примерное ее содержание было таким: «

Шилов: Спасибо, что уделите время! В своей повседневной деятельности я не мог не обратить внимание, что у сектора частных финансов уже давно существует запрос, или, если хотите, потребность во влиянии на общегосударственные процессы, но вы никак не найдете подход к правительству для решения данного вопроса. У меня есть предложение в связи с этим.

Старший: Так для этого и собрались. Охотно выслушаем Ваше предложение, Авдей Наумович.

Шилов: Есть одна сфера, которая обделена вниманием государства, но через которую можно войти в серьезные властные структуры, вплоть до генерального госсовета. Эта сфера – культура.

Старший: Интересный заход. Зная Вашу репутацию, могу с уверенностью полагать, что у Вас уже есть конкретная программа действий.

Шилов: Да, разумеется, готов ее озвучить...

Кто-то нервный: А вот лично я, зная о той самой репутации господина Шилова, опасаюсь за то, как бы он нас не втянул в какие-нибудь неприятности, как это было с интеграторами и кооператорами.

Старший: Вот я и хочу услышать план, чтобы это понять.

Шилов: Ясно. В таком случае, для начала скажу, что без

риска ничего не бывает, не мне вам об этом рассказывать. Что касается интеграторов и кооператоров, то все оценки уже даны – эти организации стали жертвами ситуации, когда желание сиюминутной мелкой выгоды, губит долгосрочный огромный потенциал, вам это прекрасно известно. Что же касается плана, то мы его просчитали в том виде, который вы очень хорошо понимаете. Все цифры перед вами. Особое внимание хочу обратить на сроки, даже по вашим меркам это не так уж и долго.

Старший: Да, цифры заманчивые, лично меня это и пугает. По моему опыту, когда все выглядит настолько складно в теории, все заканчивается печально на практике. Хотелось бы каких-то гарантий.

Шилов: На самом деле гарантий в моем предложении даже больше, чем в вашей повседневной деятельности. Главная же гарантия заключается в том, что все ваши вложения остаются при вас, и даже если основная цель не будет достигнута, вы сможете и из этих инвестиций извлечь существенную выгоду, в цифрах это тоже есть. А то, что я с вами буду в ходе реализации этого плана, так это вы прекрасно знаете, на примере тех же кооператоров и интеграторов.

Тот же нервный: Только им это не сильно помогло.

Шилов: Не скажите, все на свободе и при делах. Господа, скажу прямо, я вас умолять не собираюсь, у меня еще есть к кому обратиться...

Старший: Авдей Наумович, поймите нас правильно, по-

давяющее большинство из нас подобных решений даже близко не принимали, поэтому столько недоверия, все-таки новые сфера деятельности и статус. Поэтому, мы берем пять дней на обдумывание.»

Через пять дней мы получили положительный ответ. Что стало решающим фактором в этом? Думаю, очень заманчивые перспективы, которые действительно перекрывали все риски.

Получив это положительное решение, мы сразу же приступили к реализации упомянутого плана, так как подготовительная работа нами уже была проведена. Сам же план был достаточно простым, даже примитивным по меркам Шилова. Заключался он в следующем: становимся спонсорами всего культурного, что не спонсируется государством, а это почти девяносто процентов всего культурного потенциала; входим во все незанятые наблюдательные советы культурных центров; проводим программы возрождения культурного наследия; создаем новую культурную среду; «стучимся» в секцию генерального совета по культуре, по признаку влияния на сферу. Первые два этапа прошли без особых проблем, никто не противодействовал потому, что просто дела не было. На этапе же формирования программы по культурному наследию, ожидаемо, начались всевозможные барьеры и препоны. Общий формальный лозунг всего этого противодействия можно сформулировать, как «нельзя позволить приватизировать наше общее культурное наследие»,

как-то так. Понятно, что ни о какой приватизации и речи быть не могло, так как, банально, ничего из спонсируемого не оформлялось в собственность, да и не нужно это было. Но, признаю, ход с этой «угрозой» был хорош. Достоверно мы не знаем, кто его придумал, но по косвенным признакам похоже на то, что его автором был Видов, так как он думал, что мы создаем противовес влиянию науки. В общем, проведение программы по культуре забуксовало, даже не смотря на то, что она была бесплатной для государства. Вообще, как ты уже понял, аргумент бесплатности в отношениях нас, и прежде всего Шилова, с государством стал некой константой. Но даже это не помогло провести программу с ходу, пришлось проходить через все «прелести» слушаний.

Это точно. И самым показательным, чтобы передать всю риторику этих слушаний, стало открытое мероприятие в министерстве культуры. Было такое ощущение, что на него были приглашены вообще все, что не могло не привести к хаосу. Уверен, что это было сделано намеренно, что бы саботировать программу по культуре. В общем, проходило все это действие примерно в следующем ключе: «

Министр культуры: Авдей Наумович, Вам вопрос, как инициатору рассматриваемой программы, что конкретно вас не устраивает в нынешних действиях правительства в культурной сфере?

Шилов: Конкретно, меня не устраивает фактическое отсутствие действительности со стороны правительства в этой

сфере, что вскоре может привести к полному ее упадку.

Министр культуры: И это Вы поняли, занимаясь наблюдением за государственными корпорациями и местными властями? Я к тому, что есть ли у Вас компетентность в этих вопросах, чтобы давать подобные заключения?

Шилов: Ни каких особых компенсаций для того, чтобы это понять, мне не нужно, достаточно того, что я постоянно нахожусь среди людей, в отличие от возглавляемого Вами министерства, которое вообще забыло, что оно для населения, а не для крупного капитала.

Министр культуры: Вы еще и обвинять нас будете?...

Шилов: Обвинения – не моя прерогатива, я всего лишь констатирую. Просто очень странно видеть противодействие с вашей стороны в решении задачи, которую вы должны решить...

Беглый: Авдей Наумович, не Вам говорить о странностях и непродуктивности, Вы задачи по своему профилю никак решить не можете, а каждый раз замахиваетесь на что не следует.

Видов: Тем не менее, раз уж всполошили всех, почему Вы считаете, что государству нужна еще одна программа, тем более в далеко не самой проблемной сфере?

Шилов: Геннадий Евсеевич, а что разве по научным данным у нас все в порядке с культурным обликом населения? По независимым социологическим данным это далеко не так, или тут вопрос интерпретации? Никто из вас, почему-то,

не хочет услышать главное – мы не просим от чего-то отказаться или что-то добавить, мы вообще не просим что-либо менять, мы лишь просим дать нам возможность вернуть подавляющему большинству их доступ к культуре.

Беглый: А самому подавляющему большинству это нужно?

Шилов: Мда, господин Беглый, по этой логике можно людей сразу подключать к ИИ, к виртуальному пространству, и больше не отключать. Видимо, Вы этого и добиваетесь...

Министр культуры: Господа, не надо перепалок в министерстве культуры, этого еще не хватало. Я услышал все, что хотел, достаточно на сегодня.»

На самом деле вся эта псевдопафосная полемика со стороны как Видова, так и Беглого с министерством была направлена только на одно – не дать подойти частному, точнее самостоятельному, капиталу к государственным процессам. Но, к счастью, для Управления и таких, как Лобов, допуск новых игроков в «нижние» госпроцессы был на руку – чем сильнее противостояние снизу, тем стабильнее их положение, так они считали. Поэтому, верхи распорядились программу утвердить, с условием, что ничего из бюджета потрачено не будет. Плюс к этому, лично Шилову от Управления было распоряжение о том, что он на постоянной основе должен следить за деятельностью новых участников, и лично за это отвечать, но это для него новостью не стало, уже на тот момент он знал, как он это будет осуществлять.

Собственно, реализовывал он все так же, как и до этого реализовывал предыдущие задачи – за счет точности получаемых результатов. Подчеркиваю именно за счет досконального соответствия запланированного и полученного, в этом соответствии и было его преимущество перед любым другим. Если же что-то менялось по независящим от него причинам, то и конечный результат пересматривался, но это было крайне редко. Вот и в этом «культурном вопросе», получив и формальное и неформальное одобрение, мы сразу же приступили к формированию новой культурной среды, не дожидаясь проведения программы по бесконечному количеству ведомств – бюрократия, как была врагом действий, так им и осталась. Разумеется, был риск, что нас могут заблокировать в некоторых моментах, но поскольку, по обыкновению, финансирование было не бюджетным, эти блокировки фатальным стать не могли ни при каких обстоятельствах. Первым же шагом того, самого важного, этапа стало проведение на постоянной основе множества массовых культурных событий. Здесь мы воспользовались уже созданной, пусть и заброшенной, инфраструктурой социально-досуговых центров, созданных для решения хотелки верхов по инвестклимату. И первым же результатом всех этих наших действий в данном направлении стал, не поверишь, рост поступлений в бюджет от культурной сферы.

Изначально мы посчитали, что это всего лишь «эффект новизны» – людям дали осязаемую альтернативу их повсе-

дневности, и после исчезновения этого эффекта, спадет и уровень активности. Но нет, активность не только не спала, но и начала нарастать. Мы было подумали, что начали появляться и первые результаты по нашей макрозадаче, связанной с решением проблемы инертности большей части населения, может он и так, только вот главной движущей силой того процесса стало не стремление к созиданию, а банальная биологическая потребность в самоутверждении. Выяснив это, мы никак не обрадовались, причина простая – природа активности, связанная с необходимостью созидания, и активность, связанная с самоутверждением, совершенно различны. Более того, самоутверждение скорее ведет к негативу. И действительно, после появления более менее многочисленных новых социальных групп, сформированных на базе расширенной культурной среды, между ними начались конфликты, прежде всего на предмет того, кто из них более «авангарден» что ли. В общем, было решено первую полученную конструкцию «демонтировать». Но, к нашему сожалению, сложившуюся ситуацию успели заметить и оценить в верхах – она им очень приглянулась, так как теперь большая часть внимания была отвлечена на противостояние между собой, а не на постоянную, пусть и ленивую критику их, причем, даже в теории, это не могло привести к какому-нибудь существенному кризису. Короче, сами того не ведая, мы создали для верхов очень удобную для них ситуацию с большей частью населения на территориях. Мы ни сколько не оправ-

дываемся, но предвидеть мы этого никак не могли, так как это изначально была в значительной степени авантюра, мы это уже отмечали.

Сам же Авдей Наумович высказался по этому поводу следующим образом: «Да уж, видать совсем с мозгами не в порядке стало, раз я собственноручно для своих главных оппонентов создал благоприятнейшие условия. Я даже боюсь предположить, как они этим воспользуются.» А воспользовались они ей по-полной, тут же принявшись ее «якорить», да и не сложно это было: не давай культурным группам укрупняться, и постоянно подпитывай почву для конфронтации, и все. В итоге, нам пришлось вмешиваться радикально – выстраивать новую культурную среду через бизнес, через корпорации. Такого мы от себя не ожидали, но поверьте, на тот момент это был самый действенный вариант поменять ситуацию, которую мы сами же создали.

Я так понимаю, речь идет о зарождении концепции «Интеллектуальный бизнес»?

Да, о нем. Только на том этапе самой концепции не было даже в прожектах. Главной локальной задачей было помешать верхам закрепить ситуацию постоянной конфронтации на почве культурных различий. Заход на решение данной задачи через частный бизнес был самым очевидным, так как, банально, у нас просто-напросто не осталось других «субъектов воздействия». На самом деле, лично для нас с Шиловым положение дел было еще более серьезным, которое

могло привести к тому, что мы могли навсегда стать заштатными исполнителями, теми же аппаратчиками, если бы не разрешили тот «культурный коллапс». И для нас все могло закончиться печально по одной простой причине – мы бы полностью сами себя лишили рычагов воздействия. Так-что права на ошибку у нас не осталось. И тот небольшой ресурс действительно частного бизнеса, который, на удивление, еще остался после многовековых издевательств со стороны государства, нужно было использовать очень осторожно и наверняка.

А разве ресурса крупных частных инвесторов у вас не осталось?

Очень незначительная часть, в виду того, что большинство из них, к тому моменту, уже добилась для себя главного – вхождения во власть. Точнее, верхи позволили им так думать, а никто особо разбираться и не стал, самоощущение было важнее действительности, ничего в этом нового нет. Те же, кто остался с нами, и было то меньшинство, которое понимало, что ничего еще не решено, а тех, кто удовлетворился показухой верхов, в конечном итоге просто присовокупят к их системе. В конечном итоге, так и получилось. Но, это их проблемы, вернемся к нашим задачам. Всеу нашему скудному активу, истощенному бесконечным противостоянием с госаппаратом, были озвучены следующие перспективы, лично Шиловым: «Я прекрасно понимаю, что на основании всего нашего, так скажем, резюме, доверия к нам осталось не

много. Поэтому, я всего лишь озвучу наше видение дальнейшего развития событий, а вы уж, как всегда, вольны воспринять его, как хотите. Так вот, у нас есть все основания полагать, что в виду новых возможностей государства в сфере культуры, оно с их помощью привлечет к себе более девяносто пяти процентов всех конечных потребителей во всех сферах. Говоря прямо, капитала и бизнеса не аффилированного с государством практически не останется. Банальный вопрос – хотите ли вы этого? Ответ тоже очевиден. Для того, чтобы эти перспективы не стали реальностью мы видим два базовых решения. Первое – смена государства осуществления деятельности, банальный переезд. Второе – всестороннюю смену культуры ведения дел, а именно, перестать быть врагами самим себе, между собой и своим коллективам. Подробное описание и расшифровка этого предложения была вам разослана ранее. Добавлю, я целиком и полностью осознаю, что изначально это выглядит, как наращивание издержек, но, как я уже говорил, в долгосрочной перспективе, если ничего не менять, то не будет ни издержек, ни прибыли, собственно, как и ваших предприятий и организаций.» На мой взгляд, вполне доходчивое разъяснение далеко не радужных перспектив, но все это понимали и до этого. Что же касается самого предложения, то было достаточно сложным в реализации...

Вадим, тут с тобой не соглашусь, предложение было понятным и детальным, а на фоне озвученных тобой рисков,

оно вообще казалось довольно-таки простым решением. Заключалось же предложение в следующем, дело в том, что Авдей Наумович подробно и методично фиксировал весь свой опыт, наработки, алгоритмы и так далее, это известно всем, кто его знает. Так вот, на основании всего своего зафиксированного опыта, Шилову удалось сформировать некую принципиальную модель предприятия, при которой получается своего рода «гармония» между прибыльностью, максимально возможной независимостью от государства, отношения с клиентами и коллективами. Строилась она на вполне прозрачных принципах, вот некоторые из них: предприятие должно быть сложно для проверки, прежде всего за счет прозрачности; существенные внутренние требования к предприятию должны быть жестче, чем законодательные требования; одно предприятие – одно направление деятельности; прозрачное бюджетирование при комплексном исполнении бюджета; затратные ожидания клиентов должны быть всегда выше реальных и тому подобное.

Только надо пояснить, что при всем при этом был еще один существенный критерий – финансовые возможности отдельно взятого предприятия не должны были превышать определенного уровня. Рассчитывался этот уровень следующим образом: объем государственного бюджета нужно разделить на количество чиновников и лиц к ним приравненных. И надо сказать, работала эта «линия отсечения» очень четко, как только отдельно взятое предприятие ее пересту-

пало, тут же инициировались какие-нибудь действия со стороны государственного аппарата в отношении него. На самом деле, этот параметр легко объясняется, если можно так выразиться, «рентабельностью действий отдельного чиновника». И кстати, этот уровень отлично работает до сих пор. Собственно, он всегда работал отлично, но до этого надо было дойти и заметить его, вот Шилов и заметил. Для всех, кто был в это посвящен, в том числе и для нас, это стало неким откровением. Нет, все, конечно же, догадывались, что некий ценз в отношении объема средств существует, но какой он в точности, никто не знал. Думаю, что даже сами аппаратчики не знали, они действовали по самоощущению, которое в точности коррелировало с этим уровнем.

Но это же только для одного предприятия и, насколько я знаю, не составит особого труда привязать какую бы то ни было организацию к конкретному хозяину.

Верно, но и по этому поводу у Авдея Наумовича было решение – делать соучредителями наиболее ценных сотрудников. Казалось бы, решение старое, как мир, даже примитивное, но как оказалось, контраргументов против этого у чиновников не нашлось. Кстати, этот ход был также частью смены культуры ведения дел...

Вот я и предлагаю к этому вернуться, друзья-коллеги. А то мы что-то сильно в сторону ушли. Имеющиеся же у нас заметки и записи Наумовича мы обязательно опубликуем. Кто захочет, ознакомится, там действительно много полезного и

существенного, но это отдельный труд. Продолжим по разрешению культурного коллапса, посредством упомянутой концепции «интеллигентного бизнеса», которая, на самом деле, заключалась в одной простой вещи – оставшимся частным предприятиям и малозависимым от государства предприятиям надо прекращать быть врагами друг другу. «Конкуренция, тем более, здоровая конкуренция не имеет ничего общего с вражеской конфронтацией, хотя бы потому, что движущей силой конкуренции является – большая продуктивность и эффективность в интересах клиента, а не целенаправленное устранение конкурента, в случае с конфронтацией.» таким образом это разъяснял Авдей Наумович. Сама же концепция предполагала переход к более быстрому реагированию и гибкости, по сравнению с крупняком и госкорпорациями. Ты же помнишь экономическую модель допроизводства? Вот она и легла в основу данного концепта. Можно сказать, что Шилов придал модели еще более прикладной характер. И вроде все с этим было нормально, но все же оставалась одна огромная проблема – параллельно с новой формой ведения бизнеса, нужно было готовить и новый тип клиентов, который бы потащил за собой остальных. И не было на тот момент понимания, где таких взять...

Вадим, ну не скажи, по-моему Наумович сразу же знал, из кого «клиентов нового» типа надо делать. Во всяком случае, весь маркетинг концепции изначально был настроен на оставшихся работников культуры и интеллигентов. Более то-

го, я не помню, чтобы над этим моментом как-то долго бились, да и у этой группы людей всегда были особые запросы, которые игнорировались крупняком, в силу малочисленности группы и «возвышенностью» что ли. Вот через эти «возвышенные» запросы и решено было пробиваться к этой социальной группе, формируя тем самым новую потребительскую культуру, точнее, культуру приобретения необходимого. Если связывать решение этой задачи с моделью допроизводства, то получалось что необходимо дополнительно производить повседневный продукт, но с новой интеллектуальной составляющей, и каждый раз реагировать на изменение этого содержания. Проще говоря, не навязывать произведенное, а реагировать на запросы. По сути, в очередной раз, нам предстояло сформировать новый сегмент рынка – рынок интеллектуального спроса.

Получается, что всех «смиранных» хотели сделать интеллектуалами, и таким образом решить проблему инертности?

Ну нет, Юрий, боюсь, что эта задача не подвластна даже всем правительствам вместе взятым. И потом, этом было бы не только не полезно, но даже вредно, прежде всего с эволюционной точки зрения, так как привело бы к дикому усложнению и без того непростой действительности. Другой вопрос, что непонятно, почему так жестко разделяют труд физический и труд интеллектуальный – без должного интеллекта, физически будет сложно сделать что-то достойное, и наоборот, без банальных физических усилий все полеты ин-

теллекта, так и останутся несуществующими. Вот и Авдей Наумович в своей «культурной концепции» эти типы труда не разделял: «Усилия, всегда усилия, интеллектуальные, физические, моральные, материальные, не важно, так как прикладывая одни, ты неизбежно прикладываешь остальные, в противном случае ничего в результате этих усилий не произойдет.»

И что, весь ваш актив независимого бизнеса сразу все это принял и начал действовать?

Глава 33.

Как бы не так! Еще на стадии озвучивания предложения Шиловым, большинством из них был высказан такой скепсис, что мы уже начали подумывать о том, чтобы искать другие возможности реализации концепта, но Авдей Наумович попросил их подумать некоторое время, после чего еще раз встретиться по данному вопросу. Через дней пятнадцать-двадцать состоялась еще одна встреча. Собственно, я могу кратко пересказать то, что на ней происходило. Мне она запомнилась, прежде всего тем, что это было первое на моей памяти собрание, которое Шилов проводил на достаточно повышенных, особенно для него, тонах. Говорилось на ней примерно следующее: «

Шилов: Слушайте, ну как вы не поймете, что расчищаете дорогу всему госбизнесу своими собственными руками, пла-

номерно уничтожая друг друга. Поверьте мне, государству такая услуга не нужна, оно само прекрасно справится.

Один из старших: А что нам делать, если этот самый госбизнес уже все под себя подмял? Мы же с ним конкурировать не можем, вот и воюем друг с другом...

Шилов: И это чрезвычайно деструктивная логика. Во-первых, никто не говорит, что надо конкурировать с госкомпаниями, это не реально. Во-вторых, почему обязательно нужно друг с другом воевать...

Кто-то из молодых: Потому, что в противном случае нас обвинят в корпоративном сговоре...

Шилов: Все та же, деструктивная логика. Хотя решение все это время было у вас под носом – нужно всего лишь создать новый сегмент рынка, скажем так, неудобный для государства. А у подавляющего большинства из вас схема простая – что-то сделал, быстро продал, сделал, продал. Развитием никто не занимается.

Один из старших: Какие условия созданы, так и действуем. Если даже вам до сих пор не удалось ничего изменить, то что же говорить о нас. Мы всего лишь создаем определенный образ жизни для себя, в предложенных условиях.

Шилов: Мы-то как раз новые условия для вас создавали, и неоднократно, просто вы этим не воспользовались. Но, ладно, не об этом сейчас, тем более, что каждый останется при своем. Только вот, раз уж довели до ситуации, когда ничего частного может просто не остаться, надо что-то делать, от-

сидеться уже не получится.

Кто-то из молодых: Так для того и собрались, чтобы решить, что делать.

Шилов: Так давайте уже к этому перейдем, и не будем бросаться какими-то непонятными, надуманными упреками. Еще раз, наше предложение было разослано вам ранее, за две недели, думаю, можно было достаточно подробно с ним ознакомиться. Сразу говорю, стопроцентных, даже пятидесятипроцентных, гарантий я не дам, так как мы находимся еще в более рискованном положении, чем вы. Но, поскольку никто никакой альтернативы не предложил, значит вариант, предложенный нами, остается единственным.

Я: Авдей Наумович, для порядка надо отметить, что нет, не единственный. Можно уйти под опеку к Геннадию Евсеевичу Видову – преобразоваться или стать частью какой-нибудь научной корпорации. Кстати, далеко не самый плохой вариант, если есть научная база для этого, в противном случае можно просто раствориться в научной среде, и что-то мне подсказывает, что никакого из присутствующих такая перспектива не прельщает.

Шилов: Да, Елена Федоровна, согласен с Вами. Вот вам три реальные альтернативы: стать частью госсектора, частью научной сферы, или постараться сохранить самостоятельность.

Один из старших: Но история с интеграторами и кооператорами покоя не дает.

Шилов: Зато вы можете четко осознавать риски и последствия – перспектива лишиться самостоятельности, думаю, страшней. А опыт с той историей, как и со всеми остальными, учтен, вот это я вам гарантировать могу.»

Произнося эту фразу, Шилов уже фактически сорвался на крик, оно и понятно – ты людям вариант для сохранения хоть какой-то независимости, они тебе за это вспоминают все твои промахи. Вот она, расплата за инициативность и созидание. В любом случае, главное, что все согласились действовать, пусть и осторожно.

А вот мне лично, показалось, что Авдей Наумович провел то совещание в таком эмоциональном ключе, чтобы получить должное восприятие проблемы, тем самым он, так сказать, нагнетал обстановку, а-то все поначалу были какие-то уж очень расслабленные. И все последующие совещания о проводил на высоком эмоциональном градусе именно по этой причине, как мне кажется. Хотя, и без фактора усталости тут не обошлось. Сам Шилов по поводу своей возросшей эмоциональности особо не высказывался, разве что как-то он обронил фразу, типа: «Отсутствие интеллектуальной гибкости это просто какая-то беда, всеобщая патология. Уже приходится откровенно вбивать, вкривать мысли в сознание.» В любом случае, не хочется думать, что Наумович делал что-то неосмысленно.

Надо полагать, что и решение задачи по созданию нового сегмента экономики проходило также на высоком эмоци-

ональном градусе?

О, еще на каком! Каждое совещание, каждое общее согласование сопровождалось таким набором эпитетов и эмоционального содержания, что никакое виар-шоу не сравнилось бы с этим. И опять же, не могу сказать, что это было не оправдано, как раз таки наоборот, каждый раз все это независимое предпринимательское сообщество приходилось расшевеливать. Вообще, не понятно почему, но у этого сообщества почему-то изначально сложилось впечатление, что им надо будет всего лишь кое-что профинансировать и перенастроить свои внутренние процессы, а все остальное сделаем мы. Согласен, что это наша недоработка, и из-за этого наши действия на несколько шагов опережали действия с их стороны, что очень мешало и раздражало, поэтому каждый раз приходилось придавать им соответствующее «ускорение», в противном случае вообще ничего бы не происходило. Лично у меня складывалось впечатление, что все эти участники были избалованы подачками от крупняка и государства, ведь после полномасштабной реформы в этой сфере, в них было влито столько ресурсов, что только сиди и вовремя успевай загребать, лишь бы не было больше ропота и постоянного недовольства. При этом, на сколько я понял, мало кто из них понимал, что таким образом крупняк и правительство просто-напросто покупали их бездействие и замыкали на самих себя, создавая идеальные условия для государственной олигополии. Авдей Наумович им на это и

указал, удивились они сильно, но добиться от людей, чтобы они работали на морозе после теплой постели, чрезвычайно непростая задача.

В целом же, в то время по бизнесу была следующая картина: пятнадцать процентов экономики контролировались транснационалами напрямую; около трех четвертей были полностью подконтрольны крупняку и госкорпорациям, что, фактически, одно и то же, и без сомнения, большинство из этих компаний были частью международного капитала; и только десять процентов каким-то чудом сохранились за более-менее частным, неаффилированным капиталом. В решении обозначенной задачи участвовала примерно треть из независимых. Я это рассказал, чтобы у Вас было четкое представление о том, какими скудными ресурсами мы располагали для создания целого нового сегмента экономики. Разумеется, после первых позитивных результатов подтянулось еще некоторое количество участников, но даже с этим учетом, наши возможности никак не могли сравниться с тем, что могло противопоставить нам государство, узнав о наших намерениях. К счастью, используя весь наш опыт, мы реализовывали все так, что ни госаппарат, ни госкорпорации ничего не заподозрили. Правда, из-за этого продвигалось все достаточно медленно, но лучше так, чем прямая конфронтация с верхами.

Да, мне удалось раскопать описание вашей деятельности того периода, но не могли бы вы отметить самые существен-

ные, на ваш взгляд, моменты по решению задачи создания нового сегмента экономики?

Собственно, формирование новой культуры, точнее культурной среды, ведения бизнеса, и было самым существенным во всей этой затее. Главными характеристиками этой среды, помимо обозначенных, Авдей Наумович называл: соревнование за положительные отношения клиента, а не за его деньги; не навязывание, а помощь в понимании необходимости; обязательства в интересах клиента, а не для самоутверждения и тому подобное. Вообще, этих самых характеристик было около десятка, при желании, их можно легко найти, я вспомнил самые существенные лично для меня. Также была очень запоминающейся реакция на все эти тезисы со стороны участников, особенно со стороны старой гвардии: «Вы что, хотите, чтобы наши издержки подскочили раза в два, и мы вообще остались на грани рентабельности? Вся эта старомодная клиентоориентированность выходила всем боком. Наша задача простая – удовлетворить запрос. Зачем все эти надстройки?», и все в таком духе. Тут нам стало понятно, что образ мышления у этого сообщества был чрезвычайно узким и однобоким. Но, решать еще и задачу по «расширению горизонта мышления», уже не было ни времени, ни возможности, поэтому Авдей Наумович на весь этот скепсис ответил резко и безапелляционно: «Добейтесь этих параметров, а подготовку клиентов под эти параметры предоставьте мне. Рентабельность у вас будет выше раза в полтора, как

минимум. Перспективы же тех, кто этого не сделает известны, устал уже об этом говорить.» После этих слов ни у кого возражений не осталось, и все принялись реализовывать предписания Шилова. Надо сказать, предписания достаточно подробные, даже семилетка бы понял. Мы же при этом выступали в качестве «тонких настройщиков» – адаптировали предписания Авдея Наумовича под особенности и специфику каждого предприятия, благо у нас был ресурс «ДВиК», на него никто не претендовал.

А параллельно вы занимались, скажем так, «воспитанием» клиентов под вновь формируемые формы ведения бизнеса?

И не только этим. Не забывай, наши старые вопросы, прежде всего выполнение поручений Управления, с нас никто не снимал. Но да, задача по новым клиентам была приоритетной, и здесь исполнителями были только мы, со своим переформатированием компании справлялись сами. И чтобы, как ты выразился, «воспитать» этих самых новых клиентов у нас был только ресурс инфраструктуры альтернативных персональных ИИ, который мы с горем пополам создали ранее, при первом подходе к решению культурной задачи, если помнишь. Собственно, что эта инфраструктура предлагала: никакой рекламы, навязывания или агрессивного маркетинга; фактическое отсутствие государственного или корпоративного влияния; более понятные и прозрачные протоколы самообучения и тому подобное. При этом было одно

существенное «но» – распространялось все это только культурный и образовательный сегменты Сети.

Вы сейчас это все перечисляете, и даже как-то не верить-ся, что такое было возможно, даже в таком узком сегменте Сети. Очень жаль, что эта инфраструктура канула в историю.

Да, без соответствующей поддержки и подпитки все отмирает. А на тот момент это наше предложение было, хоть и маленькой, но реальной альтернативой в зарегламентированной, забюрократизированной, замусоренной корпорациями сфере персональных ИИ. Ты спросишь, как такое допустило Управление? Ведь это же область «контроля над умами», которую верхи считают исключительно своей вотчиной. Ну, помимо того, что это для них было, традиционно, бесплатно, мы им предоставляли всю картину, все возможности для отслеживания потоков. Формальным основанием же для необходимости создания этой альтернативной инфраструктуры стала необходимость посмотреть, как поведут себя люди в свободной от предустановок среде, эта постановка показалась Управлению очень интересной. Плюс, не забывай, что распространялась эта инфраструктура только на малые территории, то есть затрагивала около тридцати процентов населения, максимум. Проще говоря, для возможностей Управления риски были ничтожными, а потенциальная выгода была существенной. А те слушания, которые по этому поводу были, можно расценивать, как самоутверждение госаппарата, мол «не забывайте, если что, мы вас быстро при-

струним». Таким образом была запущена эта альтернатива в сфере персональных ИИ.

Надо сказать, что на удивление не было никакого противодействия ни со стороны Видова, ни со стороны Лобова, ни со стороны «веселой троицы», которые вообще на нашу малейшую инициативу реагировали негативом. Полагаю, что связано это с тем, что отбив наш первый заход на культуру, они посчитали это достаточным. Да и прямой выгоды для них в этой нашей затее не было. Разве что, Видов для порядка сказал: «Данными поделитесь», и все.

И как же вы с помощью этой альтернативной инфраструктуры персональных ИИ создали новый тип клиентов?

Для начала, чтобы воспитать этих самых новых клиентов, нужно было сформировать другое мировоззрение у тех, кого Шилов назвал «смирненными». Но и этого было недостаточно, самым главным было то, чтобы эта смена мировоззрения привела к смене образа жизни и мышления, только в этом случае нам бы удалось решить поставленную задачу. Еще раз скажу, что мы полностью осознавали всю метафизичность и даже утопичность этого плана, но других вариантов у нас не осталось. Можно, конечно было пойти по проторенному пути пропаганды, но это не воспитание, а дрессировка, к тому же это было бы очень заметно для верхов, да и не только для них, так-что этот вариант не подходил. Да, выбранный нами подход был самым долгим и трудоемким, а результат мы должны были дать уже через год, в противном

случае мы бы получили такое количество негативных факторов, что осуществить всю эту «культурную революцию» стало бы просто невозможно. В общем, очередная сверх задача в кратчайшие сроки – в лучших традициях Шилова. И что же он делал? Начал реализацию с сотрудников предприятий и компаний, которые были вовлечены в реализацию этой концепции. «Зачем искать кого-то определенного, когда уже есть определенность? Лучшего варианта для распространения моды на высокую культурность и новое мировоззрение и придумать нельзя. Начинаем с них, а дальше они сами станут «центром распространения», наша задача будет состоять только в том, чтобы формировать верные послы и минимизировать внешнее негативное воздействие.», такой была установка по этому поводу со стороны Авдея Наумовича.

Послы эти, по сути, состояли в разъяснении и демонстрации принципов необходимости и достаточности, а так же в осознании ценности бесценного. На сам деле, Шилов поступил очень хитро, мы не сразу это поняли – он показал «смирненным», как можно обратить привычный им образ жизни себе во благо. На наш вопрос: «Почему задача по содержательной части не ставилась так изначально?», он ответил: «Только осознав это самостоятельно, у вас сформировалось понимание того, как это реализовывать. В противном случае, помимо, того что я тащу сторонних участников, мне бы еще пришлось тащить и вас, а это уже неприемлемо низкая продуктивность.» И действительно, после того, как

мы это осознали, для нас стал очевиден долгосрочный план действий, и Авдей Наумович его только подтвердил. И первые полгода все шло, на удивление, гладко: народ окультуривался, Управление было довольно, частные предприятия участники концепции переформатировались, «ДВиК» было стабильным. Более того, первые ощутимые результаты от концепции начали проявляться уже через три месяца после старта: снизились издержки компаний-участников; повысилась доля накоплений и инвестиций, причем через частные инвестиционные компании; повысились доходы культурной сферы и ее востребованность и так далее. Но, госкорпорации и крупняк тоже не дремали, и это все отслеживали, все происходящее они посчитали, причем справедливо посчитали, реальной угрозой своим позициям. Первый их удар был ожидаем – инициирование проведения массовых проверок по протоколам «Об источниках происхождения капиталов», для нас это не стало проблемой, все их прошли без особых проблем. А вот дальше, вновь и в полную силу заработала их машина навязчивого маркетинга, на этот раз под общим слоганом – «вы делаете все себе во вред». Эта «мысль» просачивалась буквально отовсюду, использовались все средства, все каналы, все потоки. Всему этому мы могли противопоставить только прозрачное сравнение образа жизни до «нового мировоззрения» и после, которое явно показывало улучшения после, и не только содержательные, но даже и материальные. На удивление, в отношении большинства нашей це-

левой аудитории это работало.

Но самое удивительное было не это, а то, что госкорпорации и крупняк, сами того не ведая, запустив свой маркетинг массового навязывания, подложили себе же свинью. Дело все в том, что все эта машина маркетинга уничтожения распространялась на всех, а не настраивалась под конкретную группу. Да и не могла она быть настроена таким образом, в виду того, что «нанесенные поражения» в этом случае будут гораздо меньше. Мы же, как Вы помните, действовали исключительно в отношении инертного большинства на территориях, никак не касаясь мегаполисов. Таким образом получилось, что сработал эффект «минус на минус дает плюс» или банальное перенасыщение населения мегаполисов. Проще говоря, получилось так, что большая часть жителей мегаполисов начала задаваться вопросом «А зачем нам это все?», что не могло не привести к заметным последствиям. Первым последствием стало существенное падение продаж в очень короткие сроки. Вторым стал массой спрос на естественный, а не виртуальный отдых и досуг. Третьим стала резко возросшая необходимость в более долгосрочных, но при этом персонализированных продуктах. Как Вы понимаете, главный негатив этой ситуации для крупняка состоял в том, что они не могли ни технологически, ни структурно все эти запросы закрыть. То есть, мало того, что они создали не разрешимую ситуацию для себя, так они еще и не могли перестроиться так, чтобы суметь ее решить. Вот она – корысть ради коры-

сти в чистом виде.

Но не думайте, злорадствовать мы не стали. Во-первых было некогда, так как надо было с гораздо большей интенсивностью заполнять появившийся спрос, по крайней мере на территориях. Во-вторых, злорадствовать, собственно, было не над чем, так как доходная часть бюджета от внутреннего потребительского рынка существенно просела, а вместе с этим просела и вся экономика. Да и, как Вы успели убедиться, злорадство не в наших привычках. Разумеется вся эта ситуация не просто не осталась без внимания верхов, а наоборот, в моменте это стало приоритетом, что естественно. А как правительство реагирует на масштабные срочные вопросы? Правильно, собирает внеочередной генеральный госсовет, что и было сделано, в связи с возникшими рисками. Более того, Авдей Наумович был на нем обозначен в качестве главного докладчика, так как со всех сторон являлся носителем самой подробной информации по этому поводу. Принимая во внимание наш предыдущий опыт подобных госсоветов, мы решили, что Шилова в очередной раз сделают крайним, а вместе с ним и нас. Тем более, что изначально, когда еще нас курировал Лобов, Авдей Наумович прежде всего и рассматривался в качестве вечного крайнего. Но, к нашему глубочайшему изумлению, вышло все не так.

Матвей, Матвей, погоди, вперед забегаешь. Думаю, что пересказ того госсовета будет, мягко говоря, не лишним. А помню я его в мельчайших подробностях. Подозреваю,

также, как и вы. И вот, как он проходил: «

Первый секретарь: Авдей Наумович, все цифры понятны, мы с ними внимательно ознакомились еще до совета. Хотелось бы услышать причины, следствия и ваши выводы.

Шилов: Пожалуйста. Все здесь присутствующие прекрасно знают, что любой вид экономики, любая экономическая модель всегда стремиться к паритету. Правда, проявляется он по-разному. Вот и в нынешней ситуации случился очень странный паритет, который заключается в том, что: с одной стороны государственный капитал и девяносто процентов бизнес-капитала стали неотделимыми и, по сути, представляя из себя общую массу; с другой стороны, подавляющее большинство населения, своим потребительским поведением и культурой потакают тому, что иной раз не разберешь, где государственная структура, а где коммерческая. Но вот беда, мировоззрение у народа несколько поменялось, а госаппарат и крупные корпорации меняться не хотят. Не говоря уже о том, что вторые никак не способствуют благосостоянию первых. Отсюда и разрывы, и диспропорции и весь этот негатив, который мы имеем на сегодняшний день.

Пиров: Ну вот опять он со своей старой тошнотворной темой – «во всем виновато правительство и государственные компании». Хотя в очередной раз сам что-то накуролесил со своими приспешниками, а выставляет себя праведником...

Первый секретарь: Господин министр, будьте любезны, ведите себя и высказывайтесь соответствующим данному

мероприятию образом. Это Вам не место выяснения отношений.

Руководитель Управления: Тем более, что наше ведомство согласно с выводами ОАММ и лично господина Шилова.

Первый секретарь: Да, нам это известно. Также нам известно о согласии с данной позицией господина Лобова, господина Видова, да и президиум, в целом ее разделяет. Отсюда следующий, как мне кажется, логичный вопрос: Ваши предложения, Авдей Наумович, как разрешить сложившуюся ситуацию?

Шилов: Не менее логичный ответ – убрать факторы и условия к ней приведшие. А именно: создать «образцово-показательные прозрачные предприятия» в наиболее востребованных сферах; создать условия для получения дополнительного пассивного дохода гражданами; повысить гибкость экономики и так далее. Все это есть в моих предложениях еще пятнадцатилетней давности.

Лобов: И Вы считаете, что с тех пор ничего не поменялось? Они до сих пор актуальны?

Шилов: Они не просто актуальны, они уже, как вы видите, крайне необходимы.

Первый секретарь: И вы сможете разработать программу по их реализации?

Шилов: Считайте, что программа уже есть.

Первый секретарь: Охотно верим. Тогда к следующему

внеочередному госсовету, через две недели, всем секциям необходимо подготовить соответствующие предложения по решению обозначенной ситуации. А программу Авдея Наумовича и его команды возьмем в качестве некой базы, отправной точки.»

После этого госсовета Авдей Наумович, да и мы, взяли тайм-аут на пару дней, чтобы осознать, что же произошло. Ведь фактически, нам представлялось, чуть ли не эксклюзивное, право и возможность написать черновик общегосударственной программы. А это много что меняло, и наш статус, и наши потенциальные полномочия, степень публичности и так далее. Причем, как мы уже сказали, это было для нас полным сюрпризом, изначально, мы готовились к чему-то противоположному. И то, как был осажен Пиров, представлявший одновременно и госкорпорации, и ангажированных аппаратчиков, было одновременно и усладой для наших ушей, и тем, что заставило нас очень серьезно настроиться. Для этого и был нужен тайм-аут.

Как потом выяснилось, очень не зря мы его взяли. Вообще, Шилов ничего не делал сломя голову, даже тогда, когда начал действовать на высоком эмоциональном градусе. Что в очередной раз свидетельствует о том, что он со временем всего лишь немного устал ментально, но никак не сдал профессионально. Впоследствии, мы не раз в этом убеждались, хоть это «впоследствии» длилось всего пять лет.

Глава 34.

И к каким же выводам вы пришли в ходе этого «тайм-аута»?

Выводы у всех оказались одинаковыми, плюс-минус. Начнем с того, что вся эта просадка экономики прилась на очередной электоральный цикл, а именно на выборы президента, а значит, вместе с ним, и правительства. До того госсвета, с поручением к нам о написании черновика общегосударственной программы, мы вообще на это обстоятельство внимания не обращали, как это не покажется странным. Во-первых, мы уже давно привыкли к номинальности всех этих выборов. Ну, а во-вторых, наше традиционное презрение к политике. В общем, ну никак это фактор не мог попасть в поле нашего зрения, что нас не оправдывает. Тем не менее, осознав это после госсвета, каждый из нас начал копать на предмет того, откуда это у верхов такая лояльность в отношении нас проснулась, что они согласились практически со всем, что озвучил Авдей Наумович, относительно сложившейся ситуации. Причина оказалась очень банальной – группировки верхов были настолько заняты технологиями приведения своих кандидатов туда, куда им нужно, проще говоря, очередной дележкой мест, что проморгали и просадку экономики, вызванную известно чем, и необходимость написания внятной экономической программы, хотя бы в качестве популизма.

Кстати, нельзя не отметить, что проморгали они все это благодаря, в том числе, и возросшему количеству участников дележки, в лице Видова, независимых общественников во главе с «ДВиК», да и каждый из состава «веселой троицы» к тому времени давно стал самостоятельной политической фигурой. Но это так, к слову, главное – сам факт того, что они проморгали. Нам же это нужно было грамотно использовать, так как был также большой риск того, что мы могли пасть жертвами перекрестного огня между всеми этими группировками. В связи с этим мы скомпоновали программу с учетом номинальных, или даже формальных, позиций всех крупнейших групп, которые мы уже перечисляли. По факту, мы просто вносили в текст программы отдельно взятые тезисы Управления, истолковывая их в выгодном для нас ключе. Да, согласен, это еще одна вещь, которая сближает нас с аппаратчиками, но и уходить в очередной раз в расход тоже не хотелось. В целом, не смотря на вынужденное применение подобных ухищрений, мы остались верны сами себе. В итоге, полностью адаптированная, я бы даже сказал адаптивная, программа была готова через десять дней. Оставалось только протащить ее через госсовет, назначенный в аккурат за месяц до выборов.

Тут, считаю, еще раз нужно подчеркнуть, что мы полностью отдавали себе отчет в том, что наша программа станет частью избирательной программы, скажем так, кандидата от Управления, а именно кандидата от достаточно боль-

шой группы в верхах, стремящейся к преобразованиям в сторону консерватизма. Так и произошло. Но лучше я коротко перескажу главную часть того госсвета, так будет понятнее, как именно наша программа была экспроприрована под указанные цели: «

Первый секретарь: Должен констатировать, что единственная комплексная и законченная программа по решению сложившейся экономической ситуации есть только у группы Авдея Наумовича Шилова. При этом не могу не отметить, что она учитывает большинство мнений и видений всех здесь присутствующих.

Руководитель Управления: Прошу зафиксировать, что данная программа является разработкой не только ОАММ, но и всего нашего ведомства, которому ОАММ подчиняется.

Лобов: Интересно, а я почему-то считал, что ОАММ является независимой структурой, даже буква «А» в аббревиатуре об этом говорит...

Первый секретарь: Господа, призываю не переходить на выяснение статусов. У нас задача разрешить ситуацию, а не биться за причастность. В любом случае, как я уже сказал, программа всего лишь одна...

«Кандидат от Управления»: Правительство данную программу очень подробно рассмотрело, и приняло решение принять ее к реализации с некоторыми незначительными корректировками.

Первый секретарь: Каковы сроки?

«Кандидат от Управления»: Приступаем немедленно!

Первый секретарь: Это мы понимаем, но когда начнется непосредственная реализация?

«Кандидат от Управления»: Крайний срок – через месяц. А до того, будут включены все доступные механизмы по исправлению нынешнего положения, правда их не достаточно, как уже однократно отмечалось, экономические механизмы и технологии нуждаются в серьезном обновлении.

Видов: Прошу заметить, что я об этом говорил с самого момента вхождения в состав госсовета. И стоило ли дожидаться подобной ситуации, чтобы это признать?

Первый секретарь: Геннадий Евсеевич, это лишнее, здесь Вам не дебаты.

Лобов: Тут дебатыруй, не дебатыруй, а результаты за предыдущие пять лет говорят сами за себя, особенно первые три года из этих пяти. (Так Евгений Генрихович очень прозрачно намекал на то, что подобная ситуация сложилась, когда у него не было влияния).

Пиров: Плюс ко всему, административный блок правительства продолжает настаивать на том, что в данной ситуации виновна, именно ОАММ, и господин Шилов лично...

Первый секретарь: Так, господа Лобов и Пиров, вы лишаетесь права аудиального участия до конца совета. Сколько можно говорить, что здесь вам не дебаты? Остальных также прошу разделять избирательный период и принятие государственных решений. Что касается программы, то госсовет

принимает решение передать ее на реализацию правительству.»

Как все мы прекрасно понимаем, тот госсовет и был ничем иным как площадкой для попыток избирательных заявлений. Именно этим то мероприятие и запомнилось, наряду с принятием экономической программы.

Немаловажным будет указать, что Лобов и Пиров были фиктивными кандидатами от соответствующих групп: Лобов – от «не определившихся», Пиров – от «бюрократов». На самом деле, не суть от кого они были кандидатами, главное тут именно то, что они были фиктивными, призванными отобрать голоса у соперников основного кандидата. И так совпало, что это был именно тот избирательный цикл, когда было необходимо произвести кадровое обновление, поэтому и кандидат был новый, на замену действующему президенту, а именно действующий на тот момент глава аппарата правительства. Казалось бы, не Бог весть какая должность для будущего президента, но нет, Управление и Администрация накачали эту позицию такими полномочиями, что глава аппарата правительства стал чуть ли не вторым человеком в нем, после премьера. Скоро поймете, почему мы на этом заострили внимание. Пока же наша программа легла в основу избирательной программы провластного кандидата. По сути, получилось, что внятная и конкретная программа по экономике только у этого кандидата и была. Но не только она, большое количество наших наработок по ГОИ и программе

малых территорий были также взяты в программу основного кандидата. В общем, извините за нескромность, но по нашим оценкам эта самая программа состояла на шестьдесят процентов из наших наработок и предложений, стараниями Управления.

Так это же замечательно...

Как бы не так, Юрий! Но, до этого еще дойдем. Пока же нам предстояли два месяца активного бездействия, так как в избирательный период фактически ничего нельзя было сделать, все были заняты выборами, точнее сохранением своих мест. На самом деле, во время больших выборов так было всегда, даже не буду объяснять почему. В такие периоды мы с головой уходили в глубокую аналитику, фиксацию опыта и прикидыванию возможных сценариев. На сами электоральные процессы мы не обращали практически никакого внимания, так как для нас там все было понятно и ожидаемо еще за два-три месяца до непосредственных выборных процедур. Разумеется, мы допускали возможные случайности и неожиданности, связанные с этим, и имели планы на эти случаи, но поверьте нашим сведениям и опыту, вероятность случайностей в этих делах была настолько низкой, что ею можно было пренебречь. Вот и на этот раз ничего неожиданного не произошло – «победил» правильный кандидат. И мы начали готовиться к тому, чтобы через месяц, пока происходила кадровая чехарда, возобновить нашу деятельность по всем направлениям. Мы, по понятным причинам, даже не допус-

кали мысли о том, что будем участвовать в той программе, к которой имели непосредственное отношение. Более того, мы со стопроцентной уверенностью считали, что эта программа была сделана исключительно для популистских целей. Но, дальнейшие события стали для нас большущим сюрпризом.

И это слабо сказано! Все началось с контакта руководителя Управления с Авдеем Наумовича, примерно через две недели после смены президента. Мы при нем тоже присутствовали, так как вместе занимались финальной стадией сведения всех наших наработок, которые сформировались в период нашего вынужденного простоя во время выборов. Собственно, вот суть разговора: «

Руководитель Управления: Ты, Авдей Наумович, на период выборов, как-будто испарился.

Шилов: Ну Вы же прекрасно знаете мои договоренности и с вами, и с советом. Вот в их исполнение, чтобы не возникало ни малейших подозрений, что я им не следую, я и исчез с горизонта.

Руководитель Управления: Ну не до такой же степени, что даже я от тебя больше месяца ничего не слышу.

Шилов: ОАММ работал и работает в полную силу, все отчеты у Вас.

Руководитель Управления: Да я не об этом... Ладно, я что связался, программу-то ты сделал, ничего не скажешь, складный документик, а реализовывать кто будет?

Шилов: Прошу прощения, что поправляю, не я, а мы, все

здесь присутствующие. А что касается программы, скажу откровенно, мы считали, что делаем ее исключительно для избирательных целей...

Руководитель Упражнения: Авдей Наумович, ты все государственное руководство с Лобовым не ровняй, я тебе это уже не в первый раз говорю, это у него сплошной популизм с пеной у рта. И ты не перебивай, дослушай. На счет реализации, да и на счет твоих договоренностей и соглашений с нами, надо бы тебе в правительство наше включиться. Да не просто абы как, вновь избранный предлагает тебе свою предыдущую должность – руководитель аппарата. Что скажешь?

Шилов: Скажу, что это вообще неожиданно? Видимо, на то и расчет. А во всем остальном Вы знаете мою позицию и принципы.

Руководитель Управление: Да, знаем и помним, и про твою ненависть к политике, и предыдущий твой отказ от должности в госсовете, и вечные твои препирательства с функционерами, все это нам известно. Только вот понимаешь в чем засада, все заседания госсвета по программе были публичными, собственно, как любые госсветы за месяц до выборов и в течение месяца после них, ты это прекрасно знаешь. И к этим мероприятиям был проявлен очень большой интерес избирателей, я бы даже сказал рекордный. А народ ты сам научил разбираться, кто словоблуд, а кто деловой человек. Так что, тебя теперь можно назвать «заметной

политической фигурой», хочешь ты этого или нет. В общем, без тебя теперь вновь избранному нельзя – плохо для имиджа и репутации, поэтому, нет у тебя теперь варианта с отказом.

Шилов: Ну и добавили бы просто полномочий мне или ОАММ, зачем это назначение на одну из самых политических должностей в правительстве?

Руководитель Управления: Авдей Наумович, ты все прекрасно знаешь, что народ требует «правильных людей в соответствующих ведомствах». Что им твой ОАММ или ты без должности? Короче, публично будет объявлено о твоём назначении через две недели. Тогда же будет и первое заседание нового состава правительства. Все, будь готов. Дальше, по ходу...»

В течение часа или двух после этого разговора, в нашем зале разработки стояла не просто тишина, а мы все пребывали в полном оцепенении. Такого поворота, даже близко, никто не предполагал, да и предположить не мог. И этот финт уж точно нельзя было назвать просчетом Шилова, то чистый концентрированный человеческий фактор.

Но в том, что мы целиком и полностью способствовали такому развитию событий, глава Управления был прав. Думаю, это и для Вас, Юрий, очевидно. Все наши культурные потуги, формирование новой бизнес-культуры, культуры пользования, да и просто вся деятельность, направленная на расширение мировоззрения, создали сначала патовую ситуацию в

экономике, а потом еще и дополнительно подогрели интерес к ней в обществе. Да еще и в избирательный цикл. Вот вам и почва для «прорастания новых заметных политических фигур». В общем, увлеклись мы разработкой этой новой экономической программы, вот и не заметили, изменение статуса и восприятия Авдея Наумовича. То есть, это скорее наша недоработка, чем его. Как ни крути, пришлось Шилову подписываться под новую должность. Само подписание, кстати, было чрезвычайно закрытым, по другому и быть не могло. Мы до сих пор не знаем условий и договоренностей Авдея Наумовича с вновь избранным. Знаем только, что он был именно «человеком президента», читайте Управления, и никому больше не подотчетным.

Но до официального объявления о назначении было еще множество разговоров с теми, кто был приближен к верхам или являлся их частью, они-то знали все заранее. Понятно, кто это был: Лобов, Видов, все из «веселой троицы», и еще некоторые из тех, кто не являлся победившей группой на тех выборах. Надо сказать, что ни один из тех разговоров приятным назвать нельзя. Например, Лобов сказал, что-то вроде: «Я тебе Авдей, больше навредить мне не позволю, и в случае чего ты получишь такой ответ, что будешь вынужден уйти по собственному». Видов сказал просто: «Никаких посягательств на науку, или будешь иметь дело со всем научным сообществом». А вот Беглый, на мой взгляд, вообще вышел за границы дозволенного, сказав: «Господин Шилов, не знаю,

как такая ошибка природы, как Вы заняли такую высокую должность, но знайте, что с нашей стороны Вам будет оказано всестороннее противодействие». В общем, складывалось такое впечатление, что практически каждый из верхов считал своим долгом запугать или оскорбить Авдея Наумовича. Всему этому он, разумеется, значения не предал: «Странно и глупо было бы ожидать другой реакции от всех них. Но кое-что действительно изменилось, теперь они все меня не просто опасаются, а откровенно боятся, и это скорее плюс».

Меня в этой связи вот, что интересует, какова, по вашему мнению, реальная цель назначения Шилова на должность руководителя аппарата правительства? Ведь таким образом, по сути, он становился главным аппаратчиком страны.

Это ты справедливо заметил. Но ведь как в стародавние времена говорили: «если не можешь победить врага – возглавь его». Вот Авдею Наумовичу, и нам вместе с ним, предоставилась такая возможность. А что касается резонов победившей группы, во главе с Управлением, то считаем, что они достаточно простые и прозрачные – создать более-менее здоровую оппозицию внутри правительства. Прежде всего, оппозицию тем же Лобову, Видову, Пирову, Ваксину, Беглову и иже с ними. Точнее, не создать, а назначить. Зачем? Да чтобы самим не тратить силы и время на противостояние с ними. Но не только поэтому. Не будем забывать, что Шилов всегда приносил и серьезную материальную пользу, это, очевидно, также учитывалось. В общем, в случае назначения

Наумовича, новая правящая группа кругом была в выигрыше, а это самый серьезный аргумент.

А какие назначения сделал сам Шилов?

Это-то как раз не секрет, тут все открыто, прозрачно и понятно. Меня он попросил стать официальным представителем правительства. Проще говоря, доверенным лицом правительства в коммуникациях с обществом, прежде всего со СМИ и общественными организациями. Это была новая должность в правительстве, уж не знаю, как Шилов ее протаскил, но факт остается фактом, должность появилась. Вадим Максимович возглавил ОАММ. Елена Федоровна была назначена главой структуры, которая по-старинке называлось секретариат правительства. На самом деле, это подразделение правительства занималось обработкой и распределением всей входящей и исходящей информации правительства. Собственно, это все назначения, которые сделал Авдей Наумович. Подозреваю, что других бы ему и не позволили, и это было частью закрытых договоренностей. Остальные должности в аппарате заняли представители всех властных групп в равных долях. «Кроме, как надсмотрщиков я их и не рассматриваю. И это даже хорошо, пусть лучше ничего не делают, чем делают во вред.», таким было его отношение к кадровому составу аппарата.

Понятно, что мы трое все его предложения о назначениях приняли. Тем более, что каждое из них было очень продуманным и взвешенным, и наилучшим образом отражало

возможности каждого из нас. Лично я, очень благодарна Авдею Наумовичу за то назначение. Вот и друзья-коллеги со мной солидарны. Но если Вы обратили внимание, то каждый из нас, в том числе и прежде всего Шилов, на новой должности стал некой «заслонкой» для правительства. Судите сами, Авдей Наумович стал заслонкой от политических рисков внутри правительства, так как его позиция предполагала и то, что он выступал в качестве некоего арбитра между всеми группами. Я стала заслонкой от лишней информации, причем в обе стороны. Вадим Максимович, возглавив ОАММ, автоматически подписался под тем, что станет заслонкой от дурачества низовых структур, как государства, так и госкорпораций. Ну а Матвей Сергеевич, вообще был отряжен на растерзание СМИ и общественников. Проще говоря, лично для меня, все было похоже на то, что нами заткнули пробелы, которые они сами заткнуть не могли, или не хотели, что вероятнее.

Я бы не стал использовать такую жесткую формулировку, как «на растерзание». Во-первых, я прекрасно понимал на что иду. Ну а во-вторых, материалы для все этих бесконечных пресс-релизов, брифингов, пресс-конференций и так далее, Авдей Наумович готовил вместе со мной, и всегда разделял ответственность за это. Так что, ощущения «один на один с толпой» у меня не возникало никогда. С другой стороны, думаю, что никто из нас на другое и рассчитывать не мог. Понятно ведь, что все «спокойные» должности были

предназначены для своих, а нам, по остаточному принципу, отошли те, которые предполагают фактор «первой жертвы». Лично для меня, это вполне нормально. Другой вопрос, что приходилось значительные силы тратить на борьбу с этим фактором, ну так это нам не привыкать, весь период работы с Шиловым мы находились в такой ситуации постоянно, и научились с этим справляться. Разумеется, были кое-какие нюансы, связанные с непосредственным нахождением в правительстве, читай в госаппарате, но и к этому мы достаточно быстро приспособились. Тут ведь еще надо понимать, кто являлся твоими непосредственными оппонентами. В моем случае это было бесчисленное множество пресс-секретарей, главных редакторов и все без исключения статистические службы. У Елены Федоровны это была все внутренняя, «кабинетная» бюрократия. Для Вадима Максимовича, очевидно, это были все ведомства, отвечающие за местные дела, плюс местные же подразделения госкорпораций. Вы спросите, а как же Управление, Лобов, Видом и остальные? Ну тут, не в обиду Вадиму, сказался фактор адресности, направленности и персонифицированности противостояния, проще говоря, вся эта группа оппонентов переключила свое внимание на аппарат правительства, непосредственно на Шилова.

Какие уж тут обиды? Я всю прекрасно понимаю и осознаю. Более того, тот факт, что вся эта братия существенно ослабила свое внимание к ОАММ, стал, очевидно, серьез-

ным подспорьем для повышения эффективности и продуктивности нашей деятельности. Банально, теперь мы направляли на нашу непосредственную деятельность не шестьдесят процентов времени и ресурсов, а все восемьдесят. Двадцать процентов по прежнему уходило на проволочки, бюрократию и обыкновенную лень. С сожалением вынужден констатировать, что по другому в нашей стране и быть не может, не знаю, что нужно сделать, чтобы любая организация все сто процентов всех своих ресурсов тратила исключительно для реализации своих целей и задач. Разумеется, если она действует в рамках правового поля.

Вы, в связи с новыми назначениями, ничего не упомянули про «ДВиК»?

А ничего координального с ним и не произошло, оно осталось в том же статусе и при тех же возможностях. Единственное, что попросил сделать Авдей Наумович, так это, чтобы не было прямых ассоциаций, связанных с ним, при упоминании движения. Во-первых потому, что он, пусть и формально, к «ДВиК» отношения и-так не имел. Во-вторых, любое его участие в движении очень сильно нервировало верхи. В общем, надо было сделать так, чтобы «ДВиК» был отдельно, а глава аппарата правительства отдельно. Сделали мы это достаточно жестко, согласовав все, разумеется, с Авдеем Наумовичем, Управлением и правительством. Мы выпустили следующее официальное заявление от движения: «В связи с тем, что двум и трем сопредседателей движения удалось по-

лучить значимые посты в новом составе правительства, с целью продвижения идей «ДВиК», считаем необходимым публично обозначить тот факт, что Елена Федоровна и Матвей Сергеевич отныне являются главными борцами со вседозволенностью чиновничьего аппарата. Также предыдущее руководство движения, а именно: господа, Лобов, Пиров, Беглый, Ваксин и Шилов, отныне считаются идейными противниками «ДВиК». В дальнейшем мы будем всячески способствовать недопущению появления таких личностей в наших рядах», как-то так. Согласен, заявление очень популистское, я бы даже сказал, словоблудное, но требуемых результатов оно позволило добиться: мы абстрагировали от движения Шилова; «погрозили пальчиком» Лобову и «троице»; придали политического веса своим должностям в правительстве.

Вадим, ты не упомянул не менее, а может быть и самое важное, ради чего это было сделано. Дело в том, что сразу же после того, как Авдей Наумович объявил нам новые назначения, он добавил еще кое-что существенное, примерно в следующем ключе: «И готовьтесь, сопредседатели «ДВиК», движению все-таки придется избираться, верхи требуют существенного обновления, как представительных, так и общественных органов. Придется вам и движению политизироваться, как я этого не хотел. Мне было сказано, что на создание новой политической силы у Администрации нет ни средств, ни времени, ни особого желания, поэтому решено было задействовать единственную серьезную организацию,

не занятую в избирательных процессах. Короче, будьте готовы, с Вами свяжутся. Считайте это платой за ваши новые должности». Если честно, лично я чего-то подобного и ожидал, ну не могли верхи удовлетвориться одним лишь непосредственным участием Шилова в их деятельности. Так-что я воспринял это спокойно, даже с пониманием. Думаю, и друзья-коллеги тоже. Вон кивают. В принципе, к любым выборам мы были всегда готовы, просто особой необходимости в них участвовать не было, хватало нашего влияния через ОАММ и программу, которое, надо сказать, было большим, чем у подбавляющего большинства общественных или представительных органов. Ну а когда тебя сверху буквально принуждают, да еще ты вынужден был дать им некоторые рычаги воздействия на тебя, тут уж лучше думать, как этим пользоваться в созидательных целях, чем бесцельно пытаться противодействовать.

Кроме того, нельзя сказать, что поле публичной политики не нуждалось в обновлении, напротив, оно давно уже требовало серьезного обновления, как кадрового, так и идейного. И лучше, чем «ДВиК», ресурса для этого просто не было, не зря же мы его так долго строили и развивали. Другой вопрос, какую роль ему отводили верхи. И вот этот фактор нам нужно было нивелировать. В остальном же, для того, чтобы «ДВиК» получило свое представительство в различных парламентах, или иных представительных органах, никаких противопоказаний мы не видели. Но до этого, с того момен-

та, был еще минимум год.

Ясно. В таком случае, можем мы вернуться к началу вашей деятельности в правительстве? Каким вам запомнилось его первое заседание?

Глава 35.

Технически, после указанных назначений, ни для одного из нас, кроме Шилова, заседание правительства не было первым, мы все до того, как начать работать с Авдеем Наумовичем, как раз и являлись частью правительственного аппарата, или Администрации, в случае с Матвеем Сергеевичем. Но, разумеется, статус, а самое главное опыт, были не сопоставимы. И принимали участие мы трое в заседаниях на равных с другими многочисленными службами и подразделениями правительства. Вообще, надо сказать, что в то время правительство было самым многочисленным органом исполнительной власти, одних министерств только было больше пятидесяти, не говоря уже о бесчисленных подразделениях. Не редко количество участников правительственных совещаний превышало количество участников генеральных госсоветов. Всему виной безудержное, бездумное стремление предыдущего главы к «узкой специализации». Понятное дело, что сам по себе подход достаточно разумный, но только в том случае, если его разумно же реализовывать, но в случае с формированием предыдущего состава казалось, что мини-

стерство формируется не под задачу, а под конкретного человека. Подозреваю, что так оно и было на самом деле. Чего уж говорить, когда помимо главного министерства развития малых земель, было еще министерство инфраструктуры малых земель и министерство экономики малых земель, при том, что сама программа, как ты помнишь, реализовывалась вообще четвертой стороной. В общем, правительство уже давно представляло из себя громоздкое нечто. Кстати, задача по формированию новой структуры правительства была одной из главных задач Авдея Наумовича, именно он возглавлял эту работу.

И говоря о первом заседании правительства с участием Шилова, он сразу же принялся эту задачу решать. Изначально планировалось, что первое заседание будет установочным, так сказать, ознакомительным, но Авдей Наумович решил ничего никуда не откладывать. Вот кратко, что на нем происходило, когда Шиллов получил свое время: «

Председатель: Следующий пункт повестки – формирование новой структуры кабинета. Прежде, чем передать слово Авдею Наумовичу, который за этот вопрос отвечает непосредственно, обращаю ваше внимание на то, что на данном заседании присутствуют только ключевые министры именно по причине того, что состав правительства еще в процессе формирования. Пожалуйста, Авдей Наумович.

Шиллов: Господин председатель, благодарю за введение! Очень хорошо, что Вы упомянули такое понятие, как «кдю-

чевые министерства», вот и у моего ведомства один из приоритетов является формирование такой структуры правительства, чтобы в нем не было не ключевых министерств. И для начала, считаю нужным обозначить следующие перекосы и действия в связи с ними. Первое – у нас какое-то запредельное количество сотрудников в правительстве, вне зависимости от количества министерств, такое количество не просто избыточно, оно просто деструктивно и вредно. Будем сокращать и существенно сокращать. Второе – такие ведомства, как министерство обороны, министерство внутренней безопасности, министерство внешних связей уже давно должны перестать зависеть от какой бы то ни было конъюнктуры, и им самим надо перестать быть конъюнктурными, а то иногда бывает, а от этого только вред. И третье – предлагаю внести одно существенное изменение в регламент: любой докладчик должен начинать свой доклад с созидательной части, а не с того сколько денег и на что ему нужно. Просто крайние заседания предыдущего правительства были похожи на откровенное попрошайничество. Более того, если ведомство не предлагает ничего созидательного, то и ни о каком финансировании из бюджета не может быть и речи. Принципиально, на данный момент, у меня все.

Председатель: Принимается как основной план деятельности аппарата правительства на ближайшее время. Надеюсь, критерии созидательности скоро появятся?

Шилов: Считайте уже есть.

Председатель: С интересом ознакомимся. Продолжаем далее по повестке.»

Не удивляйтесь, ожесточенных прений, споров и выпадов по поводу доклада Шилова не было по одной простой причине, никто не хотел себя ассоциировать с предыдущим правительством, даже те, кто в него входил. С этим же правительством новый президент хотел сделать как бы перезапуск исполнительной власти, которая окаменела в своей бюрократии, а Авдей Наумович должен был стать одним из главных катализаторов и двигателей этого процесса. Но и то, что новоявленный руководитель аппарата станет оппонентом для всех, никто без внимания не оставил тоже.

Говоря об этом заседании, нельзя не вспомнить и первый брифинг Матвея Сергеевича в качестве новоявленного официального представителя правительства. Матвей, поведай, пожалуйста, как у тебя прошло первое общение с информпоками.

На самом деле, лично для меня, самым запоминающимся стало то количество потоков и запросов, с которым пришлось иметь дело, раньше с таким объемом, даже близко, мне иметь дело не приходилось. И в тот момент я понял, почему верхи так легко отдали эту позицию Шилову, то бишь мне – возни много, а толку чуть. Что же касается самого популярного на тот момент запроса, то я бы его сформулировал следующим образом: «Правда ли, что новый глава аппарата правительства объявил войну бюрократии?» В общем, в

лучших традициях центральных информтоков: надо постоянно нагнетать, сгущать и противопоставлять, так получается наибольший охват. Что ж, я им это в вину не ставлю, интерес пользователей, есть интерес пользователь. Ответ же на этот вопрос помню, как сейчас: «Если чему-то ли кому-то правительство или любое его подразделение решит объявить войну, то так и будет сказано. И впредь призываю не искать и не создавать несуществующий контекст.» Дальше посыпались многочисленные попытки ввязать меня в дискуссию по этому поводу, с целью хоть здесь получить желаемое противостояние, но я лишь сослался на хартию СМИ, которые подавляющее большинство информпотоков сами разработали и сами утвердили. В общем, очевидное, дальнейшее пребывание в этой должности обещало мне очень веселую жизнь. На то и рассчитывал.

Но это все публично. А вот после этого заседания, в то время, как мы обсуждали и согласовывали наши следующие шаги, в том числе и со сделанными заявлениями, с Шиловым связался Лобов, и вот с каким разговором:

Лобов: Ты Авдей, все-таки упираешься в своем этом поведении? Ну, как знаешь, больше лечить тебя не буду. Я вот по какому поводу. Раз ты всерьез собираешься бороться с бюрократическими излишествами, даю тебе наводку, на правах старшего и более опытного товарища, присмотрелся бы ты к нашему социальному блоку, а-то ведь они легко могут новый социальный кризис сварганить...

Шилов: Евгений Генрихович, как бы Вам сказать? Извините, скажу прямо. Товарищам мы с Вами никогда не были, и вряд ли когда-нибудь станем. К кому, когда и как присмотреться я разберусь самостоятельно, или с помощью в этих трех людей. И чьим бы то ни было средством в политической в конъюнктурной возне я быть не собираюсь. Вы это прекрасно знаете, поэтому мне удивительно от Вас подобные вещи слышать.

Лобов: Ну-ну, знаю-знаю... Вот хотел проверить прибавилось у тебя мозгов или нет. Хотел мир и союз предложить. Но вижу, что ты стал еще более упертым и заносчивым. Помяни мое слово, сыграет это против тебя когда-нибудь, и жестко сыграет.

Шилов: И это все моя забота...»

Разумеется, Лобов был далеко не единственным, кто связывался с подобным «предложениями» и «наводками», просто Лобов высказал их наиболее показательно и прямо, так как давно знал Авдея Наумовича. И каждый из подобных разговоров Шилов заканчивал примерно таким же отказом. Только из «веселой троицы» никто не обратился, они до такой степени презирали Авдея Наумовича, что даже их природная конъюнктурность и беспринципность ее не перевешивала.

И это еще не раз проявится. Пока же нам предстояло до следующего заседания правительства, которое должно было состояться через неделю после первого заседания, решить

задачу по включению данных ОАММ в официальные данные правительства, а-то таковыми являлись только данные ведомств и научного сообщества, а они, как Вы понимаете, были весьма субъективные и предвзятые. Причем надо было сделать так, чтобы данные ОАММ именно противопоставлялись другим официальным данным, хоть бы только по территориям. В таком случае мы бы получили серьезное волнение в рядах правительства, и у нас появилась бы понятная картина того с чего начинать чистку госаппарата. Задача по включению данных ОАММ в официальные была достаточно сложной, мало того, что этому всячески противились бесконечная армия ведомств и Видов, по понятным причинам, так еще и Управление не горело желанием эти данные приравнять к официальным, считая их неким своим политическим преимуществом. Пришлось их убеждать в том, что они будут получать данные в текущем режиме с любым разворотом, а в правительство будут идти данные уже «причесанные» с соответствующим резюме, которое Управление могло бы редактировать.

При этом еще, как обычно, пришлось взять на себя все, что касается публичного лоббирования этих данных, так как Управление пользовалось и опиралось исключительно на данные выгодные для него. Но в этом нет ничего нового или противоестественного, а если взять во внимание то, что главной задачей Управления всегда являлась стабильность политической системы, то я бы сказала, что они по друго-

му действовать и не могли. В общем, данные ОАММ наконец-то были включены в перечень официальных альтернативных данных, но на ряду с множеством других данных, таких, как данные международных мониторинговых ИИ, которые стали основанием хотелки верхов по инвестиционному климату. Проще говоря, данные ОАММ могли просто на просто затеряться среди всего этого потока. И вот одной из моих основных задач на правительственной должности и было сделать так, чтобы наши данные не затерялись. А то, что их включили в соответствующий перечень стало очень хорошим подспорьем для этого. Кстати, нельзя сказать, что Авдей Наумович пользовался исключительно данными ОАММ в своих правительственных докладах, такого не было даже когда он возглавлял ОАММ, «Чем больше количество источников задействуешь, тем выше вероятность того, что ты приблизишься к объективности. По крайней мере, будешь чуть-чуть объективней других, а это может стать серьезным преимуществом. Надо только скрупулезно и грамотно выбирать источники информации», таковым был подход Шилова в работе с данными. Что же касается непосредственно его деятельности в правительстве, то при помощи всего имеющегося у него объема информации, он обличал большое количество чиновников и ведомств в том, что они не просто используют информацию исключительно в конъюнктурных целях, манипулируют данными или банально игнорируют то, что для них не выгодно, а вообще дошли до того, что откоро-

венно вредят.

И это он начал демонстрировать и обращать внимание сразу же на втором заседании правительства в новом составе. Это было то заседание, на котором новый состав правительства после выборов собрался в полном составе. На это заседании от каждого члена вновь сформированного правительства требовалось сделать тезисное программное заявление, в регламенте пять-семь минут. Всем, кроме Авдея Наумовича, как мы помним он свое программное заявление озвучил на первом заседании. И вот вкратце, как прошло то заседание: «

Председатель: Предлагаю череду докладов начать с социокультурного блока. Пожалуйста, старший министр общественных отношений.

Старший министр: Еще раз приветствую всех коллег. Приоритетами нашего ведомства, безусловно, является повышение качества жизни общества, укрепление общественных связей... (Дальше, в течение пяти минут был сплошной поток дежурных фраз и клише, без цифр и конкретики, в общем, в лучших традициях конъюнктурной бюрократии.)

Председатель: Вижу у Авдея Наумовича есть необходимость высказаться. Что же, не могу не предоставить слово председателю аппарата. Все остальные, пожалуйста, в рабочем порядке. У нас сегодня много докладчиков. Пожалуйста, господин Шилов.

Шилов: Благодарю, я коротко. Знаете сколько в ходе Ва-

шего так называемого программного заявления прозвучало цифр, параметров или показателей? Ровно ноль. Думал это есть в плане работы вашего ведомства, но нет, и там ничего подобного. В связи с этим, прошу отметить, что фактически общегосударственная программа общественного развития отсутствует.

Председатель: Примем во внимание Вашу оценку, Авдей Наумович. Нет-нет-нет, дискуссии не открываем, в рабочем порядке, лично с руководителем аппарата. Так, дальше у нас старший министр развития малых земель. Пожалуйста, господин Пиров.

Пиров: Я прошу прощения, для начала у меня вопрос, все доклады будут подвергаться огульной обструкции со стороны аппарата правительства?

Председатель: Только если они того будут заслуживать. Читайте положение об аппарате, они имеют все права и основания для этого. Давайте уже к сути. Еще раз говорю, все дискуссии в рабочем порядке.

Пиров: Конечно-конечно. Просто я прошу обратить внимание на то, что господин Шилов ранее руководил программами, которые сейчас находятся в ведении нашего министерства, и может иметь личную предвзятость.

Председатель: Господин Пиров, у Вас будет доклад или нет? Все это уже давно учтено. Ваша задача эффективно реализовывать задачи по развитию малых земель, а с вопросами предвзятости призваны заниматься другие ведомства.»

В общем, все оставшееся заседание, которое, кстати, длилось больше пяти часов, проходило в том же ключе – министры и руководители направлений планировали отделаться общими словами, чтобы потом не было спроса, а Авдей Наумович им на это указывал. Правда, надо сказать, что не все члены правительства вели себя в подобном ключе. У блока безопасности и блока, связанного с наукой, доклады были достаточно четкие. Другой вопрос, что за их докладами «не видно было людей», но на фоне других секций правительства, по этим двум было видно, что они знают и понимают что делают. Остальные же явно хотели действовать, как и предыдущие сорок лет – осваивать госсредства в свою пользу.

И вот с этим как раз и была одна из самых существенных проблем, дальше таким образом действовать было невозможно, и самые самые верхи этом прекрасно понимали. А формат управления необходимо было менять по многим причинам, например: сильно возросшая межгосударственная конкуренция, сильно раздутый госаппарат, возросшая требовательность населения к государству и многое другое. Казалось бы, сократи госаппарат, и все дела. Но нет, при таком подходе можно не только «ребенка вместе с водой выплеснуть», а сотворить такой коллапс, который может поставить под угрозу само существование государства. Тут нужен очень точный инструмент, вот Шилов таким инструментом и стал.

Ясно. Но, прежде, чем мы перейдем к ключевым событиям той вашей деятельности, не могли бы остановиться на моменте связанным с инаугурацией? Точнее на том, что делал Авдей Наумович в этот момент?

А, ты имеешь в виду то, что Шилов на инаугурации не присутствовал, и пока аппарат был парализован ее созерцанием, он провел тест «критичности отсутствия»? Или то, что центральные информпотоки раздули из этого демарш и саботаж со стороны Шилова? Впрочем, коснусь и того и другого момента. Начну с того, что все эти действия до мельчайших деталей были, разумеется, согласованы со всеми, с кем должны были быть согласованы. Более того, у правящей верхушки был прямой интерес в этом тесте, и когда Авдей Наумович озвучил им подобное предложение, они не просто согласились, они даже со своей стороны инициировали распоряжение об обязательном просмотре инаугурации всеми госслужащими. В чем же была уникальность и полезность данного теста, ведь можно справедливо заметить, например, что можно банально сравнить будние и выходные. Но нет, здесь был важен именно эффект короткого периода, когда происходит достаточно резкая остановка, а потом резкое возобновление. Ведь, помимо всего прочего, было еще важно понять насколько наша виртуальная инфраструктура готова к подобным катаклизмам, и каким образом она в относительно автономном режиме будет реагировать.

Что же касается реакции со стороны СМИ, то тут все про-

сто – Авдей Наумович уже успел стать одной из центральных медийных фигур от государства, поэтому его отсутствие на инаугурации было сразу же замечено. А что в такой ситуации делают большинство чисто коммерческих информпотоков? Правильно, раздувают из этого скандал, типа в правительстве уже наметился разлад, аппарат саботирует кабинет, и все в таком духе. У меня даже обработчик запросов из-за этого засбоил. И это все при том, что я также не был поставлен в известность по поводу этого теста, так как была необходима полнейшая конфиденциальность, в том числе и для проверки работы служб моего ведомства. В общем мне, как официальному представителю правительства, пришлось выкручиваться по-старинке, придумываю на ходу аргументированное заявление по этому поводу. И придумал я что-то вроде: «Инаугурация президента является событием и мероприятием, прежде всего, для народа и носит исключительно юридический и культурный характер. А у отдельных членов команды президента могут быть более актуальные и насущные задачи. Сам же президент не считает отсутствие на инаугурации главы аппарата правительства каким-то демаршем или, тем более, оскорблением.» Заключение того заявления я написал на свой страх и риск, так как совершенно не знал, как этому отнесся новоизбранный, и было ли это все согласованным. Впоследствии оказалось, что он вообще не обратил на это внимание, оно и понятно, был занят совершенно другими вопросами. Кста-

ти, когда по этому поводу спросили самого Шилова, то он сказал, что полностью солидарен с заявлением официально-го представителя, и у него действительно были более акту-альные задачи.

А на счет самой этой задачи, доподлинно нам известно вот что. До этого он получил ограничивающие протоколы – это специальные программы, которые позволяли перепоручить выполнение государственных процедур ИИ, в случае како-го-либо форса-мажора. И вот, когда весь без исключения госаппарат был занят созерцанием инаугурации, я с Авдеем Наумовичем запустили эти самые ограничивающие протоко-лы по всем правительственным ведомствам, а Вадим Макси-мович одновременно с этим запустил в ОАММ специальный алгоритм мониторинга, который, кстати, был разработан до-статочно давно, правда целью его разработки был монито-ринг деятельности научных и государственных корпораций. Все эти действия были проделаны в течение одного часа. И на сколько я знаю, никто даже не заметил, что на этот час были введены ограничивающие протоколы. Полученные же данные были собраны и направлены непосредственно Шило-ву, даже промежуточные и резервные данные по этому мони-торингу были автоматически уничтожены, видимо, это было обязательное условие для того, чтобы его провести. Мы до сих пор не знаем какие в точности данные были получены, и как они применялись и использовались впоследствии. Но после этого в госаппарате начались масштабные перестанов-

ки, реорганизации и сокращения.

А вы не могли бы предположить, какие все же были получены результаты мониторинга, и какова была конечная цель дальнейших изменений, с ним связанных?

Предполагать что-то, что требует конкретики, дело не просто не благодарное, а вполне бесполезное. Я лишь помню некоторые разделы финального отчета, например: скорость реагирования, длительность бюрократического процесса, стоимость бюрократического процесса, степень соответствия запрашиваемого и получаемого и тому подобное. В общем, исходя из этих параметров видно, что Шилова прежде всего интересовали два базовых фактора время и стоимость в отношении сопоставимых запросов. Видимо он хотел показать руководству, что возможно сократить и временные затраты, и денежные затраты, чтобы получить тот же результат. Короче, как обычно настаивал на персональной выгоде верхов, точнее их части. А правящую часть верхов это, в свою очередь, устроило. Вот и последовали соответствующие действия, направленные на оптимизацию государственного аппарата.

Вадим, ты правильно заметил, что это все было в пользу правящей части верхов. Но были и другие, прежде всего Лобов. Опять сложилась ситуация, при которой Шилову пришлось резко сократить ресурсы, возможности и влияние Евгения Генриховича, так как один из основных ударов массовой реорганизации приходился именно на его «блок» со-

циальных ведомств. Вместе с тем не меньше теряли и научные корпорации, то есть Видов, и госкорпорации в сфере услуг, то есть «веселая троица». Вообще, больше всего от этих преобразований выиграли предприятия социальной сферы и местный бизнес. Правящая же часть верхов, очевидно, получила еще большее влияние.

А что же конкретно реорганизовал Авдей Наумович?

Ну, вообще это описано, и находится в свободном доступе. Правда, в не совсем позитивном ключе, но все же. Лично я бы выделил следующие основные аспекты этих преобразований: оставление за общегосударственными ведомствами исключительно надзорно-координационных функций, а также функций по формированию концепта; передача для решения чиновниками только не шаблонных ситуаций, все остальное передается ИИ, обновляется ИИ на основании не типичных запросов и их решений; местные власти получают возможность анализа и оценки деятельности государственных властей. Как-то так, все остальное частности. В результате, это все привело к тому, что: четверть линейных чиновников было сокращено, расходы на содержание госаппарата были сокращены на девятнадцать процентов, скорость обработки запросов увеличилась на сорок один процент. При этом никакого коллапса не произошло, даже близко. Наоборот, бюрократическая машина начала работать гораздо более четко. Только прошу заметить, это я сейчас так все гладко рассказываю. На самом деле, заняло это у нас больше трех

лет бесконечных баталий. Показателен тот факт, что более половины ресурсов ОАММ были задействованы в решении только этой задачи, так-что это было то еще приключение.

Нисколько не сомневаюсь. И тем не менее достигнутое в результате этих преобразований ставят в заслугу не вам или Авдею Наумовичу, а исключительно тогдашнему председателю правительства.

Если честно, никто из нас на это внимания даже не обратил. Как выразился Шилов: «Если делать что-то, чтобы потом считать заслуги, по проще всего любую мелочь записывать себе в заслугу, то есть стать мелочным. Но это не наш случай». На самом деле, верхам лавры важнее, на то они и политики, нам гораздо важнее сам результат, а кому его приписывают нам абсолютно безразлично. Тем более мы все хорошо знаем расстояние от почета до порицания, не интересно. И да, наша деятельность в правительстве ограничивалась далеко не только решением этой конкретной, пусть и масштабной задачи. Фронт работы правительства достаточно широкий и всеобъемлющий, а мы, как это не покажется странным, были полноценными его участниками. Точнее Авдей Наумович был полноценным участником, а мы ему в этом всесторонне помогали. И вот это интересно.

Значит вы предлагаете сосредоточиться на том, каким Авдей Наумович был председателем аппарата правительства, а не на конкретных его действиях?

Почему же, если будет уместно, мы и о действиях упомя-

нем. Но, еще раз повторюсь, все действия общедоступны, и не важно с какой они оценкой и интерпретацией, действия есть действия. А вот то, каким нетипичным государственным деятелем был Авдей Наумович не отражено нигде, и поэтому является более актуальным и содержательным, с моей точки зрения. Ведь ради этого все это описание затевалось, и ради этого мы уже который час передаем наши нейроданные, да еще без всяких там эмоциональных подавителей или фильтров субъективности.

Глава 36.

Но нельзя не отметить, что после того, как первый раз была обозначена программа действий по реорганизации госаппарата на данных, полученных во время инаугурации, весь кабинет начал смотреть на Авдея Наумовича не просто косо, а с откровенным презрением. Оно и понятно – столько всего он им порушил этими преобразованиями. Правда и к этому Шилов отнесся очень спокойно: «Оно и к лучшему, не надо будет отфильтровывать лицемерие, изначально понятно отношение с их стороны. И потом, если такая реакция, значит есть шанс, что мы делаем все верно». А уж сама реакция проявилась на следующем же на заседании правительства, посвященному реорганизации госаппарата. Вот краткая его иллюстрация: «

Председатель: Предыдущие пару недель мы очень подробно знакомились с данными о деятельности наших министерств и ведомств, которые предоставил нам Авдей Наумо-

вич. На основании них была разработана и утверждена программа по структурным изменениям в органах государственной власти, она была предоставлена всем вам неделю назад, сегодня мы должны заслушать мнения по этому поводу. Чтобы это не превращалось в бесконечные дебаты, я попрошу от каждого ведомства по одному ключевому тезису. Все остальное в рабочем порядке, но сразу оговорюсь, все, что можно было учесть, уже учтено. Господин Шилов, есть что дополнить к вступлению?

Шилов: Только одно, в программе очень подробно приведены все возможные данные, как значительные, так и косвенные. Рассмотрены и переработаны они во всех возможных аспектах. Прошу в ваших тезисах ответить тем же, проще говоря, без популизма и лозунгов.

Председатель: Хорошее замечание. Приступим. Начнем, пожалуй, с господина Пирова, так как на его ведомство приходится наибольшее количество преобразований.

Пиров: Наше министерство относится резко отрицательно к подобному перечню предложений. А тезис простой – если вы не хотите допустить коллапса в сфере развития малых земель, то данную программу нужно в корне пересмотреть.

Шилов: Или пересмотреть программу развития малых земель...

Пиров: Вместе с полномочиями руководителя аппарата правительства...

Председатель: Коллеги, попрошу обойтись без пустых

препаратив, лишнее это. Но не могу не согласиться с Авдеем Наумовичем, самое простое сказать «мы не согласны и все», это походит на некий саботаж. И вообще, все ваши предложения относительно рассматриваемой программы сводятся, по сути, к одному – «делайте что угодно, только сохраните финансирование в полном объеме», этого нельзя не заметить. И тут действительно в пору задуматься, а не пересмотреть ли программу по развитию малых земель. И мы обязательно это сделаем, но на отдельном совещании. Это касается и всех остальных министерств. Впредь же прошу основывать ваши тезисы на конкретных данных и не заниматься демагогией.»

Дальше то заседание проходило по схеме: «– Мы не согласны. – Почему не согласны? – Просто не согласны.» Как правильно было замечено главой кабинета, у всех без исключения министерств главной и доминирующей задачей было сохранение прежнего объема финансирования, и для этой цели они готовы были придумывать что угодно, вплоть до установления мира во всем мире, но это не устраивало правящую часть верхов.

Кстати, у Вас, на основании наших рассказов о первых заседаниях правительства с нашим участием, наверное, сложилось впечатление, что председатель того правительства был нашим соратником и идейно близким человеком. Вынужден развенчать это впечатление, это категорически не так. Просто он хорошо понимал, что Шилов «отличный инструмент»

повышения продуктивности, что и нужно было для первых двух месяцев работы кабинета. Проще говоря, нужно было сразу де привести всю эту массу министров в тонус, и лучше Авдея Наумовича этого бы не сделал никто, поэтому в первые месяцы работы нам было столько позволено. В дальнейшем же Вы убедитесь, что первый министр для нас был всего лишь очередной высокопоставленный оппонент. Да и чего можно ожидать от бывшего руководителя штаба внутренних войск?

Собственно, все ключевые посты того правительства были заняты из выходцами внутренних и специальных служб. И это даже никак не скрывалось. Я даже больше скажу, логика, которая отражала настроение выборов, предшествовавших формированию того правительства, была примерно такой: «Пусть лучше государство возглавят спецслужбисты, чем государственные банкиры и коммерсанты, у первых хоть какое-то представление о государственности есть, а-то госбизнесмены вообще все государство по частям продадут.» Вот с таким настроением люди и голосовали. И такие, как «веселая тройца» остались в явном меньшинстве и загоне, хоть и при своих должностях, но с существенно урезанными возможностями. По сути, им было разрешено только заниматься коммерцией и приносить обязательную норму доходов в бюджет, к принятию решений они больше не допускались. Что же касается реальных статусов Лобова и Видова, то они остались прежними, да и полезны они были новой правя-

щей группе, как ни крути, держать под тотальным контролем свои сферы деятельности они умели хорошо, а именно это от них и нужно было. В принципе, это основное, что нужно знать о конфигурации управления страной того периода.

Да уж, и мы в центре всего этого, под постоянным перекрестным противостоянием. Доходило даже до того, что нам, точнее Авдею Наумовичу, приходилось примирять все эти группы, чтобы не выходило чего-то сверх деструктивного. А то ведь у них как бывает, сойдутся на мощном приступе тщеславия и гордыни, и ничего вокруг не замечают, а последствия расхлебывают граждане. В связи с этим вспоминается первое заседание того правительства, посвященное инвестиционному и деловому климату. Да, все та же знакомая большая тема, и все те же хотелки верхов. Основным докладчиком по этому вопросу был Беглый, ответственным за это направление был он. Не спрашивайте меня при чем тут Госресурсы, не отвечу, какая-то логика в этом назначении была, но мне она не известна. В общем, вот, вкратце, как проходило то заседание: «

Беглый: ... Мы считаем, что главными направлениями в работе по улучшению инвестиционного и делового климата должны стать: ускорение темпов оборачиваемости всех видов ресурсов, снижение налогового бремени на экспортно-ориентированные предприятия, создание особых налоговых режимов для иностранных инвесторов...

Председатель: Здесь я вынужден Вас перебить. Почему вы

считаете, что нужно кому-то создавать какие-либо особые условия? Что-то в последнее время прямо мода пошла на инициативы по созданию особых условий. У нас конкурентный рынок или как? Не лучше ли подумать о единых долгосрочных правилах игры для всех, но чтобы эти правила неукоснительно соблюдались всеми? Авдей Наумович, Вы же в свое время занимались данной темой, что Ваш опыт по этому поводу говорит сейчас?

Шилов: Для начала, ответу на Ваш вопрос относительно конкурентности рынка: к сожалению, ответ – или как. Вынужден констатировать, что для государственного бизнеса, в отличие от остальных участников рынка, созданы не просто комфортные, а прямо-таки тепличные условия. Об этом красноречиво говорит тот факт, что последние пять лет у нас прирастает только сектор госбизнеса, все остальные либо в нулях, либо в минусах, вот вам и климат. Что же касается моего опыта и видения...

Беглый: Авдей Наумович, знаем мы Ваш опыт, а самое главное результат – вся Ваша деятельность в этом направлении завершилась грандиозным скандалом...

Председатель: Господин Беглый, ведите себя в соответствии с регламентом, не позволительно перебивать ответ на вопрос председателя правительства. Не забывайте, это правительство а не дискуссионная панель. Оценки деятельности господина Шилова уже давно даны, в Ваших комментариях по этому поводу мы не нуждаемся. Тем более, в чем Ав-

дей Наумович наврал? У нас с инвестклиматом все в порядке? И конкретных предложений мы действительно не услышали, только намерения, но на одних намерениях далеко не уедешь. Есть у Вас что-то более конкретное?

Беглый: Видите ли, для реализации этой программы у нас очень мало ресурсов...

Председатель: Мы от Вас только и слышим, что у вас ресурсов не хватает. Странно это слышать от главы Госресурсов. Кстати, возвращаясь к Авдею Наумовичу, он ведь как-то справлялся с гораздо более меньшим объемом ресурсов, у него как-то получалось.

Беглый: Одно дело создавать инвестиционный климат, другое подгонять показатели под стандарты.

Председатель: Может оно и так, только у нас в результате его действий появились и центры досуга, и соответствующая инфраструктура, и показатели в этой сфере улучшались. А когда это было передано вам, кроме застоя ничего и нет.

Беглый: Может тогда передадим эту программу вновь на исполнение Авдею Наумовичу, с чисто символическим финансированием...

Председатель: Не умничайте там, где не надо. У главы аппарата правительства свои задачи, без Вас решим что и кому передавать в исполнение. А то, что вам нужно внимательнее отнестись к его опыту в этом отношении, так это очевидно, и сделать это надо было давно, тогда бы и результаты появились. И впредь, предлагаю не считать ограниченность фи-

нансирования достаточным основанием для отсутствия результатов. Авдей Наумович, внесите это в общий регламент. А Вы, господин Беглый, подготовьте к следующему заседанию нормальную программу действий, а не набор деклараций.

Беглый: До этого...

Шилов: Господин первый министр, позвольте дополнить. Господин Беглый, обращаю Ваше внимание, что у Госресурсов есть такие активы, как банк развития, государственный технологический фонд, фонд инфраструктурных преобразований и тому подобное. Все это может быть, и должно быть использовано для реализации задачи по улучшению инвестиционного климата. А что касается регламента, то замечания и поручения председателя правительства всегда должны быть в приоритете. Извините, господин Беглый, перебил, Вы что-то хотели сказать?

Беглый: Будет выполнено.»

И подобных заседаний было множество. Не то, чтобы Авдей Наумович кому-то в чем-то потакал или занимал чью-то сторону, нет, как раз наоборот. Но, превращать заседания правительства в место сведения счетов было просто недопустимо, для этого вполне достаточно кулуарной возни, на которую и-так уходило две трети времени и усилий аппаратчиков. «Надо сделать хотя бы заседания правительства мероприятиями в интересах граждан, пусть не полностью, но в какой-то мере. А-то если все сведется к противостоянию

субъективных корыстных амбиций пролезших в верхи, то нас просто разобьют на мелкие кусочки и растащат внешние силы.»», так формулировал свою «миссию» в правительстве сам Шилов.

Справедливости ради надо отметить, что и правящая часть верхов это понимала. Я даже неоднократно слышала фразы типа: «Если совсем ничего не делать для народа, то народ с нами что-нибудь сделает. И явно не позитивное для нас.» Правда на практике это выливалось лишь в некоторые поправки, формальные послабления и постоянное наращивание наступательного военного потенциала. И, как ни странно, этого вполне хватало, пока не произошла крайняя культурная революция, у истоков которой мы и стояли, и которая была запущена аккурат перед назначением Шилова в правительство. Но до этого мы еще дойдем. Пока же мы сосредоточились на оптимизации и реорганизации всех правительственных структур и ведомств, как уж отмечалось, это было нашим главным поручением. И опять же нельзя не отметить, что просто неоценимым подспорьем в этом для нас была ОАММ. У меня даже иногда складывалось впечатление, что Авдей Наумович каким-то образом предвидел вариант своего участия в делах правительства, на столько складно и логично работала ОАММ, особенно в связке с «ДВиК», которое одну из своих основных функций – отвлечения избыточной политической энергии от практических процессов, выполняло практически идеально. Чего нельзя сказать обо

всем остальном. Не правящая часть верхов во главе с Лобовым считала все действия Авдея Наумовича «его крестовым походом против аппарата, и мезтью за его предыдущие преследования». Видов вообще считал, что главная цель Шилова составить ему конкуренцию по всем направлениям. Самое смешное, что сам Шилон видел что в одном, что в другом лишь один из центров противодействия, ничего целенаправленного против них он не делал никогда, поверьте мне на слово, я лично видела все его разработки и планы. На практике это означало только одно, что действовать против них он начинал тогда, когда они явно действовали против него. А поскольку это происходило регулярно, у Лобова с Видовым и сложилось впечатление, будто у Авдея Наумовича действия против них в приоритете.

Да уж, и самое печальное, что в обратном их убедить было нельзя, ведь политик, особенно высокопоставленный политик, это отдельный тип личности, он во всех видит врагов, таково его мышление. Вот и представьте себе положение Шилова – предприниматель среди сплошных агрессивных политиков, как-будто в клетке с голодными хищниками. Но аллегории аллегориями, а то, что будет именно так, было понятно изначально. Я это все к чему, а к тому, что единственным вариантом для решения своих первичных задач в качестве руководителя аппарата правительства, Шилон видел в том, чтобы направить всю эту политическую агрессию хоть на какое-то созидание. И чтобы это реализовать бы-

ло два базовых варианта, либо создать условия, при которых они бы только и занимались выяснением отношений друг с другом и вообще не обращали никакого внимания на общество, либо выжать из их вечного противостояния ради противостояния хоть какой-то позитив для населения. Решено было идти по второму варианту, так как замкнуть всю политическую систему на саму себя означало бы лишит ь аполитичную часть государства, а это минимум девяносто процентов граждан, минимум восьмидесяти процентов ресурсов. Для нас это было недопустимо, слишком уж высокая цена за вытеснение политики оттуда, где она вообще не нужна.

Я правильно понимаю, что второй сценарий как раз и означал реализацию знаменитого метода «перевода политических усилий в практическое русло»?

Именно, так и есть. Правда, сама суть метода, по обыкновению, была искажена главным государственным оператором баз данных. Но, другого и не стоило ожидать. Они этот метод представили, как некую технологию выжимания материальных выгод из формализации политических заявлений, хотя, на самом деле все политики владели этой «технологией» за многие века до нас. Собственно она и стала знаменитым, в негативном свете, благодаря тому, что в один не очень прекрасный момент всех подряд начали уличать в ее применении. Разумеется, с подачи центральных информ-потоков. Наш же метод заключался в следующем: выделить рациональное зерно из политического популизма, а как ни

странно, его там можно было отыскать; составить из рациональной части программу действий; убедить конкретных политиков, что это именно они авторы этих программ; сделать их формальными лидерами этих программ; проконтролировать, чтобы все лавры от программ доставались им; планомерно реализовывать программы в пользу граждан. В принципе, ничего нового – старое недоброе удовлетворение потребности в самоутверждении, но с уклоном в реализацию практических государственных задач. И этот метод работал, и работал он по одной простой причине – мы предоставляли политикам «дешевый» политический капитал, пожалуй, самый дешевый на тот момент. А как уж конвертировать политический капитал в реальный, они сами прекрасно знают. В общем, по сути наша публичная задача сводилась только к тому, чтобы отыскивать, скажем так, не совсем законченных политиканов; настраивать их на «педалирование» рационального; заверять их в своей поддержке. Дальше дело оставалось за малым, разработать мероприятия под это рациональное, вручить их проводнику в лице этого конкретного политика, и реализовывать эти мероприятия.

Вообще, надо сказать, что до поры до времени, данная конструкция работала очень стабильно, на удивление. Нам в политику можно было не лезть, и она не лезла к нам. Просто из-за того, что аппаратчикам, помимо разборок между собой, приходилось теперь еще разбираться с фактором «основательности политических заявлений», у них просто не

оставалось времени на нас. Мы же, в свою очередь, получали сравнительно легкий путь для реализации наших планов. Например, таким образом были реализованы такие вещи, как: поощрение за самостоятельное и ответственное воспитание детей; добровольное снижение объема мусора; поощрение за занятие физической культурой и многое другое, чего при предыдущем правительстве нельзя было и представить. И что самое удивительное, средств на все это понадобилось не так уж и много, особенно в сравнении с полученным позитивным эффектом. Нет, конечно пришлось «тряхнуть» госкорпорации с Госресурсами, но для них это была такая мелочь, что нормальный управленец счел бы это за благо. Правда, мы же понимаем, каких качеств были руководители всех этих структур, так-что от них в отношении себя мы получили только настрой на месть. В принципе, на другое мы и не надеялись. И да, конечно не думайте, что верхи и Управление не понимали, что мы делаем, для них все наши действия были понятны и прозрачны, как и нам самим. Но, поскольку вся наша деятельность давала позитивный эффект и для них, а именно социальную стабилизацию, то они и не вмешивались. Причем подчеркиваю, не вмешивались, то есть они не мешали, но и никак не помогали. Впрочем, для нас уже это было большим благом.

Ага, значит, по сути, вы продолжали ту деятельность, которую начали перед тем, как Авдей Наумович был назначен руководителем аппарата правительства?

Разумеется. «Последовательность – одна из главных благодетелей, если это касается созидания», так говорил сам Шилов, и этого он придерживался. И мы не видели причин как-то менять наши цели и задачи в связи с новыми назначениями. Да, конечно, добавилось огромное количество аппаратных функций, особенно в части недопущения опасных конфликтов между правительственными структурами и ведомствами, а также постоянное направление их деятельности в русло, нужное правящей группе верхов. Но, на практике это оказалось не так уж сложно, особенно, когда рассматриваешь подобные вопросы не с политической, а с технологической точки зрения. В конечном итоге, реализация этих задач сводилась к следующему: данные мониторинга от ОАММ с пометками Шилова передаются в Управление и первому министру; на основании них делаются соответствующие поручения и распоряжения; Авдей Наумович рассказывает и разъясняет, как реализовывать эти поручения тем, кому они предназначены. Как Вы понимаете, самым сложным было именно разъяснение, тут опять сказывалась соответствующая натура аппаратчиков. Но и тут мы нашли подход, воспользовались одним из их методов, который заключался в том, что я, как официальный представитель правительства, мог, при желании, выставить кого угодно в нелицеприятном свете. Вот мы и доводили до сведения каждого, кого это касалось, что в случае некорректной деятельности и исполнения предписаний, у меня будут все основания сооб-

щить об этом во всеуслышание, и председатель правительства это только одобрит. И действовал этот подход безотказно.

Да, вот только на качество исполнения это никак не влияло. Что, впрочем, и не удивительно – все делают то, что умеют, и как умеют. Но самое главное, что конфликтов удавалось избегать, а правительственные функции хоть как-то, но исполнялись. Если бы не постоянные пакости со стороны «троицы», Лобова и Видова, которые были уже привычны, но от этого не ставшие более простыми в разрешении, то можно сказать, что на какое-то время в нашей работе в правительств наступила идиллия. Продолжалась она правда, как уже было отмечено, не долго – до того момента, пока народ не начал выдвигать новые требования, и дополнительно «нагружать» аппарат. Произошло это, не по тупой причине «чем больше имеешь, тем больше хочется», а из-за того, что у достаточно большой массы людей возникла необходимость, скажем так, «быть причастным к тому, что происходит вокруг». Это была новая конфигурация социального сознания, возникшая по причине того, что всем прежним «предложением» общество уже было перенасыщено, и ему требовались новые образы жизни. Проще говоря, поменялось мировоззрение, поменялись и необходимости с потребностями. И вот к этому уже никто не был готов.

Плюс не надо забывать, что аппаратчики в своей массе, около восьмидесяти процентов времени посвящали не тому,

чтобы исполнять свои обязанности и инструкции, а решением своих личных вопросов, точнее, решением задач, которыми они сами считали нужными. Как правило это были задачи либо связанные с карьеризмом, либо с личным обогащением, но чаще всего одно шло вместе с другим. Да, деятельность Шилова в правительстве, а до этого в ОАММ, несколько улучшило ситуацию, что как раз и позволило несколько «разгрести» ситуацию на местах, и сдвинуть с мертвой точки решение локальных вопросов, но это привело к появлению очень неприятного побочного эффекта. Дело в том, что когда местный, низовой уровень начал реализовывать свои непосредственные обязанности с гораздо большими усилиями, аппаратчики более высоких уровней, ожидаемо, записывали эти «свершения» себе в заслуги, при этом продолжая заниматься, в основном, своими вопросами, либо решением вопросов в пользу вышестоящих уровней. А это, в свою очередь, привело к укреплению позиций промежуточных звеньев. В результате, как не трудно догадаться, промежуточное звено госаппарата стало больше наглеть и проявлять большее рвение в реализации своих амбиций. Не буду вдаваться в мелочи, думаю это не уместно. В общем, в конечном итоге, сложилась ситуация, когда функционировала только «низовая» часть государства, все остальные были заняты разборками между собой. Фактически, назревал системный коллапс, если ту структуру можно назвать системой. И это стало очевидно, не только Управлению и верхам, а вообще всем

аппаратчикам.

Да уж, мне, в связи с этим, вспоминается короткий разговор Шилова с Любовым. Для него Любов пришел к Авдею Наумовичу лично, чтобы позлорадствовать и увидеть реакцию. Вот в чем было злорадство: «

Шилов: Евгений Генрихович, чем обязан личному визиту? Никак, мне следует готовиться к отбыванию?

Лобов: Понадобиться, отбудешь. Особенно после таких твоих выкрутасов. Что я тебе еще с десятков лет назад говорил? Нынешняя система складывалась веками и естественным образом. А тебе что-то в голову твою дурную шибануло, что ее менять надо. Кому все эти изменения сдались? Человек животное стадное лишь для того, чтобы за счет стада удовлетворять свой эгоцентризм. А ты что придумал? Действия в интересах целого – это утопия. И нынешняя ситуация только лишней и очень убедительный тому пример. И что ты со всем этим будешь делать? А ведь делать придется именно тебе, и по должности и из-за того, что ты причина ее возникновения, это уже всем очевидно. И я далеко не первый, кто к тебе вот так придет, и будет тебя в это тыкать. И вы тоже хороши. Ведь у каждого из вас был опыт работы в государственной системе, с какого перепугу вы поверили в возможность существования того, что нарисовал вам этот припадочный.

Шилов: Господин Любов, у Вас есть что сказать по существу, или только оскорбления? Если нет, то прошу покинуть

кабинет, и не мешать работе.

Лобов: Да уж, Авдей, ты все также ерепенишься. Ладно, я тебя, по старой памяти, предупредить пришел...»

И действительно, хождений к Авдею Наумовичу по поводу сложившейся ситуации было приличное количество. Казалось, приходили все, от первого министра, до руководителя какой-нибудь мелкой общественной организации. И все требовали разрешения ситуации. Думаю, именно тогда в нем и произошла окончательная смена поведения и восприятия происходящего.

Глава 37.

И когда вы начали замечать изменения в поведении Авдея Наумовича?

Мы уже говорили, что, в принципе, каждый тяжелый «пропущенный» удар делал его злее и более нервным. Тут ведь как, каким бы уровнем самоконтроля и самообладания ты не обладал, а у Шиловва они были на высочайшем уровне, против природы не попрешь – мозг реагирует на все это защитной реакцией в виде агрессии или просто раздражительности. Оно и понятно, так как «толстокожесть» таких, как Лобов или любого из «троицы» объясняется их пофигизмом и преследованием исключительно личных, шкурных интересов. Разумеется, мы и Авдей Наумович уже давно усвоили и приняли роль «вечных крайних», причем по любому поводу, но когда каждый раз это выливается в откровенное

длительное измывательство, да еще из-за бестолковости какой-нибудь аппаратной мелочи, то это не просто раздражает и злит, а заставляет соответствующим образом реагировать на все это. Вот Наумович и реагировал, сначала игнорированием, потом противодействием, и в конце концов риторикой, жесткими выражениями, и даже, порой, очень жестокими публичными выпадами. Сам он это оценивал так: «Подобное поведение и действия нисколько не делают мне чести. Да и воспринимаюсь я после всего этого далеко не в позитивном ключе. И даже принцип «они по-другому не понимают» нисколько меня не оправдывает. Но идти другими путями у меня больше нет ни силы, ни времени, ни средств. Так-что прошу с пониманием принять эти изменения в моем поведении и действия.» И мы, конечно же, приняли.

Правда, в этот раз повышение уровня агрессии с его стороны было каким-то особенно резким. До этого все проходило гораздо более плавно. Это изменение было настолько явным, что весь кабинет министров примолк на одном из своих заседаний, не зная как реагировать. Сейчас попробую вспомнить, что же там происходило: «

Председатель: Господа, у нас складывается неприятная ситуация, связанная с работой наших структур и ведомств на местах. В связи с этим и было созвано данное внеочередное заседание правительства. Ответственность за это, понятное дело, лежит на руководителе аппарата правительства, ему и отвечать. Пожалуйста Авдей Наумович, что Вы имеете ска-

зать по этому поводу?

Шилов: Вам по сути или для прессы?

Председатель: Авдей Наумович, давайте без инсинуаций и ответов вопросом на вопрос.

Шилов: Так, собственно, вопроса-то и не было. Если по повестке, то тут все достаточно просто – можно, конечно обвинить во всем меня и моих людей, как это было неоднократно. Как это поможет разрешению проблемы? Могу сказать только одно, все мои указания и предложения, внесенные после большого мониторинга во время инаугурации, до сих пор актуальны. Точнее еще больше актуальны, в свете сложившейся ситуации. Да и вообще, все они сводятся к одной простой вещи – если государственный аппарат и дальше будут продолжать действовать исключительно в своих интересах, то от него проще избавиться, чем что-то менять.

Председатель: Авдей Наумович, ну зачем Вы уподобляетесь и цитируете вредительские лозунги отдельных политиков?

Шилов: Ни чьи лозунги я не цитирую. Я озвучиваю лишь данные. Конечно, можно сказать, что это всего лишь моя интерпретация, и вы так и скажете. Но на ситуацию это никак не повлияет. А ситуация в том, что большая часть чиновников лишь ходит за зарплатой и тупо исполняет поручения сверху, а остальная, более амбициозная, часть занимается исключительно карьеризмом и грызней между собой. И это все приняло такие масштабы, что даже очень немно-

численная группа созидателей в аппарате, вообще незаметна. Только вы за всем этим не заметили один момент – запросы и требования населения поменялись, ему уже не достаточно того, что предлагаете вы, а именно обслуживания ваших амбиций. Народ уже давно хочет быть самостоятельным в вопросах мировоззрения, кругозора и образа жизни. Ему уже не достаточно четырех-пяти вариантов жизненного пути, которые вы предлагаете. Проще говоря, население активно взялось за реализацию и требование своих прав, а бюрократическая машина с этим просто-напросто не справилась, и справиться не могла. Вот вам и возникшая ситуация.

Председатель: Вы правы, это всего ишь Ваша интерпретация. А конкретика какая-то будет?

Шилов: Пожалуйста, уже неоднократно на это обращал внимание, давайте сделаем обязательным посвящение хотя бы четверти времени и усилий выполнению своих непосредственных обязанностей со стороны госаппарата, и возникшая проблема снимется. Или есть другой вариант, уволить половину всех чиновников, а их функции передать на саморегулирование посредством новой инфраструктуры персональных ИИ. И тот, и другой вариант более, чем рабочий. И по тому, и другому варианту есть подробные планы реализации.

Председатель: Ну то, что у Вас есть планы, никто не сомневается. Только одних планов не достаточно, надо бы их еще и реализовывать. Я так понимаю, Вы этим заниматься

не собираетесь?

Шилов: Мда, по-Вашему получается предыдущие пятнадцать лет я только и делал, что рисовал планы, без всякой реализации. Принял к сведению...»

Дальше был объявлен перерыв до следующей недели, якобы для подготовки более проработанных решений и предложений. Но самом деле всем нужно было отойти и переварить пламенное выступление Авдея Наумовича. А самое главное, каждому из участников того заседания, и не только им, а всем более-менее «статусным» чиновникам, нужно было понимать, как действовать. Ведь запросы и требования населения, действительно, существенно поменялись, и не реагировать на это было нельзя.

Причем, как ни странно, практически все аппаратчики рассудили верно, проблема с изменившимися требованиями граждан была приоритетной, с Шиловым разобраться можно было позже, а у нас, и у Авдея Наумовича прежде всего, уже тогда не было ни малейших иллюзий и сомнений, что будут очень серьезные последствия в связи с новым «стилем поведения» Шилова. Но это позже. Пока же, и я не побоюсь этой характеристики, у нас был особый статус, так как мы были чуть ли не единственные, кто знал, что делать в сложившейся ситуации. В связи с этим было собрано закрытое совещание самых влиятельных с участием Авдея Наумовича, чтобы тот озвучил конкретные меры, которые он предлагал. Нас на том мероприятии, естественно, не было, поэтому поведать о

его содержания мы не можем. Достоверно можем утверждать только одно, после него Шилов стал самым мрачным человеком, которого мы когда-либо встречали. И как оказалось впоследствии, было от чего помрачнеть. Сразу же стало очевидным, что ему поручили возглавить, читайте единолично взяться, за разрешение возникшей предкризисной ситуации. Но это-то как раз сюрпризом не было, а все мерзость поручения, как мы поняли, заключалась в том, чтобы не госаппарат перенастроить, а народ уговорить. И, очевидно, если бы Авдей Наумович с этим не справился, то последствия были бы очень печальными. В общем, помрачнеешь тут.

А уж первое установочное совещание по этому поводу, Шилов проводил вообще в похоронном тоне. При этом, всегда сдержанный в выражениях и характеристиках, на этот раз он себя ничем не ограничивал, и характеризовал все, как есть. Впрочем, вот, примерно, в каком ключе проходила та установка: «

Шилов: Значит так, друзья-коллеги, опять нас сделали крайними, но это уже привычно. Непривычно другое, если раньше за то, что мы вечно крайние, мы имели все основания и возможности действовать согласно нашей логике и восприятия, то теперь мы должны встроиться в их логику, которую они лицемерно называют «общегосударственной», при том, что мы по-прежнему будем крайними. Это, по меньшей мере, вселенская наглость. И что они от нас, по сути, просят. Во-первых, в отношении аппаратчиков ограничится тем, что

было согласовано после инаугурации, то есть не делать ничего, так как все согласованное уже сделано, а это пшик. Во-вторых, полностью подчинить ОАММ нуждам Управления, то есть сделать его структурным подразделением. Ну и в-третьих, вот где самое хамство, провести «ДВиК» в представительные органы всех уровней, сделать ее главной законотворческой силой, собрать на нее всю возникшую активность и сознательность граждан, а том сказать «извините, ничего не получилось, действующая система власти гораздо более эффективна». Проще говоря, меня попросили совершить публичное социальное самоубийство. Получается, что нынешняя правящая группа верхов не просто оторвалась от действительности, а она ее просто не видит. Какие будут мысли по этому поводу?

Я: Правильно ли понял, что это ультиматум, который заключается в том, что либо действуем так, как им надо, либо нас закрывают в исправительных заведениях?

Шилов: Не совсем. Никто из нас политически значимых фигур делать не собирается, поэтому делать из нас политзаключенных не будут. А вот лишить нас всего, то есть буквально сделать нищими во всех отношениях, это они могут, и с удовольствием сделают. Но, подобный риск был, есть и будет всегда. С моей точки зрения, главный наш выбор в другом – либо мы тихо мирно уходим, разумеется, с популистскими обвинениями нас в чем только можно, либо мы находим некий компромисс между нашими убеждениями и ви-

дением и их хотелками. При всем при этом, текущих задач, как водиться, с нас никто не снимал. Вот я вас и спрашиваю, в каком направлении предлагаете двигаться?

Елена Федоровна: А что, собственно, поменялось-то? Мы и так большую часть нашей профессиональной деятельности находимся в состоянии постоянного компромисса со всем, с чем только можно. Только сейчас нас обязали показать свою лояльность действующему режиму, пусть и формально. Почему бы этого не сделать? Нам ведь неважен политический контекст. И потом, субъективно, я считаю, что пожертвовать общегосударственными задачами ради налаживания нормального функционирования на местах, размен вполне равноценный.

Шилов: В том-то и дело, что никакого размена не будет, так как они просто не дадут его осуществить, банально тем, что завалят нас по самую макушку своими вопросами, да так, что головы нельзя будет поднять. Проще говоря, они нас затаскивают в свою парадигму, когда чиновник занимается всем чем угодно, кроме выполнения своих непосредственных обязанностей. Короче, старое недоброе – за что боролись, на то и напоролись.

Матвей Сергеевич: Но ведь, при всем при этом, хоть на какие-то запросы общества надо отвечать, каким бы инертным оно не было, снести режим оно все еще может. Кто же созданием будет заниматься? Кроме нас-то, по большому счету, некому, я имею в виду на государственном уровне. Видов?

Но он все делает исключительно в пользу науки, некие блага обществу от этого перепадают в качестве побочных эффектов. Как наверху собираются решать вопрос с созидательным моментом, я не представляю.

Шилов: Матвей Сергеевич, то есть ты говоришь, что «без нас им никуда»?

Матвей Сергеевич: Я говорю, что они не ведают, что творят. Впрочем, как обычно. А значит для нас варианты остаются. Например, тот же самый независимый капитал, который, кстати, существенно подрос. Или новые общественные движения, возникающие на волне подъема общественной сознательности. Власть опасается, что ее станет меньше, причем во всех смыслах, оно и понятно. Ну а мы-то здесь причем?

Я: А при том, Матвей, что нас могут вообще стереть, в переносном смысле, как одни, так и другие. У меня, конечно, нет иллюзий и амбиций по этому поводу, но согласись, как минимум обидно, если все твои усилия пойдут прахом.

Шилов: Так, мы что-то в философствования ударились. Давайте ближе к конкретике. На сегодняшний день я вижу следующие решения: передаем ОАММ Управлению исключительно в виде программно-аппаратного комплекса, своих людей «отцепляем», пускай своих аппаратчиков туда направляют, у них их несчетное количество; Вадим Максимович, полностью переключайся на все выборные дела, будешь реальным лидером «ДВиК»; Матвей Сергеевич, официаль-

ные заявления делаешь только фактологические, проще говоря, изображаешь энциклопедию, пускай сами разбираются с информпотоками; Елена Федоровна, фильтры с информации сними для всех, кроме нас, оставь только компоновку и пакетирование, пускай сами все прочесывают; и заключительное, я перехожу снова в режим работы на местах. Всем все ясно? Тогда делаем, и ждем реакции...»

То есть с этой установки вы перестали иметь отношение к ОАММ, стали явными оппозиционерами всем верхам, да еще устроили небольшой саботаж?

Примерно так. Бесшабашно, да? Понимаю, это очень не похоже ни на нас, ни, тем более, на Авдея Наумовича. Но могу точно сказать, что эти решения не были эмоциональными. Нет, конечно, эмоции присутствовали, причем больше, чем обычно, но не было их преобладания. Да и в целом, если опираться исключительно на факты, то ОАММ и так была инструментом Управления, так как у нас была самостоятельность только в отношении низов; что касается оппозиционности, то мы всегда, волей или неволей, противопоставляли себя всему аппарату, включая верхи; а саботаж с нашей стороны уже давно назревал, нельзя же быть все время молчаливой скотиной, надо иногда и огрызаться, иначе тебя просто тихо перемолотят и не заметят. Правда, справедливости ради, надо заметить, что от наших огрызаний толку чуть, да и этим все не по чем, тем не менее, считаться с нами мы заставили всех, пусть и на непродолжительное время.

И я, исследуя биографию Авдея Наумовича, обратил на это внимание. Фактически, на какое-то время, вы стали главной исполнительной силой в государстве. Можно на этом чуть подробнее остановиться?

Разумеется. Но для начала, давайте все же закончим с нашим, так называемым, «демаршем». Который, как ты понял, принципиально, сводился к трем простым вещам: исключительно формальное исполнение обязанностей, поддержание и развитие активности на местах, придание серьезного политического веса «ДВиК». На счет последнего, у движения и так был очень приличный политический капитал и потенциал, просто он никогда не использовался. Во всяком случае, он не использовался, как рычаг давления или инструмент. Но, если «ДВиК» официально выдвигал какой-либо аргумент или контраргумент, то, как правило, его не мог оспорить никто. Фактически, основу политического капитала движения и составлял набор этих аргументов, из которых, впоследствии, мы собрали очень крепкую избирательную программу. Причем, что характерно, в этой программе не было ни одного лозунга. Я уж не говорю о том, что у политических партий и других объединений уже давно даже лозунгов не было, одни слоганы. Впрочем, чего можно хотеть от структур, которые в гораздо большей степени являются коммерческими, чем политическими. Сейчас не об этом. Я все это к тому, что как мы не дистанцировали «ДВиК» от политики, все равно пришлось движение делать политиче-

ским. Но, как выразился Шилов: «Если и делать его политическим, то политика должна быть исключительно практической. А это значит, что любое политическое действие должно приводить к конкретному осязаемому результату. Популизм и демагогия недопустимы.» Вот он и отбыл на места, чтобы подготовить почву. А мы втроем, в свою очередь, взяли за перенастройку движения под новые реалии.

Что касается того, что мы на время стали «главной исполнительной силой государства», то случилось это в связи с тем, что остальные исполнительные государственные структуры и ведомства вошли между собой в такой клинч, перекладывая запросы и требования граждан друг на друга, что работа их просто напросто застопорилась. А формально это произошло на генеральном госсовете, посвященном разрешению сложившегося кризиса. Примечательно, что заседание того госсвета получилось очень коротким, даже думаю, что рекордно коротким. И вот почему: «

Первый секретарь: Повестка ясна. И, в порядке исключения, первый доклад предоставляется руководителю аппарата правительства, так как он является ответственным за рассматриваемый вопрос. Пожалуйста, Авдей Наумович.

Шилов: Много времени не займу. Беру все бремя ответственности и исполнения на себя. Срок реализации десять месяцев. Никаких дополнений не требуется. Материалы разосланы. У меня все.

Первый секретарь: Признаться, мы готовились к серьез-

ным прениям. Ну раз Вам все понятно и Вы за это отвечаете, то можем только сказать, что госсовет Вам в помощь. У кого-то есть вопросы?

Видов: А не надорветесь ли от взятого бремени?

Лобов: Да, и как конкретно ответите?

Шилов: А что, уже не терпится меня разорвать и потоптаться...

Первый секретарь: Господа, все, повестка исчерпана. Не надо этих неуместностей. Авдей Наумович, ждем результатов.»

Некоторое время госсовет еще погудел на предмет того, что «Зачем собирались, если все понятно?», или «В присланных материалах никакой конкретики.» и тому подобное, но продолжалось это не долго, где-то минут пятнадцать-двадцать. Главным же итогом для всех, кроме нас, было то, что подобный ход Авдея Наумовича был истолкован, как «публичное аппаратное самоубийство», ведь никто даже и допустить не мог, что у нас что-то получится, особенно в свете того, что нам никто помогать не собирался.

И не просто помогать не собирались, а даже усиленно мешали, впоследствии. Понятное ведь дело, что Авдей Наумович был всем в правительстве поперек всего, и все хотели его скорейшего ухода. Правда были и те, кто был заинтересован в том, чтобы такая ситуация длилась как можно дольше. По уже не раз озвученным причинам, в этом были заинтересованы президент, его администрация и Управление,

так как Шилов был ну очень хорошим отвлекающим фактором от того, что делали они. И главное отвлечение состояло в том, что все с особым интересом наблюдали, как у Авдея Наумовича ничего не получится. Но каждый раз, как и в этот раз, они забывали одну простую вещь – Шилов есть Шилов, пусть и очень уставший и замученный бесконечными нападками и пакостями со стороны госаппарата. В общем, вот как дальше развивались события. Получив формальное «добро» от администрации и первого министра, Авдей Наумович прыгнул в свою, ставшую уже родной, «жабу» и полетел разруливать сложившийся аппаратный кризис в ручную на местах. Но, что особенного и уникального он сделал на этот раз, так это то, что с помощью меня и Елены Федоровны он стал освещать свою деятельность публично, в круглосуточном режиме, причем распространялось все это по центральным информпотокам. И надо сказать, что он имел для этого не просто все основания и возможности, а даже обязан был это делать, так как в то время действовал закон, который обязывал придавать огласке и публичности любую деятельность чиновников на любом уровне, если она не связана с государственной тайной. Правда, там была еще куча исключений, которыми охотно пользовался весь аппарат, чтобы продолжать оставаться в тени. А вот Авдей Наумович решил воспользоваться этим законом по полной, чтобы стать самым открытым государственным функционером, и ни Управление, ни Администрация с этим ничего поде-

лать не могли. «Теперь пускай попробуют что-нибудь перевернуть.», такой была главная причина для этого действия.

Юрий, я так понимаю, у Вас возникает вполне резонный вопрос – почему мы этим законом не воспользовались существенно раньше? Отвечаю. Когда мы работали по ГОИ, программе по малым землям, по «ДВиК» или ОАММ мы, в частности Авдей Наумович, чиновниками не являлись. При этом работали с государственной информацией, что накладывало существенную закрытость и дополнительные обязательства на нашу деятельность. Проще говоря, для публичности требовалось куча разрешений, которые бы нам никто, разумеется, не дал. Но даже не это главное, главное в другом. Вы уже хорошо поняли и осознали отношение Авдея Наумовича к публичности, по сути своей он был очень нелюдимым, не публичным и замкнутым человеком, и он всячески этому следовал. Теперь же сверхпубличность и открытость требовались для того, чтобы максимально усложнить возможный или потенциальный процесс против нас, и лично него, чтобы не было кривых интерпретаций и толкований.

Плюс не будем забывать, что «ДВиК» вступил на политическое поле и стал полноценным участником электоральных процессов. А ассоциативные связи между движением и Шиловым, так и не были разрушены, как мы не старались, подавляющее большинство сведущих людей воспринимали Авдея Наумовича, как некоего «тайного» лидера «ДВиК». По факту, оно может было и так, но никак не в политиче-

ском ключе. Но в тех условиях эта публичность деятельности Авдея Наумовича стала очень хорошим подспорьем для предвыборной деятельности движения. И это его постоянное противопоставление себя властям, ставшее к тому времени уже частью его образа жизни, играло только на благо и его публичному восприятию и позициям движения. Появившаяся же агрессия в его поведении и риторике, придавал даже ему и нам некой революционности. При этом, как мы уже неоднократно отмечали, мы были противниками всяческих революционных проявлений, особенно в государственных делах. Самым же серьезным публичным ходом Шилова, был, без сомнения, как мы уже говорили, «вынос сора из избы», в той части, где это было возможно. В частности, такие вещи, как: постоянная публикация реальных распоряжений рабочего времени чиновников различного уровня, сопоставление публичных законов и законодательных актов с внутренними указаниями, ответы на различные обращения граждан и тому подобное.

«Веселая троица», по своей безмозглости, даже было хотела возбудить против Авдея Наумовича процесс о государственном вредительстве, но им быстро объяснили, что тем самым они только подтвердят и укрепят свидетельства Шилова. А это бы означало безоговорочное большинство «ДВиК» во всех представительных органах. Верхам это, как Вы понимаете, было совсем не к чему. Более того, как мы потом узнали, Наумовичу была поставлена прямая задача,

избраться в представительстве от четверти до трети. Все, что больше они бы восприняли, как прямое покушение на их положение, и автоматически зачислили бы нас с Шиловым в главные враги. Это еще раз доказывает, что подавляющее большинство предыдущих правительств занималось политикой ради политики, иными словами, она была просто их способом и образом жизни. То есть их задача состояла не в том, чтобы что-то улучшить, а выиграть в политической борьбе ради самого выигрыша. К сожалению, на мой субъективный взгляд, это справедливо, и для подавляющего большинства будущих правительств.

Матвей, ну не уместна сейчас эта твоя философия о вредительстве политики ради политики. Тем более, что некоторых особо оголтелых политиканов Авдей Наумович вывел на чистую воду? И где они теперь? Тут же важнее рассказать, как он это сделал. Именно этого, как я понимаю, от нас хочет Юрий. Ведь именно эта часть биографии Шилова наиболее искажена и перевернута, даже не смотря на то, что кучу его публичных выступлений того периода можно найти в свободном доступе. Вот, что значит сила обратного маркетинга и черные пиар-технологии, когда к ним прилагаются безразмерные ресурсы государственных корпораций. Но ничего, как сможем, исправим и эту несправедливость.

Глава 38.

В этой связи, хотелось попросить вас припомнить правительственное совещание о состоянии приграничных территорий. На сколько я знаю, с ним был связан какой-то скандал.

Помню-помню, запоминающееся мероприятие. Собственно, весь скандал был связан с тем, что министр, который отвечал за этот вопрос непосредственно, ни разу на этих территориях и не был, а основным докладчиком выступил Авдей Наумович, хотя это было не в его ведении. Вот и весь скандал. Сами судите: «

Председатель: Доклад профильного министра мы выслушали. Далее у нас глава аппарата, с места событий, так сказать. Пожалуйста, Авдей Наумович.

Шилов: Не дай Бог, чтобы здесь начались события, к которым может привести бездействие предыдущего докладчика. Тем более, что мне достоверно известно, что он ни на одной приграничной территории ни разу и не был. Видимо он думает, что достаточно картинок со спутников и дронов. Есть с этим одна проблема – Вам показывают ровно то, что хотели бы, чтобы Вы увидели, да и Вы сами видите только то, что сами хотите видеть.

Председатель: Господин Шилов, давайте конкретнее.

Шилов: Реальное состояние, практически по всему периметру, подробным образом, я разослал вам специальным докладом. И он в корне не совпадает с выводами профильного министерства...

Профильный министр: А Вы собственно кто? Эксперт? У

Вас есть компетенции для этого вопроса? Или Вы теперь вообще всеми вопросами будете заниматься?

Председатель: Господа, прошу не нарушать регламент. Все вопросы после доклада. А еще лучше, в рабочем режиме. Продолжайте, Авдей Наумович.

Шилов: На предыдущий выпад я отвечу, тем более, что ответ будет коротким. Да, мне приходится вникать во все вопросы и сферы, иначе я просто не смогу адекватно оценить деятельность правительства, а это моя основная задача. Вот я и даю эту оценку, так-что извольте ее выслушивать, как есть. Особенно, принимая во внимание то, что никакой особой работы лично Вами и не ведется. Главный же мой вывод по состоянию приграничный территорий, основанный на увиденном воочию, если вы также наплевательски будите относиться к жителям этих территорий, то ни спутниками, ни дронами, вы безопасность границы не компенсируете. И вообще, надо не противопоставлять себя соседям, а находит общие интересы, причем в каждом определенном районе. Да, это очень нудная, кропотливая работа на местах, но лучше тратить средства на это, чем на содержание бесчисленных дронов. При таком походе, нам соответствующее министерство вообще не нужно.

Председатель: Мда, радикальный вывод. Мы Вас услышали господин Шилов. Примем во внимание.»

Примечательно, что этот самый профильный министр был военным, как не сложно догадаться. В связи с этим у

остального кабинета министров был просто тихий шок от того, что Авдей Наумович откровенно наехал на милитаристский блок правительства, этого себе вообще никто и никогда не позволял. А тут публичная «порка» генерала с большими звездами, да еще и от гражданского, просто сумасшествие. Вот с тех пор в правительстве и начали считать Шилова не просто «оппозиционером», а реальным сумасшедшим.

Я правильно понимаю, что с этого момента, можно считать, начался долгий уход Авдея Наумовича из правительства?

Да, можно сказать и так. Впрочем, уже давно и Управление, и Администрация считали непредсказуемость и своеобразие Шилова опасной, точнее перешедшей черту дозволения. С другой стороны и реальную, ощутимую пользу он продолжал приносить. Но, как я понимаю, сложившиеся давно условия «управляемой бессистемности» были для них ценнее и важнее, чем локальные достижения, которые приносил им Шилов. Разумеется, мы не знаем достоверно, когда было принято решение о «списании» Авдея Наумовича, и вообще, принималось ли оно специально, но с определенного момента мы с Наумовичем лишились даже формальной и номинальной поддержки со стороны Управления. А проявилось это очень не двусмысленно тем, что главами всех подразделений в аппарате правительства были назначены люди Управления, до этого на них были люди Администрации, то есть обычные аппаратчики, а не спецслужбисты.

Плюс в ОАММ, который был уже не наш, была выделена целая группа, которая занималась исключительно контролем нашей деятельности.

Примечательно, что ни меня, ни Матвея Сергеевича из правительства не убрали, и оставили на тех же должностях. Думаю, это связано с тем, что Управление до последнего рассчитывало на то, что мы переметнемся. Им в голову не могло прийти, что можно работать не на сугубо личные, субъективные хотелки, а на общий, даже внешний, результат, который выражается не в статусах ради статуса, и не во влиянии ради влияния, а в том, чем могут пользоваться другие, и что приносит реальную пользу и необходимо. Мы же в свою очередь, несколько не отклонялись от того, как мы действовали до этого, тем более, что с перемещением Авдея Наумовича обратно в «жабу» работы у нас только добавилось. Связано это было с тем, что мне нужно было существенно ускорить информационный обмен, а Матвею Сергеевичу необходимо было справляться с еще более возросшим потоком запросов от информпотоков.

Это точно. Причем, ладно если бы вместе с количеством выросло и качество, а-то ведь они просто-напросто напридумывали себе чего-то, и давай официальные заявления подводить под свою логику. Например, одним из самых частых запросов был: «Правда ли, что Шилов отправился в поездку по стране для агитации за «ДВик», и он будет один из новых руководителей парламента?» Ну вот что я мог на это отве-

тить? Учите основы политологии? Как они до этого додумывались? Даже с учетом того, что им банально нужны были просмотры. Или еще один перл: «Правда ли, что мы являемся представителями крупного международного консервативного капитала?» Как такое вообще можно было сочинить? Эту бы креативность, да в созидательное русло. Вот так мне «весело» жилось в тот период. Я уж не говорю о ежедневных брифингах, которые проходили без выходных и дважды в день, так как вершуре нужно было создать видимость постоянной связи с обществом. И тут должность официального представителя правительства пришлась, как нельзя кстати. Тем более, что я был не из «них», соответственно, меня было не жалко, особенно, в свете того, что эти брифинги в конце концов превратились в международные мероприятия, так как на меня и Елену Федоровну замкнули вообще все информпотоки правительства.

И что, никто не опасался того, какой имидж и пиар вы могли создать для правительства, да и для всей власти?

Во-первых, я сомневаюсь, что об этом кто-то думал. Да и не было у нас такой возможности, фактически. Мало того, что весь исходящий поток очень серьезно цензурировался, так нам еще и скидывали обязательную порцию для опубликования, с четким указанием, чтобы мы акцентировали внимание именно на этом. В общем, все «в лучших традициях государственного управления». По сути, самое приближенное к действительности, чем мы тогда располагали, была ин-

формация и включения от Шилова, точнее это был непрерывный поток, который мы только и успевали «упаковывать» и распространять по ведомствам. И надо сказать, делали мы это без всякой фильтрации, строго выдерживания только адресность. За это мы получали в ответ дикое негодование всего госаппарата, в выражениях типа: «Какого черта вы нам это все шлете, нам достаточно своих данных?», или «Занимайтесь своими задачами, не мешайте нашей деятельности.», а вот еще «Все, что вы делаете абсолютно неуместно и дестабилизирует работу правительства». Поясню, все, что проходило или проходит по официальным правительственным каналам, будь-то внешние или внутренние, обязательно для реагирования соответствующими ведомствами. Пусть и формально, но даже если так, время и силы на «мотивированные» ответы потратить тоже нужно, вот они бесились от нашей постоянной «информационной бомбардировки». При этом, могу сказать достоверно, ничего из того, что присылал Авдей Наумович не было надумано или «притянута за уши», все вопросы требовали решения, причем большинство из них требовали решения уже давно. И это он еще, на сколько я знаю, серьезно фильтровал поток от себя.

Подобное положение даже спровоцировало специальное внеплановое заседание правительства на тему, что-то типа «об оперативности реагирования», в общем, не суть. Гораздо существеннее фрагмент этого совещания с выступлением Авдея Наумовича, его содержание, примерно, такое: «

Председатель: Господин Шилов, тут у меня множество жалоб на то, что Вы и ваше ведомство заваливает все правительство ненужной информацией. Разумеется, с большей частью того, что мы присылаете, будучи на территориях, я внимательнейшим образом знакомлюсь, и не спорю со справедливостью того, на что Вы обращаете внимание, по большей части. Но Вы правда считаете, что это необходимо делать в таком объеме, и что соответствующие структуры не в курсе, что делается в их ведении?

Шилов: С Вашего позволения, начну в обратном порядке. Сам факт того, в курсе кто-то или нет, меня мало волнует, для меня принципиально, чтобы вопросы решались, а-то некоторые вопросы из присланного не решаются уже несколько десятков лет. Что касается объема, были бы хоть какие-то подвижки в решении, не присылал бы. В целом, могу сказать, что объем присылаемого мной, соответствует объему существующих задач, я даже отфильтровываю то, что можно решить на местах, эти вопросы я сам и решаю с местными. Проще говоря, не было бы предмета для информирования, не информировал бы.

Председатель: И в связи с этим считаю нужным напомнить Вам, что Вы, прежде всего, руководитель аппарата правительства, и Ваша главная задача – обеспечение стабильности и бесперебойности работы правительства. Подчеркиваю, стабильности и бесперебойности, а не нагнетание и расшатывание. С Вас был даже снят вопрос по курированию ОАММ,

чтобы Вы больше сосредоточились именно на главных задачах. Вы же вместо этого устроили какой-то непонятный, ненужный вояж по стране, вмешиваетесь во все возможные вопросы и так далее. Как это расценивать?

Шилов: Расценивать это не требуется, так как я осуществляю этот, как вы выразились, «вояж» за свои средства. Что касается моей основной задачи, то она была несколько другой, когда я вступал в должность. Спасибо за информацию о том, что задачи изменились! Принял к сведению.»

Дальше, как обычно пошли нападки на Авдея Наумовича со стороны Ваксина, Лобова, Видова и далее по списку, на предмет того, что он «слишком много на себя берет». К тому моменту это уже стало не просто привычным делом, а даже рутинной. Ключевое на том заседании стало то, что статус Шилова «низвели» с того, кто должен разрешить организационный кризис, до командующего обслуживающим персоналом, в давние времена такая должность называлась завхозом. Вот и Авдею Наумовича хотели сделать этим самым завхозом. Причем речи об его исключении из правительства по прежнему не шло, так как верхам было нужно, чтобы он был под присмотром, особенно в свете того, что «ДВиК» становилось одной из лидирующих политических сил в стране.

Кстати, об этом. Ненависть к нам, и к Шилову в частности, со стороны представителей госаппарата и верхов нарастала еще и в связи с тем, что «ДВиК» наращивало свое влияние и активность в политическом поле, и заставляло теснить-

ся многих со своих привычных позиций. И главным фактором этого продвижения была даже не ассоциация с Авдеем Наумовичем, а то, что это была единственная политическая сила, что называется «от земли», то есть инициированная не просто снизу, а еще и с малых территорий. Хотя все мы помним, что изначально это была просто инициатива Шилова с целью убрать ненужную политическую и общественную энергию от программы по территориям и ГОИ. В этой связи, самым проблемным для нас в «ДВиК» были остатки влияния Лобова и «веселой троицы». Приходилось быстро и жестко избавляться от этого влияния, путем исключения соответствующих персон, что также добавляло сопротивления деятельности движения, так как исключенные тут же примыкали к конкурирующим группам, что не удивительно. В конечном итоге это все вылилось в большую компанию по черному пиару под общим лозунгом – «ДВиК» инструмент удовлетворения политических амбиций Шилова. Для нас, знающих все изнутри, это даже звучит смешно, но когда начинают работать сообща госмедиа, госкорпорации и все провластные политические силы, становится очень не весело, так как получается ситуация «с ножиком против танка». Это бы единение, да на созидательные цели, но на тот момент это была утопия. Поэтому, единственное, что мы могли противопоставить это все те же нон-стоп трансляции Шилова, его публичные выступления и укрепление мифа о подконтрольности «ДВиК» ему. Как не «раскачивали» мы свой полити-

ческий вес, я имею в виду себя, Матвея Сергеевича и Елену Федоровну, а масштаб личности Шилова всегда был больше и давал о себе знать.

Очень показательным в этой связи был один из разговоров Авдея Наумовича с руководителем Управления, который состоялся в нашем присутствии, так как речь в нем шла о ходе избирательного цикла. Конкретно о том, что мы очень перестарались в этом вопросе, по их мнению. Собственно, вот основная часть того разговора: «

Руководитель Управления: Авдей Наумович, мы Вам какую задачу поставили по вашему движению? Стать номером два. Вы что сделали? По нашим данным вы получаете большинство без всяких коалиций. Решили с нами поконкурировать?

Шилов: Ни в коем случае, я прекрасно отдаю себе отчет в том, что это гиблое дело, причем в прямом смысле гиблое. Это во-первых. Во-вторых, в ходе этой избирательной кампании я только консультирую Вадима Максимовича, никакого моего интереса в прохождении в парламент нет, тем более, никаких политических амбиций у меня не появилось. Если выходит так, что меня по-прежнему ассоциируют с «ДВиК», то это как раз таки ваша недоработка, тратить время и усилия на развеивание этого мифа я не буду. Что же касается нынешних позиций движения, то это вам наглядная демонстрация того, как к вам относятся граждане, и надо сказать, абсолютно обоснованно.

Руководитель Управления: Опасный способ действий Вы избрали. На столько уверены в собственной надобности? Так вот, я Вас разочарую, мы прекрасно можем обойтись и без Вас...

Шилов: Не стоит в это углубляться, я прекрасно понимаю и осознаю свое текущее положение. И ваша ошибка в его оценке заключается в том, что единственными сдерживающими факторами в отношении меня остались только репрессивные меры, другого вы ничего мне противопоставить не можете. Не буду хвастаться, этот фактор для меня очень существенный, так как нести наказание просто по чей-то прихоти я не только не готов, но считаю это крайней глупостью. Но это все лирика. В чем конкретная цель разговора?

Руководитель Управления: Вижу должность руководителя аппарата правительства кратно добавила Вам самомнения, учтем. Но Вы правы, это действительно лирика. Цель разговора простая, как Вы уже догадались, сделайте все, чтобы вернуться в рамки наших договоренностей, а именно, «ДВиК» должен стать номером два в парламенте, не больше, ни меньше. В случае невыполнения, задействуем тот самый фактор.

Шилов: Принято...»

Такой вот вышел разговорчик. Это был первый раз на моей памяти, когда Управление перешло на прямые угрозы и ультиматумы, а никак по-другому это расценивать нельзя. В результате нам предстояла решить идиотическую задачу –

подрезать свой собственный политический капитал.

Вадим, погоди, но ведь по результатам того разговора были еще и, скажем так, разъяснения Авдея Наумовича исключительно для нас. А их упомянуть обязательно стоит, так как они задают контекст дальнейшему развитию ситуации с «ДвиК». Собственно, вот основная часть этих разъяснений: «Подставил я вас, не доглядел, прошу снисхождения. Надо из этого всего выбирать. По прозвучавшему ультиматуму от Управления, если ориентироваться на наши данные, а только на них и надо ориентироваться, наш отрыв составляет жалкие три-четыре пункта, и образовался он исключительно из-за интереса к нам со стороны некоторой части жителей мегаполисов. Вот эту часть и надо отсечь, обратить против нас, тогда мы вернемся в рамки заданные сверху. Да, и все таки придется вам, конкретно тебе, Вадим Максимович, противопоставить в публичном поле «ДВиК» и меня. Контекст простой – «я лег под госаппарат», тем самым мы исключим неожиданности в момент самого голосования». В сущности, такая постановка от Шилова могла означать только одно – отныне он решил быть сам по себе, по многим, вполне понятным причинам. Лично я это воспринял именно так.

Не ты один. Ведь действительно, после того разговора, его общение с нами сократилось существенно, даже по сравнению с периодами, когда он брал паузы на продумывание. Фактически, с этого момента мы можем судить о его деятельности исключительно по его публичным выступлени-

ям. Конечно, к нам продолжали поступать от него какие-то эксклюзивные и конфиденциальные материалы, но касались они исключительно профессиональной деятельности каждого из нас. В остальном же он совсем закрылся. Для нас, конечно, очевидно, что свел к минимуму общение с нами он для того, чтобы оградить нас от потенциального очень существенного негатива в отношении него, но признаюсь честно, лично меня это несколько обидело, так как я считал и считаю, что имея тот опыт, который у нас был на тот момент, мы вполне были способны противостоять всем возможным потенциальным угрозам. Проще говоря, я считаю, что именно в этом случае Авдей Наумович поступал неразумно. Ну тут уж, что произошло, то произошло. Даже мы не имели на него такого влияния, чтобы он пересмотрел свои подходы в разрешении той ситуации.

А ситуация продолжала развиваться, и даже усугубляться. Дело в том, что при выполнении условий: «ДВиК» – вторая политическая сила в стране; полная самостоятельность местных властей в решении «незначительных», с точки зрения верхов, вопросов; и в целом, стабилизация ситуации с госаппаратом; Шилов становился не просто не нужным, а даже лишним, так как мало того, что исчезал предмет деятельности, так он еще при этом по-прежнему оставался очень серьезным раздражителем. Что же касается текущей деятельности аппарата правительства, то с ней мог справиться любой заштатный аппаратчик. Вот, примерно, в тот период вер-

хи и начали искать замену Авдею Наумовичу, ну уж очень неудобным он стал. Но главная дилемма для них состояла в том, как его «уйти». Вообще, игры в снятие с должности испокон века были одним из главных развлечений для любых правящих верхушек. Изошренность в этом вопросе дошла чуть ли не до совершенства, особенно, что касается формулировок и поводов. В отношении Авдея Наумовича, наверняка, готовилось что-то «шедевральное» в этом контексте. В последствие это оказалось именно так, но, с моей точки зрения, гораздо более интересен не сам момент отставки, а процесс ему предшествовавший. Тем более, что это была самая многоходовая комбинация в отношении одного человека со стороны верхов, на моей памяти.

Тут, думаю, надо пояснить почему потребовалась такая многоходовость. Вы уже очень хорошо успели осознать полезность и выгодность Шилова для верхов. Также Вам уже более, чем понятен весь негатив с его стороны, которые верхи терпели. И очевидно, что в тот период, о котором поведал Вадим Максимович, верхушка для себя решила, что негатив от Авдея Наумовича стал преобладать над выгодами от него, поэтому было решено его «закрутить». Но, просто так это сделать не получалось. Прежде всего, я имею в виду три стандартных хода с их стороны: «закрутить», отставка с содержанием, номинальная должность. Кстати, попытка сделать третий ход уже была, когда, как мы помним, Шилову была предложена должность в госсовете, от которой он от-

казался. Но это так, к слову. С тех пор же прошло приличное количество времени, и Наумович стал публичной, заметной фигурой, на которую было много завязано, как он этого не избегал. Поэтому подход «тупо стереть» не проходил, так как был риск обрушения много чего. И это не смотря на то, что ОАММ уже полностью стал структурной частью Управления. Еще же оставались такие вещи, как: контроль и влияние на деятельность на местах, координация программы по малым территориям, взаимодействие государства и науки, взаимодействие государства и частного капитала, и много чего еще. Эти все вещи были по-прежнему завязаны на Авдея Наумовича, и его резкое «изъятие» из них привело бы к их полному разрушению. Так-что верхам и их «ехспиртам» пришлось напрячься и придумать, как это сделать максимально безболезненно для них же самих.

Я правильно понял, исходя из тех материалов, с которыми мне уже удалось ознакомиться, что в этой многоходовке было задействовано практически все, что можно было задействовать против Авдея Наумовича: программа, «ДВиК», ОАММ, Лобов, Видов, «троица» и так далее?

Именно так. Но ты, Юр, забегаешь вперед, до этого дойдем. Тут ведь еще важно отметить, что и сам Шилов это все, разумеется, осознавал. Более того, лично у меня сложилось впечатление, что он уже достаточно продолжительное время не прочь бы и сам уйти от этого всего, да многое держало, как мы уже отметили. Главное, что его держа-

ло, на сколько я понял, была незавершенность первоначальных концептов. Прежде всего речь идет о таких вещах, как: новый культурный уровень граждан, более существенная защищенность чистого частного капитала, большая самостоятельность на местах. Собственно, все то, с чего мы и начинали. Вообще, Авдей Наумович совсем не являлся сторонником принципа «нет предела совершенству», по этому поводу он даже говорил: «Приносит нужный результат, пускай работает. Нечего ухудшать улучшениями.», но в случае с теми тремя макрозадачами результаты были уж очень скромными, едва заметными, и-то заметными они были только ему и нам. Но, было явно видно, что Шилов, банально, устал. Ведь подавляющее большинство аппаратчиков, и тем более верхов, почему устают существенно меньше? Потому, что, во-первых, это их образ жизни, во-вторых, они только и занимаются, что драчками между собой, все остальное только следствие этих самых драчек. Наумовичу же приходилось и существенно тратиться на противостояние с госаппаратом, и выдавать результат, причем и для себя и для верхов, и это на протяжении многих лет. Устанешь тут...

Если честно, я вообще не понимаю, как он столько времени продержался. Мы пару-тройку раз спрашивали его, как он со всем этим справляется, на что он сказал что-то вроде: «По большому счету, я ни с чем не справляюсь, я просто не воспринимаю свою деятельность, как что-то значительное, поэтому подсознание с сознанием не рисует мне «всю тяжесть

мира, которая лежит на моих плечах». Этот образ жизни я выбрал вполне осознано, хоть и существенная его часть мне откровенно противна. Но если ты целиком и полностью осознаешь все, что ты делаешь, у тебя с этим полная ясность, и ты понимаешь, что это всего лишь коротание времени до упаковки тебя в ящик, то и никаких проблем с усталостью не возникает». В общем, ответ в типичной стилистике Шилова. Но как бы он не храбрился, весь тот негатив, который его постоянно окружал, не мог не сказаться. У него заметно упала продуктивность, хоть и по его меркам. Он становился все больше и больше раздражительным, дошло до того, что ему перестали предоставлять слово по основной повестке, будь то правительство или госсовет, теперь ему можно было высказываться только по факту выступлений других, или задавать вопросы. В столице он перестал бывать вообще. Что там в столице, его практически не было видно и в мегаполисах. В общем, из человека и-так не очень-то открытого, он превратился в полного затворника, хоть и высокопоставленного. Но даже это нисколько не помешало ему сделать напоследок некоторые существенные и запоминающиеся вещи...

Глава 39.

Одной из них была самая полная схема внутренних и внешних связей по персоналиям в верхах. И примечательна она была не своей полнотой, а тем, что она была составлена

и озвучена человеком, который всегда был как бы вне политических процессов. Судя по тогдашней реакции верхов, и особенно Управления, схема была достаточно точной, и отражала многие действительные связи в верхах на тот момент. Пересказывать эти связи не имеет смысла, так как поменялись некоторые персоналии, впрочем, как и сами связи. Тут примечательно именно то, что она была озвучена напрямую заинтересованным лицам, пусть и не публично, а на одном из закрытых совещаний. Собственно, в открытую Авдей Наумович этого сделать не мог, да и не хотел. Сделал он это на так называемом дисциплинарном заседании правительства, посвященном деятельности аппарата. Проще говоря, на одной из «аппаратных порок» Шилова. Примерная суть того заседания была следующей: «

Председатель: Авдей Наумович, что-то Вы совсем перестали бывать в столице. Вот и сейчас участвуете в заседании, посвященному вашей проблематике, удаленно. Вы абсолютно уверены, что сможете справиться с вашими функциями дистанционно?

Шилов: Господин первый министр, это вопрос мне задается уже раз пятый. Ответ на него, по-прежнему, тот же – никаких сбоев в работе моего ведомства нет и быть не может, так как я разбираюсь с первопричинами, а не реагирую по факту. Именно для этого я и нахожусь на территориях. Но на этот раз я добавлю, что некоторые министры вообще находятся больше за рубежом, чем в стране. И таких не мало.

Я не беру в расчет, так называемые, «внешние» министерства, там их непосредственная деятельность обязывает. Но что там безвылазно делают министр развития малых территорий, министр космической логистики, министр внутренней торговли и им подобные? И я сам же отвечу на этот вопрос. Есть тут у меня одна разработочка, сделанная по собственной инициативе и за свой счет, я ее закрепил, не поленитесь посмотреть...

Председатель: Выведите на главной консоли.

Шилов: Как вы видите, это достаточно подробное отображение существующих, подтвержденных связей руководства всего госаппарата. Здесь достаточно отчетливо прослеживаются и ответ на вопрос, поставленный мной сейчас, и на многие другие вопросы...

Председатель: Господин Шилов, Вы это все к чему? У Вас есть какие-то конкретные предложения, соображения или даже обвинения? Или это просто очередной спектакль в Вашем исполнении?

Шилов: Воспринимайте это как хотите, я не в силах на это как-то повлиять, да и намерения у меня такого нет. Я лишь обращаю внимание на одно простую вещь, которую вы, в силу включенности в эту схему, сами не замечаете – большинство ваших взаимосвязей, в основном внешних, в скором времени начнут работать против вас. И честно, мне было бы все равно, если бы это отразилось только на тех, кто отображен на схеме, но весь этот возможный негатив доста-

нет до самой глубинки.

Пиров: Интересно, и что же Вас сподобило на такие, с позволения сказать, изыскания? У меня вот складывается полное впечатление, что Вы по себе других мерите...

Широв: В том-то и состоит одна из ключевых проблем высокопоставленных лиц – они руководствуются впечатлениями, а не опираются на детальную проработку возможностей и последствий...

Председатель: Так, господа, вы знаете регламент, не открываем дискусионных клубов. Что же касается представленной Вами, Авдей Наумович, картинки и Ваших выводов по этому поводу, то мы это все учтем. Хотя, надо заметить, что уровень субъективности в ней просто зашкаливает. При том, что Вы нас постоянно призываете к объективности...

Широв: Что я могу сказать? Дурное влияние...

Председатель: Ясно. Продолжение заседания в Вашем присутствии бессмысленно и даже неуместно. О его результатах Вам будет сообщено отдельно.»

В общем, по итогам того заседания Авдею Наумовичу была назначена дисциплинарка за «отступление от процедурных мероприятий», что-то вроде этого, точно не вспомню. На самом деле, ничего серьезного, по сравнению с тем, что могло бы быть. Тут важно другое, а именно то, как отреагировали на представленное «исследование» верхи. Они под самыми страшными страхами запретили публикацию той схемы, лишили все ведомство Шилова доступа к неко-

торым ресурсам, и сократили численность вневедомственного аппарата, то есть непосредственных подчиненных Шилова, вдвое. При этом оставив и меня и Елену Федоровну. Означать эта реакция и действия могли только одно – Авдей Наумович в своих изысканиях по этому поводу оказался не просто достаточно близок к истине, а еще дополнительно открыл верхам глаза на что-то. Только вот, что это было у меня нет даже догадок.

Да и не существенно это. Гораздо существеннее то, как в дальнейшем он и мы вместе с ним осуществляли нашу деятельность, ведь наметился устойчивый курс на то, что нам сокращали, как поле деятельности, так и полномочия, причем делалось это очень ощутимыми темпами, я бы даже сказал, чрезвычайно резко. В тот период всем нам стало очевидно, что всех нас хотят согнать со всех наших «позиций» и загнать в «ДВиК», сделать из нас что-то вроде системно-несистемной оппозиции. Это мы поняли на основании того, что началась кампания по обозначению «ДВиК», как главного политического оппонента правящей «элиты». И ключом этой компании было увязывание с движением, как Шилова, так и нас, но в негативном свете – проще говоря, тезис был в том, что мы использовали «ДВиК» исключительно для конвертации политического капитала в свой личный финансовый. Нормальный подход? Выставить нас теми, кем являются они. Признаюсь, лично я не ожидал, что они до такого додумаются. По сути, они обратили всю нашу предыдущую

деятельность против нас же самих, но не огульно, а используя наше самое слабое место – очень низкую публичность на протяжении большей части нашей деятельности, плюс еще мы были оппонентами практически для всех общественных организаций. Не перестану повторять, эту бы креативность на созидательные цели...

Вы спросите, а как же задача – «ДВиК» номер два в законодательной ветви? Ответ простой – эта задача в первую очередь и решалась. И решалась она за счет протестного электората, которому главное было отдать голос за того, кого правящая группа считает главным оппонентом. Удивляет то, насколько точно и тонко верхи все рассчитали, ведь этого самого активного протестного электората, который бы точно проголосовал, было ровно столько, сколько было нужно, чтобы «ДВиК» стало номером два. Видать все же научились они у Авдея Наумовича, как нужно получать и использовать данные. Уверена, что в этом ходе верхов ключевую роль сыграла ОАММ, хоть букву «А» в этой аббревиатуре уже нужно исключить, так как ни о какой автономии речи уже и быть не могло, если она вообще когда-нибудь была. Не скрою, очень обидно было лишиться такого ресурса, ведь если бы у нас остался к нему доступ, мы бы наверняка тоже владели бы информацией об электоральном раскладе. Но очень много «бы». По факту нам пришлось перейти от «превентивного способа действий» к «реактивному», который так негативно воспринимал Шилов. Правда не все было так мрачно, так как

неожиданно появился новый старый «союзник» в лице Видова и ресурсов научного сообщества. Союзником он был, конечно, очень условным, его главной задачей было отвлечь, используя нас, внимание и ресурсы верхов от его деятельности и деятельности научных корпораций, которых он вообще мог лишиться, так как государственные корпорации сумели снова практически полностью переподчинить прикладную науку себе, а оставаться только с фундаментальной наукой Видову было как-то не с руки – денежный поток очень сильно сокращался. Вот Геннадий Евсеевич и предложил нам новый союз.

Не лишним будет вспомнить, как это произошло, так как контекст у этого был весьма примечательный. Дело в том, что главным занятием Видова по научной части в тот период была переработка естественного космического мусора: метеоритов, пыли, камней и тому подобного. Проще говоря, был замах на крупный международный капитал. Госкорпорации же боялись чистого прямого инвестиционного капитала, как отравы, так как он был для них токсичен. Коротко поясню, это связано с тем, что подавляющее большинство госкомпаний выстроены либо на «горячих» бюджетных деньгах, либо на спекулятивном капитале, то есть на лицо конфликт капиталов разного назначения. Привлечение же крупного чистого инвестиционного капитала спровоцировало бы такой кризис госбизнеса, что встало бы вообще все. Видов, разумеется, все это знал и понимал, он и сам подобного кри-

зиса не хотел. Предложение его состояло в том, чтобы создать своего рода «обособленные» сектора экономики, в которых бы прямой инвестиционный капитал не пересекался бы со спекулятивным капиталом. Сам он этого сделать, разумеется, не мог, да и не знал как, вот он к нам и обратился. Хотя лично мое мнение, он обратился из-за того, что уже не у кого не было сомнений в том, что «ДВиК» будет новым «номером два» в законодательной ветви. Тем не менее, предложил он нам за помощь ему то же, что и при первом союзе: ресурсы науки, его влияние и доступ к международному научному сообществу. Не могу сказать, что эта «плата» как-то особенно нас заинтересовала, тем более Шилова, но вот сама задача показалась ему весьма достойной для реализации, поэтому он согласился на это новое партнерство с Видовым исключительно ради реализации самой задачи.

Да и не могли нас заинтересовать эти «выгоды» от Видова, так как Авдей Наумович имел вес в международном научном сообществе никак не меньший, чем Видов, а его ресурсы и влияние нам были как-то ни к чему. Но, как уже сказал Матвей Сергеевич, мы согласились исключительно из-за реализации самой задачи. Да и в целом, как это не смешно прозвучит, надо же было чем-то заниматься, ведь работа Авдея Наумовича, Матвея Сергеевича и Елены Федоровны в правительстве свелась исключительно к формальности, которую они уже давно к тому моменту автоматизировали; забрав ОАММ, Управление, автоматически, забрало под

себя и программу по территориям, по сути отдав ее обратно на растерзание «веселой троице»; мое руководство избирательной компанией «ДВиК» тоже было налажено и доведено до автоматизма; да и деятельность Шилова на местах, как не сложно догадаться, больше напоминала биомеханику, чем что-то созидательное. В этой связи, предложение Видова и показалось нам весьма заманчивым, так как к тому времени мы фактически лишились права на какую-нибудь мало-мальски масштабную инициативу. Проще говоря, в верхах, видимо, сошлись на том, что мы были отработанным, выжатым материалом. Кстати, и Геннадий Евсеевич не мог об этом не знать. Может поэтому он к нам тогда обратился? Впрочем, это не важно.

Поскольку вы упомянули господина Видова, не могу не спросить, а что Лобов?

О, согласен, закономерный вопрос. С ним все достаточно предсказуемо, он долго и упорно пытался «запрыгнуть на давно ушедший поезд» – вернуться в руководство «ДвиК», точнее получить влияние на будущую законодательную силу номер два. Кстати, очевидно, что не только он один этого хотел. Но Евгений Генрихович был в этом особенно настойчив, и даже агрессивен. Для примера можно вспомнить один из его разговоров со мной: «

Лобов: Вадя, ты заразился отмороженностью у Шилова? Ты в моем лице хочешь получить себе врага? Не забывай, кто поднял это движение. А вы теперь пользуетесь всем этим,

как должным. При этом твой старший еще что-то вякает на счет конъюнктурности, шкурности и всего прочего. Так если посмотреть на это по большому счету, так он еще хуже, чем любой из нас.

Я: Евгений Генрихович, Вы мне все это говорите далеко не в первый раз, причем не стесняясь ни в тоне, ни в выражениях. И я Вам в очередной раз отвечаю, думайте, что хотите, делайте, что хотите, но пока я явлюсь первым руководителем «ДВиК», Вас в движении не будет, и никто на это не повлияет, даже Авдей Наумович. Для меня слово, данное людям, все еще имеет значение...

Лобов: Значит будем конфликтовать!

Я: Значит будем...»

После этого он снова и снова сыпал в наш адрес угрозами, претензиями и прочими словесными интервенциями, но дальше них дело шло. Да и не могло оно пойти дальше, так как задача стать законодательной силой номер два была единственной задачей, в которой нам покровительствовала правящая часть верхов, а против нее аргументов у Лобова не было. В общем и целом, в решении новой совместной задачи с Видовым нам особо никто не мешал и ничто не мешало, что очень удивительно, учитывая весь наш предыдущий опыт.

Это точно. Даже Шилов по этому поводу удивился: «До сих пор не вериться, что я пока еще не нашел видимых помех для этой нашей затеи. Всегда отмечал это качество Геннадия Евсеевича – находить среду с низкой конкуренцией и

сопротивлением, это своего рода его талант. Как бы и мне такой развить, а-то вечно лезу в самую гущу, в самый эпицентр, в самую плотность. Но, чувствую, позновато мне уже его развивать». Лично я, да и никто другой из нас, не считаем, что стремление в эпицентр это недостаток Авдея Наумовича, если бы ни эта его черта, то многие, так называемые, сгустки просто-напросто бы заостенели, а, как известно, любая заостенелость или застой ведет к серьезному коллапсу. Забегая вперед скажу, что даже некоторые люди в верхах это осознали, впоследствии. Но мы про безопасное привлечение прямого международного инвестиционного капитала, точнее про создание условий для этого в нашей стране.

Да-да, очень интересно об этом узнать подробнее, так как нигде информации об этом я не нашел.

Странно было бы если бы нашел. Ты что, это такой прецедент не в пользу верхов, что они закрыли его за сотней файрволлов. И этот прецедент представлял для них опасность по одной простой тривиальной причине – финансирование и фондирование поступало в обход им, минуя практически все бюрократические препоны, исключительно по международным каналам. А перспектива потерять такой рычаг влияния, как контроль над финансовыми потоками, сам понимаешь, урезает их влияние на треть, минимум. Причем сами же верхи и создали возможность обойти их в плане привлечения прямых международных инвестиций, подписав соответствующую конвенцию, и учредив соответствующий фонд

на территории государства. Правда они думали, что это так, формальность, это им было нужно исключительно для того, чтобы иметь доступ к международной система обезличенных закрытых платежей. И никто, кроме Авдея Наумовича, не догадался использовать этот фонд по прямому назначению. Кстати, еще одна иллюстрация того, под что заточено мышление подавляющего большинства власть имущих, коих, этих свидетельств, набралось за наш рассказ уже не мало. Не буду на этом останавливаться. В общем, инструмент, то есть то, как доставить эти инвестиции, был, оставалось теперь сделать подо что и куда. Понятно, что объектом были видовские разработки в сфере космической логистики, но я имею в виду то, что их финансирование не должно соприкасаться с государственными финансами. И вот это была настоящая задача.

Тут нужно отметить, что именно в связи с этой проблемой Видов к нам и обратился, если бы он сам знал, как ее решить, ни о каком новом союзе и речи бы не было, но в вопросах экономики и бизнес-процессов Геннадий Евсеевич был, мягко говоря, не искушен, все больше доверялся уже готовым системам. Шилов же достаточно быстро сообразил, как эту проблему решить. На самом деле, основная сложность была не в самом решении, а том, чтобы его заметить. А заметить надо было то, что восстановление локальных экосистем была сферой не то, что исключительно международного сообщества, а обособленной международной группы,

которая, формально, была подконтрольна только международному экологическому конгрессу, и-то только в плане информирования. Вот Шилов и вспомнил про такой проверенный формат, как ГОИ. Так и появилась задумка по созданию государственно-общественной инициативы экологически изолированных парков, или просто ГОИ по эко-паркам. Оговорюсь, что когда только Авдей Наумович ее предложил Видов, и даже мы, восприняли ее очень скептически, ведь «эко»-тема на тот момент была настолько изъезжена, коррумпирована и коммерциализирована, что у подавляющего большинства она вызывала не просто негатив, а тошноту. Спасибо за это политикам и бюрократам. Но, Шилов нам наглядно и предметно разъяснил, что это единственный реальный путь решить задачу, не привлекая никого из верхов. Более того негативное восприятие «эко»-темы даже заставит всех власть имущих дистанцироваться и лишний раз не лезть в предложенную ГОИ.

Причем предполагалось, что инициатива будет действительно общественной, так как все мы помним про до конца не реализованную проснувшуюся гражданскую активность общества. Вот Шилов и предложил ее направить на эту ГОИ. А заход на нее он предложил сделать через научное сообщество, конкретнее, через экологов, который даже внутри науки были в некоторой опале. Повод же для инициативы был достаточно простой: «Вот мы долгое время про экологов не вспоминали, а они вон что наисследовали». Кстати, иссле-

дований у них действительно накопилось много, и серьезных, даже можно сказать достоверных. Правда пользовались их изысканиями, по уже названным причинам, лишь узкая группа лиц: биологи, геологи и агрономы. А дальше они уж данные экологов выдавали за свои, иначе бы их просто не восприняли, до такой степени «эко»-политиканы дискредитировали целую научную отрасль. И касается это не только экологии – любой отрасли. Но сейчас не об этом. Возвращаясь к ГОИ, все, что сбыло сказано выше, и общественные настроения, и заход через экологов, дистанцирование верхов, сработало. Оно не могло не сработать, так как, фактически, мы создали ситуацию, пусть и не большого и не фатального, но бунта, в случае если бы эту ГОИ не пропустили.

Плюс ко всему не будем забывать, что это был самый разгар избирательного периода, и воспользовались мы «рупором» «ДВиК» по-полной. Вплоть до того, что эта ГОИ стала частью нашей избирательной программы, так-что мы дополнительно привлекли к себе электорат из научного сообщества, которое обычно было не просто пассивно в выборах, оно вообще в них никогда не участвовало. А тут у нас даже нарисовалась группа ученых кандидатов в представительные и законодательные органы власти различных уровней. Без сомнений, это влияние и приказ Видова, чтобы и нас контролировать и самому иметь влияние. Вот такая вот сформировалась у нас диспозиция перед самым началом активной избирательной фазы. И позиции наши вновь стали

опасными, так как была весьма серьезная вероятность эти выборы выиграть, за счет добавления новой повестки и новых действующих лиц. Для Вас, Юрий, наверно это все до сих пор звучит дико? Как это так, выиграть выборы – значит поставить себя в опасное положение?

Нет-нет, отнюдь, я уже достаточно давно занимаюсь политической журналистикой и публицистикой, чтобы понимать на сколько подобная постановка отражает действительность. Я прекрасно осознаю тот факт, что для противостояния тем, кто является «верховными распорядителями», да еще и далеко не в первом поколении, нужно действительно что-то очень серьезное. По крайней мере, заход должен быть со всех фронтов. Ваше же потенциальное становление номером один в законотворческой деятельности просто-напросто ставило бы вас в расстрельную позицию, и не факт, что в переносном смысле.

Отрадно, что ты все это понимаешь. А вот лично у меня от подобной действительности к окончанию избирательного цикла начало подташнивать, физически. Когда же начались сами выборы, я просто действовал по заранее прописанным алгоритмам, и все. В любом случае, у нас на тот момент не осталось ни времени, ни возможностей на что-либо повлиять. И потом, была верхушка, которая могла повлиять на что хотела, и как хотела, я рассудил так: «В конечном счете это все нужно верхам в гораздо большей степени, чем нам, вот и пускай напрягутся хоть чуть-чуть». Поделился этими мыс-

лями с Авдеем Наумовичем, на что он ответил: «Согласен, мы сделали столько, что уже ничего не может пойти самотеком. Можешь спокойно контролировать ход кампании в автоматическом режиме». Собственно, так и прошли выборы, я бы сказал, достаточно буднично. Полномасштабного политического шоу, как это обычно бывало, не получилось из-за нашего присутствия, точнее из-за того, что мы действовали очень конкретно и наглядно, ну и сказался фактор Шилова, без этого и быть не могло. Конечно, можно назвать его линию поведения во время избирательного цикла неким шоу, но даже если и так, то никак не политическим, а скорее организационно-экономическим. В общем, где-то в середине голосования начала складываться именно та опасная для нас ситуация – мы, достаточно уверенно, набирали большинство, сразу скажу, что это было связано с тем, что мы недооценили фактор новизны, точнее узнаваемой новизны, если можно так выразиться. Ну знаешь, когда выходит какую-нибудь новинка за бешеные деньги, и первое время этот ценник не то, что держится, а даже растет, потом, когда «дико модные» насыщаются, цена резко падает и начинается массовая скупка, так как предложение все еще новое, но цена гораздо доступнее. Вот и «ДВик» изначально был инструментом противостояния самым верхам, да и созданным совместно с одним из них, теперь же движение стало ориентироваться на более широкие массы. Плюс у него был достаточно заметный позитивный багаж, да еще и то, о чем мы сказали ранее. Короче,

вот тебе и нарисовавшееся большинство в представительных и законодательных органах. И как я уже сказал, мы решили с этим ничего не делать, посмотреть на реакцию верхов.

И она последовала незамедлительно, как только стало очевидно, что «ДВиК» на тех выборах побеждает. Первым проявился руководитель Управления, причем, что странно, связался он почему-то со мной. Может хотел, чтобы я что-то исполнил по линии официального представителя правительства? До сих пор у меня на это нет ответа. В общем, вот какой короткий разговор у меня с ним состоялся: «

Руководитель Управления: Матвей Сергеевич, Вы видите, что на выборах происходит?

Я: А что, собственно, происходит? Вроде все без происшествий?..

Руководитель Управления: Не надо включать дурака, Вы прекрасно понимаете о чем я. Как намерены разрешать эту ситуацию?

Я: Прошу простить за непонимание, но никакой ситуации по выборам для разрешения я не вижу. По линии официального представителя правительства проходят исключительно официальные, подтвержденные и согласованные сообщения на эту тему. Если будут какие-то конкретные распоряжения, то обязательно рассмотрим и выполним.

Руководитель Управления: Ясно. Ждите последствий...»

Вообще конечно, странный ход, спрашивать меня о том, что мы собираемся делать. Может он посчитал меня главным

«агентом влияния», или даже «инструментом влияния»? Не знаю. Да и не важно это. Важно то, что и из этого разговора стало очевидно непонимание самих верхов, что же им делать в данной ситуации.

И получается, что лучшим на тот момент вариантом они посчитали бесконечные разговоры с угрозами, которые продолжались вплоть до получения окончательных официальных результатов. Причем связывались и со мной, и с Вадимом Максимовичем, и уж наверняка связывались с Авдеем Наумовичем, причем, уверена, что с ним разговоры были гораздо жестче, чем с нами. Вместе с тем, надо сказать, что были и те, кто хотел воспользоваться и, так сказать, примазаться к нашей весьма вероятной победе на выборах. Первым и главным среди них был, разумеется, Лобов. Правда делал он это также, в свойственной для него манере, через угрозы и ультиматумы, но об этом уже упоминалось. И вот за всеми этими «веселыми» разговорами, угрозами и ультиматумами случилось то, что никто из нас не планировал, но то, что уже какое-то время было очевидным – «ДВиК» победило на выборах в представительные и законодательные органы. Но, отрыв был небольшой, поэтому явного большинства у нас не было. А это означало только одно – остальные участники тех выборов соберутся в большую коалицию, так как все они, в той или иной степени, были порождением верхов. А главной задачей всей этой коалиции должно было стать противостояние нашему движению, потому что законодательная иници-

атива была у нас. Собственно, так и случилось.

Глава 40.

Какова была ваша первая реакция, и реакция Авдея Наумовича на окончательные официальные результаты выборов?

Что касается Шилова, то первой у него была не реакция, а действие – он написал заявление об уходе с должности руководителя аппарата правительства. Разумеется, предварительно уведолив нас. Вот, как мне это запомнилось: «

Шилов: Всех приветствую! Не могу сказать, что в позитивной обстановке. Все вы понимаете почему. При этом, также, все мы осознаем, что нынешняя ситуация целиком и полностью следствие исключительно наших действий, или бездействий, собственно, как и всегда. Поэтому, в нынешних обстоятельствах, нам ничего не остается, как действовать на опережение. Первым шагом с моей стороны будет уход из правительства. Думаю, что это решение разьяснять не надо – не стоит оставлять для них такой рычаг влияния. То, как будете действовать вы, в вашей воле, праве и власти. Действуйте согласно ваших интересов. Вадим, тебе на первом этапе придется существенно сложнее всех нас, посему считай, что я снимаю с тебя политические и организационные вопросы, занимайся непосредственно законотворчеством...

Я: Авдей Наумович, разрешите не принять такой подход,

я прекрасно осознавал на что шел, и готов к этому, поэтому я намерен реализовывать свои функции в полном объеме. Разумеется, при Вашем полноценном и полноформатном участии...

Елена Федоровна: Да и мы с Матвеем не собираемся держаться за свои правительственные должности, они для нас никакой ценности не представляют, да и не могут представлять. Мы также намерены сосредоточиться на работе в «ДВиК»...

Матвей Сергеевич: Полностью солидарен с Еленой Федоровной и Вадимом Максимовичем, всех вместе в это закопались, всем вместе и откапываться.

Шилов: Ясно. Как я уже сказал, приму любое ваше решение. Так, значит так. В таком случае, нашей первоочередной задачей в законодательном плане будет «забросать» законодательными инициативами все это сонное царство парламентов, заксоветов и прочих представительных структур. Черновики этих инициатив у нас куча, накопились за время нашей деятельности, надо их будет оформить как следует, чтобы ни один формалист и бюрократ не докопался, и вносить, вносить и вносить, чтобы другие «парламентарии» даже головы не успели поднимать. Это наша главная задача на первое время. Параллельно с этим надо будет возобновить и продолжить все, что мы делали до вынужденной остановки в правительстве. Собственно, мы этого и не прекращали, только теперь нужно будет вернуться к предыдущим подхо-

дам и методам. У меня, пока, все.»

Таким образом, мы утвердили программу первоначальных действий, главной целью которых было задать новый формат законодательной деятельности, за счет полного доминирования в законодательной инициативе. Плюс нам нужно было полноценно «перезагрузиться» по нашей деятельности до правительства.

Вадим, ты не упомянул один весьма существенный момент, ведь во время того разговора с Авдеем Наумовичем связался глава Управления и у них состоялся весьма неприятный разговор, даже по меркам того, как они общались во время избирательной кампании. Мы стали его свидетелями, так как Наумович нас во время него перевел в «невидимый» режим. Думаю сделал он это для того, чтобы мы еще раз воочию убедились в опасности сложившейся ситуации. В общем, вот его ключевое содержание: «

Руководитель Управления: Ну что, Авдей Наумович, можно Вас поздравить? Теперь Вы официально оппонент номер один, причем для всех. Надо оно вам было? Что теперь намереваетесь со всем этим добром и возможностями делать?

Шилов: Я бы может и ответил, но Вы же не затем со мной связались, чтобы меня выслушать, а за тем, я полагаю, чтобы рассказать каково мое место и что со мной будет если. Собственно, как это и происходит на протяжении последнего времени.

Руководитель Управления: Значит ты продолжаешь держаться этой, весьма вызывающей, линии. Хорошо. Ну тогда внимай ожидаемое тобой. Права на ошибку у тебя не осталось, любое подозрение на угрозу в наш адрес, и против вас всех тут же будет открыта внутренняя дисциплинарка, которую, сам знаешь, очень легко связать и с уголовкой. Ни одну твою инициативу больше не пропустят. И вообще, все, кто с тобой в связке, стоят под очень серьезным боем. Вот тебе диспозиция относительно тебя, я предупредил.

Шилов: Собственно, ничего особо не поменялось со времен моего первого дисциплинарного процесса, с тех пор мы постоянно действуем в этих условиях, не привыкать. А вот Вы упускаете один очень существенный момент – ни в какие законодательные или представительные органы я не иду, так как не избирался. И я даже не собираюсь пользоваться теми лазейками, которые вы для себя насочиняли, чтобы протаскивать и менять людей в соответствии с вашими интересами. Считайте, что я снова вернулся в бизнес. Так что большинство всех этих Ваших угроз просто ушла в пустоту. И отставку вы мне уже не дать не можете, думаю, не стоит разъяснять почему. Кстати, соответствующее заявление будет в течение трех дней.

Руководитель Управления: Значит, продолжаешь считать себя самым умным? Ладно...»

До сих пор мы не упоминали, что Авдей Наумович и не собрался становиться депутатом или верховным представите-

лем. Тут сказались и его, уже не раз упомянутая, ненависть к политике, да и в целом отсутствие такой необходимости. Вы спросите, а как же те, кто отдал нам свои голоса? Ведь большая часть из них голосовала, а том числе, и за ассоциацию с Шиловым. Ответ очень простой – наш избиратель прекрасно понимает, что для того, чтобы иметь влияние, не обязательно находится на виду, так что проголосовавшие за нас обманутыми себе не чувствовали. Да и повода у них для этого не было, с первых дней мы начали в точности исполнять все пункты нашей избирательной программы. Что, собственно, и не устраивало верхи, мягко говоря, и о чем была речь в упомянутом разговоре с главой Управления.

А вы помните первый инициированный вами законопроект?

Разумеется, помним. Лично я, практически все инициированные законопроекты помню, хоть их и было несколько сотен. Точнее подавляющее большинство из них были не законопроекты, а законодательные изменения, но тем не менее. Мы ведь не типичные «избранники», которые после каждой, так называемой, инициативы «обнуляются»... Но я не о том. Первым инициированным нами законопроектом было новое положение о законодательных органах, которое снимало с депутатов профессиональный статус, и переводило на содержание либо за счет тех сил, от которых они избрались, либо на самофинансирование. Главное то, что мы хотели снять содержание депутатов за счет бюджета, так как

это противоречило всей сути депутатства, а-то ведь сформировалась целая группа, так называемых, законодателей, которые становились депутатами только для массовки, и просто получали депутатские выплаты, ничего при этом не делая. Понятное дело, что подобная инициатива вызвала резкое неприятие среди остального депутатского корпуса, на этот счет у нас никаких иллюзий не было. Да и базовая задача, связанная с этой инициативой у нас была несколько другой, а именно, запустить масштабную негативную реакцию на эту инициативу среди всех законодательных и представительных структур, чтобы притормозить «законодательный конвейер» верхов. И нам это удалось.

Вообще, надо сказать, что основополагающим принципом действий в новом статусе был подход – иницилируем много популярных мер для народа и частного бизнеса, скорее всего не пройдет, но если пройдет, будет польза. Тем самым у нас, как и положено, был программа минимум – по существенному торможению «законодательного конвейера» верхов; программа оптимум – создание равных законодательных и правовых условий для граждан и государства; программа максимум – законодательно подчинить государство нуждам граждан. И даже реализация программы минимум позволила бы существенно продвинуть, улучшить и систематизировать законодательно-правовое поле нашей страны. Кстати, на это и была направлена наша вторая инициатива, точнее законодательное требование – провести полномасштабную ревизию

и инвентаризацию всех законодательных актов государства. Да, мы прекрасно понимали, что «наказанием» за эту инициативу для нас будет ее реализация нашими же силами. Мы даже угадали формулировку, с которой она нам вернулась: «Инвентаризируйте... Кто вам мешает?» Понятно, что остальные «законодатели» рассчитывали на то, что мы в этой инвентаризации закопаемся, и наконец перестанем мешаться, но мы были к этому давно готовы, все по той же причине, в ходе всей нашей предыдущей деятельности мы все отмечали и фиксировали, в том числе и бесконечные законодательные несоответствия и излишки, вплоть до того, что мы разработали автоматизированный алгоритм по их выявлению. Его мы запустили для реализации этой инициативы. Кстати, знаете сколько было выявлено перекосов и ненужных норм? Более пяти миллионов! А выявили мы из всего лишь за четыре месяца работы одного из главных центров моделирования, принадлежащих научному сообществу. И удалось нам это потому, что мы знали где, что и как искать. Мы также прекрасно осознавали, что результат, полученный за такое короткое время по такой масштабной работе, назовут фикцией, поэтому мы отложили его публикацию где-то на год. Понятно, что его и так называли фикцией, это вообще одна из основных риторических линий верхов и их прислужников, но отложив рассмотрение этого вопроса на год, мы хотя бы имели возможность сослаться на формальную основательность нашей работы.

Матвей, мне кажется ты начинаешь уходить в какие-то процедурные дебри, за которыми можно легко потерять суть. Кстати, на счет потери сути, на первом этапе и мы ее чуть не потеряли. Дело в том, что первоначальное количество действий, которое нам требовалось совершить было таково, что мы просто-напросто стали действовать в автоматическом, бездумном режиме. Да еще и все действия были в высшей степени механические. За всем этим мы не заметили, как угодили в поток законодательной рутины – инициирования ради инициирования. К счастью, Авдей Наумович вовремя и быстро вернул нас на содержательный путь, причем сделал он это в весьма запоминающийся манере: «Народ, вы, никак, устали сильно? Вы что творите? Мне теперь и к вам начать применять методы, которые я использую в отношении аппаратчиков и чинуш? То, что иницируете вы уже не отличить от того, что пытается протащить эта «гвардия блюстителей бреда». Никогда не стояла задача количество в ущерб содержанию, так-что притормаживайте и разрабатывайте все тщательнее и точнее. А в то, что уже проиницировали вносите соответствующие поправки и дополнения. И не устраивайте гонки в генерировании чуши, в этом у вас нет шансов против закоренелых аппаратчиков. Здесь гораздо важнее очередность принятия решений, а она зависит от проработанности этих самых решений, вот и действуйте в соответствии с этим.» Да, это был качественный втык от Наумовича, после которого мы в корне пересмотрели все текущие методы реа-

лизации наших планов, и уже больше никогда не гнались за тем, чтобы перегрузить главный процессинговый центр законодательства.

Да разъяснение получилось довольно прозрачным. А меня еще очень интересует вопрос, почему не один из вас не стал одним из руководителей законодательной деятельности? Ведь вы же были лидерами победившего «ДВиК».

За-то мы, за счет этого, стали полноценными участниками генерального госсвета. Это было куда важнее, в виду отсутствия в нем Авдея Наумовича, по понятным причинам. Отвечая же на Ваш вопрос, могу сказать, что для того было несколько существенных причин. Первая, и очевидная, была в том, что верхи просто-напросто не хотели видеть нас в руководстве чего бы то ни было, не говоря уже о парламентах и иных представительных органах. Об этом они нам неоднократно и прямо заявляли, причем, как положено, с угрозами, ультиматумами, запугиваниями и так далее, все в лучших традициях. Второй причиной было то, что никто из нас не подходил под формальные критерии руководящего звена законодательной власти, которые верхи сами и придумали. Это все, конечно, мелочь несусветная, и при желании все это легко обходилось, причем самими же верхами в пользу их заместников, но все же. Проще говоря, мы себе такого позволить не могли. Ну и не будем забывать про наши соглашения после первого процесса над нами, их никто не отменял, пусть они были и неформальными, давать лишний спо-

соб воздействия на нас как-то не хотелось. И потом, мы изначально не планировали занимать какие-либо парламентские должности, это просто не имело смысла. Ну кто такой, скажем, любой руководитель любого парламента? Обычный аппаратчик, по сути, ни чем не отличающийся от министра или руководителя секции госсовета. А нам, после работы в правительстве даже смотреть в ту сторону было тошно. А вообще, нам было гораздо удобнее и сподручнее не быть связанными никакими дополнительными обязательствами. Достаточно было обязательств перед избирателями, научным сообществом и лично Видовым.

Кстати, на счет него, я правильно понимаю, что весь первый этап вашего нахождения в законодательной власти, он занимался исключительно реализацией задачи по привлечению крупного международного инвестиционного капитала?

Да, именно, ведь больше и некому было ее решать. Собственно, вряд ли бы вообще в нашем государстве ее кто-то смог бы решить, кроме Авдея Наумовича. Ведь помимо всех сложностей, связанных с этой задачей, обозначенных ранее, она была еще чрезвычайно опасной. И опасность состояла в том, что надо было иметь дело с самыми нежелательными для верхов средствами – средствами, которые им не подконтрольны. А использование подобных средств, как Вы понимаете, верхи уже расценивают, как преступление против себя. Справедливости ради, надо отметить, что по-своему они правы, но не когда это превращается в паранойю и манию

преследования. И с высоты своего опыта взаимодействия с верхами могу сказать, что параноики там все, оно и понятно, иначе они бы не были в верхах. Но опасно, не опасно, задачу нужно было решать, и не только потому, что была договоренность и обязательства перед Видовым, это была действительно полезная необходимость, хотя бы потому, что в нашу экономику таких средств давно не поступало, все только через верхи и подконтрольные им структуры. Опять же, не могу сказать, что это плохо, вполне себе нормальный инструмент обеспечения стабильности и минимизации внешнего воздействия, но не до такой же степени, что альтерированное финансирование и фондирование в разумных объемах невозможно в принципе. К чему приводит тотальное огосударствление финансов мы все прекрасно знаем, и не только на примере нашей страны. Вот и у Шилова изначальная установка состояла в том, чтобы «пробить отверстие в этой стене, чтобы и стена не разрушалась, и приток свежего воздуха был», так он это сам формулировал.

Так, ко всему прочему, помимо болезненного противодействия со стороны верхов, было еще противодействие со стороны международного крупняка, которые, банально, боялись пропустить появления возможных конкурентов. И тоже, не безосновательно. Короче, со всех сторон одни затычки, даже при нашем втором пришествии в программу по территориям такого не было, а тут вообще беспросветность, да еще и в условиях фактического конфликта с верхами. Но,

как уже было сказано, задачу нужно было решать в любом случае. И Авдей Наумович начал делать это очень-очень тихо, тише обычного, так, что ни мы, ни Видов, до определенного момента, даже не подозревали о его действиях. Нет, мы, конечно, знали о том, что это все у него на повестке и в планах, но мы все думали, что он, пока, что-то там себе разрабатывает. А у него, оказывается, уже все было разработано, и действовать он начал сразу же после выборов, «прикрывшись» тем, что внимание верхов было отвлечено на «ДВиК». Конкретика нам, к сожалению не известна, мы уже упоминали, что после ухода из правительства он стал чрезвычайно закрытым, чуть ли не затворником, но принципиальный ход его действий мы знаем. Если кратко, они были следующими. Первый и очевидный шаг – создание компании международной юрисдикции, это было не сложно, хотя бы потому, что у Видова, как мы все хорошо знаем, было большое количество научных корпораций, на базе которых это все можно было перевернуть. Для этих целей была выбрана корпорация, занимавшаяся утилизацией на квантовом уровне, ну там знаешь, переработка квантовых процессоров, устранение различных излучений, изменение квантового состояния, и так далее. В общем, корпорация по необходимой тематике. Далее она была выведена в международную юрисдикцию через участие в международной утилизационной программе. Это все было не сложным, так как не представляло никакого интереса для верхов – финансирование за чужой счет, и

все потоки во вне. А вот дальше началось самое интересное. Нужно было эту переформатированную компанию с международной юрисдикцией опять приземлить у нас в стране, сохранив ее статус и, что самое важное, независимое международное финансирование. И что же сделал Авдей Наумович? Как всегда, то, до чего никто не догадался – организовал территорию в статусе анти-заповедника. Собственно, изобретение статуса анти-заповедника и было этим самым нестандартным ходом.

Думаю, тут надо напомнить, что такое анти-заповедник. Это территория полностью уничтоженная антропогенным фактором и предназначенная для полной рекультивации или размещения сверхвредных объектов. Это понятие было заложено в положение о программе по развитию малых территорий, и принято пакетом, так что никто из верхов на него особого внимания не обратил, им было интереснее, что для них все бесплатно, а поступления в бюджет увеличатся. Авдей Наумович же прекрасно помнил об этой возможности, закрепленной законодательно, ведь сам же ее и создал. А создал он ее надо сказать, дальновидно полагая, что таких вот анти-заповедников на территориях огромное количество, и с ними надо что-то делать. Кстати, и делать начали. Например, на трех или пяти таких площадках был начат полный цикл рекультивации, со снятием отравленного слоя, его полной переработкой, получением из него полезного сырья и дальнейшего его использования. Надо сказать, что сы-

рья получалось не мало, причем не очень дорого, отсюда и подъем мелкого производства на территориях, и, как следствие, увеличение поступлений в бюджет, но сейчас не об этом, тем более, что все это уже давно расписано, как и что. Вот и в случае с реализацией этой задачи, Наумович, вполне логично, прибегнул к этой возможности. В качестве территории под анти-заповедник была выбрана местность, которая по международным оценкам не представляла вообще никакой ценности и имела статус «мертвый грунт». По размерам она была не очень большой, всего пару десятков квадратных километров, но с точки зрения реализации задачи ее ценность было трудно переоценить. Особенно с точки зрения интереса верхов, точнее его отсутствия, так как тот участок ну абсолютно никакой ценности, в их представлении, не имел, а тут не то, что тратиться на его содержание и изоляцию больше не пришлось, так еще и пошли поступления в виде аренды. Вообще, верхи восприняли это поступок Авдея Наумовича не иначе, как помутнение рассудка, в связи с чем, они быстро передали тот участок под анти-заповедник в долгосрочную аренду, и перестали даже смотреть в ту сторону. Это и было нужно Шилову, главное было платить во время аренду, но с этим проблем не было, все-таки наука на тот момент была далеко не бедной сферой. Собственно, это все, что нам известно достоверно по поводу решения задачи изолированного получения чистого международного капитала, да и в целом всей задачи Видова.

Но вы не могли бы предположить или восстановить действия Авдея Наумовича? Так как это существенно, с моей точки зрения. Ведь это целый прецедент по доступу к весьма независимым ресурсам на территории нашей страны, а материалов по этому поводу, по понятным причинам, нигде не найти.

Можно попробовать, но это будет очень отрывисто и разрозненно, монолитной целостности не выйдет, точно. Если это устраивает, то, для начала, для меня, зная Нумовича, очевидным и естественным был бы шаг по заказу всяких международных экспертиз, с заключениями типа: «участок пригоден исключительно в качестве полигона для исследования процессов переработки высшей категории вредности», «объекту необходимо присвоить статус контрольной точки мониторинга экологической обстановки» и тому подобное. И сделать это нужно было бы для того, чтобы перевести эту зону из локального статуса в международный. А дальше уже дело техники, получай себе целевое международное финансирование, организуй себе какое-нибудь экспериментальное производство, только заботься о том, чтобы ни международные финансовые потоки, ни международные информационные потоки не пересекались с внутригосударственными, и все, по сути, задача решена. Но что-то мне подсказывает, что для Авдея Наумовича, было не все так радужно и просто. Основано это предположение на том, что правительство в срочном порядке скинуло на парламенты всех уровней закон «об

особом контроле территорий с особым статусом», да еще и с требованием первоочередного рассмотрения и обязательно-го принятия. Означало это не что иное, как вполне конкретные подозрения со стороны верхов. Ну не может быть так, чтобы десятилетиями до этого вопроса им не было дела, а тут вдруг они озаботились, да еще именно тогда, когда этим занялся Авдей Наумович. Скорее всего, они действовали по принципу: «ключевая задача – противодействие Шилову, и не важно чему конкретно», очень похоже на происки «троицы», но, вероятнее всего, активность эта исходила от Управления. На самом деле, не важно от кого все это исходило, важно то, что, вероятнее всего, Авдею Наумовичу пришлось все это обходить. А вот как, я уж точно не скажу.

Что ж, и этого вполне достаточно, чтобы понять возможную логику его действий. А что, Геннадий Евсеевич вообще никак не участвовал в решении этой задачи?

Конечно же, участвовал, но, разумеется, по-своему. Думаю он, прежде всего, готовил материалы для «информационной бомбардировки» нашего правительства со стороны международного научного сообщества, так как именно в тот период она была, как никогда, интенсивной. Вероятней всего, делалось это с той же банальной целью – отвлечь внимание от Шилова. На сколько это было успешным и результативным, судить не могу, к чему это точно привело, так это к серии крупных международных конгрессов в нашей стране. Разумеется, верхи это вывернули, как то, что наше государ-

ство находится на «переднем крае научного прогресса в тесном взаимодействии с мировой наукой». По факту же, была поднята беспрецедентная научная суэта, опять-таки, чтобы спрятать реальные задачи Видова, скорее всего. В общем, в конечном итоге, как я понимаю, все свелось к борьбе с показухой, посредством показухи, как это у нас часто бывает. Предполагаю, что это все было серьезным подспорьем для Авдея Наумовича, ведь, в конечном итоге, задача была решена, хоть и не в полном объеме, но предприятия по производству компонентов для орбитальной переработки и утилизации мусора все же было построено и запущено, и именно из средств «чистого» международного капитала. Казалось бы, по сравнению с теми задачами, которые Шилов решал ранее, эта была несусветной мелочью, но это только так кажется, ведь мы уже отмечали, что это стало серьезным прецедентом для развития подобных начинаний у нас в стране. Правда, и верхи не просто так верхи, на счет этого они тоже довольно быстро сообразили и развернули активность по противодействию таким вот исключениям. Но в нашем случае, главным является последствия для Авдея Наумовича.

Глава 41.

Я и вас хотел спросить о том же, о последствиях для вас и Шилова?

Ну, как всегда, началось все с разговоров соответствующ-

щего содержания. Не знаю, каковы они были у Наумовича, даже предполагать не буду, у нас же содержание таких разговоров было, примерно, следующим: «

Спикер парламента: Вы, почему-то, позволяете себе деятельность далеко за пределами Ваших полномочий и круга обязанностей. У Вас очень много свободного времени? Или Вы соскучились по дисциплинарным разбирательствам?

Я: Прошу простить, я категорически не понимаю о чем речь, можете конкретизировать?

Спикер парламента: Не изображайте бестолковость, все Вы прекрасно понимаете, я про ваше потворствование Шиллову в вопросах обхода всего нашего делового законодательства. И стоило ради этого так напрягаться и избираться в парламент?

Я: Все наши резоны, цели и задачи исчерпывающе изложены в нашей избирательной программе. Что же касается потворствования, то ничего такого нет даже близко. А при более пристальном рассмотрении окажется, что в вопросах потворствования нам очень далеко до тех, кто является депутатами на постоянной основе.

Спикер парламента: Прекратите вилять. Что это за линия поведения такая? В общем, я вам делаю внушение по этому поводу, впредь, любые следующие подобные действия с вашей стороны будут означать дисциплинарные последствия, вплоть до исключения.

Я: Хотите парализовать работу представительных орга-

нов, как это не раз бывало? Воля Ваша.»

И такие вот беседы были проведены с каждым из нас, неоднократно и с различными «собеседниками», от низших спикеров до главы Управления. И каждый из них был фанатично убежден, что мы избрались в парламенты только для того, что Авдей Наумович решал свои задачи. То, что они сами нас вынудили избраться, чего мы не хотели, они как-то быстро позабыли. Вообще, «быстро прогрессирующий конъюнктурный склероз» очень распространенный диагноз для подавляющего большинства аппаратчиков. Причем, насколько я успел понять, это не лечится. Вылилось все это в то, что Верховный ввел мораторий на законотворческую деятельность в течение целого месяца, до такой степени они перепугались того, что мог сделать Шилов в связке с нами. И самое смешное здесь то, что он вообще не обратил на это внимание, даже не заметил, так как был поглощен развитием начатого, уж очень он хотел побыстрее расквитаться с обязательствами перед Видовым.

А вот сам Видов на этот мораторий вполне себе отреагировал, и даже захотел этим воспользоваться. Для этого он попросил всех депутатов от научного сообщества сделать ситуационный срез, что происходит в стране, когда законодательный процесс остановлен, что происходит, когда он работает на полную. Цель этого исследования была достаточно тривиальной – сравнение двух разных ситуаций в свою пользу, в данном случае, как я полагаю, показать, что большая

часть законов инициируется и принимается ради самого процесса, чтобы оправдать само депутатство, да еще и в таком количестве. Признаю, хороший ход, мы до этого не догадались. Был бы Авдей Наумович с нами, обязательно провернули бы что-то подобное, и гораздо эффективнее и продуктивнее. Но, сейчас поздно причитать, на тот момент инициатива была у Видова, и он ей воспользовался вполне результативно для себя. А именно, он добился постоянного контроля и мониторинга за законотворчеством и вошел в высшую комиссию по законодательной деятельности. По факту, он отделил и обособил всю группу от научного сообщества в законодательных и представительных органах, которая и так была в значительной степени сама по себе, а получив таким образом, и инструмент влияния и инструмент принятия, да еще имея доступ к независимому источнику финансирования, он начал строительство своей «наукокрапии», к чему он так давно стремился. Вот вам и всесторонняя выгода, этим он очень напоминал Лобова, который также умел действовать на несколько результатов. Но нам, от этих успехов Видова ни тепло, ни холодно, для нас это была всего лишь очередная новая ситуация. Шилов же, разобравшись со всеми своими обязательствами пред Видовым, или не знаю уж, как они там решили, вернулся на свое первоначальное производство, которое он чудом сумел сохранить, и на какое-то время окончательно выпал из всех процессов. Надо полагать, взял некий перерыв, который продолжался около года...

И что, за все это время он никак не проявился?

Вы знаете, на фоне всего, что мы описали, как-то всем резко стало не до него. В том числе и нам, к нашему стыду. Нет, мы, конечно, пытались с ним связаться, но тщетно, и через какое-то время прекратили это. Все это время мы блокировали попытки верхов окончательно закабалить экономику и финансы, да и их вечная концепция, что «независимый бизнес должен быть не больше определенного размера, иначе он становится угрозой» постоянно проявлялась в их законодательных инициативах. Плюс их постоянное желание контроля всего и вся... В общем, занятий нам хватало, и все это, как полагается, в режиме двадцать четыре на семь, другого не дано. Еще не будем забывать про постоянные настойчивые «подбрасывания» со стороны Видова его инициатив. Тут вообще про все можно забыть. Нас это, конечно же, не оправдывает, но обстановка была именно такой. А уж что конкретно в это время делал Авдей Наумович, мы точно не знаем.

И это продолжалось до того самого, резонансного выступления Шилова на международном форуме независимого бизнеса, на который он был приглашен в качестве главного выступающего. Все мы прекрасно помним то его выступление, но мы втроем сошлись на том, что самой важной его частью был вот этот момент: «... Я ни в коем случае не собираюсь оспаривать человеческую природу, понятно, что при любых ситуациях и условиях, практически лю-

бой человек будет думать прежде всего о себе и своих близких, исключения составляют только высокодуховные и высоконравственные люди, коих настолько мало, что они мало кому встречаются. Понятно также, что для подавляющего большинства основным двигателем является формирование его личных условий жизнедеятельности, причем в самом широком смысле. Я также прекрасно понимаю и осознаю, что субъективизм, во многом, и является тем самым отличием одного предпринимателя от другого, одного предприятия от другого, собственно, это единственно оставшееся конкурентное поле для всех здесь присутствующих. Но даже учитывая все это, не уже ли так обязательно быть по отношению друг к другу мразями и подонками? Ведь вы же тем самым, своими же действиями придаете еще большее влияние на себя со стороны внешних факторов и конъюнктуры, и я говорю сейчас не только о ваших правительствах, а вообще обо всем, что вас окружает. А потом мы удивляемся, почему построить что-то крупное и действительно заметное удается только одному проценту предпринимателей с определенным набором редких качеств? И да, ответ будет – именно благодаря этим качествам, но мы своей мразотностью только усиливаем эти их качества, а потом возмущаемся, куда смотрят регуляторы, чем заняты контролирующие органы, зачем мы создаем все эти саморегулируемые объединения, и тому подобное. Фактически, я говорю о том, что девяносто девять процентов из нас сами себя топят и не дают развиваться именно

из-за того, что главной движущей силой любого бизнеса на сегодняшний день стала именно озверелость, в самых плохих ее проявлениях. Но это, как всегда, мой, исключительно субъективный, взгляд...» С моей точки зрения, сильно. Это подтверждает и реакция на эти заявления. Подавляющее большинство бизнес сообщества сочло его защитой современных государственных институтов, и что Шилов превратился в чиновника. Аппаратчики и чиновники, по своему скудоумию, восприняли его, как очередной наезд на них. Общественность, как всегда, в принципе игнорировала подобные мероприятия, считая их выставкой понтов. А знаете со стороны кого была действительно позитивная реакция и обратная связь? Как это ни странно, со стороны того самого одного процента сверхуспешных предпринимателей, о которых говорил Авдей Наумович в своем докладе.

А когда нам довелось спросить некоторых из них о том, почему они восприняли тот доклад Шилова позитивно, и даже выступили сторонниками такой позиции, принципиальный ответ был простым: «Во-первых, все сказанное соответствует действительности. В-вторых, сволочизмом и мразотностью надо пользоваться очень внимательно и дозировано. Ну, и наконец, в-третьих, мы кровно заинтересованны в крепости бизнес-сообщества, так как из этой крепости может родиться совершенно новая реальность, в которой все будет подчинено и направлено не на получение власти ради власти, а на всестороннюю реализацию человеческого потенци-

ала. По крайней мере, мы сможем наконец-то подчинить государство обществу, так как сознательность общества будет на несколько порядков выше.» Иными словами, суперпредприниматели дали понять, что для них гораздо выгодней, когда события и процессы происходят на основании общих интересов, а не все идет на поводу у узкой кучки лиц, да еще и с весьма специфическими ориентирами. В общем, не затихала вся эта история целый месяц. Дошло до того, что отдельные предпринимательские объединения вполне серьезно требовали проведения нового дисциплинарного трибунала в отношении Шилова, чему госаппарат был очень рад, так как в очередной раз на какое-то время Авдей Наумович отвлек от них внимание на себя. Сам же трибунал никто проводить не собирался, в той ситуации это было абсолютно бестолковым занятием. Да и Шиллов после того выступления опять ушел полностью в режим тишины. Тем не менее, весь тот эффект привел к очень интересному результату. Более того, сейчас я понимаю, что по другому и быть не могло. А результатом стало всем известное публичное предложение Авдею Наумовичу со стороны председателя генерального госсвета возглавить северные территории, специально объединенные для этого в государственный округ.

Как уже было сформировано это предложение, и что стало его реальными причинами, мы можем только догадываться. Но, самым удивительным для нас, и не только для нас, стало то, что Шиллов это предложение принял, да еще и без

дополнительных «торгов» и условий, что для него вообще не характерно.

Да, это и для меня стало очень заметным событием, так как именно в тот момент я впервые обратил внимание на личность Авдея Наумовича. И все же, не могли бы вы озвучить ваши предположения относительно причин и резонов этого назначения.

Думаю, что мысли о том, чтобы вновь вернуть Шилова «в поле своей деятельности», появились у верхов еще в тот момент, когда он наладил фондирование из чистого международного капитала задач Видова, так сказать: «Пусть лучше этот парень играет за нас, чем за Видова.», видимо таков был изначальный мотив. А уж когда он заполучил в качестве своих сторонников сверхуспешных самостоятельных предпринимателей, то тут уж, думаю, верхи серьезно так озаботились. Видишь ли, такой союз Авдея Наумовича и бизнес-гениев мог бы реально изменить не только государственную повестку, но и все государственное устройство, а это один из самых больших страхов для верхов. Кстати, ход с этим предложением очень похож, по стилистике, на инициативы Лобова. Во всяком случае, без него точно не обошлось. Могу говорить об этом с большой достоверностью, так как после согласия Шилова, на «ДВиК» со стороны Лобова и «троицы» пошли очень интенсивные атаки, в частности они призывали и настаивали на том, чтобы подвергать жесточайшей экспертизе каждую нашу законодательную инициативу. А их глав-

ным аргументом в этом был тезис, что: «Любая инициатива с их стороны направлена только на то, чтобы потворствовать Шилову, то есть международному капиталу, в их стремлении захватить наш рынок.» И это все не смотря на то, что каждая формулировка в наших законодательных инициативах была максимально прямой и недвусмысленной за последнюю сотню лет, по крайней мере. Ведь несколько созывов до нас только и работали на то, чтобы предать легитимности, а в некоторых случаях и легальности, деятельности верхов и государственных корпораций. Хоть, и это тоже не могло устраивать верхи. В общем, на фоне принятия в управление северных территорий Шиловым, началась полномасштабная подготовка к досрочному переизбранию всех законодательных и представительных органов, с целью исключения из них «ДВиК». Такая вот диспозиция нарисовалась. И если честно, то я однозначно не скажу, какая задача была первоочередной для верхов, то ли нас выжить из парламентов, то ли Шилова вернуть под свой контроль.

Кстати об этом, как вы думаете, почему он все-таки это предложение принял?

А вот по этому поводу у нас троих с ним состоялся разговор, впервые за достаточно продолжительное время. Его содержание было примерно таким: «

Шилов: Не буду разьяснять причину долго отсутствия контактов, это не существенно. Гораздо существеннее сейчас ваше нынешнее положение. И поверьте мне, не смот-

ря ни на что, я очень хорошо о нем осведомлен. В связи с этим хочу сообщить вам вот что, никто в верхах не хочет каких-либо катаклизмов с законотворчеством, и уж тем более никто не хочет очередного парламентского кризиса. Поэтому, имеется следующее предложение – наверняка вы слышали он моем новом назначении, так вот, предлагается направить все инициативы «ДВиК» на северные территории, в тестовом режиме, а вы, друзья-коллеги, снимите моратории и вето, наложенные вами, где только возможно. Да, это очередная низкопробная, противная сделка, но лично я другого варианта не вижу. Могу только сказать, что если вы вызвали такую реакцию верхов, значит делали все верно. Но, к сожалению, в этом мы подошли к границам наших возможностей. Мысли, сужения?

Вадим Максимович: Лично я по-прежнему доверяю Вам, Авдей Наумович, и если Вы говорите, что надо так, значит так и надо. Только посвятите меня недалекого, на кой черт мы до этого столько лет упорствовали, чтобы в итоге пойти на такую вот сделку? Особенно, принимая во внимание Ваши новые возможности, основанные на чистом международном капитале.

Шилов: Ты все такой же категоричный, Вадим? Похвально. Ну, во-первых: возможности не мои, а скорее Видова. Второе, если смотреть по большому счету, то добились мы очень много, чего не одна, так называемая, оппозиция не добивалась. В-третьих, подход простой, есть, что предложить,

предлагай.

Вадим Максимович: Если честно, то было бы, что предложить, уже давно бы не только предложил, но и реализовал. Я с этого и начал, если так, значит так.

Я: И потом, Авдей Наумович, впервые за долгое время я вынуждена констатировать, что нас придавило текучкой и рутиной так, что думать о какой-то внятной стратегии пока не приходится. Я прекрасно понимаю, что так быть не должно, что всегда нужно видеть все перспективы, но, к сожалению, головы поднять нам пока не удалось.

Шилов: Ну вы же прекрасно понимаете, что заваливают вас специально и целенаправленно, как раз для того, чтобы вы подняться и не смогли. Я вам и предлагаю вариант, как это обойти.

Матвей Сергеевич: Это все понятно. Мы несколько не о том, если я правильно понял своих коллег, вопрос на самом деле сводиться к простому – дальше мы с Вами или снова без Вас?

Шилов: Прозрачно... Боюсь, что нужно будет реализовывать третий сценарий – я против вас, пусть и номинально.

Я: Это каким же образом?

Шилов: Очень просто. В уставных документах вновь образованного северного округа определено формальное равноправное троевластие со стороны общегосударственных органов, окружных исполнительных структур и местных законодательных структур. И да, это некий очередной эксперимент

верхушки, точнее, в большей степени, Управления, а мы выступаем в качестве некоего материала для этого эксперимента, он опять же, нужно иметь в виду сложившуюся ситуацию, как мою, так и вашу, не в том мы положении, чтобы слать верхушку.

Матвей Сергеевич: И кто же со стороны верхов в этом всем будет участвовать?

Шилов: В этом и самое «веселье», Лобов и тройка кретиннов, он с ними опять завязался, как я понял, как раз на почве получения «собственных» территорий.

Вадим Максимович: Что-то это сепаратизмом отдает. Не уже ли в верхах этого не замечают?

Шилов: Видать отвыкли вы слегка видеть широкую картинку. Конечно верхушка это осознает, поэтому и кидает в расход нас против них.»

После этого разговора для нас многое прояснилось, хотя реальные мотивы верхов по поводу северного округа так и не были ясны, но интерпретация Авдея Наумовича была достаточно складной и логичной, поэтому мы решили ориентироваться на нее, собственно, как и всегда.

И надо признать, что мы тогда действительно до такой степени закопались в текучку и рутину, что практически не замечали происходящего вокруг. А это не просто непростительно, этого могло стать для нас вообще фатальным, если бы не своевременное вмешательство Наумовича. Самым же фатальным, что могло бы быть, так это возвращение «ДВик»

под контроль Лобова, вот это было бы нам «веселье». Спустя некоторое время, я осознаю, что такой вариант был вполне реален. Возвращаясь же к вопросу по северному округу, надо зафиксировать главное – в новой конфигурации, которую мы должны были сформировать, Шилов должен был стать нашим оппонентом или противовесом, в организационном плане. И тут уже не важно формально это или реально, важно другое, мы должны были вспомнить какого это, ведь мы и начали весь этот рассказ – с того, что изначально мы были яркими противниками Авдея Наумовича. Но как это было сделать, когда мы все стали полностью его сторонниками? Этого мы не понимали, даже если это надо было делать в качестве показухи. Вся наша деятельность основывалась на его идеях, видениях и предложениях, а тут надо было одно-моментно придумать что-то непохожее, да еще и такое же складное. Но в этом и проявилась самоотреченность Авдея Наумовича, так как он сформировал совершенно новый базис для своей деятельности в качестве главы северного государственного округа. Иными словами, нам ничего придумать не пришлось, более того, нам даже не пришлось ни подо что подстраиваться.

А не могли бы вы чуть подробнее остановиться на должности главы северного округа? Правильно ли я понял, что это была восстановленная должность, но с новым статусом?

Я Вам больше скажу, по всем признакам, она была придумана исключительно для Авдея Наумовича. Вообще, офи-

циально она называлась – председатель исполнительной комиссии по развитию северных территорий, ну любят у нас верхи пафос, ничего не поделаешь. Мы же, для простоты, называем ее глава северного округа. Как уже отмечалось, достоверно мы не знаем для чего конкретно эта должность была учреждена, но лично мое мне сводится к тому, задач состояла в том, чтобы выделять самые полезные и перспективные для верхов практики Шилова, которые бы обкатывались на «неважной» для них территории, и адаптировать под свои задачи на все государство. Ведь, что ни говори, а изобретательность Авдея Наумовича в решении широкого круга задач отмечали все, даже Лобов и «веселая троица», от того и держали его при себе так долго, и никак не могли оставить в покое. Надо сказать, забегая вперед, верхушка, да и не только она, получили от Шилова большое количество способов и методик, это еще не считая того, что ими было от него получено при работе над ГОИ, программой и в качестве руководителя аппарата правительства. Только вот, разумеется, все это было применено в соответствующем для них контексте. Но это, я думаю, можно уже и не подчеркивать, итак видно, к чему все это привело.

Можете вспомнить какие-нибудь конкретные примеры таких методик?

Да вот хотя бы то, с чего он начал. А начал он с того, чтобы достичь лучших стандартов жизнедеятельности мегаполисов на северных территориях. Например, доступности к

озелененным территориям, что способствовало и являлось базой для большей продуктивности, активности и соучастия немногочисленных жителей северных территорий. Да, по сути, это было продолжением общей концепции повышения социальной активности, но в новых, гораздо более экстремальных, во всех смыслах, условиях. И как Вы думаете он решил эту задачу? Думаете через создание дорогущих экосфер? Нет, даже не близко. Он прибегнул к опыту по сельскому хозяйству, полученному, когда мы руководили программой по территориям, только теперь он культивировал то, что приспособлено к условиям северных территорий. В результате одновременно решились проблемы с физической активностью, озеленением, досугом и много с чем еще другим. Но главный фокус состоял даже не в этом, а в том, что для этого не потребовалось практически никаких усилий, я уж не говорю о финансах, все обошлось разговорами с местными. Тем самым Авдей Наумович доказал, что если дело касается непосредственно людей, то есть крайней стадии субъективизма, то и решение должно быть точечным и уникальным. Но это уже методологические пассажи, совершенно бесполезные, если у применяющего их нет соответствующих навыков.

Понятно. А с чего начали вы?

Для начала нужно сказать, что каждому из нас досталась также вполне себе конкретная должность. Моя называлась – координатор законодательной деятельности по северным

территориям. Должность Матвея Сергеевича – глава комитета правоприменительной практики на северных территориях. Елену Федоровну назначили – главным государственным парламентским представителем на северных территориях. За всем эти сложноподчиненным пафосом скрываются вполне себе простые функции: моя – регламентирование деятельности Шилова; Матвея – оценка деятельности Шилова; Елены – направление деятельности Шилова на путь «генеральной линии верхов». И вновь, на лицо примитивность подхода верхушки к решению многих вопросов, в частности в данном случае они ограничились лишь сменой подчиненности, то есть не мы подчинялись Авдею Наумовичу, он был подотчетен нам. Они же не знали, да и подумать не могли, что в нашей совместной работе никто ни для кого начальником-то и не был. Собственно, все наше сотрудничество заключалось в простом подходе – вот база, основной концепт, если всеми принимается, то каждый идет реализовывать свой участок так, как он это умеет. Другой вопрос, что создание концепции всегда было делом Шилова, но и это не означало нашу подчиненность ему. «Если бы у меня была жизненная необходимость в подчиненных, то я бы пошел на военную службу, и не стал бы создавать полностью автоматизированное производство.» Так он высказывался по этому поводу сам, имея в виду свое предприятие. И действительно, даже когда он был руководителем аппарата правительства, у него, фактически, тоже не было подчиненных, точнее весь

аппарат подчинялся не конкретно ему, а общим целям и задачам.

Вот и мы в отношении северных территорий начали с понимания того, какой концепт был у Шилова и чего добивались верхи, чтобы и Авдея Наумовича не подставить, и чтобы у верхушки не возникло оснований для обвинений нас в потакании ему. Благо для нас сразу же стало очевидным, что у верхов задачи те же, старые и примитивные: минимум затрат, максимум отдачи, мертвая стабильность, ну и если получится, применение чего-нибудь из опробованного в своих корыстных целях. Да видение Наумовича нам удалось разглядеть сразу же, так как мы более, чем детально и предметно знали все его предыдущие разработки. Поэтому первое время в новой конфигурации, примерно года два, прошло достаточно спокойно, на столько, что особо никто не заметил, что образовался новый государственный округ, что он достаточно быстро стал вполне самостоятельной внутригосударственной единицей, что некоторые методы, применяемые здесь, впоследствии распространились на всю страну. В общем все в лучших традициях массового государственного пофигизма.

Глава 42.

А дальше, как я понимаю случилось исчезновение...?
Нет-нет, Юрий, этому, как Вы помните, еще предшество-

вал целый ряд громких, резких и резонансных выступлений и публикаций со стороны Авдея Наумовича. После них он вновь заставил всех обратить внимание не только на себя и на северный округ, но и по другому посмотреть на все происходящее в нашем государстве. Под всеми понимается не только наша страна, но и международное сообщество. Вспоминая же про тот период, надо начать с того, что и для нас такая экспрессия со стороны Шилова была полной неожиданностью. Нет, разумеется, как мы уже отмечали, в его поведении произошли существенные изменения в сторону меньшей сдержанности, но чтобы настолько агрессивно, это было заметно даже на фоне его «нового характера». Началось все с ничего не предвещавшего, вполне себе рядового доклада о состоянии северных земель на одной из секций, изрядно разросшегося к тому моменту, госсовета. Вот его ключевая часть: «

Шилов: На вверенных мне в управление территориях постоянно проживает не более девятнадцати миллионов человек, а напрямую мы обеспечиваем около тридцати двух миллионов жителей нашей страны, не считая себя. При всем при этом нас назойливо контролируют и отвлекают больше пяти с половиной миллионов чиновников государственного аппарата. В результате, мы больше четверти времени, которые могли бы потратить на созидание, тратим на удовлетворение самолюбия всей этой армии контролеров. Я давно уже обращал внимание на то, что количество чиновников и ведомств

у нас не просто избыточное, а такое количество, извините за аллегорию, висит гирями на всем созидательном, что есть в нашем государстве. И за все свое время работы на государственной службе я так и не нашел ответа на вопрос «Зачем столько?» Даже мало-мальски вменяемого довода я не услышал. Но в целом я хочу обратить внимание даже не это, а на то, что реальная деятельность практически всех органов государственной власти никак не совпадает с заявленными целями и задачами. А уж если дело в интерпретации этих целей и задач, то значит сами цели и задачи обесценились, поскольку формулировка любой цели должна быть максимально прозрачной. Если это не так, то значит у нас с вами большие проблемы с государственным планированием.»

Конечно, ничего нового Авдей Наумович не сказал, это было мнением подавляющего большинства еще самостоятельно мыслящих граждан, но так как это было заявлено публично и с «высокой трибуны», да еще чуть ли не в форме обвинения, то реакция на это выступление получилась достаточно яркой.

Это точно. Первыми, как водится, отреагировали центральные государственные информпотоки, обвинив Шилова, ни много ни мало, в расшатывании государственных устоев. И сами же, как это не удивительно, получили за это серьезные нагоняи от верхов, да такие, что им пришлось резко делать опровержения и сглаживать ситуацию. Дело в том, что подобная реакция со стороны государственных СМИ лишь

подтверждала и укрепляла слова Авдея Наумовича, а это им ну никак не было нужно, поэтому вся их деятельность в этой связи была направлена на всестороннее «погашение реакции». Вплоть до того, что даже с общественниками была «проведена работа» на предмет не реагирования на ту речь, что бывает крайне редко, я имею в виду разговоры верхов и общественников. В общем, резонанс по той речи удалось достаточно быстро загасить. Что было сделано в отношении Авдея Наумовича мы, опять-таки, знать не можем, но по тому, что нам пришло предписание остановить на некоторое время законотворческую деятельность в отношении северного округа, можно понять, Шилова, мягко говоря, не похвалили. Но на этот раз, публичное молчание с его стороны продлилось не долго – в свет вышла его вполне знаменитая публикация «Регулирование ради регулирования саморегулирования в не отрегулированном», в которой он достаточно детально описал и доказал, как бестолковость самой псевдо-системы, так и ее исполнителей. Лично я прочитал ту публикацию раз десять, если не больше. Вышла она на одном из крупнейших международных ресурсов для публикаций, так-что верхушка ее показательно проигнорировала, дескать это не про них и их не касается.

Думаю, что Авдей Наумович поступил так вполне сознательно, в виду того, что после нее было его выступление на международном собрании местных властей. А само выступление велось к следующему: «

Шилов: Ситуация органов местного самоуправления во всем мире состоит в постоянном балансировании между запросами жителей и государственных властей, которые редко когда совпадают. Не буду сглаживать углы, что очень и очень многие деятели местных властей рассматривают свою работу исключительно, как первый этап в карьере. А их личные амбиции связаны лишь с получением все большей власти. Но надо также отметить, что именно на этом уровне любого государства находится большинство созидательных чиновников, которые действуют не только из личных интересов, а прислушиваются и решают вопросы своих местных жителей. С моей точки зрения это может и должно стать хорошей базой, для изменения сущности всего чиновничества в мире.»

После той речи мне даже позвонил руководитель Управления, с вопросом: «А не прорезались ли у Шилова политические замашки?». На что я ему ответила, что если бы прорезались он был бы первым, на ком это отразилось. Разумеется, он сильно обиделся и воспринял это, как акт агрессии, вплоть до того, что в отношении меня провели дисциплинарную проверку. Но я этого уже давно не опасалась, так как поставить на контроль Шилова, кроме нас троих, все равно им было некого, так-что я даже не поинтересовалась, какое же предписание мне было вынесено. Возвращаясь же к Авдею Наумовичу, скажу, что и в этот раз верхи максимально демонстративно не обращали внимания на сделанные заявления.

Верхушка-то не обращала, а вот то самое активное меньшинство в местных органах власти начало активную «бомбардировку» государственных органов на предмет пересмотра кучи всего, вплоть до бюджетов. Дошло до того, что был созван внеочередной генеральный госссовет, касавшийся полномочий местных властей. И что характерно, без участия Шилова, не смотря на то, что власти на местах требовали его присутствия в первую очередь. Но верхи на то и верхи, что они прекрасно осознавали, к чему могло привести присутствие Авдея Наумовича на том мероприятии, поэтому ему было строго-настрого запрещено участие, а нам было поручено это проконтролировать. Правда, как мне показалось, Наумович и не планировал принимать участие в том госссовете, ведь он уже добился того, чтобы местные власти проявили хоть какую-то активность. Однажды он сказал: «Все мы знаем, заезженную фразу: «Движение – жизнь». Так вот, даже если инициировать деструктивное движение, это все равно будет позитивней, чем застой, так как мы также помним, что действие рождает противодействие, а противодействие деструктиву всегда будет созидание.» Полагаю, что этого он и добивался той речью на международном съезде.

Вероятно... А пока верхушка утихомиривала низы на местах, Авдей Наумович разразился еще одним, весьма резонансным и широко освещенным действием – подал иски к каждому из «веселой троицы». Причем по нескольким составам. Это было полнейшей неожиданностью даже для нас,

несмотря на то, что у Шилова были все материалы и основания для этого. И надо подчеркнуть, что одним из составов для каждого из них было обвинение в саботировании государственных обязанностей. А примечательно это тем, что при подобном обвинении процесс по нему становиться публичным. Проще говоря, я считаю, что Авдей Наумович в большей степени добивался не реального обвинения или осуждения этих троих, а публичного представления того, кем они являлись на самом деле. Кстати, сам факт подачи исков, Наумович так же сделал достоянием общественности, написав открытое письмо в стиле: «Считаю важным донести до сведения общества, что мною были поданы иски к таким-то гражданам», тем самым он как бы приглашал общественность к участию в этих процессах, ну или, но крайней мере, расширял зрительскую аудиторию для еще большего резонанса. Ты-то, Юр, наверняка помнишь весь этот процесс?

Я его не только очень хорошо помню, именно я его и освещал от своего ресурса. А каждое цитирование Авдея Наумовиче в ходе этого процесса приводило к очень заметному росту подключений. Например, первое же открытое заседание высшей дисциплинарной комиссии по тем искам показало нам максимум интереса к нашему ресурсу за всю его историю. Особенно, вот эта часть: «

Шилов: Хочу, чтобы высокая комиссия поняла меня правильно, как по букве, так и по духу принятых норм. У ме-

ня нет, и не может быть личных претензий к ответчикам, так как я их все это время воспринимал и относился, как к должностям, к набору функций, которые они должны исполнять, и именно эти самые функции ими либо не исполнялись совсем, либо истолковывались в свою пользу, для достижения сугубо личных целей. И в ходе данного процесса я покажу на сколько же все законодательство в отношении государственного аппарата настроено исключительно для реализации личных, персональных интересов. Сразу же хочу обратить внимание на то, что ответчики не раз инициировали в отношении меня различные дисциплинарные процессы, и мой нынешний иск может быть истолкован, как некая месть им за это. Это совершенно не так, по одной простой причине, в случае удовлетворения иска я потеряю любую возможность занимать государственную должность и буду вынужден вернуть сумму всех заработанных средств за время моей государственной службы. Так-что не только не получу никаких выгод от удовлетворения иска, а я еще и понесу существенные потери. Но готов идти на это, дабы доказать и показать необходимость серьезных и глубоких изменений во всем государственном устройстве.»

А вот на это верхушка уже не могла отреагировать, так как это было не иначе, как покушение на всю ту базу, на которой они держались до сих пор – так называемый «вопрос трактовки». И первое, что они сделали, это инициировали по всем возможным фронтам процедуру исключения «ДВиК»,

и нас вместе с ним, из парламентов всех уровней. Таким образом, они как бы говорили Шилову: «Если тебе нечего терять, то мы уничтожим твоих соратников». Опять же, в этом всем явно прослеживался почерк Лобова, который одновременно хотел и себе защититься, и этих троих клоунов отмазать, и пролезть за счет этого снова в самые верхи.

Была только одна «маленькая» нестыковочка – ни единого, даже формального, повода для вывода «ДВик» из законодательной системы не было, плюс к тому времени мы уже успели провести норму об участии в «снятии» всех местных парламентов независимо друг от друга. Тем не менее, все местные провластные силы ринулись решать поставленную задачу, как обычно, тупо, не обращая внимание ни на что. Смысл их действий сводился к тому, чтобы задергать каждого из нас в отдельности по различным каналам, чтобы мы совершили ошибку или несколько, которые бы привели к появлению формальных оснований для нашего исключения. И начали они почему-то с меня. Сначала они пытались притянуть аффелированность – не прошло. Потом злоупотребление – аналогично. Потом, очевидно с подачи Лобова, мне пытались вспомнить мои огрехи, когда я работал на него, но видать сам же Лобов быстро смекнул, что это может быть использовано против него, поэтому это направление развивать не стали. Ну и все в таком духе. А сколько было грозных разговоров я даже вспоминать не буду. И такое проделывалось с каждым из нас.

Точно... Дошло до того, что приступая к очередному рабочему периоду приходилось больше думать не о законотворческой деятельности, а о том, как и от чего придется отбиваться дальше. Благо, к тому моменту алгоритмы законодательных инициатив у нас были отлажены, а самих инициатив было столько, что хватило бы на несколько созывов, правда подавляющее большинство из них были направлены на отмену или пересмотр действующих законов и норм. Короче, время и возможность отбиваться у нас были. Да еще мы вновь обрели союзника в лице Видова, пусть, как показывает опыт, временного и очень ненадежного, но на тот момент такого нужного. Видову же тот процесс был интересен самим фактом ослабления «троицы», а вместе с ними и Лобова, так как в этом случае он устранял своих главных конкурентов на поле использования сложных ресурсов. Все мы прекрасно понимали, что как только процесс завершится, чем бы он не завершился, Видов тут же самоустраниться, но в тот момент у нас не было роскоши отказываться от его участия. Что на счет этого думал Шилов, мы опять же сказать не можем. Участие же Видова, а вместе с ним и всего научного сообщества, заключалось в проведении крупномасштабной оценочной и аналитической работы относительно деятельность «веселой троицы», главной целью которой было предоставить железобетонные предпосылки для проведения официальной проверки их деятельности за весь период. За эту задачу Видов принялся с характерным рвением и даже

жадностью, еще бы, такие перспективы перед ним открывались в случае успешности процесса.

Да и пес с ним, с Видовым и с его перспективами. Главное, что он сделал, так это дал почву для размышлений самим верхам, на предмет того, нужны ли им эти трое вечно куда-то влипающих «красавцев». Ведь если посмотреть по большому счету, от них к тому моменту было больше вреда, чем пользы, просто верхушка была занята своими вопросами, и особого внимания на их художества не обращала, а Шилов с Видовым заставили обратить внимание верхов на них. Кстати, поймал себя на мысли, может на это и был изначальный расчет Авдея Наумовича со всем этим процессом? Очень на него похоже. Как бы то ни было, верхушка включилась в тот процесс очень серьезно, думаю, что они даже сами того не заметили. В итоге, пришлось участвовать даже верховному. Об этом еще расскажем. Пока же, как я считаю, нужно обязательно упомянуть открытое обращение Авдея Наумовича к общественным организациям, по поводу этого процесса, особенно вот эту его часть: «

Шилов: Я прекрасно понимаю и осознаю, как ко мне относятся и воспринимают в среде общественных организаций, особенно после инцидента, связанного с программой развития малых территорий. Но согласитесь, что на тот момент это было вполне оправдано, особенно если учесть, что большая часть тех общественных организаций были, фактически, подразделениями крупных корпораций. И потом, по-

смотрите к чему это привело – степень независимости и реального представления общественных интересов с тех пор возросла многократно. Я не ставлю это себе в заслугу, ни в коем случае, я лишь хочу подчеркнуть, что существование общественных организаций возможно не только на корпоративные или государственные средства. В этой связи я убедительно прошу все действительно независимые общественные организации дистанцироваться от процесса, инициированного мной, в отношении трех конкретных персон, и стать своего рода альтернативным мнением, с целью вынесения своего вердикта по нему. И ваш вердикт будет не менее важен, чем вердикт официальный, так как будет являться наглядной оценкой их деятельности, а значит и деятельности всех структур с ними связанными. В конечном итоге я призываю и прошу вас обо одном – проявите самостоятельность.»

Вообще, к такого рода открытым обращениям прибегали только самые высокопоставленные лица, в других случаях они просто не работали, по понятным причинам. Но в случае с обращением Авдея Наумовича все сработало по той причине, что ну очень уж заметной личностью он стал, как он и не старался этого избежать. Что же касается эффекта от того обращения, то после него абсолютное большинство общественных организаций просто решило не вмешиваться в процесс и дожидаться окончательных его результатов, и уж потом реагировать, дабы не рисковать. Оставшееся же

меньшинство общественников действительно заняло наблюдательную позицию и активно комментировала и дала свои оценки ходу процесса. В общем, обращение Шилова вполне себе сработало, лучшего и нельзя было ожидать.

Да, вот только и эти трое воспользовались тем обращением в свою пользу, обвинив Авдея Наумовича в подстрекательстве к предвзятости. Понимаю, звучит коряво, и даже нормы такой нет, но дисциплинарной комиссии нужна была любая возможность для «спуска процесса на тормозах», вот они и воспользовались тем предлогом, чтобы приостановить процесс и типа разобраться не были ли нарушены процессуальные нормы. Очевидно было всем, что это было банальным затягиванием с целью поиска решения, причем решения максимально оптимального для верхов, но против этого уж точно ничего нельзя было поделать. Авдей Наумович же той паузой воспользовался в свойственной ему манере, продуктивно – создал на одной из северных территорий еще одну зону с возможностью использования чистого международного капитала. Та зона была предназначена для сохранения редких видов северных растений, и, что удивительно, именно это на ней и делалось. Правда пришлось «поделиться» этой зоной с Видовым, как я понимаю, для того, чтобы он продолжал оставаться союзником. Но главное в ее создании было не это, а то, что этой зоной для чистого международного капитала верхи уже обеспокоились, так как две – уже тенденция, и тенденция не в их интересах. А это озна-

чало то, что им пришлось отвлечь некоторые ресурсы и усилия от процесса над «троицей» для противодействия проникновению чистого международного капитала в нашу страну без их участия. Проще говоря, Шилов несколько ослабил верхушку, распылив их внимание и усилия. Да еще сделал это так, что они впопыхах возобновили процесс, чтобы, как я понимаю, быстрее его завершить и сосредоточиться на противодействии новой для них угрозе. И поспешили они настолько, что даже не сформировали окончательную официальную позицию по деятельности «веселой троицы», что на фоне оценок Шилова, Видова и независимых общественных организаций выглядело не просто слабо, а даже смешно.

Как бы то ни было, привело это к достаточно странному, лично для меня, результату. Во-первых, что касается «троицы», давление на верхушку Шилону и компании все же создать удалось, поэтому достижения по их делу получились довольно серьезными. Да, каждый из них остался на своей должности, и получил публичное предупреждение с испытательным сроком, но при этом они были выведены и сняты со всех сопутствующих позиций: в советах директоров, в профильных советах, и даже в госсовете они представляли себя не самостоятельно, а через профильных заместителей председателя правительства, ну и Лобова, конечно. Кстати, на счет Лобова, его тот процесс также затронул, в негативном плане. Не затронуть он его, как мы все прекрасно понимаем, не мог, в виду того, что «троица» и он – давняя тесная связка.

Так вот, его также вывели из всех ключевых советов, оставив лишь возможность «немного» участия в госсовте, ну и в парламентских советах, куда пустят. Главным же выигравшим, в очередной раз, оказался Видов, получив самое широкое поле деятельности для науки, да еще и существенно укрепив свое влияние на высшем государственном уровне. Что же касается Авдея Наумовича, то и ему были вынесены предписания за «несвоевременное реагирование», территория северного округа была уменьшена на треть, и подчиняться он стал старшему, точнее его к тому моменту «разжаловали» в просто министра, развития малых земель, то есть Пирову. Такая вот подлянка от верхов. Верхушка же добилась главного для себя в том процессе – недопущения наглядного, публичного копания во всем государственном устройстве и в том, что с ним связано. Пусть это и вышло криво-косо, но «раскрытия глаз» массам удалось избежать.

Что же касается нас, то и нас не миновали последствия тех разборок. Мы уже отмечали, что в ходе самого процесса на нас было оказано жесточайшее давление со стороны верхов, его мы худо-бедно выдержали, а вот последствия его завершения для нас троих были куда, как более печальными. Если коротко, то нас банально снимали со всех руководящих должностей, в том числе и по контролю за Шиловым. Мы, конечно же, остались участниками высших парламентских структур, и тех же органов контроля за северным округом, но исключительно на рядовых позициях. При-

чем это было охотно поддержано со стороны самих же наших «коллег» парламентариев, так они, почему-то, посчитали, что поддерживая Авдея Наумовича, мы ставим под удар перед верхами и их. Дебильный вывод, если честно, но тут уж, что есть, то есть. В общем, так вот мы и стали рядовыми парламентариями-законодателями, и остаемся таковыми по сей день. Надо признаться, что лично я только рада этому. Знаете, усталость, возраст, особенно сильно это ощущается на фоне беспрестанных попыток пробить глухую стену сверхамбициозного своекорыстия верхов. Вон и друзья-коллеги с этим соглашаются. Вообще, нынешнее наше положение что-то вроде активной, деятельной пенсии, с одной стороны мы больше не вовлечены до бескрайности во множество государственных процессов, с другой имеем некоторое влияние на то, что происходит в отношении граждан. Да и верхушку такое наше положение устраивает – мы и ни на что не претендуем, и под присмотром, и какая-никакая польза от нас есть.

У меня в связи с этим есть один неразрешенный вопрос, почему Авдей Наумович пошел на обострение с верхами в виде иска к «троице» именно тогда?

Спустя некоторое время, могу сказать, что я бы сегодня удивился если бы он этого не сделал. Просто-напросто все к этому располагало: и доказательная база, и уровень его узнаваемости, и заинтересованность Видова и многое другое. Но с моей точки зрения, главным фактором были позиции нас

троих – мы были, как никогда, максимально возможно выведены из под удара, да еще и обладали существенной самостоятельностью и сопротивляемостью ко всем возможным проявлениям верхов. По крайней мере, мне хочется думать, что именно это стало главным призывом к действию для Шилова. Ведь вряд ли он добился бы такого результата, если бы ему пришлось постоянно оглядываться на нас. Сам же он неоднократно говорил: «Я не сумасшедший, вопреки расхожему мнению, и не буду говорить, что мне нечего терять, это не так, просто я готов ко всем возможным сценариям, которые сам себе могу представить, вплоть до самых экстремальных. И чем меньше в них будет внешних факторов и переменных, тем больше я буду готов». Вот он и свел все к наиболее возможному минимуму факторов – он и все остальные.

Как я понимаю, ваше последнее общение с ним состоялось после завершения процесса? Не могли бы вспомнить его содержание?

Да, к нашему огромному сожалению, больше никто из нас с ним не контактировал. Да и сам тот разговор был весьма коротким: «

Шилов: Смею надеется, что вы прекрасно осознавали и принимали все риски, связанные с завершенным процессом, и вам не надо разьяснять, для чего он был необходим. Думаю, вам также понятно, что полученный результат это максимум, на что можно было рассчитывать в нынешних условиях, и вы обошлись минимальными потерями. Если как-то

могу, хоть немного компенсировать эти потери, то я готов, в меру сил и возможностей...

Я: Авдей Наумович, о каких компенсациях может идти речь? Наоборот, мы Вам очень благодарны, что Вы инициировали этот процесс. Если бы этого не сделали Вы, то через некоторое время это сделали бы мы, но с гораздо худшими результатами.

Матвей Сергеевич: Да и потерь-то никаких нет. Скорее наоборот, мы теперь имеем возможность перестроиться на спокойный, но деятельный образ жизни.

Елена Федоровна: Согласна, усталость от этих бесконечных противостояний накопилась приличная, пока необходимо передохнуть, а там видно будет.

Шилов: В таком случае, больше не мешаю. Успехов!»

После этих слов Авдей Наумович разорвал соединение, и мы так и не смогли понять что же он услышал.

Глава заключительная.

Судя по тому, что вы за все это время мне рассказали, смею предположить, что Авдей Наумович понял вас именно так, как вы того хотели.

Вот и нам остается только предполагать, особенно сейчас...

Извините, что перебиваю, на счет сейчас, можете поведать свою версию его исчезновения?

Мы втроем уже не раз это обсуждали. Если коротко, вы-

вод один – все, о чем мы тебе до этого рассказывали к этому и привело. Если же продолжить хронологию, то после нашего последнего с ним разговора наступило затишье по всем фронтам и направлениям: аппаратчики боялись, что последствия процесса над «веселой троицей» распространяться на них; верхи были заняты полным и окончательным нивелированием ситуации; выборные представители пытались придумать, как «по горячим следам» урвать себе какую-нибудь выгоду; общественники радовались, что не разразился очередной кризис; бизнес, как мне показалось, вообще ничего не заметил. И даже на мировом уровне все казалось неестественно тихим. Только Видов становился все более и более заметной фигурой. Настолько, что в конце концов он даже подчинил себе Лобова. Не буду подробно останавливаться на этом моменте, сколько таких подчинений-переподчинений было, есть и будет? Глобально, роли не играет.

Но про «троицу» не упомянуть нельзя. И примечательно здесь не то, что они остались на своих постах, но при этом были исключены отовсюду, а то, что все, кто считался «их людьми» очень быстро переметнулись к тем, кто теперь являлся выше рангом. Впрочем, также было и тогда, когда «троица» сваливала Лобова. Собственно, большинство из переметнувшихся, были до этого «людьми Лобова». Мы уже не раз отмечали и обсуждали, что такое поведение весьма характерно для подавляющего большинства аппаратчиков, поэтому я не буду ни давать оценку, ни применять какие-либо

эпитеты, я это упомянул лишь для того, чтобы мы еще раз осознали, какую роль и значение играет влияние. Лично мой вывод такой – во всем, что касается государственного сектора, не важно ведомство ли это, политическое движение или госкорпорация, первичным является влияние, так как именно оно позволяет трансформировать власть в капитал. Не то, чтобы мысль эта была новой, как раз наоборот, такое положение вещей старо, как мир, именно поэтому смешно слышать, когда говорят про современные подходы, принципы, да и в целом про «современный» государственный аппарат, его попросту не существует, так как в его основе по-прежнему лежит обретение влияния ради личной выгоды. И, как мне показалось, Авдей Наумович все это знал и понимал изначально, особенно в той части, что с этим вряд ли удастся что-то сделать или как-то изменить, но он делал все то, о чем мы рассказали для того, чтобы не произошло «атрофии» всего того, что не было интересно верхам. А это и ГОИ, и программа по территориям, и анти-заповедники и тому подобное. Ведь на противостоянии наука против власти далеко не уедешь, все равно остается очень много не задействованных сфер, а значит и людей...

Мить, извини, но не уместны эти философствования сейчас, пусть те, кто будет читать делают выводы сами. Предлагаю вернуться к заданному вопросу. Так вот, не только «троица» осталась при своих должностях, но без дополнительных «плюшек», тогда вообще началось большое движение, в ходе

которого номинальные, то есть «видимые», должности были у всех сохранены, а вот позиции, который видны только ограниченному кругу лиц, были изрядно пересмотрены. Проще говоря, верхи силами Управления провели очередную полномасштабную чистку в режиме «свой-чужой», в результате которой полетело очень много голов. Вообще, главным девизом той чистки был: «сокращаем круг принимающих решения до необходимого минимума». Правда каждому снятому они оставляли возможность вернуться обратно, если тот вновь докажет свою лояльность и полезность. Я помню, что о результатах процесса против «веселой троицы» мы высказались в стиле «вроде как, ничего и не произошло», а тут я рассказываю о серьезных чистках, но ничего не произошло по сути, то есть на государство это никак не повлияло, а вся эта кадровая чехарда – обычный технический момент. Причем, я уверен, что после какого-то коротко времени, большинство исключенных вернуться на свои позиции. И первым среди них будет Лобов, даже учитывая то, что сейчас он до мозга костей подчинен Видову, ведь есть такой отдельный вид человека – «высший госаппарчик», кем, безусловно, Лобов и является. Таких раз за разом выносит наверх, так как сами условия, сама среда верхов этому способствует.

Да Вадим, теперь тебя потянуло на философствования. Понимаю, опыт, мировоззрение, много свободного времени, но мы говорим об Авдее Наумовиче. И вот без чего нельзя обойтись, как я считаю, так это без упоминания боль-

шого международного визита в северный округ и проведения там международной конференции по космической экспансии. Вообще, сам факт проведения международного мероприятия на северных территориях, да еще и аккурат после завершения встрясок внутри государственного аппарата, был весьма неожиданным. Это все еще при том, что практически все международные мероприятия проводились удаленно, да что там международные, практически все парламентские заседания у нас в стране проводились по дистанционным каналам. А тут прибыла значительная международная делегация «во плоти», прибыл лично Видов, вся «троица», ну и мы втроем. И что характерно, встречающей стороной был не Шилов, а именно Видов, при «лакействе» Пирова, как министра. Для нас же было очевидно, что саму конференцию готовил именно Наумович, это было видно и по организации, и по повестке. Не скрою, главной целью нашего визита туда было личное общение с Авдеем Наумовичем, но увы, не вышло. Ему даже не предоставили отдельного времени для выступления, а только включили в состав экспертов, рядовых экспертов, даже не смотря на то, что он продолжал оставаться главой северного округа, пусть и формально. В общем, все походило на то, что верхи через Видова давали понять всему мировому сообществу, что Шилов, как фигура закончился. И очень было похоже на то, что это было одной из главных целей той конференции. Может мы гипертрофируем, может так оно и есть на самом деле, но факт в том, что

это было последнее упоминание Авдея Наумовича в официальных сводках.

На самой же конференции ничего такого уж заметного не произошло. И не удивительно, ведь Шилову выступить не дали. Пусть и в дежурном порядке, в качестве главы принимающего округа, это можно было сделать, но, видимо, верхи больше не хотели рисковать, и допускать какие бы то ни было резонансные заявления. Да и сам северный округ, как таковой, после того мероприятия перестал существовать. Его преобразовали в специальный регион международного сотрудничества, передали в ведение Видова, и теперь мы слышим о той территории только в контексте решения каких-нибудь «передовых» задач. На самом же деле, северный округ стал огромным полигоном по переработке отходов и концентрацией вредных производств, вот для чего это все и было все нужно. Авдей Наумович же, формально, попросил о добровольном сложении полномочий, конечно же, верхушка одобрила ее, и наша связь с Наумовичем оборвалась окончательно. Кстати да, последнее официальное упоминание Шилова было именно в сообщении о его отставке, которое было вполне себе дежурным: «Сегодня Главным секретариатом Генерального госсвета была принята добровольная отставка Авдея Наумовича Шилова с поста главы северного государственного округа. Округ преобразован...» Сами видите, подано это было так, как-будто выбыл какой-то заштатный исполнитель в рамках обычной текучки, это говорит о том,

что уже тогда начался процесс исключения упоминания Шилова в официальных источниках, именно поэтому так сложно найти информацию о его и нашей деятельности, когда мы работали на государство. По прошествии времени я даже с пониманием к этому отношусь, те формы, образы и способы действий, которые избрали для себя верхи, должны основываться именно на том, что «нет другой альтернативы», точнее любая альтернатива приведет к хаосу и разрушению созданного, поэтому любые точки зрения, любые подходы, противоречащие официальным так тщательно стираются из государственных хранилищ данных, а то, что полностью стереть не удастся, отмечается, как вредительство, и даже антигосударственная деятельность. Ничего сверхестественного в таком подходе нет, ему уже не одна сотня лет. По-настоящему обидно другое, что те, кто имел возможность сохранить всю полноту информации о деятельности Шилова, да и нас, например тот же Видов, этого не сделали. А ведь можно это было сделать хотя бы для истории.

Вадим, ну о чем ты говоришь? Зачем это Видову? Ты же прекрасно знаешь о высокомерии руководителей научного сообщества. Они, собственно, потому и руководители, что у них это высокомерие присутствует. Ну говорили же об этом неоднократно. Другой вопрос, что ничего и сохранять не надо было, так как нам, каким-то чудом, удалось сохранить огромное количество информации, точнее разработок и концептов Авдея Наумовича, надо лишь только набраться сме-

лости и выложить ее в открытый доступ. Но как же, это же, мягко говоря, не понравится верхушке, тут же политика. После всего этого, как можно не поддерживать Шилова в его презрении к политике и политикам? Но и поделаться с ней пока никто ничего не может, так как она является высшей формой самолюбования, а это, в свою очередь, заветное стремление очень большого количества людей, так скажем, часть их природы, их сути...

Что-то нас всех, при вопросе об исчезновении Авдея Наумовича, потянуло на философствования. И это не спроста, ведь опрометчивые, бессодержательные поступки вообще не про него. С другой стороны, выпасть из поля зрения всех и вся вполне привычное для него дело, но чтобы даже спецслужбы не могли его отследить, тут он превзошел сам себя. Вообще, как это обнаружилось, ведь по большому счету никому, кроме нас, до него и дело-то не было, да и мы, хорошо его зная, даже не пытались с ним связаться, так как если он сам этого не захочет, наши попытки связи останутся тщетными. Тем не менее, время от времени, мы ему отправляли содержательные сообщения и убеждались в их получении, хотя бы какая-то связь. Но как-то, чуть больше года назад, с каждым из нас связался Лобов и в свойственной ему манере полу ультиматумов, полу угроз попросил во чтобы то ни стало разыскать ему Шилова. Никто из нас не отреагировал, мы давно перестали быть восприимчивыми к этим замашкам Лобова, Видова, «троицы», так как понимали, что все они

настолько обленились, что даже все эти свои угрозы реализовывать не хотят. В любом случае, мы посчитали нужным сообщить Авдею Наумовичу по нашим каналам о том, что его обыскался Лобов. И тут мы обнаружили, что наши виарсообщения не проходят. Мы продолжили попытки связаться другими способами, вплоть до древнего способа связи – по оптоволокну, но ни один из них не дал результата. Тут мы забеспокоились. Мы в спешном порядке собрались и вылетели на его предприятие, которое, как мы уже говорили, каким-то чудом осталось в его собственности. Но, прилетев туда, мы обнаружили, что там уже рыщут спецсредства Управления, но никаких признаков присутствия Шилова не наблюдалось. Заметив же нас, спецсредства, вероятно, передали информацию, и с нами тут же связался нынешний заместитель главы Управления по специальным поручениям. У нас с ним состоялся весьма примечательный разговор, скорее даже допрос. И вопросы были соответствующие: «Когда последний раз мы контактировали?», «Какова цель визита на предприятие?», «О чем говорили при последнем разговоре?» и тому подобное.

А чего еще можно ожидать от спецслужбиста Управления? Суть не в этом, а в том, что из характера и логики вопросов мы поняли, что уже какое-то время Авдей Наумович выпал из их всеобъемлющего поля зрения. И мы знаем достоверно, что такое положение не входило в соглашение об отходе Шилова от государственных дел. Иными словами,

присмотр за ним был всегда, по другому и быть не могло, а тут никто его не может найти, разумеется наверху многие напряглись, помня о том, на что способен Наумович. Самое странное, с технической точки зрения, как для них, так и для нас, было то, что никто, даже спецы Видова, не могли отследить «жабу», на которой он, видимо, и отбыл куда-то. В контексте обнаружения, осложнялось все еще тем, что «жаба» могла находиться в режиме автономного полета до месяца, и никто не знал все ли военное оборудование, в том числе для «невидимости», с нее снято, ведь когда она попала в наше распоряжение, никто даже не поинтересовался о ее оснащении, просто поставили трекеры слежения и перехвата управления, и посчитали, что этого достаточно. Оказалось недостаточно. В общем, для отслеживания Шилова или «жабы» были задействованы даже так называемые «спутники просветки», то есть самые мощные поисковые орбитальные комплексы, и до сих пор никаких результатов.

И думается мне, что это не удивительно, так как вполне очевидно, что планировал этот поступок Авдей Наумович давно, и времени у него для этого было предостаточно. Единственное остается не понятным – он просто планировал свое исчезновение, или что-то за этим должно было последовать? Зная Шилова, если бы последовало, то последовало бы неминуемо, он был сторонником быстрых непрерывных действий, не то, что наши правители – тысячу раз отмерь и ничего больше, а то, что скоро уже мерить нечего будет,

так это всего лишь вопрос единиц измерения. В общем, прошел уже почти год, как он пропал, а никаких проявлений с его стороны так и не последовало, значит исчезновение – это ключевое. И вот, что странно, мы уже можем находить соломинку посреди океана, а достаточно внушительную машину или ее полетный след найти не можем. Причем именно не можем, а не кто-то это держит в тайне, так как если бы что-то было обнаружено, уже давно бы каждого из нас достали бы соответствующими допросами. Пока же другие «заинтересованные» в отыскании Авдея Наумовича мониторят нас предмет того, не выходил ли он с нами на связь. И если честно, я не понимаю, с чего это он вдруг должен с нами на связь выйти? Он никогда не был любителем пустого трепа или обсуждения своих личных планов. Как бы то ни было, мы, пожалуй, самые заинтересованные в отыскании Шилова именно с человеческой точки зрения.

А как же его сторонники среди предпринимателей, общественников, в научной среде?

Как Вам сказать? Когда-то они были, и были они, как это не банально, пока им было выгодно быть сторонниками Шилова. Причем, во многих случаях речь шла о прямой материальной выгоде. Как только они свою выгоду получали, большинство из них как-то резко смещало свои акценты на сохранение приобретенных выгод. Оставшаяся же часть заботилась только лишь от том, чтобы поиметь за счет Авдея Наумовича еще большую выгоду. Тут надо сказать, что ни мы,

ни, тем более, Шилов нисколько не держим ни на кого зла за это, так как это абсолютно нормальное, естественное поведение для людей, от которых, так скажем, есть польза от того, что они твои сторонники. Проще говоря, людей с возможностями. Собственно, они потому и люди с возможностями, что думают исключительно о своей личной выгоде. Но, мы на этом уже останавливались, так-что развивать не будем. Я лучше отмечу, что в принципе никто, кроме нас и Управления, исчезновением Шилова не озаботился даже формально, а мы этому нисколько не удивились. В причинах этого, также не хочется копаться, все вышесказанное с начала нашей беседы, в общем-то, об этом.

То есть вы считаете, что это своего рода приговор или диагноз нашему обществу?

Не-не-не, никто из нас, к счастью, не прокурор, не судья и не психиатр – никто из нас не может вынести вердикт, да и не к чему это. В контексте нашего повествования, существенно несколько другое, а именно то, каким нужно быть, чтобы являться настоящим созидателем. Чем больше будет созидателей, пусть даже в своих личных, корыстных целях, но не за счет паразитирования, а за счет преобразований в позитивную сторону, тем больше будет позитивных изменений в пользу большинства. Ведь для этого мы и собираем это описание деятельности Авдея Наумовича. Помните с чего мы начали? С того, что была базовая концепция «человек – микро-государство», которая, по сути, означает подход

– каждый сам по себе, свой собственный. С того, что были большие обособленные друг от друга группы, которые привели только к усилению массового пофигизма. Не скрою, что это все могло работать, и даже очень длительное время, но при условии, что межчеловеческое взаимодействие свелось бы к нулю. В принципе, когда нужна власть в лице кого бы то ни было? Вот отдельно мне она не нужна, отдельно тебе она не нужна, и каждому по отдельности она не нужна, но, как только мы начинаем контактировать друг с другом, сразу же нужна власть, хотя бы потому, что каждый из нас «великий». Видимо, в глобальном плане, к этому все и идет – к сведению межчеловеческих контактов к минимуму. А вообще, на момент начала нашего рассказа, наше государство представляло из себя всего лишь ресурсную базу для верхов, и ничего больше. И каков же главный итог деятельности Шилова? А главный итог в том, что после его работы наша страна стала гораздо более целостной, чем была до этого. Только вот, к сожалению, никто, кроме нас, этого не замечает и не отмечает.

Ну так Вы же сами сказали, что для этого мы и собираем эту историю.

Ну да, ну да, хорошо бы если бы она дошла до как можно большего количества людей. И не для того, чтобы получить какую-то массовую положительную реакцию, совсем нет – ни нам, ни, тем более, Авдею Наумовичу она не нужна, а для того, чтобы у людей появился осознанный выбор, осо-

знанное решение того, в каких условиях он хочет жить. А не так, чтобы аппарат и госкорпорации загоняли его в некое цифровое стойло, только для того, чтобы существенно облегчить себе выкачку тех самых ресурсов. Хотя, повернуть подобное верхи будут пытаться постоянно. Даже во время нашей активной деятельности, они это делали неоднократно, мы об этом рассказывали. В общем, задачу по созданию для себя максимально комфортных условий, путем сбрасывания с себя всех обеспечительных функций государства в отношении населения, Шилов верхам осложнил, как мог. Другой вопрос, повернул ли он этот процесс вспять? Лично я считаю, что вряд ли. Ведь не смотря на весь масштаб личности Авдея Наумовича, на все его возможности, и на его бывшие должности, он всего лишь мелкая точка на фоне перераздутого государственного аппарата, а эффект и сила толпы прекрасно работает даже в сфере государственного типа управления, и с этим мало что можно сделать. Да и сделать это может только столь же многочисленное организованное общество. Будем надеяться, что зерна для прорастания такого сообщества, Шилов заложил. Но, если честно, у меня большие сомнения по этому поводу.

Вадим, что-то в последнее время от тебя исходит постоянный поток пессимизма и негатива. Понимаю, поводов для позитива практически нет, но не настолько, чтобы ставить крест на всем нами сделанном. Вот Юрий яркий тому пример, ведь если бы не наша деятельность и усилия Наумовича,

разве появился бы публицист с таким мировоззрением и интересом к нашей деятельности? Очень вряд ли. Центры досуга по всей стране работают? Работают. Мелким предприятиям на территориях стало проще? Проще. Уровень культуры и образования вырос? Ну, по крайней мере, мы видим повышение содержательности творчества и науки. Понятно, что есть «фактор Лобова», «фактор троицы», «фактор Видова», но они были, есть и будут всегда. Что же теперь, все покрывать черным? Мне это занятие кажется не совсем уместным. Да, такой подход не лишен смысла, мы об этом не однократно говорили, и сам Шилов это отмечал, но это было в период нашей активной деятельности. Сейчас-то чего причитать? Давай лучше обратим внимание на то, что низовые объединения, причем не важно политические ли, деловые ли, и какие-либо еще другие, перестали организовываться по корпоративному принципу, так как люди подсознательно начали понимать, что корпоративный подход неминуемо приведет к доминированию какого-то конкретного человека или очень узкой группы лиц, а этого уже никто не хочет, по крайней мере на уровне самостоятельных объединений. Так-что, лично я считаю, что ничего не зря. Да и критериев зря или не зря не существует.

Твоя правда, Лен. Только вот тот самый потребительский подход и отношение со стороны подавляющего большинства выбить не удалось. Именно это больше всего раздражает и бесит. Сколько мы не пытались повернуть, пусть и на местах,

сознание людей с потребностей на надобности, сколько не пытались запустить, пусть и на отдельных предприятиях, ту самую экономику допроизводства, все бестолку. Видать, настолько эти потребительский подход и мышление за тысячелетия впились людям в мозг, что уже стали вполне себе естественным явлением. Но если это не поменять, люди так и продолжать заниматься ментальным каннибализмом, и никто не знает, к чему это приведет. Точно можно утверждать одно, ни к чему хорошему. Да, я понимаю, что сейчас завернул слишком глобально, философски и риторически, и вообще, во всем надо начинать с себя, но если не задаваться подобными вопросами и не размышлять в подобном ключе, то зачем тогда вообще мышление и сознание? Другой вопрос, что не надо, да и никому не позволено «отращивать безразмерные короны» и ходить цепляться ими так, что высекаются искры, после которых начинает полыхать. От того и в верхах постоянно все раскалено, что там-то размеры «корон» самомнения и собственной важности такие, что при соприкосновении появляются не искры, а целые молнии, и происходит это постоянно. Вот оно – высшее проявление потребительского подхода и отношения. Тут волей-неволей придешь к выводу, что выбивание всей этой заразы сильнее человеческих сил. Видать, у Авдея Наумовича их и не осталось, от того, наверное, и решил он податься куда-нибудь подальше, чтобы не видеть всего этого, раз уж изменить этого никак нельзя.

Я не скажу, что это невозможно. Только вот мне кажется, что Шилов был сильнее любых обстоятельств, по крайней он мог все, что угодно перенести без видимых потрясений лично для себя. Нам ли этого не знать. Другой вопрос, что мы фактически никак не контактировали с ним предыдущие три года, но что-то мне подсказывает, что его эта стойкость никуда не делась, несмотря на всю его появившуюся нервность и раздражительность. Хотя, опять же, негативное влияние окружающих условий... В общем, без понимания конкретных причин и следствий как-то сложновато строить даже предположения. Вот и думай потом, если нам сложно разобраться в каком-то определенном факте без конкретных данных, то как же действуют аппаратчики, которые вообще ни в чем не разбираются, и не задумываются над теми вопросами, на которыми задумываемся мы. Их главная задача – выполнять поручения, причем очень желательно со своей личной выгодой. А мы от них требуем какой-то основательности, дополнительной ответственности и прочих «глупостей». Могут ли они себе это позволить? Ответ простой – могут, но при соответствующем мировоззрении. Проблема в том, что при другом мировоззрении, или даже менталитете, аппаратчиками не становятся, сама эта среда тебя отторгнет. Возможно только действовать так, как действовали мы, а именно – обещать много, но ничего не прося взамен. Или придумать что-то другое, чего мы и Авдей Наумович придумать не смогли. Точнее, Шилов-то придумать мог, но узнаем

ли мы теперь об этом?

Да чего теперь распыляться по этому поводу? Что смогли сделать – сделали. Как мы это делали, только что рассказали Юрию, будем надеяться, что дойдет это все до наибольшего количества людей. Дальше уж пусть следующие после нас решают, как им быть, а еще точнее, какими им быть. Нам остается только хранить и защищать информацию о сделанном, как бы не повернулась ситуация с Авдеем Наумовичем. Да и кому, как не нам это делать? Вон, даже тот же Видов, старательно затирает не публичное участие Шилова в научном сообществе, а публичные выступления и публикации подвергает жесточайшей обструкции, даже не стараясь выстроить какую-либо логику и контекст. Просто потому, что этого сделать невозможно, вот и действует аппаратными методами. Хотя, а как ему еще действовать, если он сам уже давно стал высокоранговым аппаратчиком, целиком и полностью встроенным во все процессы верхушки? Вот уж действительно, среда, особенно такая агрессивная, как государственный аппарат, меняет под себя всех и вся. А если ей этого не удастся, то она всячески изводит тех, кто так и не поддался ее влиянию. Вы скажете, вполне себе природно? Может быть. Только вот в природе все процессы направлены на обновление, баланс и его поддержание, а там все процессы направлены на поддержание чувства постоянного перенасыщения, то есть банальной жадности. Тот же Лобов...

Что Лобов? Всегда я у вас поперек всего...

Евгений Генрихович, Вы как всегда, в своей излюбленной манере, встречаете с максимальной неожиданностью. Вообще, это приватный информпоток, даже соответствующим законом защищен...

Ага, смешно. Не уже ли вы думаете, что после ваших многочисленных «подвигов» у вас может быть что-то приватное. Ума что ли нет?

Как раз таки есть. Просто мы не ожидали такой бесцеремонности, даже Управление так не поступает...

Плевать мне на Управление. Я сам себе Управление. Ты что ли публицист? И чего они тут наговорили? Небось ныли, что все им всегда мешали, особенно я?

Да, я публицист, и инициатива этой встречи моя. А что эти многоуважаемые господа и дама рассказали, Вы узнаете после публикации...

Узнаю, не сомневайся, первым узнаю. Заранее готовься к последствиям. Но, я не за этим. Нашлась эта... Как вы ее там называете? «Жаба». Шилов же сильно хитроумный, он ее посадил рядом с лазерным многопоточковым ретранслятором так, что не отследить. В общем, заметили только с дронов, когда очередная инспекция была. И что характерно, ни его самого, ни даже его признаков не обнаружено, пока. Может расскажете, пока не поздно, что задумали? Ну или он задумал. А-то вы ведь знаете прекрасно, что вы на грани, чуть что, сразу же закроют. Новых шансов вам никто не даст, и так напортачили вы прилично...

Евгений Генрихович, Ваше вероломное и, прямо скажем, не совсем законное вступление в нашу беседу было необходимо только для того, чтобы сообщить нам, что Управление не нашло Авдея Наумовича, и слить на нас очередную порцию запугиваний?

Матвей, я смотрю ты сильно осмелел? Тебя опять надо отрезвить...

А, я смотрю Евгений Генрихович меня опередил. Значит диспозиция вам уже ясна. А это что за новое лицо?

Я, господин Видов, как раз таки инициатор встречи с этими тремя уважаемыми ближайшими коллегами господина Шилова. И эту встречу Вы и Евгений Генрихович чрезвычайно беспардонно прервали...

Ладно-ладно, не кипи, соизмеряй возможности и статус. Прорастил вас «оторванных свободных мыслителей» Шилов нам для головной боли, а сам слился, специалист. А цельто всей этой вашей сходимки какова – покрыть всем, чем только можно меня, Лобова вон, и всю вертикаль всякими непотребными эпитетами, смысла коих вы сами не знаете? Так для этого много ума не надо. Вы попробуйте что-нибудь существенное сотворить, в среде таких вот «свободомыслящих», «искателей справедливости», да и просто лентяев...

Нет, Геннадий Евсеевич, цель не в этом. А Вас послушать, так только Вы и являетесь двигателем созидания в нашей стране. Хватит уже, устали мы от этого.

Да в гробу я видал вашу оценку, какой бы она не была. Я

тут пытаюсь найти вашего ненаглядного Шлова, а вы мне за это хамите...

В том-то и дело, что мы-то как раз знаем ваши реальные мотивы. Что страшно, когда Авдей Наумович вне поля вашего внимания? Так и должно быть. Почувствуйте хоть раз себя в нашей шкуре, может на какие-то действия повлияет в лучшую сторону...

Короче, мы и так слишком долго были с вами любезными. Думаю, пришло время дать возможность Управлению поработать с вами как следует...

Евгений Генрихович, погоди, мне тут в оперативном режиме приходит информация, что найдены неопровержимые свидетельства того, что эти трое не в курсе деятельности Шилова за последние три года. И они точно не знают о том, куда он направлялся.

И откуда это известно?

А этот хитрец разработал технологию полной самоизоляции от цифровой среды, и активировал ее где-то с полгода назад. Но это не самое ключевое. Он сделал доступным всю информацию о своем присутствии в виртуальной среде за всю свою жизнь, да еще и с метками, которые железобетонно доказывают достоверность этих данных.

И на кой он это сделал?

Так вот для этого его самого надо найти, а этого, пока, не удалось...

Вот вам и наглядная демонстрация в разнице мышления

между такими, как вы, Евгений Генрихович и Геннадий Евсеевич, и нами – ваш первый вопрос «Зачем?», наш же первый вопрос «Как?», ответ на вопрос «Зачем?» нам известен изначально...

В таком случае посвятите нас в это сакральное знание, раз уж мы по своему «скудоумию» не можем ухватить всю суть этого поступка.

Ничего, как Вы выразились, «сакрального» в этом поступке нет. Он намеренно замкнул все на себя, прежде всего в виртуальной среде и среде ИИ, для того, чтобы никто не мог считаться его последователем и лицом с ним аффелированным. Проще говоря, во всем содеянном им он просит винить только его...

Да что вы несете? Какое содеянное? Кого винить? Если бы была такая задача, уже давно бы всех закрыли, и вы это прекрасно знаете, от того и наглесте. Короче, что-то завися тут с вами в пустых разговорах. Не хотите содействовать, ладно, пойдем другим путем...

Наконец-то, скрылся, со всем своим неоправданным высокомерием. Я вот, что, ребяташки, уже давно хочу вам сказать. Вы на меня зла не держите, это пустое и бессмысленное, Авдей это хорошо понимает. Я действовал и действую ровно теми методами, которые требуют от меня задачи. Тут выбор достаточно простой и однозначный – либо ты решаешь вопрос, либо оглядываешься на всех подряд...

Геннадий Евсеевич, вот уж точно пустое, никто на вас ни-

чего не держит, это бессмысленно, тут Вы правы. Но и принимать Ваши методы, способы и подходы мы не собираемся, в этом наш выбор – единственное, что у нас осталось, так-что занимайтесь своими вопросами. И в дальнейшем, чем меньше мы будем друг с другом пересекаться, тем лучше будет и нам, и Вам.

Ясно все с вами. Как знаете...

Ты ведь, Юра, «не имел чести» ранее общаться с этими господами? Вот тебе типичное поведение верхов аппарата и верхушки государства. А потом мы их собственными руками, умами и временем делаем, точнее уже сделали, принимающими окончательные решения. Потом еще удивляемся, как это так получается, что решения они принимают исключительно в свою пользу и в своих интересах. В общем, ну их, достаточно об этом.

Да-да, давайте вернемся к информации от Лобова и Видова. Что это может означать?

А ничего, или все, что угодно. Тот факт, что они обнаружили «жабу», совершенно не означает, что они смогут обнаружить Шилова. И вообще, это может прямо означать – «оставьте меня в покое, как это сделал я». Ведь действительно, убедившись, что он сделал максимальное возможное, Авдей Наумович мог просто самоизолироваться, как это было в случае с его производством, только на этот раз не оставляя вообще ничего, что позволит его достать.

Иными словами, вы не считаете, что это может быть тра-

гедия?

Юрий, по-моему мы достаточно отчетливо дали понять, что трагичность, комичность или лиричность вообще не про Авдея Наумовича – он человек вне всяких жанров, клише и шаблоном. Именно поэтому он так и не был никем принят, ни верхушкой, ни народом, ни бизнесом, ни наукой, вообще никем. Мы же втроем являемся исключением в виду того, что приняли его реальность и действительность. А эта реальность и действительность, в свою очередь, очень неудобна, и даже болезненна, для девяносто девяти и девяти десятых процентов людей, так как предполагает наивысшую степень самостоятельности, самодостаточности и самосознания. Заметьте, как много слова «сам», и самое сложное в этом «сам», чтобы оно не противоречило другому «сам». Если, конечно, оно не ведет к чему-то фатальному, в этом случае, разумеется, такое «сам» надо уничтожать, точное уничтожать возможность для реализации этого «сам». Собственно, этим Шилов и занимался. Только он не учел одного – количество этих самых «фатальных сам» настолько велико, что для противодействия им должно существовать хоть какое-то заметное количество «созидательных сам». А откуда им взяться?

Будем надеяться, что после публикации этого материала количество созидателей вырастет.

Будем надеяться, что после публикации всего нами сказанного, верхи окончательно не уничтожат те слабенькие со-

зидательные основы, которые успели заложить мы во главе с Авдеем Наумвичем.

Не уже ли общество настолько бессильно, что не сможет этому противостоять?

Наоборот, общество настолько сильно, что оно воспитывает, формирует и выносит своими же силами наверх именно тех, кто потом и сводит все реальное созидание к минимуму...